

Краснодарский университет МВД России

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Материалы
Международной научно-практической конференции
(20 сентября 2019 г.)

Том I

Краснодар
2019

УДК 343
ББК 67.408
У26

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

А. Л. Осипенко, доктор юридических наук, профессор (председатель);
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук, профессор
(заместитель председателя);
В. С. Соловьев, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);
П. В. Максимов, кандидат юридических наук;
И. А. Паршина, кандидат юридических наук, доцент;
А. З. Хун, кандидат юридических наук, доцент

**Уголовная политика и культура противодействия
У26 преступности** : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20 сент.
2019 г. : в 2 т. / редкол.: А. Л. Осипенко, К. В. Вишневецкий,
В. С. Соловьев и др. – Краснодар : Краснодарский университет
МВД России, 2019. – Т. I. – 368 с.

ISBN 978-5-9266-1604-7 (т. I)
ISBN 978-5-9266-1555-2

Содержатся материалы Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 20 сентября 2019 г.

Для профессорско-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, курсантов, слушателей, студентов образовательных организаций и сотрудников правоохранительных органов.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-9266-1604-7 (т. I)
ISBN 978-5-9266-1555-2

© Краснодарский университет
МВД России, 2019

Андреев Владимир Леонидович,
кандидат юридических наук,
начальник Главного управления МВД России
по Краснодарскому краю

Состояние преступности в Краснодарском крае и меры по ее предупреждению

Анализ криминальной ситуации в Краснодарском крае предполагает учет ряда криминологически значимых характеристик, выделяющих его среди других регионов Российской Федерации. К их числу относятся: политико-географическое положение (наличие государственной границы с Республикой Абхазия, 9 морских портов), большая территория (76 тыс. кв. км), значительная численность постоянно проживающего населения (5,6 млн), многонациональный состав, высокая интенсивность миграционных и транзитных процессов, а также курортный статус отдельных территорий (в 2019 году край посетило более 13 млн отдыхающих). Консолидированный бюджет Краснодарского края в 2019 году составил 229,6 млрд рублей, при этом расходы запланированы в размере 229,3 млрд рублей (профицит составляет 261,4 млн рублей).

Существенное влияние на криминогенную обстановку оказывает проведение на территории края значительного количества общественно-политических, спортивных и культурно-массовых мероприятий, в том числе наиболее значимых для нашей страны, таких как Олимпийские зимние игры, международный саммит «Россия-АСЕАН», Всемирные военные игры, Кубок конфедераций и чемпионат мира по футболу FIFA 2018 года, а также ежегодные соревнования Гран-при России «Формула-1». Указанные массовые мероприятия потребовали от правоохранительных органов привлечения значительных ресурсов и вывода сил и средств из мест постоянной дислокации.

Дополнительные криминогенные угрозы в определенной части создают непрозрачный характер трудовой миграции с высокой долей ее латентной составляющей, а также рост притока туристов как в Краснодарский край, так и в Республику Крым.

В 2018 году в крае зарегистрировано более 68 тысяч преступлений (68120). Анализ состояния преступности за долгосрочный период показывает, что основной пик ее активности был в 2015 году, когда количество преступлений превысило 75 тысяч (75047). После 2016 года, в том числе в связи с декриминализацией ряда составов УК РФ, отмечается снижение количества преступных посягательств до уровня 2014 года (68959).

Несмотря на столь высокое количество совершенных преступлений в крае, уровень преступности по итогам 2018 года составил 1215 на 100 тысяч

населения, что ниже среднероссийского (1355) и окружного по ЮФО (1270).

При росте в 2014-2016 годах число преступлений против личности в 2017 и 2018 годах начало снижаться. Среди них большинство – это деяния, посягающие на жизнь и здоровье, количество которых сократилось за пять лет более чем на тысячу (с 6737 в 2014 году до 5340 в 2018 году). Отчасти такое положение дел связано с усилением профилактических мер в отношении лиц, ведущих маргинальный образ жизни.

В структуре преступлений против жизни и здоровья преобладают деяния, связанные с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Несмотря на то, что их доля снизилась до 32,5% в 2018 году, они по-прежнему остаются основным структурным элементом данного вида преступности на территории края¹. Полагаем, что выявление и документирование этих деяний имеет значительный превентивный потенциал.

Оценивая ситуацию с имущественными посягательствами, можно констатировать, что они являются доминирующими по количественному показателю в структуре всей преступности. Динамика этих противоправных деяний определяет основные тенденции и проблемы преступности в целом. Их доля составляет более 60% от общего количества преступлений.

Кражи чужого имущества, как наиболее распространенный вид уголовно-наказуемого деяния в структуре всей преступности края, в 2016 и 2017 годах имели тенденцию снижения. Это связано в основном с частичной декриминализацией данного состава. Вместе с тем уже в 2018 году отмечен их рост, что объясняется интенсивным экономическим развитием региона (известно, что посягательств на собственность в городах, особенно крупных, совершается больше). По этой же причине наблюдаются более интенсивные миграционные процессы. Совокупность этих факторов имеет криминогенную составляющую. Различные сферы экономического развития являются привлекательными для криминально настроенных лиц, в том числе совершающих имущественные преступления.

На протяжении пяти лет число регистрируемых фактов мошенничества в крае постоянно возрастает (2014 год – 8060, 2015 год – 8252, 2016 год – 9668, 2017 год – 9818, 2018 год – 10846). В качестве основных факторов, объясняющих такое положение дел, следует выделить, наряду с другими, экономические детерминанты регионального характера, факторы научно-технологического прогресса, своевременно не просчитанные риски. Об этом свидетельствует рост мошеннических действий с использованием сети Интернет, средств мобильной связи, кредитных карт практически в два раза (с 2014 по 2018 год). Их доля составляет около половины всех мошенничеств.

¹ Преступность в Краснодарском крае: состояние и прогноз / К.В. Вишневецкий, Н.Ш. Козаев, А.А. Аведян и др.; под ред. А.В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. С. 99.

Нельзя не учитывать, что мошенничество – это преступление с особым характером латентности, имеющее выраженную виктимологическую составляющую.

Одним из факторов, стимулирующим экономическую преступность в Краснодарском крае, в частности, являются высокие издержки легальной предпринимательской деятельности, обусловленные низкой конкурентоспособностью законопослушного ведения бизнеса в сравнении с нелегальным. Следует отметить и такой фактор, как ориентация государственной политики в сфере обеспечения свободы и безопасности экономической деятельности на карательную практику с опорой на правоохранительные органы в ущерб эффективному регулированию экономических отношений и налоговому администрированию.

На протяжении пяти лет количество экономических преступлений составляет в среднем 3,6 тысячи (2014 год – 3436, 2015 год – 3614, 2016 год – 3886, 2017 год – 3623, 2018 год – 3624).

Отдельного внимания требуют факты фальшивомонетничества, представляющие угрозу экономической безопасности государства, наносящие колоссальный ущерб не только государству, но и обществу, гражданину. Несмотря на снижение с 2016 года количества таких преступлений, оно велико и ежегодно составляет около 700 фактов (2014 год – 626, 2015 год – 868, 2016 год – 777, 2017 год – 695, 2018 год – 689). Преступников привлекает наш регион легкостью сбыта поддельных денежных знаков с учетом многочисленности населения и туристов в курортные сезоны, развитой торгово-развлекательной инфраструктуры.

Одним из главных индикаторов укрепления законности и правопорядка, усиления борьбы с правонарушениями является ситуация, которая складывается на улицах городов и населенных пунктов края. Именно по ней в основном население оценивает эффективность работы органов внутренних дел по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

Несмотря на миграционные потоки, а также значительное число граждан, прибывающих в регион в период курортных сезонов, уровень преступлений, совершенных в общественных местах, в том числе на улицах, остается стабильным и варьируется от 22 до 25 тысяч преступных деяний (2014 год – 22651, 2015 год – 25402, 2016 год – 22497, 2017 год – 21516, 2018 год – 21986).

В целях предупреждения правонарушений на территории края активно развивается правоохранительный сегмент АПК «Безопасный город» на базе единых дежурно-диспетчерских служб в 35 муниципальных образованиях. Используется практически шесть тысяч камер видеонаблюдения (5831, в том числе 640 – поворотных, 5191 – стационарных) и 59 терминалов экстренной связи «гражданин – полиция». Несмотря на, казалось бы, незначительное количество выявленных с их использованием противоправных

деяний (50), мы констатируем снижение правонарушений в местах их установки.

Существенным подспорьем в профилактической деятельности полиции, с учетом сокращения ее численности, является участие в ней представителей казачества. В крае действуют 363 народные дружины численностью свыше 14 тысяч человек (14502). Совместно с казаками-дружинниками раскрыто 429 преступлений, пресечено около 60 тысяч (59914) административных правонарушений. На фоне активного участия казачества в охране общественного порядка и усиления патриотического воспитания молодежи степень участия иных представителей общественности в решении правоохранительных проблем, по мнению экспертов, остается достаточно низкой¹.

Наркотизация общества, появление новых видов наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов актуализируют вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков. Значительное влияние на наркопотребление оказывают проблемы дезорганизации досуга подростков и молодежи, доступность наркотиков, недостаточно эффективная профилактика наркомании. К специфическим для края факторам относятся наличие природных очагов произрастания наркотикосодержащих растений, наличие крупных транспортных узлов, миграционная и курортная привлекательность региона.

Количество выявляемых органами внутренних дел на территории края наркопреступлений на протяжении пяти лет относительно стабильно и составляет 6-7 тысяч. При этом, в 2016 году в период перехода органов наркоконтроля в МВД России, удалось удержать эффективность противостояния этим преступлениям на стабильном уровне.

Успешное противодействие наркопреступности прямо зависит от тесного взаимодействия полиции Кубани с правоохранительными органами других регионов, оперативного обмена информацией и опытом работы. Решение многих проблем возможно в плоскости повышения эффективности оперативной работы по пресечению наркотрафика.

Своевременное противодействие преступности несовершеннолетних в будущем может положительно сказаться на состоянии и степени общественной опасности взрослой преступности, поскольку, согласно статистике, более половины рецидивистов начинали преступный путь в несовершеннолетнем возрасте². На протяжении пяти лет наблюдается снижение количества преступлений, совершенных данной категорией лиц (-6,7% – 2014 год, -3,9% – 2015 год, – 3,2% – 2016 год, – 14,7% – 2017 год, – 7,7% – 2018

¹ Грибанов Е.В. Проблемы развития региональной культуры противодействия преступности (на примере Краснодарского края) // Общество и право. 2019. № 1 (67). С. 45-46.

² Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Ювенальная криминология: учебник. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 215.

год). Отчасти это связано с должным взаимодействием всех органов и организаций, осуществляющих предупреждение преступлений среди несовершеннолетних. Однако не стоит забывать и о высокой степени латентности данного вида преступности.

Безусловно эффективное воздействие на преступность, как в целом, так и на ее отдельные виды, невозможно без решения отдельных проблем реализации уголовной политики в конкретных и эффективных законах, что неоднократно было отмечено на различных научно-практических мероприятиях, посвященных развитию уголовного законодательства.

Следует отметить, что после принятия в 1996 году Уголовного кодекса за 22 года его применения 236 федеральных законов внесли в него свыше двух тысяч изменений и дополнений.

Законотворческая деятельность в области уголовного законодательства ведется активно, и это безусловно необходимо с учетом интенсивного развития правоотношений в обществе, выявления новых угрожающих факторов. Однако значительное количество корректировок не всегда сопровождается качеством этих изменений. Показателем эффективности уголовного закона считается его относительная стабильность.

Приведем несколько примеров:

1. Решение законодателя по норме о клевете (ст. 129 и 298 УК РФ). Указанные статьи были исключены из УК РФ в конце 2011 года (от 07.12.2011 № 420-ФЗ), а через семь месяцев вновь появились, но уже под новой нумерацией – ст. 128.1 и 298¹ УК РФ, причем исключительно нового и принципиального в статьях не появилось.

2. Дискуссионным остается вопрос о дополнении Уголовного закона принципом неотвратимости ответственности, который не нашел законодательного закрепления в действующем УК РФ¹. В модельном Уголовном Кодексе (в рекомендательном законодательном акте), принятом в 1996 году Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, такой принцип закреплен. Полагаем, что он необходим и логичен для Уголовного закона России.

3. Назревает необходимость законодательного определения понятия «мелкое преступление»². В Уголовном кодексе присутствуют ст. 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 204.2 «Мелкий коммерческий подкуп» и ст. 291.2 «Мелкое взяточничество», однако отсутствует разъяснение, что понимается под термином «мелкое преступление».

¹ Сабитов Т.Р. О принципе неотвратимости ответственности в российском уголовном законодательстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11 (62). С. 63-65.

² Юрченко И.А. Мелкое преступление: новеллы российского уголовного законодательства и вопросы его совершенствования // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 1. С. 61.

4. Вызывает неоднозначную оценку изменение нормы законодательства об обстоятельствах, отягчающих наказание. Речь идет о введенном Федеральным законом Российской Федерации от 22.07.2010 №155-ФЗ п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ – «совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел». Нельзя оспаривать тот факт, что совершение преступления сотрудником системы МВД действительно имеет более высокую общественную опасность в сравнении с общим субъектом. При этом критикуемое изменение противоречит принципу равенства перед законом, ведь наказуемость сотрудников других правоохранительных органов устанавливается без учета персонального места службы в конкретном правоохранительном ведомстве.

5. Часть вторая ст. 88 УК РФ содержит положение, в определенной степени противоречащее принципу личной ответственности за совершенное преступление. Речь идет о штрафе. Статьей установлено, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному по решению суда, может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. В данном случае вряд ли возможно достижение цели наказания.

Приведенные примеры – это лишь малая часть дискуссионных положений Закона, которые волнуют правоприменителей.

Новации в уголовное законодательство должны вноситься аккуратно, с учетом мнения правоприменителей. При их введении необходимо просчитывать все возможные риски, их последующее влияние на состояние преступности для исключения «ошибочного правотворчества».

Бабаев Михаил Матвеевич,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия;
Пудовочкин Юрий Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник –
руководитель уголовно-правового направления
Центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия

Уголовная политика России: кризис или становление новой модели

Российская уголовная политика может «похвалиться» своей очень давней историей, если иметь в виду, что во многих отношениях она, к сожалению, сохранила себя в качестве наследницы уголовной политики советского периода, не свободной от «родимых пятен» прошлого.

Не счесть копий, которые были сломаны учеными в дискуссиях, сопровождающих процессе ее становления и развития уже в XXI веке. Ломка копий продолжается, но единство среди большинства писавших и пишущих на тему российской уголовной политики достигнуто только по поводу того, что последняя находится в глубоком, затяжном, системном кризисе.

По мнению ученых, иллюстрацией и одновременно доказательством этого служит, прежде всего, положение дел в ключевой сфере уголовной политики – законотворчестве. В значительной мере оно превратилось в ситуационную суесту в попытках «догнать» непрерывно возникающие тут и там проблемы, в шараханье из одной крайности в другую, от неадекватной суровости до неумного псевдогуманизма (впрочем, все, что «псевдо» и не может быть умным, по определению). Этой мысли вторит М.Д. Давитадзе: «Довольно часто внесенные изменения и запреты, установленные в УК РФ, не способны решить существующие проблемы в социальной, экономической или политической сферах, так как применение карательных мер не всегда означает решение проблем или устранение причин и условий совершения преступлений. В отдельных случаях новые изменения в УК РФ, напротив, усугубляют существующие проблемы»¹.

Пожалуй, в качестве наиболее суровой и максималистской оценки, развивающей идею кризиса и возводящую ее в абсолют, можно привести суждение о том, что в современной России вовсе отсутствует реальная уголовная политика², либо более сдержанное суждение о том, что в России «отсутствует реалистическая, научно обоснованная уголовная политика в виде концепции, стратегии, программы»³.

Если суммировать содержащиеся в литературе подобные высказывания, мы получим достаточно полное и конкретное (не лишенное, впрочем, некоторой односторонности, но об этом потом) представление о комплексе пороков, которые в полной мере присущи современной российской уголовной политике.

Не подвергая критике многого из того, что было написано о кризисе российской уголовной политики нашими коллегами и, прежде всего, о фактическом его обосновании, и не отказываясь от того, что было опубликовано с тех же позиций авторами настоящей работы, постараемся, тем не менее, представить иной взгляд на проблему, предполагающий оценку основных параметров уголовной политики не с позиций того, чего в ней нет или чего

¹ Давитадзе М.Д. Современные проблемы уголовной политики // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 123 – 127.

² См., например: Дорошков В.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика сегодня реально отсутствуют. URL: <https://www.livelawyer.ru/ugolovnaja-i-ugolovno-processualnaja-politika-segodnja-realno-otsutstvujut/> (дата обращения: 24.05.2019).

³ Гишинский Я.И. Уголовная политика в эпоху постмодерна: to be or not to be // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей. СПб: Петрополис, 2015. С. 53 – 59.

ей не хватает, а с той зрения того, что в ней имеется и что весьма активно, с большим или меньшим успехом, реализуется.

Тезис, который мы намерены обосновать в настоящей работе и предложить в качестве предмета для дискуссии и одновременно как основную гипотезу настоящего исследования, состоит в следующем: **с начала XXI века начала складываться и почти за два десятилетия сложилась новая модель реальной российской уголовной политики со всеми присущими феномену такого рода специфическими характеристиками. Именно так, а не как кризис уголовной политики следует оценивать уголовно-политические процессы современной России.**

Негативные явления, которые в уголовно-правовой доктрине рассматривались как различного рода дефекты уголовной политики, ошибочные отступления от общепризнанных ее принципов, на самом деле были и остаются осознанной, политически мотивированной практикой, отражающей зарождение и становление новой уголовной идеологии и основанной на ней уголовной политики. Здесь и далее для удобства изложения мы будем эту новую модель называть **«современная уголовная политика»** или **«уголовная политика XXI-го века»**.

Приступая к содержательной части исследования, в качестве предварительного замечания поясним, *почему авторы считают принципиально важным изменить научную оценку процессов, происходящих в российской уголовной политике.*

Изначальная суть дела в том, что речь идет о двух самостоятельных феноменах. Конечно, они связаны между собой, поскольку кризис – это «болезнь» уголовной политики. Но болезнь организма и сам организм – категории не идентичные. Коль скоро так, то к каждому из них нужен индивидуальный подход, адекватная их специфике стратегия и тактика, методы и средства решения их «личных» проблем. В подтверждение скажем хотя бы об одном, прикладном, смысле ситуации.

Общеизвестно, что критический анализ уголовно-политических реалий и его итоги обладают реальной ценностью лишь в той мере, в какой они помогают избавиться от накопившегося багажа ошибок, просчетов и прочих пороков уголовной политики. Однако, разумеется, чтобы такой анализ достиг цели и увенчался убедительными, практически значимыми выводами, надо, как минимум, ясно понимать, что именно представляет собой объект, который мы анализируем и хотим усовершенствовать.

Если, скажем, речь идет о том, что механизмы, призванные обеспечивать правовой порядок и режим законности в стране, механизмы противодействия преступлениям и наказания преступников не способны эффективно выполнять свои функции, значит, нужно либо «ремонтировать» дефектные блоки механизма, т.е. исправлять конкретные недостатки (кризисные явления в уголовной политике), либо менять весь механизм (строить

новую уголовную политику, основанную на иных концептуальных принципах и практиках). Но чтобы принять решение на этот счет, определить, с какими рекомендациями входить во властные структуры, надо обоснованно понять природу объекта воздействия, идентифицировать его с максимальной точностью. «Смещенный прицел» – один из наиболее «продуктивных» источников ошибок, лишаящих творческие усилия ученых необходимой и желательной результативности.

Так, в пылу критики кризиса уголовной политики наука рискует проглядеть и недооценить основные характеристики складывающейся новой модели, которые собственно должны вызывать и вызывают негативные оценки. Яркое доказательство – оценка репрессивности реализуемого в стране уголовно-политического курса. Репрессивность – не есть результат кризиса либеральной уголовной политики. Это, по нашему представлению, характерная черта политики новой. Что в данном случае дает такая смена ракурса в оценке?

Дело в том, что взгляд на репрессивность как итог кризиса предполагает, что она будет сама собой элиминирована по мере того, как политика вернется к лекалам демократического образца. Взгляд же на репрессивность как сознательно формируемую черту нового курса позволяет оценить ее не как последствие, а как действие, которому надо оказывать, соответственно, всяческое противодействие, предпринимать конкретные усилия по преодолению самой репрессивности.

И так со всеми конкретными характеристиками современного уголовно-политического курса. Они не есть итог кризиса прошлого. Каждая из них – часть сознательно формируемого настоящего и будущего. Если современные характеристики уголовной политики оцениваются специалистами как негативные, то это от того, что исходные позиции в оценке содержания этой политики у специалистов и самих политиков различные. Наука, как представляется, смотрит на политику с позиций прошлого, того крайне недолгого и полного либеральных надежд периода, который завершился принятием УК РФ 1996 года, тогда как политики смотрят на уголовный закон как на инструмент формирования удобного для них будущего, имея, правда, не всегда ясные представления о самом этом будущем.

Именно такого рода соображения побудили нас вступить в дискуссию со сторонниками «теории кризиса» (и, получается, с нами самими). К тому же к концу первого десятилетия нового века сформировались объективные предпосылки, позволившие поставить на обсуждение научной общественности вопрос о переоценке происходящих в стране уголовно-политических процессов. Скажем о наиболее существенных из них.

Первое. В рамках совершенно нормальной политики могут быть отдельные сбои, ошибки, просчеты в законодательной и правоприменительной практике, намеренные или невольные отклонения от требований, за-

ключенных в формулах принципов уголовной политики, неизбежны. Не существует таких уголовно-политических систем, которые могли бы выстраивать свою законотворческую и правоприменительную практику без огрехов, в полном соответствии с этими провозглашаемыми общепринятыми принципами.

В то же время нет таких постулатов уголовной политики, которые, в силу различных причин, могли бы быть выполнены (соблюдены) в правоприменительной практике с исчерпывающей полнотой. Не стоит далеко ходить за примерами: принцип неотвратимости ответственности опровергается значительным массивом латентной преступности, принцип законности в значительном числе случаев корректируется соображениями целесообразности, идеи международного сотрудничества в борьбе с преступностью блокируются политическим эгоизмом, гуманизм зачастую разбивается о репрессивный настрой общественного мнения, светский характер уголовной политики корректируется соображениями клерикализма и т.д.

Видимо, стоит признать, что большинство из основополагающих уголовно-политических идей, если не все, принципиально невыполнимы. Ибо они есть *принципы-идеалы, принципы-цели*. Такова их природа и сущность, в отличие от других конкретных руководящих правил, ставших нормами права и потому подлежащих неуклонному и «полномерному» исполнению. Что же касается принципов, то они остаются идеалами и целями, к достижению которых следует стремиться, не обманывая себя надеждами на абсолютный результат.

Можно сказать и иначе: принципы – это формула *должного*, а реальная практика есть *сущее*. Дистанция между ними неизбежна, а ее сокращение либо увеличение зависит от множества причин, анализ которых (впрочем, даже простое перечисление) представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу.

Таким образом, на каждом этапе развития системы законодательства и правоприменения достижима лишь *относительно полная* реализация уголовно-политических требований. Позитивная перспектива связана с постепенным движением вперед к такому этапу, на котором соответствующие положения будут выполняться с *приемлемым (достижимым)* уровнем полноты (если к тому будет воля акторов уголовной политики).

Второе. Оценка состояния политики как кризисного предполагает, во-первых, наличие представлений об идеальной конструкции такой политики и четкое понимание необходимых результатов ее воплощения на практике, а во-вторых, сравнение текущего состояния (неких маркеров или показателей, его характеризующих) с этим «идеалом». Между тем, уверены, мало кто (но скорее – вообще никто) не знает, какой должна быть идеальная уголовная политика в современном российском обществе, учитывая как протекающие непосредственно в нем процессы (начиная от формирования циф-

ровой экономики и заканчивая патриотическим воспитанием), так и специфику положения страны на международной арене. Вывод прост: мы должны быть, во-первых, предельно аккуратны и, во-вторых, предельно объективны в своих суждениях о состоянии нашего уголовно-политического «хозяйства».

Представляется, полезными были бы определенные коррективы в однозначно и безоговорочно негативные оценки российской уголовной политики в целом. Стоит, видимо, подумать, насколько безупречны представленные в литературе такие же жесткие оценки кризиса, в котором она находится (глубочайший, системный, тотальный и т.п.), и насколько они взвешены. Например, практически ни в одной из публикаций невозможно встретить тезис о том, что кризис не есть тотальная «разруха», исключая, скажем, появление полезных, эффективных законов. Между тем, такой тезис был бы вполне справедлив. Нельзя же, в самом деле, считать, что Закон № 313-ФЗ от 25.11.2013 г., установивший возможность возложения на осужденного, больного наркоманией, обязанности пройти курс лечения и реабилитации, или Закон № 16-ФЗ от 21.02.2010 г., распространивший правила об отсрочке наказания на мужчин, имеющих детей, или Закон № 14-ФЗ от 29.02.2012 г., усиливший правила об ответственности за сексуальные преступления против детей, являются выражением «тотального» кризиса. Можно привести и иные законодательные решения, которые не укладываются общую оценку уголовной политики как разрушительной и деградирующей.

Уже один только факт их наличия, даже без оценки изменений на уровне правоприменительной практики, ставит остро актуальную задачу – с позиций сегодняшнего знания дать ответ на вопрос о том, верно ли все происходившее и происходящее в сфере уголовной политики обозначать термином «кризис». Или здесь более уместно понятие из другого ряда?

Сказанное выше ни в коем случае нельзя рассматривать как попытку обелить ситуацию, сложившуюся в российской уголовной политике. Подтверждаем еще раз справедливость содержащейся в литературе острой критики законодательной и правоприменительной практики. Но ситуация состояла и состоит не только из негатива, и это важно подчеркнуть.

По нашему мнению, те явления, которые специалисты оценивают как признаки или даже причины кризиса уголовной политики, на самом деле являются своего рода *инструментами и/или условиями реализации новой модели уголовной политики*. Обратимся к примерам:

- Официально закрепленная в форме закона или подзаконного акта концепция уголовной политики могла бы стать публично объявленным, общеобязательным и внятным ориентиром для законодательной и правоприменительной практики, способствовать ее единству, обеспечить координа-

цию и целенаправленное объединение усилий всех субъектов уголовной политики в целях повышения эффективности борьбы с преступностью и быть полезной во многих других отношениях.

Целесообразность принятия такого документа очевидна и многократно публично подтверждена. Почему же он не принят? Не потому ли что он должен выполнять еще и присущую подобной концепции ограничительную (охранительную) функцию: быть барьером, сдерживающим своеволие и произвол в сфере уголовного законотворчества и правоприменения, защитой от всякого рода попыток исказить закрепленные концепцией принципы или вовсе их игнорировать.

Отсутствие концепции как официального документа, имеющего силу закона, – это своего рода средство, обеспечивающее свободу манипулирования уголовной политикой.

- Уголовный кодекс, лишен системности и внутренне противоречив настолько, что его, как говорится, уже нельзя испортить никакими коррективами или новыми нормами. Ситуация перманентно используется как открытые двери для волюнтаристской практики насыщения и перенасыщения «терпеливого» кодекса разного рода новациями и уголовными запретами.

- В последнее время принят ряд законодательных актов, предоставляющих правоохранительным органам безнаказанную возможность от имени государства применять репрессивные меры подавления публичной социальной активности граждан и «нейтрализации» политических оппонентов власти (примеры здесь у всех на слуху – от ответственности за критику власти до расширения полномочий Росгвардии). Это *квазизаконные нормы*, вызвавшие общественное возмущение. Но они продолжают существовать как удобный инструмент целевого назначения в руках государства.

Предвидим обращенный к нам вопрос с критическим оттенком: почему нельзя признать, что эти «инструменты» в действительности и есть признаки (доказательства) кризиса современной (новой) уголовной политики?

Лапидарный ответ: кризисом нельзя считать ситуации, вызванные целенаправленными действиями и позицией власти, в значительной степени успешно решающими поставленные ею задачи. Но мы не ограничимся этой краткой формулой. Вопрос требует развернутого ответа.

Уголовная политика может быть и должна быть исследована как некий процесс, развертываемый во времени. В этом процессе неразрывно, диалектически связаны между собой ее прошлое, настоящее и будущее. Вне уяснения такой связи невозможно понять и верно оценить положение дел в уголовной политике XXI-го века и определить ее сущность.

Уголовно-политический процесс, естественно предполагает трансформацию, динамику, смену (в различных пределах) одних подходов к противодействию преступности иными. Смена эта, согласно законам развития социальных систем, с той же необходимостью сопровождается кризисом.

Кризис – есть определенное переходное состояние от одной фазы к другой, от одной модели уголовной политики к другой. Кризис есть крушение прежней модели уголовной политики и становление новой, причем одновременное и к тому же с известными параметрами обеих моделей. **Но слово «кризис», характеризующее текущий момент развития уголовной политики, содержательно может быть связано лишь с той ее моделью, которая, сложившись в определенное время и пройдя ряд этапов развития, уходит в прошлое.**

Сделаем здесь акцент на положении, важном для последующего изложения: **понятие «кризис» по определению не применимо для характеристики модели, находящейся в стадии становления.** Иными словами, впасть в кризис может только та политика, которая реально существовала/существует. У которой есть свое прошлое.

В современной истории СССР и России, на наш взгляд, можно вполне уверенно выделить **три модели**, последовательно сменявшие друг друга: модель советской уголовной политики, модель политики, которая начала формироваться на рубеже 80-90-х годов прошлого столетия и венцом которой можно считать УК РФ 1996 года в его первоначальной редакции (для удобства изложения и не претендуя на точность формулировки, условно назовем ее «либеральная модель» или «модель 90-х годов»), а также современную уголовно-политическую модель.

К сожалению, в «литературе кризиса» мы не находим однозначного ответа на вопрос о том, какую из них авторы имеют в виду. По логике же вещей, каждая смена, казалось бы, может быть охарактеризована с использованием понятия «кризис».

Но к началу постсоветской истории реально существовала (или лучше сказать: доживала/дожила свой век) только советская уголовная политика. Сменившая ее модель 90-х годов сложиться не успела и тихо умерла под удушающим воздействием последующих реформ (подробнее об этом будет сказано ниже).

Остается полагать, что в литературе речь идет о современной уголовной политике, которую, пожалуй, только ближе к концу второго десятилетия XXI-го века можно назвать до конца сложившейся. Однако «сигналы» о ее кризисе со стороны научного сообщества появились уже в самые первые годы нового века. Э.Ф. Побегайло писал: «Кризис этот начался давно. Но апогея он, по нашему мнению, достиг в начале XXI столетия»¹. Выходит, что, едва начав складываться, современная уголовная политика незамедлительно впадала в кризис? С такой трактовкой событий трудно согласиться.

¹ Алексеев А.М., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 13.

Итак, в кризисном состоянии могла находиться и в действительности находилась только *советская уголовная политика*. И она вместе с ее кризисом завершила свое существование, когда кончилась советская эпоха¹. Следовательно, этот вариант кризиса само собой исключается из числа объектов дискурса.

В триаде названных выше моделей уголовной политики отдельного внимания заслуживает судьба модели 90-х годов. Остановимся на ней несколько подробнее, чтобы понять, почему к ней не относится понятие «кризис». Побуждает к тому тот факт, что анализу уголовно-политических ситуаций 80-90-х годов прошлого века в литературе уделено явно недостаточное внимание.

Собственно, о модели 90-х следует говорить, скорее всего, не как о реальной уголовной политике, а как о некой программе, которую предстояло претворить в жизнь. Она формировалась на основе научного анализа текущего состояния и прогнозов развития преступности, вплетенных в общий контекст перспектив развития общества. Так, ставшая одним из разработчиков УК РФ, авторитетнейший представитель науки – профессор Н.Ф. Кузнецова в 1996 году писала, что уголовный кодекс этот «действительно целиком и полностью новый», содержащиеся в нем новеллы «не произвольны, а объективно обусловлены», «криминализация и пенализация деяний осуществлена на основе изучения нынешнего и прогнозируемого состояния преступности», «при решении вопросов о криминализации того или иного деяния проводилось тщательное взвешивание компонентов общественной опасности, ее криминообразующих признаков»².

Такие оценки принципиально не изменились и по итогам первого пятилетия УК РФ, успешно воплотившего в себе идеи Концепции реформирования уголовного законодательства 1992 года. Официальное подтверждение качества уголовного закона демонстрирует известное постановление Совета Федерации Федерального Собрания России от 23 апреля 2002 г. № 2076-СФ, принятое по итогам парламентских слушаний «Уголовный кодекс Российской Федерации – пять лет спустя: проблемы и перспективы совершенствования норм уголовного законодательства».

Для того, чтобы наглядно представить хотя бы некоторые идеи, заложенные в базу формирующейся в конце 90-х годов уголовной политики, воспользуемся следующей таблицей. Для большей наглядности и возможности дать им сравнительную оценку, либеральная модель дана в сопряжении с моделью современной уголовной политики (см. табл. 1).

¹ Мы оставляем в стороне самостоятельную тему советского наследия, пределов и примеров его сохранения и воспроизведения в современной правовой теории и практике.

² Новое уголовное право России. Общая часть: учеб. пособ. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. С. 5–7.

Таблица 1. Модели уголовной политики

Либеральная модель	Современная модель
Существовала как возможность очень короткий промежуток времени, совпадающий с периодом «перестройки» и «демократизации» 80-90-е годов прошлого столетия.	Существует как возможность, складывающаяся, начиная с 2000-х годов, совпадает с периодом построения «суверенной демократии» и «укреплением вертикали власти»
Характерные черты:	
Опора на лучшие достижения и теоретические построения советской уголовно-правовой и криминологической науки	Демонстративное пренебрежение научными рекомендациями и устойчивыми теоретическими конструкциями
Использование уголовного закона для противодействия преступности	Использование уголовного закона для управления социальными процессами
Очищение сферы уголовно-правового противодействия преступности от идеологического «сора»	Последовательная идеологизация уголовно-правового регулирования, использование уголовного права для продвижения политических идей
Реализация в законе конституционных предписаний о высшей ценности человека, «поворот» уголовного права к человеку	Неафишируемая смена приоритетов уголовно-правовой защиты, «поворот» уголовного права к государству
Защита либеральных ценностей в экономике, «узкое» уголовно-правовое регулирование экономических отношений	Защита государственных интересов в экономике, расширение сферы уголовно-правового вмешательства в экономические отношения
Политика ориентирована на реальное применение уголовного закона	Политика ориентирована на угрозу применения уголовного закона
Основные меры уголовно-правового воздействия – ограничение прав и воспитание	Основные меры уголовно-правового воздействия – имущественные санкции
Ставка на создание общих норм и их творческое применение	Ставка на создание специальных, конкретизирующих норм
Опора на результаты криминологического и социального прогнозирования	Оперативное реагирование на явные и мнимые криминологические угрозы

Таблица демонстрирует фундаментальные различия между либеральной и современной моделями уголовно-политического курса. И первая из них не была просто мечтой, поскольку нашла воплощение в нормах УК 1996 года.

Но с началом нового века уже наметился повод для тревоги. Оценивая текущее нормотворчество, В.С. Комиссаров в 2002 году прогнозировал: «совершенно ясно, что вал поправочных законодательных инициатив, не имеющих большей частью объективных оснований, не прекратится». При этом он обращал внимание, что «далеко не все из них социально, экономически и криминологически обоснованы», и кроме того, «отрывочны, бессистемны и большей частью обусловлены конъюнктурными соображениями»¹.

Такой прогноз, в отличие от прогноза погоды, к несчастью, сбывлся целиком и полностью. Уже Первый Всероссийский конгресс по уголовному праву констатировал в своей резолюции 2006 года: «Из практики законопроектной работы и криминализации общественно опасных деяний исчезли научные основы. Изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации вносятся без изучения социальных, нравственно-психологических и криминологических оснований таких изменений и их возможных последствий. Исчезла даже научная экспертиза законопроектов, что не могло не отразиться на их качестве. Это особенно недопустимо на фоне продолжающегося роста преступности в нашей стране»².

Так началось и продолжилось остро воспринимаемое сегодня крушение программы, начавшейся во второй половине 90-х гг. XX-го века. Но **крушение не было кризисом так и не реализованной политики. В реальности по своей природе это был не кризисный процесс, а растянувшийся во времени процесс вытеснения либеральной модели уголовной политики.** Его можно характеризовать как постепенную смену базовых уголовно-политических ценностей и воплощение новых идей в практике. Началось то, что следует называть не реформированием уголовного закона, а построением нового Уголовного кодекса.

Если то же самое выразить в более эмоциональной форме, – это был кризис надежд, которые возлагались на новую политику. Уголовный кодекс 1996-го года – это реальные позитивные возможности, предложенные наукой обществу и новой власти, но по их воле ставшие «несбывшимися обещаниями».

¹ Комиссаров В.С. Оценка состояния Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективная характеристика законодательной деятельности // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: материалы 11 международной научно-практической конференции. М.: ЛексЭст, 2003. С. 12.

² Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. С. 3.

События, о которой мы говорим, – еще один переломный момент в послереволюционной (1917 г.) истории уголовной политики (первый произошел в связи с развалом СССР). Попутно заметим, что смена советской модели моделью либеральной, по большому счету, никогда не сопровождалась в науке сетованиями по поводу кризиса. Профессиональное сообщество позитивно воспринимало социальные трансформации, связанные с демократизацией общества и отходом от наихудших форм советского наследия в уголовной политике. Оно было настроено позитивно, конструктивно и направляло всю свою творческую энергию на созидание нового в уголовной политике.

В современных условиях ситуация принципиально иная. Правда, редко кто задается вопросом о том, какая политика нужна нам именно сегодня. Тому, как минимум, два объяснения: с одной стороны, профессионалы располагают недостаточной информацией об основных параметрах современного общества и его прогнозируемого будущего, принимая во внимание известные процессы «текучности современности» и крайней неопределенности будущего; с другой стороны, набирает силу процесс неприятия (сознательного или не всегда осознаваемого) тех изменений, которые происходят в экономике, социальной и политической сферах. Отсюда все то «новое», что формируется в уголовной политике, воспринимается как крушение.

Этому способствуют неизбежно возникающие в такой обстановке специфические опасности и риски: опасности возврата к старому и неопределенности будущего. Когда (как в данном случае) возникает ситуация выбора между понятным и непонятным, выбор чаще всего делается в пользу первого. В нашем случае это означает, что у сторонников демократической направленности уголовной политики подспудно может возникнуть идея (или даже соблазн) возврата к модели Уголовного кодекса 1996-го года в его первоначальном варианте или хотя бы к главным его версиям.

Не будем сейчас обсуждать шансы превращения такого движения мысли в реальность. Подчеркнем лишь главное: подобный вариант оптимизации уголовно-политического курса не содержит ответа на очень важный вопрос о том, адекватна ли модель 90-х современным и перспективным экономическим, политическим и социальным условиям жизни страны. Нам такой путь не кажется приемлемым. Конечно (банальная истина), лучшее и приемлемое из багажа прошлого не должно быть отринуто и забыто. Но главные ориентиры прогрессивной уголовной политики следует обращать не к прошлому, а к будущему. А здесь, как уже было сказано, мы упираемся в неопределенность.

Следующее обоснование авторской позиции мы начнем «издалека». Среди идей, высказанных основателями коммунистической теории, есть те, которые нельзя не признать верными. В том числе некоторые положения из давно забытого учения о кризисе социально-экономических формаций.

Одно из них: кризис капитализма – в нем самом, в тех противоречиях и проблемах, которые ему присущи, и которые препятствуют прогрессивному развитию общества.

Оставим совершенно в стороне вопросы истории, экономики и общей политологии. Что же касается сути подобного рода рассуждений, то, думается, она схвачена верно. Опираясь на эту мысль и имея в виду уже нашу «материю», мы можем сформулировать общее правило: **кризис уголовной политики там, где его истоки коренятся в самой модели, в ее несоответствии текущим социально-политическим и экономическим условиям жизни страны.**

И дополним: кризисом надо признать такое тяжелое состояние уголовно-политического процесса, при котором **либо полностью, либо в значительной мере оказывается невозможным достижение целей, которые стремились достигнуть его инициаторы, организаторы, спонсоры. Или, лучше сказать, – архитекторы.**

Если строго следовать этим правилам, то признавая наличие кризиса в уголовной политике, надо одновременно признать, в частности, что между современной уголовной политикой и положением дел в стране сложился резкий, если не разрушительный, дисбаланс.

Мы, как уже было сказано, в целом разделяем критическое восприятие учеными-юристами негативных характеристик уголовной политики, их глубокую неудовлетворенность качеством законотворческой работы и правоприменительных практик. Однако при всем этом было бы, по нашему мнению, недостаточно корректным безоговорочно утверждать, что современная уголовная политика утратила всякую связь с реалиями жизни социума и вышла из-под контроля государства.

Ситуация, которая в доктрине диагностируется как глубокий системный кризис уголовной политики, связанный, в частности, с отсутствием научно обоснованной концепции уголовной политики, сегодня, между тем, нисколько не препятствует (или правильнее сказать, – не слишком препятствует) государству решать задачи борьбы с преступностью. В стране развивается и применяется законодательство, работают правоохранительная, судебная и уголовно-исполнительная системы, статистика преступности не обрушилась «вниз» и не взлетела «вверх», демонстрируя ставшие привычными колебания, на которые в последние годы все меньше обращают внимания, особенно учитывая, что она издавна, мягко говоря, не вызывает к себе доверия.

Уголовная политика пока вовсе не агонизирует. Напротив, она активна и деятельна, вполне успешно решает задачи, которые перед ней ставит власть, что особенно относится к обеспечению общественного порядка, выгодного и удобного власти.

В определенном смысле надо отдать должное акторам нынешней уголовной политики: руководствуясь, впрочем, своими собственными интересами, они выстраивают ее курс по «компасу», реагирующему на самые существенные криминальные и иные социальные девиации. Незамедлительно происходит коррекция норм Уголовного кодекса, ужесточаются наказания, появляются новые уголовные запреты. Или напротив: редко, но выходят в свет вполне позитивные (их даже можно, хоть и со скрипом, назвать либеральными) нормативные акты, проливающие «масло на волны» общественного недовольства. Нельзя не признать, что такие методы управления уголовной политикой, вызывающие зачастую острую справедливую критику со стороны научных кругов и общественности, дают желаемые властям результаты. И главный из них – обеспечение определенного «консенсуса» между постулатами и практикой уголовной политики, с одной стороны, и социально-экономической ситуацией в стране, – с другой.

Конечно, и первая, и вторая друг друга стоят. Что, скорее всего, и обеспечивает их непротиворечивость. Однако в контексте нашей темы важно зафиксировать данный факт как таковой.

Понятно и другое: подобное положение дел не может продолжаться бесконечно. Более точные же прогнозы упрутся в ситуацию нарастающей неопределенности всего происходящего в социуме, что, возможно, тоже способствует сохранению хрупкого баланса.

Таким образом, уголовная политика во всех своих внешних проявлениях остается адекватной собственной сущности и замыслам ее создателей. И даже пользуется поддержкой определенной части населения. И поскольку такое сознательно сконструированное состояние уголовно-политического «хозяйства» выгодно и удобно «хозяевам», ситуацию вряд ли стоит считать кризисной.

Еще и еще раз подчеркнем: можно как угодно оценивать общее положение дел в уголовной политике, ее неизбежные ошибки, просчеты, пороки. Но, по нашему глубокому убеждению, все они – либо более или менее крупные «ординарные» дефекты, какие могут возникнуть в уголовно-политической деятельности любой страны, либо детали конструкции, выстроенной по замыслу и воле авторов уголовной политики. Но не «язвы» кризиса.

Что же мешало нам, писавшим ранее и ныне пишущим о кризисе, по-иному оценить ситуацию в уголовной политике? Полагаем, самое существенное заключалось в отсутствии *системного взгляда* на те конкретные дефекты законодательства и правоприменения, которые столь решительно подвергались критике в нашей литературе.

Сами по себе такие дефекты (ошибки, просчеты, упущения и т.п.) – это огрехи. А огрехи, в конечном счете, можно объяснить или даже оправдать и простить (конечно, если бы они не оборачивались столь высокой ценой для общества и просто для людей). Огрехи, как правило, есть овеществленная случайность.

Но когда их череда длится почти два десятилетия, подчиняясь притом критерию повторяемости, тогда отдельные, казалось бы, разрозненные, факты уже перестают быть случайностью, каким-то простым конгломератом ошибок, просчетов, заблуждений и т.п. Они выстраиваются в системный ряд, обоснованный с логических и статистических позиций («закономерность пробивает себе дорогу через хаос случайностей»), в ряд, за которым без труда просматривается вполне определенная тенденция. А она, закрепляясь со временем, превращается в закономерность, в систему.

И самое главное: процесс этот, естественно, происходит не спонтанно, он формируется, организуется на основе сквозной идеи, замысла и воли тех, кому дано право принимать уголовно-правовые решения. Можно сказать и иначе: случайное преобразуется в систему под воздействием исходных идеологических, политических установок власти, заявленных открыто или существующих латентно. *Здесь, по нашему мнению, заканчивается теория кризиса и начинается теория современной уголовной политики.*

В подтверждение можно привести и другие аргументы. Во-первых, если в стране «пустил ядовитые корни» и многими годами продолжается глубокий и столь давний кризис уголовной политики, то, во-первых, почему до сих пор в сфере борьбы с преступностью, в соответствии с естественной логикой процесса, не воцарился хаос, не рухнула вся система криминологической безопасности? Полагаем, потому, что на самом деле идет процесс не загнивания некоей «старой» (прежней) модели уголовной политики, строительство и закрепление новой с ее специфическими скрепами (правда, далеко не всегда демократического и прогрессивного свойства).

Во-вторых, как известно, кризисные явления в любой сфере жизнедеятельности общества чреваты политическими социальными, экономическими и иными деструкциями. Кризис уголовной политики, организации борьбы с преступностью относится к числу деструкций, чрезвычайно опасных для стабильности и безопасности государства и общества, наконец, для самой власти. Почему же тогда власти так индифферентны перед лицом угрожающей ей опасности, почему отсутствовало и отсутствует стремление преодолевать и, в конечном счете, преодолеть этот «неувядаемый кризис»? Где комплексные меры, способные решать эту задачу, и в первую очередь, — коррекция практики законотворчества? Почему, напротив, не ослабевает поток государственных решений, углубляющих «кризис»? Ведь невозможно представить, что их соавторы (во всяком случае, лучшие из них) — образованные, опытные, патриотически настроенные люди, принимая подобные решения, «не ведают, что творят», что они не способны оценить качество, направленность, последствия своих действий.

Конечно же, нет: так происходит только тогда, когда соответствующие *нормативные акты принимаются вполне осмысленно во имя достижения определенных целей и решения четко поставленных задач.*

Подведем промежуточный итог сказанному выше. Еще раз подчеркнем: та оптика оценок, которая господствовала в нашей литературе до последнего времени, способствовала накоплению масштабного и очень полезного фактического материала, позволяющего остро критически оценить уголовно-политическую ситуацию в России. Но *отсутствие последовательного системного подхода и политической оценки ситуации* помешало исследователям (и авторам настоящей работы тоже) понять тогда истинные закономерности процесса, рассмотреть и проанализировать фактический материал как **целостность**. И на этой основе *осознать, что представляет собой эта целостность, с каким именно феноменом мы имеем дело*.

Суммируя сказанное выше по данному поводу подчеркнем: сегодня уже было бы теоретической ошибкой (во всяком случае существенной неточностью) отстаивать тезис о существовании «кризиса уголовной политики». По нашему глубокому убеждению, процессы, которые, согласно распространенному мнению, называют кризисом уголовной политики, – не есть кризис. Это хуже. **Это такая уголовная политика**. И здесь (приходится повторить) – не игра в слова и термины. *Между двумя формулировками пролегают парадигмальные различия*. Они прежде всего касаются одного из ключевых пунктов дискурса – концепции уголовной политики.

Сторонники теории кризиса писали об ее отсутствии и рассматривали данное обстоятельство как главный признак системного кризиса или даже как доказательство того, что уголовная политика вообще не существует, о чем говорилось выше. Сошлемся на мнение А.И. Коробеева: «Итак, пока концептуальных основ российской уголовно-правовой политики нет. Зато есть масса политико-правовых, нормативных и правоприменительных проблем, которые привели к системному кризису современной уголовно-правовой политики России¹.

В отличие от такой позиции мы утверждаем следующее. Во-первых, в принципе не существуют государства, в которых отсутствует внутренняя политика и ее неотъемлемая составная часть – уголовная политика. Она может быть разумна или не очень, репрессивна или гуманна, справедлива или нет, эффективна или провальна и т.д. Но она есть. Если ее нет, борьба с преступностью превращается в размахивание кулаками – беспорядочное, бессмысленное и неотвратимо губительное для государства.

Во-вторых, говоря о том, что уголовная политика в России – это свершившийся факт, мы получаем возможность сделать следующий шаг, утверждая: **существует как реальность и ее концепция**, хотя и не в виде официального документа, утвержденного высшей властью. Кстати, в доктрине

¹ Коробеев А.И. Российская уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 236.

господствует мнение, что отсутствие такого документа равносильно отсутствию самой концепции. Но кто сказал и где написал, что именно он и есть *condition sine qua non* уголовной политики?

Концепция как комплекс идеологических и уголовно-политических положений и установок существует в головах людей, «делающих» уголовную политику, в качестве ментальных критериев оценки добра и зла, а также допустимых и не допустимых методов борьбы со злом. В реальной действительности *концептуальные идеи последовательно и устойчиво воспроизводятся в практике борьбы с преступностью (инфраструктура системы, законодательство, судебная практика, деятельность правоохранительных органов, взаимодействие с институтами общества и пр.)*.

Если принять, что концепция – это то, какой государство хочет видеть уголовную политику и чему она должна следовать, то нет никакого сомнения: власть вполне успешно транслирует свою волю кому надо, когда надо и как надо. И, пожалуй, не было случая, чтобы импульс политической воли не был услышан и не принят к исполнению.

В итоге складывается практика, совершенно адекватно отражающая и выражающая концептуальные (и не только) идеи ее «заказчиков», а это относительно узкий круг деятелей, стоящих у власти, и приближенных к ним структур и лиц. И лишь иногда – общественное мнение в случаях, когда с ним нельзя не считаться или полезно солидаризоваться (особенно после того, как удастся его организовать).

Таким образом, **современную российскую уголовную политику (уголовную политику XXI-го века) следует оценивать не по законам кризиса, а по законам уголовной политики.** Можно в чем-то или полностью ее поддерживать, можно (и нужно) ее критиковать. Но при этом надо ясно представлять, что объект поддержки/критики – *не комплекс кризисных уголовно-политических явлений, а уголовная политика как вполне самостоятельный, целостный феномен, имеющий в своей основе концептуальные идеи, собственные шкалы ценностей, приоритетов и целей, свои движущие силы (интересы, предпочтения и т.п.), сформированную под такие правила правоприменительную систему.* Добавим: в научном контексте феномены «кризис» и «уголовная политика» должны рассматриваться в качестве разных объектов исследования.

Кузнецов Александр Павлович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры правового обеспечения
национальной безопасности
Нижегородского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Обязательные работы в международном уголовном праве

Введение в проблему. Российская уголовно-правовая наука в системе социально-гуманитарных наук занимает особое место: она всегда рассматривалась как относительно самостоятельное образование, выступающее в качестве инструмента познания реальной действительности. Уголовно-правовая наука, учитывая данное положение, в современных условиях призвана решать масштабные задачи теоретико-прикладного характера, определять основные направления развития уголовного законодательства, содействовать эффективному функционированию социально-экономических отношений, что многократно повышает ее роль и значение в этом процессе.

Используя разнообразный методологический инструментарий в процессе исследования, учитывая мировой опыт правового регулирования, уголовно-правовая наука разрабатывает конкретные направления совершенствования российской уголовно-правовой системы и на этой основе внедряет все передовые достижения уголовно-правовой мысли и, таким образом, непосредственно решает стоящие перед ней важнейшие задачи¹.

Методологический инструментарий включает в себя мировоззренческие и фундаментальные теоретические концепции, диалектические категории и законы, организацию научно и практической деятельности по достижению познавательных целей. Иначе говоря, методологический инструментарий не только позволяет осмыслить процессы, происходящие в обществе, но и получить определенные знания об изучаемых явлениях и на этой основе сформулировать концептуальные теоретические основы, систему взглядов, идей, представлений об уголовном праве, его институтах, их социальной обусловленности, закономерности развития².

Одним из основных методов научного исследования является *метод сравнительного правоведения*, которому отводится значимая роль, он ши-

¹ См.: Кузнецов А.П. Методологические основы уголовно-правовой науки: лекция. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2010. С. 22–24.

² Там же. С. 4–6.

роко применяется в российской уголовно-правовой науке в процессе исследования, и ему уделяется особое внимание. Использование данного метода позволяет не только получить определенные знания о предмете, приемах, способах исследования, но и расширить границы их познания, установить характерные черты, особенности. Таким образом, компаративистский метод имеет своим объектом изучение уголовно-правовых явлений путем сопоставления (сравнения) их с аналогичными или сходными институтами двух или нескольких зарубежных уголовно-правовых систем. В данном случае исследователь должен учитывать важное положение, согласно которому сравниваемые объекты должны отвечать одному общему требованию – сопоставимости. Соответственно, можно сопоставлять уголовные законы, иные нормативные правовые акты, уголовно-правовые институты, правовые нормы, регулирующие определенные общественные отношения в законодательстве Российской Федерации и других странах. В результате сравнения устанавливается качественное состояние уголовно-правовой системы в целом либо отдельных уголовно-правовых норм и институтов.

Правильно используемый компаративистский метод позволяет учесть мировой опыт правового регулирования, выбрать из него все то полезное, ценное, что можно использовать в условиях современной России¹.

О важности сравнительного правоведения в исследованиях писали известные дореволюционные российские ученые-юристы Н.С. Таганцев, С.В. Познышев, Н.Д. Сергеевский.

По мнению Н.С. Таганцева, развитие национального права невозможно без исследования исторического опыта других народов, критической его оценки на основании материалов науки и практики². С.В. Познышев уделял особое внимание сравнительному правоведению и отмечал, что оно должно занять особое место в науке³. Н.Д. Сергеевский подчеркивал, что происхождение того или иного института или законоположения можно узнать и оценить его современное значение только при исследовании условий, породивших его⁴. Отводя особое место сравнительному правоведению в уголовно-правовой науке, эти ученые определяли его ценность тем, что оно расширяет сферу научного поиска, позволяет получить теоретический продукт, материализуемый в дальнейшем в практическую и правотворческую деятельность⁵.

¹ См.: Кузнецов А.П. Методологические основы уголовно-правовой науки: лекция. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2010. С.23–24.

² См.: Таганцев Н.С. Курс уголовного права. В 2 т., М., Наука, 2001. Т.1. С. 29–30.

³ См.: Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 7.

⁴ См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть Общая. СПб, 1911. С. 8.

⁵ См.: Кузнецов А.П. Раздел II. Принципы уголовного права: сравнительно-правовой анализ // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. II. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. д-ра юрид. наук, проф., Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 358–359.

На значимость и важность сравнительного правоведения обращали внимание и зарубежные ученые-компаративисты М. Ансель и К. Осаке, которые считали, что изучение зарубежного права способствует лучшему познанию права своей страны, уяснению его специфических черт, выявлению его свойств, отличий, особенностей в сравнении с другими правовыми системами¹.

К изучению правового опыта других стран призывал и известный компаративист Рене Давид, отмечая, что юридическая наука не может успешно развиваться и решать стоящие перед ней задачи в пределах одного государства, не учитывая опыт и идеи людей других государств, живущих в других частях земного шара, не взаимодействуя с ними. Международное научное взаимодействие позволяет осмыслить законодательный зарубежный опыт и использовать его в практической деятельности. Развивать науку, игнорируя оправдавшие себя идеи, опыт других государств, – значит ограничить свои возможности в познании процессов и явлений, происходящих в реальной действительности².

Таким образом, сравнительное правоведение, как некий юридический феномен, применяемый в исследовании, позволяет изучить различные правовые системы, правовые институты путем их сопоставления, раскрыть специфические особенности юридических категорий (предписаний), определить специфику и своеобразие сформулированных правовых дефиниций, сущностных характеристик, содержательных элементов, объединенных законодателем в определенные термины³.

Однако следует иметь в виду, что востребованность сравнительного правоведения в конечном результате во многом зависит от того, как юридические парадигмы зарубежных институтов будут трансформированы в российскую правовую систему: механическое, некритическое заимствование зарубежных правовых положений может негативно отразиться на теоретической и практической деятельности законодателя и правоприменителя.

Учитывая указанные положения используя метод сравнительного правоведения, предпринята попытка: во-первых, провести научное осмысление международных источников уголовного права, зарубежного уголовного законодательства; во-вторых, получить дополнительные знания о российской уголовном праве; в-третьих, соотнести международное уголовное право, зарубежное уголовное законодательство с российским уголовным

¹ См.: Ансель М. Методологические проблемы сравнительного правоведения // Очерки сравнительного права. М. 1981. С. 38; Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах. Общая и Особенная части. М., 2000. С. 11.

² См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 33.

³ См.: Международное уголовное право: учеб. пособие./ под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. 2-е изд., пререраб. и доп. М.: Наука, 1999; Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М.: Международные отношения, 2002.

правом, установить их реальное состояние и определить перспективы дальнейшего развития.

Выбранный научный подход применительно к исследованию обязательных работ как вида уголовного наказания позволит: определить возможность использования норм международного уголовного права, зарубежного уголовного законодательства в российском уголовном законодательстве; установить эффективность и результативность инкорпорирования положений источников международного уголовного права в национальное законодательство; выявить основные направления и пути совершенствования российского уголовного права с учетом положений международного, зарубежного уголовного права; получить дополнительные знания о состоянии и развитии международной и зарубежной уголовно-правовой доктрины¹.

Характеристика обязательных работ в международном уголовном праве. Исследование правового массива показало, что в многочисленных международных правовых актах закреплены базисные положения, регламентирующие систему и виды наказаний, их структуру, а также стандарты и правила применения обязательных работ. В частности, в проанализированных документах устанавливаются международные стандарты в отношении наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества; формулируются правила назначения наказаний в виде обязательных работ; высказываются рекомендации по стандартизации правил и разработке единых требований, предъявляемых к нормативным основам и практике применения к правонарушителям наказаний, не связанных с изоляцией от общества².

Так, были изучены акты международного уровня (Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, 1999 года)³ и регионального уровня (Рекомендация № Р (92)16 от 19 октября 1992 года Комитета министров Совета Европы «О Европейских правилах по общим санкциям и мерам (Европейские правила); Резолюция комитета Совета Европы № (76) 10 от 9 марта 1976 года «О некоторых мерах наказания, альтернативных лишению свободы»).

Закрепленные в указанных правовых актах предписания основаны на общепризнанных принципах и нормах международного (в том числе европейского) права и призваны обеспечить каждым государством минимальные гарантии для осужденных лиц с учетом политических, экономических, социальных и культурных условий каждой страны.

¹ См.: Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002. С. 9–11.

² См.: Манакова М.А. Международные стандарты применения уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы и вопросы их реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. С. 4.

³ Приняты 14 декабря 1990 Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН.

Разработанные в указанных документах международные правила и стандарты носят сугубо рекомендательный характер и ориентируют отечественного законодателя на соблюдение естественных прав человека в правовом статусе осужденного, на создание надлежащих гарантий его безопасности¹.

По мнению специалистов в области международного права, «международные стандарты» это разработанные и принятые правовые регламенты членами международного сообщества, которые должны с их согласия соблюдаться исходя из общих единых требований и правил, предъявляемых к нормативным актам и правоприменительной практике в международном масштабе².

Характеристика Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Принятые 14 декабря 1990 года Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеей ООН Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) структурированы на восемь разделов: «Общие принципы», «Стадия предварительного следствия», «Стадия суда и вынесения приговора», «Стадия после вынесения приговора», «Осуществление мер, не связанных с тюремным заключением», «Персонал», «Добровольные и другие общественные возможности», «Исследование, планирование, разработка и оценка политики». Указанные разделы включают в себя двадцать три подраздела, в которых сформулированы международные стандарты в отношении наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы, в том числе и в сфере назначения исполнения обязательных работ.

Токийские правила рекомендовали государствам-членам разработать меры, не связанные с тюремным заключением, в рамках своих правовых систем, сокращая тем самым применение тюремного заключения в направлении рационализации политики в области уголовного правосудия с учетом необходимости соблюдения прав человека, требований социальной справедливости и потребностей правонарушителя в отношении возвращения к нормальной жизни в обществе.

К числу концептуальных положений минимальные стандартные правила относят: свод основных принципов для содействия использованию мер, не связанных с тюремным заключением; минимальные гарантии для

¹ См.: Колосов А.С., Зезюлина Т.А. Международные стандарты в сфере применения наказаний в виде обязательных работ // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1 (18). С. 126.

² См.: Монакова М.А. Международные стандарты применения уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы и вопросы их реализации: дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 1998. С. 14; Международное право / отв. ред. Ф.И. Кожевников. 5-е изд. М., 1987; Международное право / под ред. Н.Т. Благовой. М., 1987.

лиц, к которым применяются альтернативы тюремному заключению; правила, позволяющие обеспечивать надлежащее соотношение между правами отдельных правонарушителей, правами жертв и интересами общества в отношении общественной безопасности и предупреждений преступности.

В качестве основной цели данные стандартные правила определили: обеспечение более активного участия общественности в осуществлении правосудия по уголовным делам, особенно в обращении с правонарушителями, а также содействие развитию у них чувства ответственности перед обществом.

В рассматриваемом международном документе устанавливается широкий перечень правовых гарантий для лиц, к которым применяются обязательные работы, а именно право: на уважение человеческого достоинства правонарушителя, личную жизнь, личную жизнь семьи, на обращение с запросом или жалобой в судебные или другие компетентные независимые органы и прочие.

Названные правовые гарантии должны применяться без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, возраста, языка, религии, политических и других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, места рождения или иного статуса. Система уголовного правосудия должна идти по пути депенализации и декриминализации, предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением, включая принятие мер к правонарушителям силами общественности.

В Токийских правилах формулируются рекомендации, перечень по содержанию и процедуре исполнения наказаний, включая права и обязанности осужденного, а также наступление возможных последствий, в случае уклонения от отбывания наказания или ненадлежащего исполнения установленных требований. В случае нарушения дисциплины и условий, подлежащих соблюдению правонарушителем, мера, не связанная с тюремным заключением может быть изменена или отменена (правило 14.1). Решение об изменении или отмене указанных мер может применяться только компетентным органом после тщательного рассмотрения фактов, представленных как сотрудником, осуществляющим надзор, так и правонарушителем (правило 14.2).

Токийские правила подробно описывают процедуру вынесения приговора судебным органом, который, используя имеющиеся в своем распоряжении выбор мер, не связанных с тюремным заключением, должен принимать во внимание потребности правонарушителя с точки зрения возвращения к нормальной жизни в обществе, интересы защиты общества и интересы жертвы. Одновременно с этим в них дается расширенный перечень санкций по рассматриваемым судами делам, в числе которых названы общественно полезные работы, а также высказываются рекомендации компетентным органам по оказанию помощи правонарушителям для их быстрого возвращения к нормальной жизни в обществе.

Позитивным следует признать использование в указанных актах стандартного нормативного инструментария, в частности разработку единого термина «надзор».

Согласно Токийским правилам под надзором понимается осуществление компетентным органом в соответствии с конкретными условиями, предусмотренными законом, мер, направленных на оказание помощи правонарушителю работать над собой с учетом характера совершенного им правонарушения.

Одновременно с этим в Европейских правилах «надзор» означает: с одной стороны, оказание помощи виновному, исполняющим органом или от его имени, с целью поддержки правонарушителя в обществе; с другой, деятельность по обеспечению исполнения осужденным, возложенных на него условий и обязанностей¹.

В соответствии с российским уголовным законодательством, обязательные работы относятся к видам наказания и заключаются в выполнении бесплатных общественно полезных работ, то есть осужденные не получают заработную плату за выполненную работу.

Включение обязательных работ в уголовное законодательство неоднозначно было воспринято российскими учеными-криминалистами, считающими, что такой вид наказания противоречит положениям Конституции Российской Федерации, международным правовым актам и трудовому законодательству: носит принудительный характер, назначается и исполняется без учета и согласия правонарушителя.

В частности, в ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации закрепляется важное положение, согласно которому «каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера труда»

Исследование правовых предписаний, закрепленных в международных источниках, показало, что право человека на получение вознаграждения за труд регламентировано различными международными актами, в частности: Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах² 1966 г.; Конвенцией МОТ № 95 «Относительно защиты заработной платы»³ 1949 г.; Европейской социальной хартией⁴ 1996 г. и др.

¹ См.: Колосов А.С.; Зезюлина Т.А. Международные стандарты в сфере применения наказания в виде обязательных работ // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1(18). С. 126.

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.

³ Конвенция № 95 Международной организации труда «Относительно защиты заработной платы» (принята в г. Женева 01.07.1949) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 1995.

⁴ Европейская социальная хартия (пересмотренная) (принята в г. Страсбурге 03.05.1996) // Бюллетень международных договоров. 2010. № 4. С. 17–67.

Примером может служить статья 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, устанавливающая порядок, согласно которому участвующие в Пакте государства признают право каждого на справедливое и благоприятное условие труда, включая, в частности: вознаграждение, обеспечивающее, как минимум, всем трудящимся, справедливую зарплату и равное вознаграждение за труд, равные ценности без какого бы то ни было различия.

В статье 1 Конвенции МОТ № 95 «Относительно защиты заработной платы» декларируется положение, согласно которому «независимо от названия и метода исчисления всякое вознаграждение или всякий заработок, могущие быть исчисленными в деньгах и установленные соглашением или национальным законодательством, которое предприниматель должен уплатить в силу письменного или устного договора о найме услуг предприниматель уплачивает трудящемуся за труд, который либо выполнен, либо должен быть выполнен, или за услуги, которые либо оказаны, либо должны быть оказаны». Как видно, основание возникновения трудовых отношений является трудовой договор. Однако осужденные в процессе отбывания наказания никаких договоров не заключают: они отбывают наказание в виде обязательных работ на основании приговора суда без получения заработной платы. Более того, токийские и европейские правила общественные работы относят к альтернативным видам наказаний и рекомендуют их назначение, что соответствует общепризнанным нормам и принципам международного права.

Действительно, согласно п. «а» ч. 3 ст. 8 Международного пакта «О гражданских и политических правах»¹ запрещается привлекать граждан к принудительному или обязательному труду.

В п. 1 ст. 2 Конвенции МОТ № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда»² указывается, что принудительный или обязательный труд означает «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг». Согласно п. 2 ст. 2 указанной конвенции понятие «принудительный или обязательный труд», в частности не включает в себя «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.

² Конвенция № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости ВС СССР. 1956 г. №13. Ст. 279.

контролем государственных властей, и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ».

Российский законодатель не просто учел закрепленные положения международных актов, но и конкретизировал запрет на применение принудительного труда. Так, в статье 4 Трудового кодекса Российской Федерации, принудительный труд определяется как «выполнение работы под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в том числе: в целях поддержания трудовой дисциплины; в качестве меры ответственности за участие в забастовке; в качестве средства мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; в качестве меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе; в качестве меры дискриминации по признакам расовой, социальной, национальной или религиозной принадлежности»¹.

Однако дальнейшее исследование международных актов показало, что использование обязательных работ как вида наказания, несмотря на установление запрета, не только не противоречит положениям общепризнанных норм международного права, но и рекомендуются ими.

Согласно п. «с» ч. 3 ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах² «принудительный или обязательный труд» не охватывает работу или службу, которую, как правило, должно выполнять лицо, находящееся в заключении на основании распоряжения суда, или лицо, условно освобожденное от такого заключения, а также какая бы то ни была работа или служба, которая входит в обыкновенные гражданские обязанности. Аналогичная формулировка «обязательного или принудительного труда» дана в ч. 3 ст. 4 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод», которая не включает в себя «любую работу, но обычно должна выполняться лицом, находящимся в заключении или условно освобожденное от такого заключения»

Рассмотрение международно-правовых актов показало, что принудительный или обязательный труд запрещен, вместе с тем указанные правовые акты не относят к принудительному или обязательному труду работу, выполняемую осужденными, находящимися в заключении на основании законного распоряжения суда или лицо, условно освобожденное от такого наказания.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 3.

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.

Выводы:

1. Международное сообщество, руководствуясь общими принципами и нормами международного права, в своих многочисленных юридических актах закрепила базисные положения в отношении наказаний уголовно-правового характера не связанных с изоляцией от общества.

2. Разработанные рекомендации по стандартизации правил единых требований к наказаниям, применяемым к правонарушителям, носят рекомендательный характер и ориентируют отечественного законодателя на соблюдение естественных прав человека.

3. Российский законодатель без каких-либо исключений строго и неукоснительно выполняет правовые предписания, сформулированные в международных актах, в отношении наказания в виде обязательных работ не связанных с изоляцией от общества.

4. Действующее российское уголовное законодательство, касающееся наказаний в виде обязательных работ, не противоречит международным регламентам, принятым стандартам ни в части запрета на использование принудительного труда, ни в части ограничения осужденных на получение заработной платы.

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)

Почему из международного уголовного права «исчезли» предмет и метод его науки?

В любом учебнике по той или иной отрасли права (гражданского, административного, уголовного и др.) предмет и метод (методы) соответствующих отраслей права отделяются от таковых как отраслевых же юридических наук и рассматриваются самостоятельно. Такой подход соответствует и традициям общей теории права (теории государства и права как отрасли юридической науки)¹. Так, например, в гражданском праве под его наукой понимается (в отличие от предмета его как отрасли права) «система теорий, идей, знаний по вопросам отраслевого регулирования общественных отношений, его закономерностей, практики правонарушения и правосуществования». Под предметом же гражданско-правового регулирования, то есть

¹ См.: Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс. Учебник. М.: РИОР: ИНФРА-М., 2015. С.6-11.

отрасли гражданского права «понимается комплекс общественных отношений, обладающих такими сходными чертами, которые требуют подхода к их правовой регламентации с учетом единых начал и с использованием единообразных приемов и средств воздействий». В соответствии с п.2 и 3 ст.2 ГК РФ в предмет гражданско-правового регулирования входят имущественные и связанные с ними неимущественные отношения. Кроме того, гражданско-правовыми средствами защищаются неотъемлемые права личности, свобода и другие личные нематериальные блага. При этом предмет отрасли гражданского права логически включается в предмет науки гражданского права как его неотъемлемая составляющая¹. Подобное разграничение (между предметом и методом отрасли и науки) проводится и в административном, уголовном и других отраслях права².

Однако применительно к исследованию предмета и метода международного уголовного права такой подход (такая традиция) нарушается. Во всех изученных нами учебниках по названной дисциплине о предмете и методе науки международного уголовного права ничего специально не говорится и эти атрибуты (аспекты) не выделяются³. Налицо феномен, который требует какого-то объяснения. Начнем с причин выделения специфического содержания предмета и метода (методов) в отраслевых науках и их отделения от таковых же непосредственно в соответствующей отрасли права. Разумеется, что и в этих случаях (отделение предмета-метода как науки от называемых компонентов отрасли) речь не идет об абсолютно самостоятельных категориях (понятиях). Вовсе нет. Очевидно, что в большей степени те и те совпадают и не совпадать не могут. Помня, что международное уголовное право одновременно является не только международным, но и уголовным правом, очевидно, что основное отраслевое (уголовно-правовое содержание) обречено на то, чтобы быть одновременно и содержанием отраслевой науки уголовного права. Это, как говорится, само по собой разумеется. Не может та же наука уголовного права, не занимаясь проблемами

¹ См.: Учебник гражданского права. Часть I. Под общей редакцией Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М., 1998. С.3-5,9; см. также, Гражданское право. Том 1. Учебник. Изд. 5-е. Под ред. А.Л. Сергеева, Ю.Н. Толстого. М., 2002. С.3-12, 58-60.

² См.: Чернов С.Н. Административное право. Часть 1. Учебное пособие. Петрозаводск, 2012. С. 8-12; Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Под ред. А.И. Рарога. 10-е изд. М., Проспект, 2018. С. 4-13,17-26.

³ См.: Панов В.П. Международное уголовное право. Учебное пособие. М., ИНФРА-М., 1997; Международное уголовное право. Учебное пособие / Под общей ред. В.Н. Кудрявцева. 2-е изд. М., Наука. 1999; Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. Учебник. М., СПАРК, 1999; Международное право. Учебник 2-е изд. Под ред. Г.В. Игнатенко. М., «Высшая школа», 1995; Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003; Бойко А.И. Международное и российское уголовное право. Ростов-на-Дону. 2004; Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право. 2-е изд. М., Волтерс Клувер. 2010; Международное уголовное право. Учебник. 3-е изд. Под ред. А.В. Наумова и А.Г. Кибальника. М., Юрайт, 2016.

уголовного закона, преступления и наказания, системы наказаний, оснований уголовной ответственности, освобождения от уголовной ответственности. Зачем же тогда отделять науку от предмета и метода ее «родной» отрасли? И любой, опять-таки, учебник уголовного права это объясняет. Да потому, что предмет выделяемой отрасли науки шире предмета самой отрасли, а ее метод (методы) и многообразнее и специфичнее. Очевидно, что к предмету, например науки уголовного права, нельзя не отнести образующие ее идеи (взгляды) об истории уголовного права и перспективах ее развития, о зарубежном уголовном праве и тенденциях сближения основных систем («семей») уголовного права в современном мире. А что касается методов данной науки, то они, наоборот, едва ли не полностью претендуют на свою автономность от методов отраслевого правового регулирования (как и вообще методы науки в отличие от методов регулирования и охраны соответствующих общественных отношений нормами отрасли уголовного права)¹. Так что выделение научных методов от таковых же отраслевых вполне объясняется их специфичностью и существенным функциональным отличием друг от друга (вряд ли кто-нибудь будет «претендовать» на то, чтобы, например, догматический или что тоже самое формально-логический метод «зачислить» в разряд методов уголовного права как отрасли). Но, как уже отмечалось, в литературе по международному уголовному праву выделение специфических предмета-метода науки международного уголовного права отсутствует. Начало этому было положено еще в «благословенные» советские времена и продолжалось в нынешнем постсоветском правоведении².

О причинах такой «неразделенности» предмета и методов международного права («в его «классическом» варианте) и науки международного права можно лишь догадываться. Самое простое объяснение заключается в особой их «близости» (в отличие от других отраслей права) к Власти, к официальной политике (внешней) государства.

В связи с этим позиция науки (доктрины) и ее роли как то превращалась в не особо заметную, сугубо неофициальную. «Глашатаем» идей в отношении любых заключаемых советским государством международных договоров привычно выступало руководство Советского государства и Коммунистической партии Советского Союза, ее лидеры. Даже такой министр иностранных дел, как А.А. Громыко, обладавший немислимой авторитетом, как бы находился в их «тени», что уж говорить о науке международного

¹ См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Под ред. А.И. Рарога. 10-е изд. М., Проспект. 2018. С.17-18.

² См.: Курс международного права. В шести томах. Том I. Понятие и сущность современного международного права. М., «Наука», 1967; Курс международного права. В семи томах. Том 6. Отрасли международного права. М., «Наука». 1992; Международное право. Под ред. Г.В. Игнатенко. 2-е изд. М., «Высшая школа», 1995. С.252-254, 282-298, 314-325.

права как составляющей советской правовой науки? Тем не менее попробуем «вернуться» в русло доктринальных традиций (хотя бы на уровне учебников по соответствующим отраслям отечественного права) и попытаемся сформулировать специфические черты предмета и метода науки международного уголовного права (используя для этого «лекала» общей теории права и особо развитых в этом отношении отраслей юридической науки).

Итак, конечно же из международного уголовного права в предмет его науки следует включить содержательно-регулятивную составляющую ее отраслевой предмет: нормы международного права, определяющие преступность и уголовную ответственность деяний, образующих международные преступления и преступления международного характера, принципы международного судопроизводства и исполнения наказания по делам о таких преступлениях, об экстрадиции (выдаче) лиц, совершивших такие и другие преступления, и в целом направленных на предупреждение войн и вооруженных конфликтов, их правовое разрешение и охрану международного правопорядка. Вместе с тем, предмет науки международного уголовного права, как уже отмечалось шире предмета ее отрасли, что предполагает дополнение его (предмета) изучением (исследованием) других проблем выделенной отрасли, которые не охватываются непосредственно отраслевыми. К ним, например, относятся исторические аспекты международного уголовного права, включая исследование истории заключения определенных международных договоров, международных организаций по вопросам, связанным с международным уголовным правом (например, Лиги Наций, ООН и ее комитетов), международных судов (например, Нюрнбергский и Токийский трибуналы по делу о главных немецких и японских военных преступников, виновных в развязывании Второй мировой войны, Международных Судов по Югославии и Руанде, Международного Уголовного Суда и др.). Историю, как известно, делают люди, и исторический аспект науки международного уголовного права предполагает изучение биографии и деятельности известных ученых-международников, внесших неоценимый вклад в развитие как международного уголовного права, так и в его науку. Предполагается, что составной частью науки международного уголовного права является изучение (исследование) эффективности деятельности как известных международных организаций, международных судов по реализации задач, стоящих перед международным правом и международным правосудием, так и непосредственно эффективности действующих и принимаемых источников международного права (соответствующих международных договоров-конвенций).

При анализе точек зрения на понятие международного уголовного права (в ракурсе его предмета, методов и задач) следует учитывать, что большинство теоретиков к традиционно «уголовно-правовому» аспекту проблемы добавляло еще и уголовно-процессуальный и уголовно-исполни-

тельный, с чем необходимо согласиться (что есть, то есть: нормы международного, хотя «формально» и уголовного права, по сути дела регулируют и уголовно-процессуальные вопросы (в том числе и судеустройственные и вопросы исполнения наказания)¹. Однако при этом хотелось бы не упустить еще один специфический в методологическом плане аспект – криминологический. Дело в том, что понимание, толкование и применение содержания международного преступления или преступления международного характера (их понятие) – это уголовно-правовая составляющая предмета науки международного уголовного права. Но никуда не деться от международной преступности с ее специфическим криминологическим содержанием.

Ядро международной преступности составляют международные преступления. Однако если для последних термин «международное» имеет строго юридическое содержание, то в понятии международной преступности он достаточно условен. Дело в том, что международные преступления почти никогда не совершаются в чистом виде (только как нарушение норм и принципов международного права). Они связаны с совершением «обычных», т.е. немеждународных преступлений, в первую очередь насильственных (например, умышленных убийств), «коррупционных» (подкупа соответствующих должностных лиц и корыстных (всевозможного рода хищений в громадных масштабах). Свой международный характер они приобретают в связи с транснациональным характером этих преступлений, а потому термин «международные преступления» включает и транснациональную преступность, предполагающую совершение общеуголовных преступлений на территории не одного, а двух или более государств, а также участие в них граждан нескольких государств. Эта международная преступность обладает признаками организованной преступности. Более того, международная преступность и не могла возникнуть в иной криминогенной форме, т.е. была «обречена» на организованный ее характер. Организованность такой преступности была и есть причиной преодоления межгосударственных барьеров.

Следует признать, что международное сообщество с опозданием реагировало на стремительный рост транснациональной организованной преступности. Так, лишь на V Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1975 г.) было впервые признано, что организованная преступность представляет собой более серьезную угрозу, чем традиционные формы преступного поведения. В дальнейшем эта проблема активно обсуждалась на всех последующих конгрессах ООН.

Международная преступность выражается в совершении всех международных преступлений (как признаваемых по общему международному

¹ См.: Наумов А.В. Международное уголовное право как научная и учебная дисциплина // Уголовное право. 2000. №3. С.45-49.

праву, так и конвенционных). Вместе с тем по распространенности и размаху совершаемых преступлений необходимо особо выделить следующие формы международной преступности:

- разнообразные проявления международного терроризма;
- незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ;
- незаконный оборот огнестрельного оружия;
- торговля женщинами и детьми, преимущественно в целях сексуальной эксплуатации, а также похищение детей и торговля ими в целях использования их органов для последующей трансплантации заинтересованным лицам.

Новейшей разновидностью международной преступности является киберпреступность, которую можно достаточно условно обозначить как собирательное понятие преступлений в сфере компьютерной информации. Проблема буквально ворвалась в мир в последнее десятилетие как одно из побочных явлений научно-технического прогресса. Киберпреступность превратилась в угрозу международному правопорядку, и потребовала специального международно-правового регламентирования и вызвала особый интерес криминалистов и криминологов. Специалисты были буквально потрясены размахом указанных преступлений, их ростом и опасностью, в первую очередь, для экономических и иных интересов людей и государств. В уголовно-правовой и криминологической теории и в науке международного уголовного права появились первые публикации, посвященные данной теме¹. В 2001 г. в целях борьбы с киберпреступлениями была принята Конвенция (Совета Европы) о преступности в сфере компьютерной информации ETS №185 (Будапешт).

Таким образом изучение международной преступности есть составная часть предмета науки международного уголовного права.

Еще более специфическими (по сравнению с отраслевыми) являются методы науки международного уголовного права в связи с их способностью/неспособностью осуществить стоящие перед выделенной отраслью международного права задачи. Учитывая же «уголовно-правовую» особенность таких методов к ним вполне возможно отнести, например, принятые в уголовно-правовой науке следующие методы (признаваемые, впрочем, и в науке других отраслей права), имеющие при этом свое специфическое, отличное от уголовно-правового, содержание: диалектический (философский), историко-правовой, сравнительно-правовой, догматический

¹ См., Намоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология. Вчера. Сегодня. Завтра. 2010, №1 (24). С.47; Кочкина Э.Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. Издательство: Байкальский государственный университет (Иркутск) №3(17) 2017. С.162-169.

(формально-логический или собственно юридический), социологический (конкретно социологический).

Привлечение внимания к выделению специфических предмета и метода (методов) науки международного уголовного права попытаемся связать с акцентированием ее «служебной» цели – выполнения аналитико-прогностической функции, а именно даче рекомендаций законодательной и исполнительной власти по принятию определенных решений возникающих время от времени проблем в сфере международного уголовного права. Например, на Петербургском экономическом форуме 2019 г. американский журналист спросил Президента Российской Федерации насчет возможного вмешательства Кремля в очередной избирательный процесс США (выборы Президента США). В.В. Путин же в очередной раз заверил, что таких планов никогда не было и нет. Более того: «Россия по-прежнему предлагает США выработать общие правила использования современных коммуникационных ресурсов и закрепить их в межправительственном соглашении. Однако администрация Трампа пока не заинтересовалась этой инициативой»¹. Думается, что обоснование необходимости и содержания подобных предложений вполне могло бы появляться в рамках науки международного права (в т.ч. и международного уголовного права).

Рарог Алексей Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Перспективы обособления медицинского уголовного права²

Вопросы ответственности медицинских работников за причинение вреда здоровью пациента как самостоятельная проблема обсуждалась еще в русской дореволюционной, советской и современной уголовно-правовой науке. Теперь назрела необходимость выделить в автономную группу нормы об уголовно наказуемых нарушениях медицинских запретов и несоблюдении медицинскими и фармацевтическими работниками медицинских предписаний, т.е. самостоятельной подотрасли уголовного права – медицинского уголовного права.

¹ <https://www.mk.ru/politics/2019/06/06/putin-vsplyil-na-peterburgskom-forume.html>

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по соглашению № 19-011-00818\19.

Представители общей теорией права¹ и отраслевых юридически наук² (в том числе – уголовного права³) признают закономерность выделения подотраслей в различных отраслях науки. Для обособления определенной совокупности уголовно-правовых норм в автономную подотрасль должны иметься необходимые предпосылки, а именно: 1) наличие значительной регулятивной базы, регламентирующей ту сферу общественных отношений, которая поставлена под охрану совокупностью норм, претендующих на роль подотрасли уголовного права; 2) наличие уголовной ответственности в специфической сфере общественных отношений или применительно к особой категорией субъектов; 3) определенное научное признание данной подотрасли. Все эти предпосылки обособления медицинского уголовного права в самостоятельную подотрасль сегодня уже вполне сформировались.

Уголовно-правовой механизм охраны жизни и здоровья человека при получении им медицинских и фармацевтических услуг составляют ч. 4 ст. 122, ст. 124, 235, 235¹, 238¹ и 327² УК РФ. Вспомогательную роль в этом механизме играют ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118; ст. 120, 233 и 238 УК, поскольку эти преступления могут совершаться не только медицинскими работниками. К их числу следует отнести и статьи 230¹ и 230² УК, поскольку предусмотренные ими преступления с объективной стороны как раз и состоят в нарушении запретов, налагаемых спортивной медициной, хотя вопрос об их объекте весьма спорен.

Вряд ли можно считать, что регламентация уголовной ответственности медицинских и фармацевтических работников за нарушение медицинских предписаний и запретов является полной и совершенной. Исходя из этого, совместная рабочая группа Национальной Медицинской Палаты и Следственного Комитета Российской Федерации в июле 2018 г. представила совместный проект Закона о дополнении Уголовного кодекса РФ двумя новыми статьями (124¹ и 124²) и изменении редакции статьи 235.

Предлагаемая статья 124¹ УК предусматривает наказание за ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги) вследствие нарушения медицинским работником своих профессиональных обязанностей, если это повлекло по неосторожности гибель плода человека и (или)

¹ См.: Кашанина Т.В. Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85). С. 45.

² См.: Дубовик О.Л. Новые тенденции развития уголовно-экологического законодательства Европейского союза // Материалы IV Российского конгресса уголовного права. М.: Проспект. 2009. С. 679-682; Ершова И.В., Фролкина Е.Н. Коммерческое право: новые вызовы реальности // Актуальные проблемы российского права. 2018. №. С. 11-18.

³ См.: Пикуров Н.И. Оправдана ли полная кодификация уголовного законодательства в современных условиях? // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. Материалы VIII Российского конгресса уголовного права. М., 2013. С. 186; Есаков Г.А. Кодификация и подотрасли уголовного права // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. Материалы VIII Российского конгресса уголовного права. М., 2013. С. 77.

причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1), с усилением наказания в случаях, если деяние повлекло по неосторожности смерть человека (ч. 2) либо повлекло по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3).

В статье 124² УК (Соккрытие нарушения оказания медицинской помощи) предлагается установить наказание за внесение недостоверных сведений в медицинскую документацию, ее сокрытие либо уничтожение, а равно сокрытие, уничтожение, подмену биологических материалов с целью сокрытия ненадлежащего оказания медицинской помощи (медицинской услуги) другим медицинским работником, деяния которого повлекли причинение тяжкого вреда здоровью либо гибель плода, либо смерть одного или более лиц. Предлагаемая норма предусматривает усиление наказания, если деяние совершено должностным лицом, либо лицом, осуществляющим управленческие функции в медицинской организации.

Впрочем, Национальная Медицинская Палата выступила категорически против указания в предлагаемой норме на последствия в виде гибели плода, полагая, что нет никаких оснований для включения плода человека в число субъектов уголовного права.

Хотя упомянутый проект закона и не был внесен на рассмотрение Государственной Думы, сама по себе инициатива его авторов заслуживает внимания. Дело в том, что проблема уголовно-правовой охраны жизни и здоровья граждан выходит далеко за рамки получения качественных лекарственных средств и безопасных медицинских услуг, а медицинское уголовное право не может сводиться к охране только жизни и здоровья.

Требуют своего решения проблемы уголовной ответственности за нарушение правил проведения биомедицинского исследования, за нарушение законодательства РФ о временном запрете клонирования человека, а также за нарушение правил применения вспомогательных репродуктивных технологий¹.

Заслуживают пристального внимания предложения об установлении уголовно-правовых ограничений в сфере медицинского экспериментирования над человеческим организмом, полного исключения медицинских экспериментов без согласия пациента, в частности – вмешательства в геном человека².

¹ См.: Блинов А.Г. Учение об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента. Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Саратов, 2014. С. 12-15.

² См.: Крылова Н.Е. Конституционные основы уголовной ответственности за незаконное проведение биомедицинских исследований на человеке // Конституционные основы уголовного права. М. 2006. С. 302-307; Мирошниченко Н.В. К вопросу о правомерности причинения вреда жизни и здоровью при производстве медицинского эксперимента // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 2. С. 130-131; Блинов А.Г. Конвенция Совета Европы о правах человека и биомедицине и ее значение в уголовно-правовом обеспечении прав и свобод пациента // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современно преступностью. Саратов, 2008.

Несмотря на многочисленные научные труды законодатель не решается поставить в уголовно-правовую плоскость проблему ответственности за эвтаназию посредством дополнения УК РФ нормой об эвтаназии как разновидности убийства при смягчающих обстоятельствах¹.

Вполне назревшим представляется и вопрос об уголовной ответственности за нарушение установленных законом правил пересадки органов и тканей человека².

В целях пресечения врачебных злоупотреблений при осуществлении посмертного и прижизненного донорства целесообразно установить уголовную ответственность за нарушение правил изъятия органов и тканей у живого донора или трупа, а также за незаконный оборот органов и тканей человека³.

Обособление медицинского уголовного права должно обеспечиваться не только научным сопровождением, но и качественным технико-юридическим решением. Оно было бы оптимальным, если бы в новой редакции Уголовного кодекса РФ была выделена структурная единица (например, раздел, глава, отделение), объединяющая нормы медицинского уголовного права. При этом было бы полезно заимствовать законодательный опыт других стран.

Так, в Кинге Пятой УК Франции раздел I полностью посвящен преступным деяниям в области здравоохранения: защите человеческого вида (ст.ст. 511-1), защите человеческого организма (ст.ст. 511-2 – 511-14), защите человеческого эмбриона (ст.ст. 511-15 – 511-25).

§ 5 главы 6 УК КНР посвящен преступлениям против общественного здравоохранения (включает 8 статей).

В УК Республики Казахстан выделена глава 12 – медицинские уголовные правонарушения.

В разделе 3 главы 12 Уголовного (Пенитенциарного) кодекса Эстонии выделены преступления, связанные с лекарственными средствами.

¹ См.: Писарев Д.И. Основные проблемы врачебной этики и медицинской деонтологии. М., 1969; Хорват Т. Эутоназия – проблема медицинской этики и уголовного права // Правовые исследования. Тбилиси, 1977; Зильбер А.П. Трактат об эйтаназии. Петрозаводск, 1998; Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь. М., 2006.

² См.: Глушков В.А. Указ. соч.; Блинов А.Г. Уголовно-правовая охрана репродуктивного права человека и ее оптимизация // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация. Саратов, 2003. С. 103-107; Баулин Ю.В. Причинение вреда здоровью с согласия «потерпевшего» как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Харьков 2007. С. 54-59; Блинов А.Г. Уголовно-правовая охрана пациента и ее системное обеспечение на законодательном уровне // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 65-68.

³ См.: Тихонова С.С. Уголовно-правовое регулирование посмертного и прижизненного донорства в Российской Федерации. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001.

Еще более определенно и грамотно обособление «медицинских» преступлений осуществлено в Уголовном кодексе Кыргызской Республики 2017 г. Глава 24 этого Кодекса посвящена преступлениям в сфере медицинского и фармацевтического обслуживания населения. Она включает девять статей: ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником (ст. 152); незаконное проведение опыта над человеком (ст. 153); незаконное изъятие тканей или органов умершего человека (ст. 154); имплантация женщине чужой яйцеклетки (ст. 155); запрещенные действия с эмбрионом (ст. 156); нарушение порядка обращения донорской крови (ст. 157); насильственное донорство (ст. 158); незаконная лечебная деятельность (ст. 159) и разглашение врачебной тайны (ст. 160).

Вывод: в настоящее время имеются все необходимые предпосылки для выделения группы норм российского Уголовного кодекса в автономную подотрасль, а в перспективе – в самостоятельную главу о преступлениях в сфере медицинского обслуживания населения.

Иван Д. Милич,
ассистент кафедры уголовного права
юридического факультета
Государственного Университета в городе Нови-Сад,
Республика Сербия

Где отбывают тюремное заключение самые опасные заключенные в Республике Сербия?

После того, как обвинительный приговор, который определяет для совершившего уголовное преступление лица меру наказания в виде тюремного заключения в местах лишения свободы¹, вступает в силу и подлежит исполнению, осужденное лицо направляется к месту исполнения наказания. Когда судебный приговор вступает в силу, обвиняемое лицо получает статус осужденного лица, и мера его наказания в виде тюремного заключения индивидуализируется в ходе уголовного процесса в суде. Однако, тогда начинается индивидуализация мера наказания в виде тюремного заключения и в исполнительном процессе. Для осужденного лица, которое отбывает наказание в местах лишения свободы, самым важным представляется определенный приговором срок тюремного заключения, но для него важно и в каком месте заключения он будет отбывать тюремное наказание. В связи с этим,

¹ В соответствии с Уголовным кодексом Республики Сербии существует возможность того, чтобы осужденные лица отбывали заключение в месте своего жительства. Речь тут идет о так называемом домашнем аресте. См. ст. 45. Уголовного кодекса // Служебный вестник Республики Сербии. Номер 85/2005, 88/2005, 107/2005, 72/2009, 111/2009, 121/2012, 104/2013, 108/2014, 94/2016, 35/2019.

срок заключения может быть небольшим, но условия исполнения наказания могут быть строгими, а может быть и так, что срок заключения – длительный, но условия заключения – мягкие.

В Республике Сербии существует свыше тридцати мест заключения различного вида и типа, в которых содержатся лица, лишённые свободы. Так, например, в 2012 году в Сербии в местах лишения свободы содержалось 6 958 осуждённых¹. В местах заключения содержатся не только осуждённые, но и лица, лишённые свободы на других законных основаниях, а это, прежде всего, лица, совершившие административные проступки, лица, осуждённые за производственные нарушения, лица, находящиеся под следствием и др. В любом случае, наибольший процент лиц, лишённых свободы в тюрьмах, составляют осуждённые.

Важно отметить, что в Республике Сербии существует: 1. только одна тюрьма для несовершеннолетних – Уголовно-исправительная тюрьма в городе Вальево; 2. только один Воспитательно-исправительный интернат в городе Крушевац, в котором исполняется исправительная мера наказания; 3. только одна Специализированная тюремная больница в городе Белград; 4. только одна женская тюрьма – Уголовно-исправительная тюрьма в городе Пожаревац.

Для осуждённых важно в какой тюрьме они будут отбывать наказание, так как от этого зависит и их положение. Главным источником, определяющим исполнение меры наказания в виде тюремного заключения, является Закон об исполнении уголовного наказания², однако и подзаконные акты играют важную роль, так как они более детально регулируют исполнение наказания в виде тюремного заключения. То, в какой месте лишения свободы осуждённый будет отбывать тюремное наказание зависит, прежде всего от: 1. пола; 2. вида совершенного преступления; 3. формы вины; 4. возраста осуждённого; 5. строгости назначенного наказания; 6. того, является ли осуждённое лицо гражданином Республики Сербия, иностранцев или лицом без гражданства; 7. места жительства.

По уровню охраны тюрьмы в Республике Сербии могут быть: А) открытого, Б) полуоткрытого, В) закрытого; Г) закрытого типа с особой охраной. Уголовно-исправительные учреждения закрытого типа с особой охраной имеют самый *строгий режим*, поэтому вполне логично, что в них отбывают наказание самые опасные осуждённые. В данных Уголовно-исправительных учреждениях побегу препятствуют представители службы безопасности, а также физические и технические барьеры, посредством которых до-

¹ См: Иван Милич. Индивидуализация тюремного заключения – криминологические, уголовно-правовые аспекты и аспекты наказания, город Нови-Сад, 2017 г. С. 339 (докторская диссертация).

² Служебный вестник Республики Сербии. Номер 55/2014, 35/2019.

стигается наивысшая степень безопасности. В Республике Сербии существует три тюрьмы данного типа: 1. в Истоке¹; 2. в Пожаревац – Забели; 3. в Белграде.² Принимая во внимание, что речь идет о тюрьмах с самым строгим режимом – в смысле охраны – логично, что в них отбывают тюремное наказание осужденные с высокой вероятностью попытки побега. Вполне логично, что возникает вопрос о том, кто самые опасные осужденные, которые отбывают наказание в таких местах лишения свободы? В любом случае существует множество критериев, которые имеют значение при определении меры наказания для опасных преступников. Однако, представляется, что самые значимые из них те, которые касаются самого осужденного (структуры его личности)³, тяжести преступления, за которое он осужден (принимая во внимание предусматриваемое наказание) и виды и меру наказания, которое определено. В любом случае и в рамках этого правила существуют исключения, когда кто-то, кто осужден на многолетнее тюремное заключение не является самым опасным преступником. В соответствии с действующими правилами⁴, не существует единого решения по поводу того, кто отбывает тюремное заключение в местах лишения свободы закрытого типа со строгим режимом. Можно сказать, что в Пожареваце – Забели отбывают тюремное заключение лица, осужденные на лишение свободы сроком более двадцати лет⁵. С другой стороны, в тюрьме в Белграде отбывают наказание лица, чей срок заключения свыше десяти, то есть пятнадцать лет, в зависимости от места жительства осужденного⁶. Представляется, что можно сделать вывод о том, что для законодателей самым важным критерием определения самых

¹ Исток – округ на территории Автономного края Косово и Метохия, поэтому, принимая во внимание актуальную ситуацию, в данное исправительное учреждение заключенные не направляются.

² Места лишения свободы основаны в соответствии с Приказом об организации института исполнения наказаний в Республике Сербия, "Служебный вестник Республики Сербия", номер 20/2006, 89/2009, 32/2010, 53/2011, 11/2017.

³ О необходимости исследования личности см. И. Милич О необходимости исследования личности обвиняемого в уголовном процессе, Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе, Материалы Международной научно-практической конференции, 25–26 сентября 2014. г. С. 192-196.

⁴ Регламент о направлении осужденных, совершивших административные проступки и находящихся под следствием лиц в учреждения, исполняющие наказание. Служебный вестник Республики Сербия. Номер 31/2015.

⁵ Однако, существуют и отдельные исключения. Так, в них отбывают наказание и лица осужденные на лишение свободы сроком около одного года в зависимости от места жительства или места нахождения. В них содержатся как лица, совершившие административные проступки, так и лица, находящиеся под следствием. В любом случае в самом месте лишения свободы происходит индивидуализация, то есть распределение лиц, лишенных свободы.

⁶ В данном месте исполнения наказаний не отбывают наказание лица, совершившие административные проступки, а также лица, находящиеся под следствием.

опасных преступников является степень назначенного наказания, и, что критерием определения строгости режима тюрьмы является ее уровень безопасности.

Однако, если осужденные лица и направляются в тюрьму строгого режима, это не означает, что его положение в ней всегда будет хуже, чем у осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы с менее строгим режимом. Дело в том, что в таких тюрьмах существует три отделения, в которые распределяются осужденные лица. Речь идет об открытых, полуоткрытых и закрытых отделениях. Кроме этого, в рамках отделения осужденные распределяются в группы, а именно: А1; А2; Б1; Б2; В1, и В2. Далее, в самом институте исполнения наказания существует индивидуализация отбывания срока заключения. От отделения и группы зависит и то, какие права будет иметь осужденный в ходе отбытия срока лишения свободы. Такое законодательное решение неоправданно, так как возможно, что осужденные, которые отбывают наказание в менее строгих тюрьмах имеют меньше прав, чем осужденные, которые содержатся в тюрьмах строгого режима.

То, в каком отделении будет отбывать наказание осужденный и то, в какую группу он будет распределен зависит от оценки экспертной комиссии в приемном отделении месте лишения свободы. Администрация тюрьмы в приемном отделении реализует первоначальную индивидуализацию исполнения наказания в виде лишения свободы. Осужденные, которые начал отбывать заключение в определенном отделении и группе могут в течение срока исполнения наказания перевестись в другое отделение или группу, то есть осужденные могут прогрессировать или регрессировать в системе исполнения наказания, что в наибольшей степени зависит от его поведения во время нахождения в тюрьме. Также, при определенных условиях, осужденные могут быть перемещены в другое место лишения свободы такого же типа или менее строгим режимом.

В Республике Сербия данное решение было актуально вплоть до 2009 года. Можно сказать, что в части направления самых опасных преступников места лишения свободы различают два периода: до 2009 года и после 2009 года.

В 2009 году в Республике Сербии был принят Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с организованной преступностью¹. Речь идет о законе, который *lex specialis* относительно Закона об исполнении уголовного наказания. Им законодательно выделена определенная категория осужденных, которые в период исполнения наказания имеют *особенный режим*, за счет чего они попадают в категорию самых *опасных осужденных*. Вполне логично, что возникает вопрос о том,

¹ Служебный вестник Республики Сербия. Номер 72/2009, 101/2010.

кто в соответствии с данным законом является самыми опасными осужденными, к которым его можно применить. Как и определено в самом названии закона, он применяется прежде всего к лицам осужденным за организованного криминала¹. Таким образом, учитывается вид совершенного преступления, а не степень назначенного наказания.

Однако, Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с организованной преступностью, не применяется автоматически к осужденным лицам, существует есть возможность его применения. Речь идет о том, что после вступления в законную силу вынесенного приговора против осужденного (к которому можно применить Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с организованной преступностью) возбуждается еще один судебный процесс, в ходе которого нужно вынести только одно решение – о том, где осужденный будет отбывать наказание. Для осужденных лиц, к которым может быть применен Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с организованной преступностью, были созданы Специальные отделения. В соответствии с Законом об исполнении наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с организованной преступностью осужденное лицо будет *направлено* в Специальное отделение, если имеет место один из перечисленных далее рисков того, что осужденный: 1) посредством осужденного или иного лица продолжен контролировать криминальную деятельность организованной преступной группировки; 2) посредством осужденного или иного лица установит сотрудничество с другими организованными криминальными группировками в целях продолжения криминальной деятельности; 3) посредством осужденного или иного лица организует столкновение с другими организованными криминальными группировками; 4) посредством иного лица поставит под угрозу безопасность судьи, прокурора или иного участника ведущегося или законченного судебного процесса или иного должностного лица, которое принимало участие в судебном разбирательстве или в процессе исполнения наказания; 5) подтолкнет иное лицо к совершению преступления. Мы видим, что указанные обстоятельства касаются будущего криминального поведения осужденного. Если осужденный не был направлен в Специальное отделение сразу, это не значит, что он не может быть направлен туда позже в ходе исполнения наказания в виде лишения свободы. Таким образом, если в ходе тюремного заключения выяснится, что существуют условия того, чтобы

¹ Однако, возможно, что Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с организованной преступностью, может быть применен и к лицам, осужденным за другие преступления, такие как терроризм, геноцид, военные преступления и т.д. В связи с этим, можно сделать вывод о том, что название данного закона не соответствует его содержанию и было бы оправданно изменить его название на Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с организованной преступностью и другие тяжелые преступления.

осужденный был направлен для отбытия тюремного наказания в Специальное отделение, он и будет туда направлен. Важно отметить, что в Специальные отделения направляют только лиц мужского пола. Также там могут отбывать наказание только совершеннолетние лица.

Специальные отделения предназначенные для отбытия наказания в виде лишения свободы созданы на базе уголовно-исправительных учреждений закрытого типа с особой охраной. Это те три уголовно-исправительных учреждения, о которых мы уже говорили выше. Несмотря на то, что в Республике Сербия уже существует три подобных тюрьмы, два Специальных отделения были созданы: 1. в Пожаревцу – Забели; 2. в Белграде. Таким образом, Специальные отделения не являются особыми тюрьмами, а существуют на базе исправительных учреждений закрытого типа с особой охраной. Можно сказать, что это «тюрьма в тюрьме». Данная категория осужденных лиц изолирована от других заключенных.

В Специальных отделениях действуют специальные правила, которые во всяком смысле строже, чем правила для остальных осужденных. Важно отметить, что пребывание осужденных в Специальных отделениях регламентирует отдельный правовой документ – речь идет о Регламенте о порядке пребывания в Специальном отделении для отбытия тюремного наказания за преступления, связанные с организованным криминалом¹. Выделим только несколько фактов, которые касаются жизни осужденных в Специальном отделении: 1. осужденные, как правило, размещаются отдельно от других; 2. во время пребывания вне помещения постоянного размещения, осужденные должны носить предоставляемую ему Специальным отделением одежду (за исключением времени занятий физической активностью). Речь идет о том, что осужденные должны носить «тюремную униформу/одежду осужденных». 3. осужденные имеют право на телефонные разговоры с близкими родственниками не более двух раз в месяц. Телефонные разговоры, за исключением разговоров с адвокатом, контролируются и записываются; 4. осужденные имеют право на визиты близких родственников один раз в месяц; 5. содержание переписки контролируется.

Если осужденный изначально был направлен в Специальное отделение, это не значит, что он должен отбывать в нем весь срок заключения. Речь идет о том, что каждые два года проверяется есть ли необходимость того, чтобы осужденный и далее отбывал наказание в Специальном отделении. Если не существует причин, чтобы осужденный и дальше отбывал наказание в Специальном отделении, он будет перераспределен на базе того же самого исправительного учреждения, в котором находится Специальное отделение. Таким образом, сейчас осужденные распределяются в отделения и группы, в которых отбывают наказания осужденные, которые считались

¹ Служебный вестник Республики Сербия. Номер 18/2010, 43/2013, 76/2017.

самыми опасными до 2009 года, то есть осужденные, к которым не применяется Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с организованной преступностью. Таким образом, можно сказать, что осужденные, перемещаемые из Специального отделения, становятся осужденными другой категории.

Если осужденный был перемещен из Специального отделения, это не значит, что он не может быть снова возвращен в него. Таким образом, если в любом момент в период исполнения наказания в виде лишения свободы (с того момента как осужденный был перемещен из Специального отделения) появятся определенные обстоятельства, являющиеся основой того, чтобы осужденный отбывал тюремное заключение в Специальном отделении, осужденный будет в него перемещен. Как мы уже сказали, после вступления приговора в законную силу ведется судебный процесс по поводу того будет ли осужденный направлен в Специальное отделение. Решение по этому вопросу принимает Высший суд в городе Белград, на которое осужденный всегда имеет право подать жалобу в Апелляционный суд в городе Белград – также они принимают решение и о перемещении.

В заключении, на основании норм позитивного права в Республике Сербия, мы можем сделать вывод о том, что самые опасные осужденные те, к которым применяется Закон об исполнении наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с организованной преступностью. Законодатель решил, что критерии того, кого считать самым опасным осужденным, определяет вид совершенного преступления. Для таких осужденных созданы Специальные отделения для отбытия наказания. Их жизнь в тюрьме строго контролируется.

Сретен Югович,
профессор университета криминалистики и полиции,
г. Белград, Республика Сербия;
Дане Субошич,
профессор университета криминалистики и полиции,
г. Белград, Республика Сербия

Организация полиции в Республике Сербия

Введение

Определение понятия полиции в основном содержит и ее организационный элемент. При этом об организации полиции можно говорить в двух основных аспектах: 1) организация в качестве структуры, где изображается организационная структура, которая обычно изображается как пирамида (органиграмма; организационная схема); и организация деятельности, где на основе применения научных принципов и теорий, преимущественно

науки об управлении и науки управленческого (полицейского) права организует выполнение работ и заданий. Самая важная часть организационных вопросов однозначно имеет правовую форму и определяется действующим правом. Полицейские вооружены, особо оснащены, наделены полицейскими полномочиями, которыми ограничиваются свободы и права людей, право каждого гражданина на непосредственную и конкретную безопасность вместе с другими фактами. Это необходимо учесть при организации полиции.

При организации полиции важна организация полиции внутри государства, а также и ее внутренняя организация (устройство). Необходимо подчеркнуть, что не существуют идентичные модели организации полиции, а похожие, а организация полиции в каждой стране представляет собой отражение сочетания исторических условий с современными. Чаще всего сочетаются централизованные и децентрализованные формы организации (смешанные полицейские системы), и при этом за последние девяносто лет (с мирового экономического кризиса в тридцатые годы двадцатого века), кажется, преобладает централизация в организации полиции, в то же время идет поиск децентрализованных форм ее деятельности. Хотя и сочетаемая, в Сербии и в бывшей Югославии в течение последних шести десятилетий действовали обе формы организации полиции. При этом, вторую Югославию (1945-1990) преимущественно характеризует децентрализация по области внутренних дел, начиная с пятидесятых годов (1956), когда Законом об органах внутренних дел, а также и следующим за ним – Основным законом о службе внутренних дел (1964) обеспечено создание органов внутренних дел (секретариата) в районах. Наряду с районными секретариатами (органами управления), существовали и городские, и межрайонные (общие) секретариаты, краевые секретариаты внутренних дел Сербского Автономного Края Косово и Метохии и Сербского Автономного Края Воеводины, а также и республиканский секретариат внутренних дел, вплоть до начала девяностых годов, когда Конституционными поправками от 1989 года и Конституцией из 1990 года государственное управление централизовано, а тем самым и область внутренних дел. После конституционных изменений, принятием Закона о министерствах и Закона об внутренних делах из 1991 года МВД стал единственным органом государственного управления, уполномоченным выполнять внутреннюю (полицейскую) деятельность на территории в целом. Поэтому министр внутренних дел на основании законодательных полномочий утвердил Положение о внутренней организации МВД и создал сеть региональных (внутренних) организационных подразделений полиции, тем самым, на самом деле полиция была централизована, а местные полицейские органы, соответственно, районные и городские секретариаты внутренних дел этатизованы. Таким образом, они от нецентральных (местных)

органов стали региональными организационными подразделениями центрального органа (МВД)¹. Такая организация существует и в настоящее время, только изменены наименования Секретариата и отделений внутренних дел в региональные полицейские управления и полицейские участки.

В Республике Сербия существует один орган, уполномоченный для выполнения полицейских (внутренних) дел на совокупной территории государства, а это значит, что полиция организована централизованно.² Это – Министерство внутренних дел (МВД), созданное в соответствии с Законом о министерствах. МВД представляет собой самостоятельный, центральный, отдельный и вооруженный орган государственного управления, созданный для выполнения внутренних дел.³ Оттуда все организационные вопросы на самом деле приведены ко внутренней организации (устройству) данной полиции, следовательно, МВД. Региональная «сеть» организационных подразделений полиции относится к области внутренней организации полиции. Это определило некоторых авторов квалифицировать полицейскую систему Сербии как несложную полицейскую систему.⁴ Но, наряду с МВД, особую (полицейскую) деятельность по безопасности выполняют, и некоторые полицейские полномочия имеют и некоторые другие государственные и негосударственные органы и организации, как на пример БИА, защищающая безопасность государства, ВБА и ВОА, которые занимаются преимущественно военной безопасностью, и коммунальная милиция, которая применяет определенные полицейские полномочия, и выполняет работы коммунального порядка в крупных городах. Так как изменена концепция безопасности, отдельными полицейскими полномочиями по законодательству получают и субъекты частной безопасности (хозяйственные общества), предоставляющие услуги охраны и выполняющую деятельность детективов. Если к этому добавить и комплексная внутренняя организация МВД, затем существование Совета по национальной безопасности и его оперативного органа, Бюро по координации работы, можно сказать, что речь идет все-таки о сложной полицейской системе безопасности.

¹ Больше об этом: Стеванович О. Организационная структура полиции в Республике Сербия в последнем десятилетии XX века // Сборник работ Академии криминалистики и полиции Структура и функционирование полицейской организации, традиция, состояние и перспективы – I, Белград, 2013. С. 147–170.

² Милетич С., Югович С: Право внутренних дел. Академия криминалистики и полиции, Белград, 2016. С. 88.

³ Ibid.

⁴ Субошич Д. Организация и дела полиции, третье измененное и дополненное издание, Академия криминалистики и полиции, Белград, 2017. С. 48.

Действующие правовые решения об организации полиции в Республике Сербия

Полиция организована в составе МВД. Исходные законодательные решения об организации МВД относятся и к полиции, среди них и факт, что для выполнения деятельности из компетенций МВД создаются и внутренние организационные единицы, что Правительство постановлением определяет принципы внутреннего устройства МВД, виды организационных подразделений, местонахождения и регионов, для которых создаются данные подразделения¹ (далее: Постановление об устройстве) и что министр, по предварительному полученному согласию Правительства, Положением о внутреннем устройстве и систематизации рабочих мест (далее: Положение об устройстве), определяет рамки деятельности и категоризацию организационных подразделений МВД, число, систематизацию, вид, статус и описание рабочих мест, рабочие места, на которые предусматриваются отдельные условия для их получения, способ руководства, планирования и выполнения работ.

Следовательно, с правового и технического аспекта, в правовом порядке Сербии правовые нормы об организации полиции, как это видно — *materia legis*, материал предписаний правительства, специальных постановлений (постановления об устройстве), а также и (внутреннего) акта о внутреннем устройстве, утверждаемого министром в соответствии с Законом о полиции (Положением об устройстве), с предварительного согласия правительства. Следовательно, существуют три официальные уровня иерархии в организации полиции (закон, постановление, положение).

Действующие законы и законодательные нормы (юридические, технические, а не концептуальные) устраивают немного иную организацию полиции в Республике Сербия, принятием Закона о полиции от 2005 года. Вместо раннее четкого положения из Закона о внутренних делах (1991), по которому министр (внутренних дел) утверждает рамки деятельности организационных подразделений Министерства, их организацию, местонахождение и регионы, по которым они создаются, Закон о полиции от 2005 года и следующий 2016 г.², организации полиции уделяют целый раздел, наряду с еще некоторыми положениями (вне такой систематизации) и тем самым организация полиции становится видимой, так как и внутреннего акта, Положения об устройстве, она «превратилась» в Закон, то есть, она стала частью содержания Закона.

В смысле действующий правовых положений, полиция в Республике Сербия в составе МВД как одного из органов государственного управления, представляет собой организованный способ выполнения работ, определенных законодательством, а она составлена из сотрудников полиции, которые

¹ Постановление о принципах внутреннего устройства Министерства внутренних дел // Сл. гласник РС. Ном. 60/2017.

² Сл. гласник РС. Бр. 6/2016, 24/2018 и 87/2018.

выполняют полицейские и иные внутренние дела. Для реализации данных дел создается Дирекция полиции. Видно, что законодательный орган полицию определил сочетанием функциональных органических элементов – делового (функциональный элемент) и сотрудники полиции (органический элемент) являются элементами понятия полиция.

Дирекция полиции – это внутреннее организационное подразделение МВД, а в теоретическом смысле, это основная (высшая) организационная форма полиции. Она создана с целью выполнения полицейских и иных внутренних дел. В состав Дирекции полиции входят организационные подразделения в местонахождении – управления, центры, подразделения, специальные и особые подразделения полиции и вне местонахождения – Полицейское управление по городу Белграду, региональные полицейские управления (далее: полицейские управления) и полицейские участки. Специальное подразделение полиции – это Специальное антитеррористическое подразделение (САЙ). Отдельные подразделения полиции в местонахождении Дирекции полиции – Жандармерия, Вертолетное подразделение, Подразделение для защиты и Подразделение для охраны определенных лиц и объектов, а по городу Белграду Полицейская бригада и Интервенционное подразделение 92¹. С целью выполнения полицейских и других работ в соответствии с характеристичными свойствами определенный регионом можно утвердить и внутренние организационные подразделения для координации работы полицейских управлений и полицейских участков в регионах, в которых они созданы. Организационные подразделения в местонахождении Дирекции полиции, Полицейское управление по городу Белграду и полицейские управления формируются так, что они в рабочем и функциональном порядке связаны с соответствующими организационными подразделениями и работами так, что они однородные полицейские работы из своих рамок деятельности они выполняют на центральном, региональном и местном уровнях. В Дирекции полиции или в другом внутреннем организационном подразделении, работы и рамки деятельности утверждены законодательством в качестве узких организационных единиц можно создавать управления, отделения, департаменты и группы. Узкие организационные подразделения можно создавать для выполнения работ в местонахождении Министерства и для региональных полицейских управлений.

¹ Наряду с приведенными организационными подразделениями полиции особого назначения постоянного состава, существуют и временные подразделения полиции того же назначения – Интервентные подразделения полиции – ИЙП и Команда для переговоров министерства – ПТМ (См.: Субошич Д: Организация и дела полиции, третье измененное и дополненное издание. Академия криминалистики и полиции. Белград, 2017 и Стеванович О., Субошич Д, Кекич Д. Менеджмент в полиции: практикум, второе, измененное и дополненное издание. Академия криминалистики и полиции. Белград, 2019. С. 100-104).

Законом о полиции устроено и отношение полиции и министерства. МВД создает условия для работы полиции, и в своих компетенциях имеет работы, которые выполняет через организационные подразделения, не принадлежащие полиции, среди которых – работы по защите и спасательные работы, защиты от пожара, контроля оборота и транспорта оружия, боеприпасов, взрывчатых и других опасных веществ. МВД также выполняет работы по разработке, организации, стратегии, программы, планам, телекоммуникации, информационные, аналитические, логистические и работы по управлению человеческими ресурсами. Он работает и по реализации международного сотрудничества по области внутренних дел. Обеспечивает внутренний контроль и регулярное сотрудничество с органами и организациями, проводящими внешний контроль. Согласно законодательным нормам о государственном управлении, министр является высшим должностным лицом министерства, он представляет и руководит министерством, утверждает законодательные нормы (исполнительные на основании специального полномочия) и принимает решения по другим вопросам из рамок деятельности министерства. Он ответствен по отношению к Правительству и Народной скупщине по работе министерства и по состоянию во всех областях из рамок деятельности министерства и по состоянию безопасности. Министры являются членами правительства и главами управленческих областей. Это – свойство всех современных демократий. Когда речь идет об отношении полиции и министра, Законом о полиции проведена линия разделения политики и профессии, т.е. созданы основы по деполитизации полиции, так как полицией непосредственно руководит директор полиции.

Законом организация полиции соответствует гражданам на всей государственной территории (применением множества принципов, среди которых по своему значению выделяются реальный принцип в рессорном и функциональном варианте, а также и территориальный принцип организации), с целью непосредственного и конкретного выполнения полицейских работ на всей территории. Это относится и ко внутренней организации, имеющей вертикальную, горизонтальную и диагональную мерку.¹ Внутренняя организационная структура полиции особая, так как полицейская деятельность – особенная. Законом предусмотрены отдельные наименования и организационные формы организационных подразделений в местонахождении МВД, в местонахождении Дирекции, затем региональные организационные подразделения (по городу Белграду и остальные) за названием «региональные полицейские управления», покрывающее территорию трех и больше районов, и наконец, для регионов предусмотрены полицейские участки, выполняющие полицейские и иные внутренние дела. Законом определены и наименования данных организационных подразделений. В

¹ Субошич Д: Организация и дела полиции, третье измененное и дополненное издание. Академия криминалистики и полиции. Белград, 2017. С. 50-52.

местонахождении Дирекции полиции создаются управления, в местонахождении регионального полицейского управления создаются и отделения и вне местонахождения – полицейские участки в районах. Самая сложная – внутренняя организация Полицейского управления по городу Белграду, а затем региональных полицейских управлений в городах Нови Сад, Ниш и Крагуевац. В составе организационных единиц (в местонахождении и региональных) существуют и более узкие организационные единицы (отделения, отсеки, группы и др.).

Организационные единицы в местонахождении Дирекции полиции, Полицейское управление по городу Белграду и региональные полицейские управления создаются, так, что они в рабочем и функциональном порядке связаны с соответствующими организационными единицами и работами так, что подобные полицейские работы из рамок своей деятельности они выполняют на центральном (национальном), региональном и местном уровнях. Это значит, что совместная работа всех внутренних организационных подразделений полиции обеспечивается, в первую очередь, постоянными горизонтальными связями организационных подразделений с различными рамками работы на одном и том же «уровне организации» (например, в местонахождении или в определенном регионе), а также и постоянными вертикальными связями организационных подразделений с одинаковыми или одного вида рамками работы на различном «уровне организации» (местонахождение – регион – узкий регион). Так, например, внутреннее организационное подразделение в местонахождении Дирекции полиции, в рамки деятельности которого входят работы по борьбе с криминалом сохраняет в местонахождении Дирекции полиции постоянные горизонтальные связи с другими организационными единицами, в рамки деятельности, которых входят различные другие работы (охрана общественного порядка, транспортная безопасность и пр.). То же организационное подразделение сохраняет и постоянные вертикальные связи собственного руководства с собственными внутренними организационными подразделениями. Наконец, то же организационное подразделение сохраняет и постоянные связи с территориальными организационными подразделениями, в рамки деятельности которых входят работы по предотвращению криминала в обоих направлениях – «сверху к низу» и «снизу к верху». Данный пример принципиально относится ко всем внутренним организационным подразделениям в сети, т. е. в цепи горизонтальных и в цепи вертикальных связей (за исключением Управления пограничной полиции, у которой имеются собственные территориальные организационные подразделения) с тем, что обязательства каждого из них зависят и от их «положения» в данной сети, соответственно, в цепи данных связей. Эти обязательства определяются Положением об устройстве через рамки деятельности («общие» – одинаковые для всех, или «отдельные» – особые для каждого в отдельности) всех внутренних организационных подразделений полиции.

Дирекция полиции: проводит стратегическую оценку общественной безопасности в сотрудничестве с организационным подразделением, компетентным по стратегическому планированию: утверждает стратегический план полиции, участвует в разработке плана кадров и в утверждении программы профессионального обучения и совершенствования в сотрудничестве с организационным подразделением, компетентным по управлению человеческими ресурсами; приводит в соответствие и направляет работу полицейских управлений и организационных подразделений в местонахождении; выполняет работу по контролю и инструктажу работ полицейских управлений и организационных подразделений в местонахождении; принимает непосредственное участие в выполнении определенных сложных работ из рамок деятельности полицейских управлений; обеспечивает проведение международных договоров полицейского сотрудничества и других международных актов, входящих в рамках ее деятельности; выполняет работы международного оперативного полицейского сотрудничества; создает необходимые условия для сохранения и увеличения готовности полиции к действиям в обстоятельствах увеличенного риска, в чрезвычайных обстоятельствах, в военном и чрезвычайном положении; работает по решению статусных вопросов граждан и выдаче удостоверений из рамок своей деятельности; в полицейских работах вносит свой вклад в активности по безопасности, полицейской работе и по учебной и научной активности.

К работам полицейского управления относятся: в области района, города, где его местонахождение непосредственно выполнять полицейские и иные внутренние работы и реализовать местное сотрудничество; разрабатывать оперативную оценку общественной безопасности в соответствии с стратегической; утверждает оперативный план полицейского управления в соответствии со стратегическим планом полиции; приводит в соответствие, ведет координацию и направляет работу полицейских участков / пунктов и обеспечивает реализацию местного сотрудничества и ответственности; проводит деятельность контроля и инструктажа своих организационных подразделений; участвует, если это необходимо в работах из рамок деятельности полицейских участков; проводит меры охраны определенных лиц и объектов, обеспечивает регулярное и срочное информирование и сообщение Дирекции полиции о явлениях и событиях в своем регионе; руководству местного самоуправления или руководству городского района в регионе, в котором оно находится, передает отчет о работе и о состоянии безопасности один раз в год; выполняет и другие работы, определенные законодательством, другими законодательными нормами и общими актами.

Полицейский участок непосредственно выполняет полицейские и другие внутренние работы и реализует сотрудничество в регионе района, для которого он создан в составе полицейского управления, а о своей работе и о состоянии безопасности один раз в год предоставляет информацию

руководству района местного самоуправления в регионе, в котором он находится.

Все организационные единицы полиции обеспечивают предположения по единству организационных и рабочих процессов в полиции, т.е. единому планированию, направлению, профессиональной координации, контрольной проверке запланированного и выполненного, законности и ответственности. Предположения по единству организационных и рабочих процессов в полиции, утвержденные Положением об устройстве, обеспечиваются и руководством.

Дирекцией полиции руководит директор полиции. Руководство и ответственность в Дирекции полиции обосновано на принципе одного старшинства и субординации. Он несет самую большую ответственность за состояние общественной безопасности и за работу полиции. Перед ним непосредственно ответственны за свою работу и работу организационных подразделений: начальники управлений в местонахождении Дирекции полиции, начальник полицейского управления по городу Белграду и все начальники региональных полицейских управлений (с территории Республики Сербия).

Директора полиции назначает Правительство на пять лет по предложению министра, после проведенного конкурса и способом, предусмотренным нормами о трудовых отношениях, действующих для Министерства внутренних дел.

Директором полиции может быть лицо, которое, наряду с общими трудовыми условиями по работе в государственных органах, выполняет и отдельные условия для работы полицейского сотрудника, имеет высшее образование, не меньше 15 лет эффективного рабочего стажа на руководящих полицейских постах, и выполняет условия по должности, предусмотренные для директора полиции. Если несколько кандидатов выполняют предусмотренные условия, преимущество имеет тот, у которого имеются лучшие результаты в полицейской работе.

Специальные и особые подразделения полиции привлекаются по решению руководителя соответствующего организационного подразделения. Для привлечения Жандармерии руководитель организационного подразделения получает предварительное одобрение директора полиции. В исключительных случаях, Специальное антитеррористическое подразделение, Вертолетное подразделение и Жандармерия при привлечении, охватывающем использование одного или больше отрядов в максимальной мощности, привлекаются решением руководителя соответствующего организационного подразделения, с предварительно полученным разрешением директора полиции и предварительно полученным согласием министра. Предложение по привлечению содержит оценку безопасности и план активностей. В срочных случаях план активности можно передать и дополнительно, не позже одних суток после привлечения.

Полицейским управлением руководит начальник полицейского управления, а полицейским участком руководит начальник участка. Полицейским пунктом руководит командир полицейского пункта. Влияние центральной власти (министерства) на выбор начальников региональных полицейских управлений недвусмысленно свидетельствует о централизации, то есть о том, что МВД – это централизованный орган.

Обеспечена также и непосредственная личная ответственность в прямой линии, где каждый руководитель подчинен своему вышестоящему лицу. Если посмотрим снизу кверху, начальники подразделений в местонахождении полицейских управлений и начальники полицейских участков ответственны по отношению к начальникам полицейских управлений. Кверху, начальники управлений в местонахождении Дирекции полиции и начальники всех (региональных) полицейских управлений ответственны директору полиции. Такое решение обеспечивает, чтобы вышестоящие должностные лица (директор, начальники полицейских управлений) реализовали контроль иерархии по «двойной колесе», так как одновременно к ним ответственных и руководители организационных единиц в местонахождении, и руководители региональных организационных единиц. Они имеют возможность и сравнивать данные из отчетов о работе тех и других руководителей и таким образом они могут получить объективный обзор результатов отдельных групп работ, а также и состояния безопасности в отдельных регионах. Данный двойной обзор, созданный давно в организации и руководстве в МВД, представляет собой самое высокое качество и организационного решения в настоящее время.

Наподобие организации, руководство – гораздо шире, чем его нормативный предел. Некоторые «общие правила» для всех руководителей организационных подразделений включены и в правовые нормы, как например: они организуют, объединяют и направляют работу данных организационных подразделений и их сотрудников; несут ответственность за своевременное, законное и правильное выполнение работ из рамок деятельности организационного подразделения и непосредственных исполнителей; предоставляют необходимую профессиональную помощь и выполняют самые сложные работы из рамок деятельности организационного подразделения, руководителем которого они являются. Если смотреть вне права, важнейшее задание руководства – это мотивация сотрудников, а она реализуется различными способами, самым важным из которых – коммуникация. Важнейшая цель организации деятельности управления и руководства в Министерстве внутренних дел – это обеспечение интеграционного действия (координации) всех составных полицейской организации.

На основании приведенного об организации (устройстве) полиции в Республике Сербии можно сделать определенные выводы.

Заключительные положения

1. Если посмотреть концептуально, актуальная организация полиции создана в Сербии в конце восьмидесятых годов XX века, но она несколько осовременивается соответственно изменениям в окружении (общественным условиям). Организация полиции не потерпела столько системные изменения (полиция все еще организована централизованно), сколько изменения названий основного и региональных организационных подразделений (Дирекция полиции вместо Рессора общественной безопасности и регионального полицейского управления – ППУ вместо секретариата внутренних дел – СУП), но созданы и новые организационные подразделения в соответствии с необходимостью выполнения полицейских задач настоящего времени и с появлением новых видов и форм криминала. Все еще и другие работы выполняет Министерство внутренних дел Республики Сербия в качестве единственного органа государственного управления, компетентного для выполнения внутренних дел государственного управления на всей территории Республики, организованного в соответствии с нормами государственного управления, но и в соответствии с видом работ и задач и нормами *lex specialis*.

2. Так как службы безопасности компетентны прежде всего по безопасности государства, и они занимаются предотвращением и борьбой с определенной организованной (тяжкой) преступностью, а законное понятие организованной преступности очень широко определено, *компетенции* данных служб (БИА, ВБА и ВОА) и полиции имеют множество общих точек и в большой мере *совпадают*. Для предотвращения конкуренции данных служб и полиции, то есть для обеспечения их единства и координации, Законом об основах устройства служб безопасности (2002) был создан общий орган – *Совет по национальной безопасности* – и его оперативный орган, *Бюро по координации* их работы. Они направляют и координируют работой полиции и служб безопасности. При этом данный новый «центр мощностей» не имеет конституционное положение, и стоит подумать о его конституционализации.

3. Организацию полиции в Сербии характеризует *уменьшение концентрации* работ по уровням организации – Дирекция полиции и другие организационные подразделения в местонахождении МВД – региональные полицейские управления – полицейские участки.

4. Таким образом установленная организация обеспечивает *уравненные действия* во всех одинаковых ситуациях на всей территории со всеми лицами (законность), *мобильность, оперативную подвижность* полицейских частей для выполнения полицейских задач, на пример, частей полиций в форме с целью обеспечения общественного порядка, *уравненное финансирование* и, в качестве самого важного, *действующее и функциональное единство* полиции.

5. Уменьшение концентрации централизованно организованной полиции (МВД) уменьшается централизм, и *определенная самостоятельность* присуждается региональным полицейским управлениям и полицейским участкам, а одновременно сохраняются самые важные преимущества централизованно организованной полиции. Так как уменьшение концентрации, кажется и не что иное как «административная» или «зависимая» децентрализация, как это подчеркивают некоторые немецкие авторы.¹ М. Петрович приводит, что исходные преимущества децентрализованной организации все-таки *не имеют универсальное действие*, именно они в большой мере не действуют в организации полицейской деятельности. Преимущество того, что «решающий – ближе к делу», особенно у территориальной децентрализации удерживается также уменьшением концентрации у «полицейских дел», так как полицейские участки формируются для каждого района, а региональные полицейские управления – для не меньше трех районов. Полицейские участки и региональные полицейские управления являются *„оперативными (действительными) решающими“*, а это и есть самое важное для реализации безопасности и выполнения внутренних дел. У них имеется полная самостоятельность в выполнении полицейских дел, они знают местную проблематику, так что они самые близкие к делам, которые они же решают. Затем, *лучшая возможность направления процесса принятия решений с помощью несложной организации* в качестве преимущества децентрализации также обеспечена хорошей организацией полиции. В соответствии с вертикальной «линейной организацией» процесс принятия решений направляется несложно. Далее, *менее нагруженные линии спускающейся и поднимающейся коммуникации*, как преимущество децентрализации у полиции с уменьшенной концентрацией также обеспечена по причине определенной самостоятельности, имеющейся у региональных подразделений полиции и различных линий работы полиции. Линии коммуникации необходимы, а их нагрузка оптимальная. Наконец, *увеличивается сознание об ответственности и человеческие отношения с гражданами*, вступающими во взаимные правовые отношения, как преимущества децентрализации, обеспечиваются и в полицейской организации с уменьшенной концентрацией, участием граждан и местных самоуправлений в вопросах безопасности, хорошим руководством и более тесным сотрудничеством и развитием концепции «полиция в обществе». Когда данный элемент развивается в полиции с уменьшенной концентрацией, разница между уменьшенной концентрацией и децентрализацией становится почти лишней. Наконец, здесь имеются известные преимущества децентрализации:² 1) Централизация улучшает единообразие исполнения управленческих решений; 2) центральные решения – ближе к местам, где создается государственная политика и поэтому они обеспечивают лучшее осуществление политических целей; 3) инновации,

¹ Петрович М. Наука об управлении. Ниш, 2010. С. 201–204.

² Ibid. С. 204.

происходящие от центральных плановых штабов, в большей мере внедряются, когда управление более централизовано; 4) средства для автоматической обработки данных и технические средства вообще более экономично и целесообразно используются в централизованной организации.

6. Маленькие по размеру государства больше устраивает *централизованная полиция*. Таким образом *силы и средства*, в качестве важных элементов данных понятий обеспечивают *эффективную и равномерную* защиту общественной безопасности. В пользу тезиса о преимуществах центральной организации полиции у нас идет и структура населения в отдельных частях унитарного государства (Сербии), и *состояние безопасности* отдельных частей территории. Кроме этого, в шестидесятые и семидесятые годы XX века, когда у районов была своя полиция и они назначали руководителей полиции – выдающихся партийных работников, а не профессиональных полицейских сотрудников – полиция, кажется, была больше политизированной, а районы в качестве «общественно-политических организаций» практически являлись «пара государственными организациями». В таком смысле, децентрализация полиции несомненно бы представляла собой шаг назад. Слабости центральной полиции уменьшаются прежде всего уменьшением ее концентрации, которая не что иное как более широкий процесс децентрализации.¹ Но, во всяком случае необходимо *развивать существующие и строить новые формы институционального сотрудничества* и поддерживать как можно более интенсивное участие граждан, их организаций и различных органов местного самоуправления (советов и т.п.) в реализации общественной безопасности. Законом о полиции нормативно улучшены и определенные формы сотрудничества *государственной полиции и местного самоуправления* и, таким образом, несколько уменьшена жесткость центральной полиции. Данные отношения сотрудничества необходимо постоянно улучшать, как нормативно, так и фактически и таким образом удерживать сверхнеобходимое равновесие между пределами и плохими сторонами централизации децентрализации. Следовательно, основное отношение местного сотрудничества с гражданами и их организациями, а не, как часто считается, форма организации полиции.

Децентрализация выполнения отдельных управленческих дел относится к рамкам так называемой *правовой политики*. При организации полицейской деятельности в государстве всегда надо исходить из уважения как традиции, так и современных условий, и организацию полиции разместить в политическо-социологическо-экономическо-культурологический контекст, наряду с уважением и государственных и местных обстоятельств. Если в выполнении внутренних дел гражданин не чувствует принадлежность сотрудника полиции государственной или местной полиции – в такой мере полиция в государстве хорошо сбалансирована, а полиция эффективная и положительная.

¹ Петрович М. Наука об управлении. Ниш, 2010. С. 204.

Бавсун Максим Викторович,
доктор юридических наук, профессор
заместитель начальника
Омской академии МВД России (по научной работе);
Попов Дмитрий Владимирович
кандидат философских наук, доцент
начальник кафедры философии и политологии
Омской академии МВД России

Поиск концепции уголовного закона в условиях реализации принципа гиперопределенности как основного критерия его развития

О концепции нового уголовного законодательства в последние годы в современной юридической литературе пишется достаточно много. При этом предлагаются собственно модели нового УК РФ, обсуждаются его концептуальные идеи, на различных уровнях докладывается видение ряда ученых и даже государственных деятелей относительно его отдельных глав или разделов. Количество вносимых и обсуждаемых предложений не поддается учету и напоминает неуправляемый взрыв, последствия которого, с одной стороны, губительны, а с другой – не поддаются даже минимальному прогнозу. Изобилие (или – переизбыток) именно таким термином можно охарактеризовать тот объем информации, которая сегодня находит свое отражение в научной и, что важно, околонаучной дискуссии по заданной тематике. Увы, но итогом такой активности на всех уровнях является ничем не контролируемая пролиферация нормативного материала, содержание которого от заявленной концепции, как правило, оказывается весьма далеко. В основе вновь появляющихся предписаний лежит коррекция, детализация, уточнение того, что в той или иной форме уже давно существует или существовало какой-то период времени назад. Таких новелл абсолютное большинство, а их разработке и обоснованию посвящено достаточно большое количество работ российских ученых.

В этом отношении вполне уместным представляется следующий тезис – *изменений в УК РФ внесено много, но изменилось в нем мало что*. Если оценивать количество его предписаний, их технико-юридические конструкции и даже отдельные институты, то нынешняя редакция Кодекса вряд ли может быть сравнима с его первоизданным вариантом, который датируется 1996 г. В то же время оценка качественной стороны происходящей трансформации позволяет сделать вывод об отсутствии концептуальной идеи, которая бы ее насыщала.

Основными категориями уголовного права являются преступление и наказание, соответственно и изменения, постигшие российский уголовный закон, начиная с 2003 г., в абсолютном своем большинстве связаны именно

с данными институтами, что вполне закономерно. Что стало с ними за указанный период? Практически ничего, принципиально они не изменились. И если применительно к преступлению это выглядит естественно, то отсутствие принципиальности в решении вопроса о методах уголовно-правового воздействия в условиях стремительно меняющихся общественных отношений выглядит не просто странно, но даже опасно.

С указанного времени нормы, регламентирующие виды и правила назначения наказания, менялись более чем в ста федеральных законах, каждый из которых предусматривал десятки конкретных нововведений. Их общее число практически не поддается учету. Вместе с тем основным способом воздействия на лиц, совершающих преступление, по-прежнему остается наказание. Что характерно, содержательная сторона наказания также почти не изменилась, а уход в сторону различного рода работ (между которыми разница не всегда отчетливо видна) внес лишь некоторую коррекцию (как и сумятицу) в объем репрессии, не изменив ее суть. Сегодня нет сколько-нибудь значимого продвижения в направлении иного воздействия. Включение в соответствующую главу УК РФ конфискации и судебного штрафа также в уголовно-правовом воздействии ничего не поменяло, лишь размыв и без того туманное представление о содержании уголовной ответственности.

Следует отметить, что на данный момент отсутствуют какие-либо попытки, направленные на развитие антропологического направления в системе мер принуждения. Полное игнорирование индивидуальных особенностей лица, совершающего преступление, для отечественной системы мер уголовно-правового воздействия является нормой, *достойной сожаления* традицией, начало которой было положено еще более ста лет назад, а в 90-х годах прошлого столетия лишь усилившейся. Таким образом, идейно нового, несмотря на несметное число вносимых изменений в раздел «Наказание», не привнесено. В то же время на фоне продолжающейся детализации норм, регламентирующих уже хорошо известные институты, по-прежнему страдает концептуальность. Складывается общее впечатление, что законодатель, в целом понимая необходимость изменений в данном направлении, не всегда осознает, что конкретно от него требуется. Находясь в таком состоянии, он предпринимает судорожные попытки такой трансформации, в конечном итоге лишь запутываясь сам и, что самое главное, запутывая правоприменителя. Все это напоминает сюжет кинофильма В. Третьякова «Прохиндиада, или бег на месте» (1984), главный герой которого Любомудров, избрав ложный жизненный путь, в итоге окончательно запутывается, имея при этом достаточно трагичные перспективы. Аналогична ситуация и здесь. Получив в наследство от УК РСФСР 1960г. неплохо сбалансированную, но уже далеко не совершенную систему уголовно-правового воздействия, ее не стали развивать, а пошли по изначально тупиковому пути детализации и конкретизации, оставив позитивные перспективы в прошлом.

При этом была создана громоздкая и слабо управляемая структура, которая чем дальше, тем больше утрачивает признаки системности.

Отсутствие системности сегодня наблюдается, прежде всего, в позиции государства по данному вопросу, отдавшего инициативу в руки отдельно взятых социальных групп, лобби которых и составляет основу принимаемых решений. С большой долей вероятности можно утверждать, что на данный момент *в России уголовной политики как таковой не существует*, есть выражение отдельных мнений, взглядов, позиций, которые прорываются непосредственно в Уголовный кодекс. *Фрагментация* общества и его ценностей, о которой пишет Э. Тоффлер¹, уже давно настигла правовую отрасль. Это вполне объясняет и фрагментизацию уголовного закона², его клиповость, ситуативность, более того, она неизбежна при дальнейшем использовании такого подхода. И если еще для конца 90-х гг. прошлого столетия содержание большинства правовых актов (включая и уголовный закон) с полной уверенностью можно было характеризовать с позиции определенности, то к середине нулевых они в большей мере стали соответствовать началу неопределенности. Впрочем, и она сейчас уже сходит на нет, уступая место гиперопределенности, что сплошь и рядом находит свое прямое подтверждение в принимаемых изменениях³.

Ситуативность мышления и реакция законодателя на происходящее этому активно способствует, внешне напоминая рефлекссию, а временами и откровенную агонию. Примеров тому существует достаточное количество. Одним из наиболее ярких является дело И. Голунова и следующая за ним реакция. Уже через несколько дней после произошедшего нормотворец (под мощным прессом массмедиа агентств) свел свою активность к постановке вопроса о необходимости усиления ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности⁴. Параллельно профильному комитету Государственной Думы РФ было дано задание проанализировать практику применения статей УК РФ, предусматривающих ответственность за незаконный оборот наркотических средств (ст. 228-228³ УК РФ). Между тем отдельно взятое дело – это лишь прецедент. Стала ли при этом фальсификация доказательств более опасной, изменились ли ее критерии? Безусловно, нет. Быть может, незаконный оборот наркотиков стал менее опасен? И вновь нет. Тогда в чем смысл усиления

¹ См.: Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004. С. 92-98.

² См.: Гилинский Я.И. Девиантность и социальный контроль в мире постмодерна: краткий очерк // Общество и человек. 2015. № 3-4. С. 97-98.

³ Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья 1. Пролиферация норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4.

⁴ См.: В Госдуме не исключили ужесточения наказания за фальсификацию доказательств в связи с делом Голунова // URL.:<https://regnum.ru/news/2650984.html>

ответственности за одно деяние и постановка вопроса о критериях общественной опасности другого? Налицо рефлексия, судорожная реакция на событие при полном игнорировании канонов криминализации и декриминализации деяний, уголовно-правовой доктрины, объективной оценки не события, а явления, анализа конкретных причин, повлекших формирование именно данной ситуации.

Зачастую мы наблюдаем лишь желание продемонстрировать обществу свою осведомленность, озабоченность и оперативность в решении резонансных вопросов, а не продуманную стратегию и *правовую политику*. Однако с учетом имеющихся в современном цифровом обществе возможностей по искусственному созданию таких ситуаций резонансного характера реакция на них при отсутствии центральной идеи носит соответствующий и, что самое главное, прогнозируемый со стороны заинтересованной стороны вариант развития. Является ли данная ситуация единственной? Нет, она одна из тех¹, что влечет за собой уже не рефлексия, а агонию, она показательна по силе этой агонии, она отображает цинизм всей ситуации, возникшей в последнее время в сфере нормотворчества. В свою очередь цинизм есть не что иное, как «просвещенное ложное сознание»², когда субъект складывающегося общественного отношения, будучи в сознании и хорошо осведомленным, все равно продолжает действовать, несмотря на очевидность ложности выбранного пути. Согласно циническому модусу, выведенному П. Слотердайком, «они отлично знают, что делают, но, тем не менее, продолжают делать это»³. И здесь ключевым вопросом является – они действительно отлично знают, что делают? Достоверного ответа на него нет, а все рассуждения в данном направлении можно признать не более чем гаданием, которое ничем нельзя подтвердить. Но, даже признав большинство принимаемых решений и в целом непродуманную политику в сфере нормотворчества одним большим заблуждением, оправдаться невозможно. Дело в том, что «заблуждение быстро разделяется на два различных феномена: простое заблуждение, основанное на логической или смысловой ошибке, которая относительно легко может быть исправлена, и упорное, систематическое, цепляющееся за собственные жизненные основы заблуждение...»⁴. Содержательная сторона обоих заблуждений различна, как и ответственность за следование по пути каждого из них.

Отсутствие концептуальности хорошо проявляется именно в систематичности тех заблуждений, которым следует современный законодатель, а также в степени их цинизма (просвещенного ложного знания). Рождение

¹ Под давлением различного рода событий резонансного характера в свое время в УК РФ появились: п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, сст. 286¹, ст.ст. 285¹, 285², ст.ст. 110¹, 110² УК РФ и многие другие предписания.

² Слотердаик П. Критика цинического разума. Франкфурт-на-Майне, 1983. С. 34.

³ Цит. по: Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 37.

⁴ Слотердаик П. Указ. соч. С. 50.

концепции при сложившемся подходе вряд ли возможно. Речь, скорее, необходимо вести о постоянно предпринимаемых разрозненных попытках развития самостоятельных направлений, что уже само по себе исключает наличие центральной идеи, обеспечивающей единство направления движения и учет интересов всех уголовно-правовых институтов. Опять же, ярких примеров того, как законодателем осуществляется решение отдельных (а не в комплексе) проблем в УК РФ, при полном игнорировании уже устоявшихся начал, достаточно много. Весьма показательным является и тот факт, что ответы на любые вопросы практически всегда даются за счет неуправляемой пролиферации норм, что, по мнению законодателя, должно привести к положительному результату.

Таковой была реакция, например, на рост террористических (ст. 205-205⁵ УК РФ) и экстремистских угроз (ст.ст. 282-282³ УК РФ); коррупционных угроз (ст.ст. 285-285⁴ УК РФ, ст.ст. 204-204² УК РФ, ст.ст. 290-291² УК РФ); суицидальной активности несовершеннолетних (ст.ст. 110-110² УК РФ); ростом последствий, наступивших в результате аварий и техногенных катастроф (ст.ст. 215-215⁴ УК РФ, ст.ст. 217-217² УК РФ и др.); экономический кризис (ст.ст. 172-172³ УК РФ; ст.ст. 185-185⁶ УК РФ; ст.ст. 199-199⁴ УК РФ; ст.ст. 200-200⁶ УК РФ); неконтролируемую ситуацию в сфере фармакологии и медицине в целом (ст.ст. 234-235¹ УК РФ); возрастающую угрозу утраты культурного наследия страны (ст.ст. 243-243³ УК РФ) и т.д.

Изменениями, увеличивающими в целом объем нормативного материала, таким образом, пронизан весь УК РФ, практически все группы охраняемых им общественных отношений. Однако чем более УК стараются сделать четче и конкретнее, чем больше он начинает соответствовать *принципу* гиперопределенности, тем больше он оказывается неопределенным. Бич гиперопределенности – толкование, которое в ситуации невероятного роста законодательного материала не имеет под собой твердой основы, разбиваясь о субъективность подходов и различие во взглядах, возникающих в ходе оценки вновь появляющихся юридических *фактов*. Избыточность правового регулирования оборачивается дерегулированием социальных отношений. Чрезмерная определенность утверждает тотальную неопределенность. Подобное положение вещей порождает ситуацию, в которой право, противореча своей сути, превращается в социальный институт, случайными решениями регулирующий социальную жизнь¹.

Нельзя не выделить и другую проблему, характерную для происходящих процессов в части «совершенствования» уголовного закона за счет детализации его предписаний. Большинство принятых решений оказались не согласованными с базовыми институтами Общей части УК РФ, такими как

¹ Бавсун М.В., Попов Д.В. Гиперопределенность уголовного права как предпосылка его деградации // Уголовная политика и культура противодействия преступности: мат-лы междунар. научн.-практ. конф. Т. 1. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. С. 34-40.

соучастие, множественность, а также стадии совершения умышленного преступления. Речь идет как раз о тех началах, которые имеют определяющий характер в ходе квалификации преступлений, а их нарушение в процессе изменения Особенной части УК РФ без преувеличений фатально для всей правоприменительной практики. Они сегодня вместо основополагающих институтов, на положениях которых должна строиться вся Особенная часть УК РФ, оказались в роли конкретных средств, используемых для решения задач локального характера. Причем в каждом случае решения задач подобного рода законодатель позволяет себе их использование в совершенно различных трактовках (в зависимости от ситуации), тем самым нередко подменяя сущность того или иного института. *Конъюнктура и ситуативность* определяют степень цинизма, которым пронизаны такие положения уголовного закона, нивелируя их значимость для уголовно-правовой сферы. Опасность такого развития событий заключается в том, что цинизм *идеи* всегда порождает нигилизм как «нигилизм сверху»¹, и если сверху его не просто допускают, а воспроизводят, то это допустимо и для всех остальных.

Гиперопределенность, таким образом, проявляется не только в пролиферации нормативного материала, но и в чрезмерной детализации и ситуативности использования целых институтов в ходе трансформации уголовного закона, незыблемость которых еще десятилетие назад казалась гарантированной. В итоге меняется уже не сам кодекс, а подходы к его формированию, применению и, что самое важное, – пониманию. Изменение последнего представляется главной проблемой, имеющей далеко идущие последствия, способные определять всю дальнейшую судьбу уголовно-правового регулирования. Восприятие УК РФ лишь в качестве некоего *конгломерата* норм, *беспорядочно связанных* между собой, наряду с легковесным отношением к положениям Общей части, представляет собой значительно большую угрозу, чем даже сам процесс неуправляемого воспроизводства нормативного материала. Переписать можно все или практически все, причем оперативность, с которой можно это сделать, во многом зависит от политической воли, технически – от уровня исполнителя и организационной составляющей этого процесса. В свою очередь изменить уже сформированное и укрепившееся неверное (ложное) *правосознание* большинства – это долгий и не всегда успешный процесс. Поиск концепции в таких условиях обречен, речь, скорее, можно вести об успешности отдельных попыток купировать происходящие процессы. Но и они весьма ограничены в своих возможностях, находясь в общем русле общественного развития, где гиперопределенность нормативного регулирования на данный момент носит определяющий характер.

¹ Яркеев А. В. Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект. Екатеринбург, Ижевск: ИФиП УрО РАН, 2018. С. 267.

Безручко Евгений Валерьевич,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России

К вопросу об уголовной ответственности за торговлю людьми

Общество в своей текущей стадии развития не допускает надделение человека статусом вещи или имущества. Рабство являлось элементом многих культур, однако постепенно от него отказались. Так, в Российской Империи в 1861 году император Александр II отменил крепостное право, которое справедливо можно рассматривать как одну из форм рабства. Сейчас рабство и торговля людьми – транснациональные преступления, а государства осуществляют сотрудничество в борьбе с данными негативными явлениями.

Рабство – это система общественных взаимодействий, при которой одно лицо находится в подневольном состоянии у другого лица, обладающего в отношении него возможностью владения, пользования и распоряжения.

Статья 2 Конституции Российской Федерации устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Одной из задач Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепленных в ч. 1 ст. 2, является охрана прав и свобод человека и гражданина. В Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятой 8 сентября 2000 года, государства-члены заявили об усилении мер по борьбе с международной преступностью, включая торговлю людьми¹. Основным актом международного права, в котором отражается отношение большинства государств мира к торговле людьми, является Конвенция ООН о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г.².

Торговля людьми относится к преступлениям транснационального характера, что обусловлено прежде всего международно-правовым запретом использовать человека как вещь (ст. 4 Конвенции прав человека и основных свобод), а все страны-участники Организации Объединенных Наций признают торговлю людьми преступным деянием.

Наиболее простым, на наш взгляд, будет являться такая дефиниция исследуемого явления: торговля людьми – это юридический факт, представляющий собой совершение сделки, в которой человеку был присвоен статус

¹ Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, принятая Генеральной Ассамблеей 30 июля 2010 года).

² Международное публичное право: Сборник документов: В 2 т. М., 1996. Т. 2.

вещи. Расширив смысл данного определения и придав ему уголовно-правовую направленность, можно сформулировать следующее определение: торговля людьми – это запрещенное международным и национальным законодательством общественно опасное деяние, представляющее собой совершение различных сделок с приданием человеку статуса вещи, а также вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение, совершенные в целях его эксплуатации.

В российском уголовном законе торговля людьми признается преступным деянием в ст. 127.1 УК РФ. Для более полного понимания данного преступления необходимо представить краткий анализ его уголовно-правовой характеристики.

Так, непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие право человека на свободу и личную неприкосновенность, свободно распоряжаться собой, своими правами, а также трудом¹. Дополнительным объектом может выступать здоровье человека, отношения собственности и др.

Объективная сторона состоит в купле-продаже человека и совершении иных сделок в отношении него, а также вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение, совершенные в целях его эксплуатации. Под иными сделками понимаются аналогичные гражданско-правовым сделкам деяния, например, дарение, мена и т.п. Вербовка – это наем, набор или привлечение (в том числе путем обмана, шантажа, угроз) лиц для их последующей продажи; перевозка – перемещение потерпевшего из одного местоположения к другому на любом виде транспорта; передача – временное «вручение» потерпевшего другим лицам после совершения в отношении него сделок; получение – временное принятие потерпевшего после его купли-продажи или иных сделок в отношении него; укрывательство – сокрытие потерпевшего от органов государственной власти или иных заинтересованных лиц (родственники, близкие, друзья)².

Субъективная сторона данного состава преступления выражается в умышленной форме вины в виде прямого умысла. Обязательна цель эксплуатации человека лишь при вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении. Примечание 2 раскрывает смысловое содержание эксплуатации человека, под которой понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский

¹ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благов и др.; отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017.

² Там же.

труд (услуги), подневольное состояние. Расширенное толкование эксплуатации человека предполагает также извлечение органов¹, однако в российском уголовном законе данное деяние образует квалифицированный состав преступления, предусмотренный п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ. Пункт «а» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ предусматривает две формы вины, в которых совершение действий, указанных в ч. 1 данной статьи, предполагает умысел, а причинение смерти – неосторожность. Корысть (т.е. желание преступника приобрести материальную выгоду) выступает основным мотивом торговли людьми, однако таковым может являться и личная неприязнь, а также национальная, расовая или иная ненависть.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ, общий, то есть физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет, однако п. «в» ч. 2 данной статьи предусматривает наличие специального субъекта – лица, использующего свое служебное положение.

Потерпевшим может являться как мужчина, так и женщина, причем без ограничительных возрастных рамок, а также не имеет значения дееспособность или вменяемость жертвы. Для правовой оценки не является важным наличие какой-либо связи потерпевшего с виновным (родственная связь, подчинение и т.п.).

Общественная опасность торговли людьми выражается в том, что контрагенты таких «сделок» распоряжаются человеком как имуществом, а «покупатель» в результате акта купли-продажи (дарения, мены) получает возможность полного контроля над потерпевшим и распоряжения им².

Дискуссионным является вопрос о признании человека предметом данного состава преступления. Если признать человека предметом преступления, то тогда потерпевшего возможно признать объектом такой «сделки», которая на первый взгляд аналогична гражданско-правовой (купля-продажа, дарение, мена)³. Данная позиция, по нашему мнению, недопустима как с точки зрения гражданского и уголовного законов, так и с точки зрения норм морали и нравственности. Как отмечают некоторые исследователи, человек в рамках юридической науки не может рассматриваться как объект физического мира – важно учитывать его духовно-интеллектуальные и личностные качества⁴.

¹ Протокол от 15.11.2000 «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности». Статья 3 «Термины» // Собрание законодательства РФ, 04.10.2004, № 40, ст. 3884.

² Кадников Ф.Н. К вопросу об объективных признаках состава преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ (торговля людьми) // Международное публичное и частное право. 2006. № 5.

³ Там же.

⁴ Козлов А.Е., Шайхетдинов Р.Ф. Борьба с торговлей людьми: Российский и Международный аспекты // АВБсП. 2014. №1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-torgovley-lyudmi-rossiyskiy-i-mezhdunarodnyy-aspekty> (дата обращения: 20.08.2019).

Другим аспектом, характеризующим исследуемое явление, является международный характер преступной деятельности, связанной с торговлей людьми. Это обусловлено наличием огромного количества ратифицированных международных договоров, обеспечивающих противодействие данной преступной деятельности. Таким образом, современная торговля людьми тесно связана с нелегальным перемещением потерпевших через государственные границы различных государств¹.

Торговля людьми является одним из самых общественно опасных для международного сообщества запрещенных деяний. Многие государства объединяются для того, чтобы полностью ликвидировать рабство и торговлю людьми как явления в текущей действительности, так как они обладают наивысшей степенью аморальности и недопустимости. К сожалению, данные атавизмы современного человечества в наибольшей степени присутствуют на Ближнем Востоке и в Африке, что обусловлено высоким уровнем преступности, низким уровнем жизни, а также нестабильной политической обстановкой в государствах данных регионов.

Российская Федерация, являясь страной-членом ООН, оказывает противодействие преступным организациям, занимающимся торговлей людьми, а также принимает участие в совершенствовании международного и национального законодательства в области борьбы с рабством и торговлей людьми.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Моделирование детерминации виктимности

К виктимогенным детерминантам преступности можно отнести глобализацию, урбанизацию, а также миграцию и разнообразие форм проведения свободного времени. Зарубежные и отечественные ученые относят к детерминантам преступности такие проявления научно-технического прогресса, как урбанизация, индустриализация, технизация производства и тому подобные процессы и явления, а также миграцию населения². Здесь, отметим, что эти явления присущи обществу на любом историческом этапе

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под. ред. А.И. Рапога. М., 2009. С. 68.

² Карпец И.И. Теории об индустриализации, технизации, миграции и других социальных явлениях и процессах как причинах преступности // Современные проблемы уголовного права и криминологии М.: Юрид. лит., 1976. С.54-63

его развития, поэтому названные явления необходимо изучить при моделировании детерминации массовой виктимности. Очевидно, что виктимность – явление социальное и ее объяснение нужно искать в различных абстракциях социальной жизни.

Приступая к моделированию детерминации массовой виктимности, необходимо учитывать, что преступность – «явление, уходящее корнями в прошлое»¹, а вместе с ней и массовая виктимность – явление с такими же древними корнями. Сложность моделирования детерминации массовой виктимности кроется в том, что ученые не предпринимали попыток выяснить отдельные самостоятельные детерминанты существования виктимности как явления. До сих пор массовая виктимность рассматривалась учеными лишь как обратная сторона преступности². Вместе с тем у этого явления есть собственные детерминанты, изучая которые представляется возможным создать модель детерминации массовой виктимности.

Для исследования детерминантов массовой виктимности необходим анализ детерминации индивидуальной виктимности. Поэтому при изучении и моделировании детерминации массовой виктимности, уделяя внимание в первую очередь виктимологическим тенденциям общественного развития, общим виктимологическим закономерностям жизнедеятельности общества, размышляя на уровне общего, важно учитывать их корреляцию с конкретными виктимологическими фактами и ситуациями. При этом необходимо принимать во внимание особенности индивидуальной виктимности, т.е. соотношение единичного, особенного и общего в развитии массовой виктимности и ее детерминации. Такой подход к научному исследованию гарантирует успех виктимологического предупреждения преступности. Вместе с тем, нельзя забывать, что грань между детерминацией массовой и индивидуальной виктимности весьма призрачна. Это обстоятельство заставляет прибегать к комплексному подходу моделирования виктимологической детерминации.

Моделирование детерминации виктимности на всех уровнях предполагает анализ виктимологических детерминантов объективного и субъективного характер³. При этом помним, что детерминантов виктимности много и при ее моделировании мы сталкиваемся с необходимостью опираться на уже известные классификации причин преступности в криминологии. Так, на психологическом уровне создается модель детерминации индивидуальной виктимности, основанная на изучении психологии жертвы. В процессе такого моделирования становится ясно, что общим детерминантом

¹ Аванесов Г.А., Иншаков С.М., Лебедев С.Я., Эриашвили Н.Д. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Под ред. Г.А. Аванесова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С.193.

² Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002.

³ Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984.

индивидуального виктимного поведения является недостаточная социализация личности жертвы, т.е. ее слабая адаптированность к окружающей действительности. Социологический уровень абстракции помогает создать модель детерминации массовой виктимности, т.к. на нем обычно рассматривают политические, идеологические, экономические, социальные и духовные явления во взаимосвязи и взаимообусловленности. На самом высоком уровне обобщения – философском традиционно получаем ответ об общих детерминантах преступности, а именно о социальных противоречиях, которые дифференцируются в зависимости от социально-экономической формации¹. Пожалуй, для моделирования детерминации массовой и индивидуальной виктимности достаточно исследований детерминантов виктимологических явлений на психологическом и социологическом уровнях, т.к. виктимность не зависит от формации общества. Задачей моделирования детерминации массовой виктимности является выявление главных виктимогенных детерминантов, ранжирование их по степени значимости, а также установление характера их корреляции между собой и с группами иных наиболее значимых явлений, что позволяет построить целостную систему моделей виктимологической детерминации в криминологии.

Детерминанты виктимности следует искать в широкой палитре взаимоотношений потенциальной жертвы (человека как социального существа) с окружающей действительностью, а также в том, что наполняет содержанием бытие человека. Под *детерминантами массовой виктимности* предлагаем понимать взаимосвязанные, взаимообусловленные виктимогенные социальные явления и процессы, а также особенности возникновения и развития наиболее виктимогенных обстоятельств, провоцирующих реализацию массовой виктимности. К таковым отнесем виктимогенные явления в политической, экономической, правовой, социальной и нравственно-духовной сферах жизнедеятельности общества.

Исследования детерминации массовой виктимности в России последних лет показывают, что в большинстве случаев она вызвана политическими, экономическими и социальными явлениями и процессами. Моделирование детерминантов массовой виктимности с позиции оценки социологических факторов основано на современной виктимологической ситуации, сложившейся благодаря криминализации российского общества, произошедшей в конце XX века. Характеристика современной виктимологической ситуации складывается из совокупности количественных показателей и их качественных оценок.

Явления, вызывающие наиболее острую реакцию человека, складываются в политической сфере. Политические интересы, связанные с борьбой

¹ Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М.: Изд-во Норма, 2006.

за власть, детерминируют различные преступления, реализуемые посредством насилия. К числу наиболее ярких примеров негативных, криминальных явлений, детерминированных политическими процессами, отнесем терроризм и коррупцию, которые в свою очередь заряжены огромным виктимогенным потенциалом и детерминируют массовую виктимность.

Кроме того, изучение мирного процесса глобализации при моделировании детерминантов массовой виктимности требует аргументации, т.к. виктимность не должна определяться с позиций изоляции российского общества от остального мира, основным виктимогенным стимулом которой станет в таком случае ксенофобия. Процесс глобализации коррелирует с углублением социального неравенства и маргинализации значительной части населения страны. Изменения российского общества, связанные с глобализацией, повлекли за собой трансформации в социальной структуре и поставили задачу перед традиционными социальными группами по-новому осознать собственное место в социальной иерархии, уровень сплоченности и интеграции¹.

Долгое время в отечественной криминологии существовала позиция, гласившая, что социалистическое общество не порождает преступность,² и как следствие, можно предположить оно не порождает и виктимность. Сегодня наша страна перешла на «капиталистический» путь развития и как большинство других государств вынуждена сталкиваться с вытекающими отсюда экономическими проблемами: бедность, безработица, инфляция и др. Интересным является также тот факт, что, как отмечал Д.В. Ривман, виктимность начинает резко возрастать по мере повышения уровня доходов; очень богатым соответствует высокий уровень виктимности, несмотря на значительные меры предосторожности³. Бедность понимается и как определенный уровень дохода, и как отсутствие других экономических ресурсов, и как невозможность поддержания нормальных стандартов образа жизни. Бедность является одним из детерминантов массовой виктимности.

Социальное неблагополучие – один из основных элементов моделирования детерминации индивидуальной виктимности. Поэтому главным фактором виктимизации низших слоев населения в России является характерная для них устойчивая тенденция к асоциальному поведению, когда «порой трудно бывает увидеть разницу между преступником и потерпев-

¹ Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: Монография / Под ред. С.Я. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.33. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. С.95.

³ Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002.

шим, если они оба из маргинальной среды; у них почти одинаковые личностные деформации и стереотипы поведения»¹. По мнению С.Н. Абельцева, потерпевших из маргинальной среды характеризуют «эгоистические привычки, потеря чувства ответственности, равнодушие к проблемам других людей, цинизм. Им присущи ослабленные чувства стыда, долга, совести, а также несдержанность и конфликтность, грубость, агрессивность, лживость, ханжество, необразованность, невоспитанность»². Эти суждения согласуются с данными Э.Л. Сидоренко, согласно которым среди представителей низших социальных страт, воспроизводящих формы маргинальной субкультуры, 80% лиц становятся жертвами преступлений, в совершении которых определяющую роль играет их провокационное поведение³.

Раскрывая признаки бедности как одного из главных детерминантов виктимности в современной России, стоит отметить, что от материального положения граждан также напрямую зависят и их возможности по защите своей личной неприкосновенности (жизни и здоровья) и собственности. Так, закономерно ожидать среди лиц, ставших жертвами угона автомобиля, объективно более высокого уровня виктимности бедных, только потому, что они не обладали достаточными средствами для приобретения качественных, профессиональных (например, спутниковых) противоугонных устройств и систем.

Антиобщественный образа жизни бедных слоев населения нашей страны в свою очередь детерминирован распространенностью таких негативных социальных явлений как пьянство, наркотизм, делинквентность, социальный паразитизм, сексуальная и нравственная распущенность. Данные криминологических исследований свидетельствуют о том, что около 44% жертв тяжких насильственных преступлений на момент преступления находились в состоянии опьянения, причем, две трети таких потерпевших распивали спиртные напитки вместе с преступниками, создавая виктимогенную ситуацию. Виктимогенность алкогольного опьянения не нуждается в дополнительных доказательствах, – оно снижает способность потенциальной жертвы правильно оценить криминологическую ситуацию, оказать сопротивление преступнику, способствует возникновению случайных досуговых связей с незнакомыми людьми, вызывает необоснованную агрессию и провоцирующее поведение.

Таким образом, маргинальная среда, в которой расцветают бедность, пьянство, конфликты, способствует более частому возникновению таких

¹ Садков Е.В. Предупреждение преступности в маргинальной среде молодежи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1994. С.8.

² Абельцев, С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. М.: Закон и право: ЮНИТИ, 2000. С.38.

³ Сидоренко Э.Л. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2011. № 3. С.50-51.

виктимогенных ситуаций, когда потенциальную жертву нельзя заранее отличить от потенциального преступника, и когда лишь случай решает, кто из них станет жертвой, а кто – преступником.

Зарубежные криминологи М. Клайнерд, К. Шоу, Н. Моррис, основываясь на том, что преступность в городах выше, чем в сельской местности, видят детерминанты этого криминогенного явления в существовании и развитии урбанизации, которая в свою очередь сказывается на состоянии массовой виктимности. Урбанизация рассматривается, например, как комплекс психологических, социологических и экономических процессов, меняющих характер размещения людей, их трудовые привычки, досуг, создающих более сложный характер жизни, обезличку отношений, изменяющих характер жилищных условий и застройки городов¹. Для крупных городов характерно наличие свалок, вокзалов и других общественных мест, где проживает виктимная маргинальная часть городского населения. При этом, чем крупнее город, тем больше маргиналов приспосабливается к жизни на улице неся виктимогенную угрозу. Увеличение темпа жизни с развитием урбанизации потенциальная жертва теряет бдительность, перестает адекватно реагировать на возникающую виктимологическую ситуацию из-за нарастающей хронической усталости, стрессового синдрома, бессонницы, депрессии. Ученые дискутируют о сложности современной действительности, об ускоряющемся темпе жизни, виктимогенно, отрицательно действующем на личность жертвы, об усложнении условий, в которых живет человек². Этой виктимогенной сложностью объясняется детерминация массовой виктимности. Такие же виктимогенные социальные процессы можно было наблюдать и в прежние времена. Например, крестьянину сложно было выжить в условиях феодальных междоусобиц, в постоянном страхе быть лишенным средств к существованию или убитым. Научно-технический прогресс движется вперед, появляются новые виктимогенные трудности. Безусловно, с развитием научно-технической революции социальная жизнь приобретает новые виктимогенные краски. Научно-технический прогресс оказывает виктимогенное влияние на все компоненты общественной жизни и общественных отношений.

Исходное положение моделирования детерминации массовой виктимности заключается в том, что миграция населения есть детерминант виктимности потому, что она ведет к виктимогенным явлениям, а именно, – к разрушению привычных социальных связей, к дезорганизации жизни людей, к материальным лишениям. Вместе с тем, без миграции развитие человеческого общества невозможно, этот процесс можно назвать социально одобряемым и полезным. Виктимность среди мигрантов, гораздо выше, чем

¹ Тилли Ч. Формы урбанизации. Американская социология. М.: Прогресс, 1972. С. 116-133.

² Фромм Э.З. Бегство от свободы Die Furcht vor der Freiheit (1941) / Перевод Г.Ф. Швейника. М.: АСТ, 2011.

среди коренного населения – это внешнее проявление миграции, еще и правовое и экономическое положение мигрантов зыбко, они уязвлены, несут виктимогенный потенциал и обладают повышенной виктимностью. Среди основных виктимогенных детерминантов преступности в современной России отечественные ученые особо выделяют массовую, нелегальную миграцию. Отметим, что процессы массовой миграции существенным образом детерминируют криминализацию и виктимизацию населения в странах, куда прибывают мигранты. Особенного внимания заслуживает нелегальная миграция, которая подпитывает маргинальную часть страны пребывания мигрантов новыми конфликтами. Повышенная степень виктимности мигрантов также детерминирована сложностями интеграции в культурное пространство страны пребывания. Само по себе наличие на одной территории представителей различных национальностей создает конфликты культур, ослабляет возможности социального контроля над преступностью¹.

Общественное мнение формирует негативный образ мигранта, распространяя идеи ксенофобии, что повышает уровень социальной напряженности и детерминирует массовую виктимность.

М.М. Бабаев и М.В. Королева констатировали, что «многие приезжие отмечают на себе пресс неприязни, что соответственно повышает у части из них конфликтность и даже агрессивность, способные при определенных условиях обострить любое столкновение до масштабов, при которых оно может стать преступлением»².

Детерминацию массовой виктимности следует искать и в состоянии нравственных устоев общества, которые исказились, пошатнулись в нашей стране после распада Советского Союза. Проводниками моральных ценностей и установок для подрастающего поколения должны быть родители в первую очередь (а этой профессии нигде не учат, к сожалению), педагоги начальной, средней и высшей школы, к которым присоединяются средства массовой информации и Интернет. Поток информации, получаемой населением страны разного возраста трудно назвать высоконравственной. Аморальное, девиантное поведение, навязываемые ощущения псевдосвободы и психологической вседозволенности служат катализаторами, детерминантами массовой виктимности, т.к. человек должен быть гармонично развитым, воспитанным на высоких образцах культуры и искусства, чтобы уметь выбрать правильный антивиктимогенный вариант поведения и противостоять наплыву антикультуры и адекватно реагировать на криминологическую/виктимологическую ситуацию.

¹ Селлин Т. Социологический подход к изучению причин преступности // Социология преступности (Современные буржуазные теории). Сборник статей / Под ред. Б.С. Никифорова, пер. с англ. А.С. Никифорова и А.М. Яковлева. М.: Изд-во «Прогресс», 1966. С.27-38; Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели. СПб., 2003.

² Бабаев М.М., Королева М.В. Преступность приезжих в столичном городе. Учебное пособие. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1990. С.52.

Правовые детерминанты массовой виктимности представляют собой недостатки правового регулирования, восстановления нарушенных прав жертвы. Законодательство нашей страны нацелено на защиту прав преступника и поддержание социальной справедливости посредством наказания виновного. В то время как все силы правоохранительной системы государства должны быть направлены на оказание юридической, психологической и материальной помощи жертвам, поскольку ощущение правовой незащищенности детерминирует массовую виктимность.

Ядро модели детерминации индивидуальной виктимности составляет ее корреляция с мотивацией и механизмом преступного поведения.

В криминологической литературе слово «механизм» используется при описании различных процессов, но чаще всего и наиболее обоснованно, оно используется при изучении детерминантов совершения конкретного преступления. Под «механизмом» вообще, как понятием, в естественных и гуманитарных науках понимается система взаимосвязанных элементов, в которой движение (изменение) одного или нескольких вызывает движение (изменение) остальных элементов системы. В отечественной криминологии обстоятельно изучены основные проблемы детерминации преступности и преступления: виды детерминации, их значение в генезисе конкретного преступления, система детерминации¹. Однако открытым остается вопрос о механизме виктимного поведения и его детерминантах. Учитывая глубокую проработанность криминологической характеристики механизма совершения преступления, нет необходимости в выделении механизма виктимного поведения в качестве самостоятельной проблематики, т.к. виктимное поведение является одним из системообразующих элементов преступления. В то же время модель детерминации индивидуального виктимного поведения существенно отличается от детерминации преступного поведения, как минимум в силу того, что преступник и жертва объективно – личности индивидуально (и типологически) разные.

Моделирование детерминации индивидуальной виктимности (индивидуального виктимного поведения) основано на интересе ученых криминологов к механизму индивидуального преступного поведения и возможностям его предвидения². Очевидность взаимодействия преступника и жертвы в механизме совершения преступления подтолкнула нас к идее создания мо-

¹ Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика. Поведение Ответственность: (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М.: Политиздат, 1982.

² Щербаков В.А. Механизм индивидуального поведения лиц совершающих насильственные преступления против личности: Дис... канд.юрид.наук: 12.00.08. М., 2003; Осипов Е.В. Некоторые проблемы теории личности // Социальные исследования. М.: Наука, 1970. Вып.3. С.23.

дели детерминации индивидуальной виктимности, раскрыв которую криминология, в целом, и виктимология, в частности, приблизятся к заветной цели – эффективному предупреждению преступности.

Детерминация индивидуального виктимного поведения – это виктимогенная обусловленность поступков жертвы преступления, ее личными свойствами, которые в свою очередь взаимодействуют с виктимологической ситуацией, в которой оказывается человек и выбирает виктимный «стиль» поведения. Источником информации о такой детерминации должна служить модель детерминации индивидуальной виктимности. Поэтому при создании модели индивидуального виктимного поведения в теории виктимологического моделирования важно установить факторы, определяющие наиболее вероятный вариант поведения жертвы. Вместе с тем, учитывая теорию опасного состояния личности¹, отметим, что установление некоторых виктимогенных свойств личности мы предлагаем рассматривать как доказательство наличия индивидуальной виктимности жертвы, к которой необходимо применять меры виктимологического предупреждения в целях обеспечения ее же (жертвы) виктимологической безопасности. Другими словами, у некоторых жертв, независимо от социальных факторов, существует виктимогенная склонность; такие люди обладают индивидуальной виктимностью, им присущ виктимогенно-девиантный характер, они чаще других оказываются в виктимологических ситуациях, и поэтому совершение преступления против них неизбежно, принятие же мер виктимологического предупреждения необходимо². Способность стать жертвой преступления вытекает из врожденных особенностей личности и лишь отчасти связана с ее социально-детерминированными свойствами. Так, индивидуальная виктимность означает критическую неизбежность виктимного поведения и провокации преступления, которая реализуется благодаря теории факторов, но при этом не лишает потенциальную жертву возможности выбрать «стиль» антивиктимного поведения.

Однако существование возможности индивидуального виктимного поведения требует концентрации усилий сотрудников полиции в реализации виктимологического предупреждения преступности. Индивидуальную виктимность можно корректировать и гасить, целенаправленно изменяя в антивиктимогенном направлении личностные свойства и особенности личности. Поскольку индивидуальная виктимность детерминирована проявлением психофизиологических особенностей потенциальной жертвы, постольку, необходимо, изучив эти особенности, объяснить потенциальной жертве, почему возможна реализация ее индивидуальной виктимности. При

¹ Волженкин Б.В. Детерминистическая концепция преступного поведения // Советское государство и право. 1971. № 2. С.86.

² Сахаров А.Б. Об антисоциальных чертах личности преступника // Советское государство и право. 1970. №10. С.116.

этом индивидуальная виктимность должна быть изучена и объяснена в динамике. Необходимо исследовать детерминацию индивидуальной виктимности, которая привела потенциальную жертву к реализации индивидуальной виктимности в определенной виктимологической ситуации. Мы считаем, что индивидуальная виктимность социально управляема, если она детерминирована социально-психологическими, нравственными свойствами личности (за исключением виктимности, детерминированной биофизиологическими особенностями жертвы, которые невозможно корректировать), поскольку эти качества можно регулировать и ориентировать потенциальную жертву на антивиктимное поведение.

Моделирование детерминации индивидуального виктимного поведения связано с построением модели поведения личности. Однако пока наука не имеет возможностей построения точной поведенческой модели. Поэтому моделирование детерминации индивидуальной виктимности лишь приближено к абсолютной модели. С такой позиции выделим два подхода к построению модели детерминации индивидуальной виктимности: первый с учетом взаимодействия виктимологической ситуации и виктимности жертвы; второй – на основе проявления внутренних свойств, детерминирующих виктимное поведение жертвы. Так, установив корреляцию между внутренними виктимогенными свойствами жертвы и виктимным поведением можно выявить скрытые характеристики личности, и используя отличительные критерии одной жертвы от другой, создать более точную модель детерминации индивидуальной виктимности.

Несмотря на то, что детерминация индивидуального виктимного поведения складывается из совокупности различных виктимологических обстоятельств, а личность жертвы играет решающую роль, – индивидуальная виктимность может быть рассмотрена как часть массовой виктимности. И вместе с тем, каждая виктимная личность самостоятельна, а детерминацию индивидуальной виктимности можно моделировать вне связи с таким же поведением других жертв, что облегчает процесс создания модели детерминации индивидуального виктимного поведения. Поскольку русский язык насчитывает множество слов, отражающих свойства личности, мы исходим из двух аспектов изучения личности: теоретического и практического¹. Теоретический аспект изучения личности вообще и жертвы в частности предполагает создание модели детерминации индивидуальной виктимности на основе всестороннего изучения личности без каких-либо ограничений. Практический аспект изучения личности при моделировании детерминации индивидуальной виктимности основан на сборе информации о конкретной жертве по известным криминологическим и виктимологическим методикам

¹ Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М: Издательство «Юридическая литература», 1972.С. 272.

в заданных рамках виктимологического исследования В процессе моделирования детерминации индивидуальной виктимности важно изучать личность с позиции ее виктимологической идентификации по отношению к обществу, социальной группе и самоидентификации. Такое трехгранное виктимологическое изучение личности жертвы позволит качественно определить детерминацию индивидуальной виктимности и создать соответствующую программу виктимологического предупреждения.

Одной из ставных частей моделирования детерминации массовой виктимности являются составление модели детерминации индивидуальной виктимности (виктимного поведения). Изучение существующей между ними взаимосвязи является важной задачей теории виктимологического моделирования. Однако, если детерминанты массовой виктимности обусловлены неблагоприятными условиями социальной среды, то индивидуальная виктимность в большей степени подвержена влиянию непосредственного окружения человека и той микросреды, в которой происходит ее формирование¹.

В индивидуальном виктимном поведении и детерминации в большей степени, чем в детерминации массовой виктимности, проявляется взаимосвязь с внутренними личностными виктимогенными особенностями жертвы. Признавая индивидуальность каждого преступления и его жертвы, выделим те механизмы, которые являются едиными для всех случаев индивидуальной виктимности.

При моделировании детерминации индивидуальной виктимности, следует рассматривать социально-психологический механизм виктимизации. Под таким механизмом следует понимать систему элементов и этапов изменения степени виктимности индивида вследствие взаимодействия внешних и внутренних факторов. При этом социальная (внешняя) составляющая данного механизма представлена комплексом условий, существующих в обществе и обладающих виктимогенным потенциалом, а психологическая (внутренняя) – системой психических процессов, формирующих виктимную мотивацию поведения.

Отметим, что, раскрывая социальный механизм индивидуального виктимного поведения, следует иметь в виду, что виктимологические значимые социальные явления и процессы сами по себе не могут выступать в качестве виктимологических детерминантов. Кроме того, выступая в качестве элементов модели детерминации индивидуальной виктимности, социальные процессы и явления принимают конкретные объективные формы. Учитывая конкретный характер социальной модели детерминации индивидуальной виктимности, собственно моделирование имеет целью не перечисление конкретных обстоятельств жизни потенциальной жертвы, влекущих

¹ Коновалов В.П. Виктимизация и ее статистическое выражение. Научная информация. Душанбе, 1978. С.4-5.

ее виктимизацию, а предполагает моделирование виктимогенной ситуации из ряда универсальных социальных элементов. В качестве таких элементов могут выступать сферы социальной жизни жертвы, имеющие виктимологическое значение, обладающие количественно-качественными модельными параметрами.

В науке выделяют следующие сферы жизнедеятельности человека: семья, быт, досуг, образование, работа. Для каждой из названных сфер необходимо определение виктимологических параметров, которые могут быть включены в моделирование детерминации индивидуальной виктимности.

Психологическая составляющая модели детерминации индивидуальной виктимности может быть представлена следующими основными элементами: мотивы, установки, притязания и ожидания, потребности и интересы. Будучи по своей природе виктимологически нейтральными, они выступают в качестве детерминантов при наполнении их виктимогенным содержанием.

Многие виктимологические исследования показывают наличие сходства между механизмом преступного и виктимного поведения, причем авторы¹ заостряют внимание на содержательном сходстве. Хотя, по нашему мнению, прослеживается и формальное сходство этих видов девиантного поведения. Выдвигая такую гипотезу, мы полагаем, следует, применив метод аналогии представить состав виктимного поведения на основе традиционной системы элементов состава преступления, разработанной в теории уголовного права.

Моделирование детерминации индивидуальной виктимности и детерминация преступного поведения тесно связаны между собой, поэтому при изучении механизма совершения преступления в криминологии, следует учитывать не только криминогенные, но и виктимогенные детерминанты. При этом задача теории виктимологического моделирования в криминологии сводится, не столько к копированию результатов криминологических исследований, но к выявлению различий между криминологической и виктимологической детерминацией. Моделирование детерминации индивидуальной виктимности выявляет и дает развернутую характеристику главным виктимогенным детерминантам.

Поскольку, детерминация преступления представляет собой процесс протяженный во времени, постольку обоснованно выделять определенные этапы, или относительно обособленные временные промежутки, в ее развитии. В то же время изучение структурных составляющих этого процесса, позволяет выделить те основные субъективные и объективные явления, взаимодействие которых и составляет сущность этого процесса. Эти субъек-

¹ Змановская Е.В. Девиантология: (психология отклоняющего поведения): учеб. пособие для студ. вузов М.: Издательский центр «Академия», 2003.

тивны́е и объективны́е явления́ будут явля́ться элемен́тами механиз́ма соверше́ния преступле́ния, его кримино́генными (антикримино́генными) и ви́ктимогенными (антиви́ктимогенными) детермина́нтами.

Построение модели детерминации индивидуальной виктимности основано на эмпирически подкрепленных данных социальной психологии, предмет которой синтезирует социальные и индивидуальные начала личности. В тоже время изучению механизма совершения преступления было посвящено большое количество криминологических исследований, которые частично затрагивали детерминацию виктимного поведения.

В предмет современных виктимологических исследований не входит изучение детерминации индивидуальной виктимности и мотивов виктимного поведения. В связи с этим, обратимся к результатам многочисленных исследований мотивов человеческого поведения, проведенным в рамках социальной психологии, которые сводятся к следующим основным выводам. Во-первых, как справедливо отмечает Х. Хекхаузен, «в действительности никаких мотивов не существу¹. Мотив и мотивация напрямую ненаблюдаемы и, тем самым, недоступны непосредственному познанию. В этом смысле они не могут быть представлены как реальные факты действительности, а являются условными, облегчающими понимание, вспомогательными конструктами нашего мышления (гипотетическими конструктами)². Значение мотива как гипотетического конструкта сводится к объединению связей, обнаруживаемых между исходными условиями ситуации и последующим действием человека. Во-вторых, определение мотива возможно только посредством уяснения его роли в процессе регуляции деятельности: это некое психическое образование, выполняющее некоторые функции в процессе инициации поведения человека. В научной литературе выделяются три основных функции мотива: побуждающая, направляющая и регулирующая. При этом мотив побуждает не только к совершению каких-либо действий, но и является источником возникновения определенных психических процессов, в своей совокупности определяемых как мотивация³.

Принимая такую позицию за основу моделирования детерминации индивидуальной виктимности, следует признать, что виктимное поведение обладает собственной, отличной от преступного, мотивацией, являющейся специфическим (виктимологическим) детерминантом преступления. С этих позиций изучение мотивации виктимного поведения жертв преступлений в рамках моделирования детерминации индивидуальной виктимности является одной из задач и элементом предмета теории виктимологического моделирования в российской криминологической науке и практике предупреждения преступности. Отсюда возникает необходимость классификации

¹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Пер. с нем. М., 1986. С.28-29.

² Скларов С.В. Мотивы индивидуального преступного поведения и их уголовно-правовое значение. Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1995. С.17-18.

³ Хекхаузен Х. Указ соч. С.39.

мотивов поведения жертв на виктимогенные и антивиктимогенные, что требует отдельного широкомасштабного исследования, подобного тому, которое проводилось и продолжает проводиться в рамках криминологического изучения мотивации преступного поведения. В случае правильно организованного (в рамках специальной государственной программы) исследования предварительных результатов и выводов о качественно-количественных показателях мотивации индивидуальной виктимности следует ожидать не ранее чем через три – пять лет.

Другой элемент механизма совершения преступления – конкретная жизненная ситуация, по нашему мнению, представляет не меньший интерес для моделирования детерминации индивидуальной виктимности, тем более, что изучению самой индивидуальной виктимности большое внимание уделялось в виктимологических исследованиях XX века¹. Ситуация, которую в рамках моделирования детерминации индивидуальной виктимности следует именовать виктимологической, включает в себя параметры взаимодействия преступника, жертвы и социальной среды, а также особенности субъективного отражения объективной действительности в сознании преступника и жертвы. Социальное поведение жертвы формируется в неотрывной связи с социальной действительностью и в зависимости от сложившейся в определенный момент жизненной виктимологической ситуации «стиль» поведения может стать виктимным. Таким образом, виктимологическая ситуация является одним из основных элементов модели детерминации индивидуальной виктимности. Взаимодействие мотивации (субъективных детерминантов) и объективных виктимологических детерминантов индивидуальной виктимности происходит на фоне определенной виктимологической ситуации, предшествующей или способствующей виктимизации личности в определенном месте и в определенное время.

Результаты виктимологических исследований в современной России² показывают, что виктимогенностью обладают следующие признаки виктимологической ситуации:

- по месту – жилой сектор ($\approx 80\%$), при этом $\approx 40\%$ преступлений совершаются в отдельных квартирах;
- по времени – ночной период времени от 22.00 до 06.00 часов;

¹ Арефьев А.Ю. Проблемы виктимологической профилактики квартирных краж, грабежей и разбойных нападений на квартиры. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Н. Новгород, 1994; Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения / Под ред. Филимонова В.Д. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988; Войтенко С.Г. Криминологическое исследование виктимности лиц с девиантным поведением. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 1997.

² Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимность социальных статусов в современном обществе. Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2005; Полубинский В.И., Ситковский А.Л. Теоретические и практические основы криминальной виктимологии: Монография. М.: ВНИИ МВД России, 2006; Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб, 2002.

– по типам виктимного поведения жертвы – вызывающее ($\approx 37\%$), неосторожное ($\approx 30\%$), провоцирующее ($\approx 29\%$), легкомысленное ($\approx 10\%$).

Эти выводы служат эмпирической базой для научной классификации виктимологических ситуаций. В научной литературе предпринимаются попытки классифицировать виктимогенные ситуации. Например, по особенностям формирования ситуации подразделяют на: личностно-формирующие (оказывающие влияние на формирование повышенной индивидуальной виктимности); предкриминальные (складывающиеся непосредственно перед преступлением); криминогенно-виктимные (складывающиеся во время совершения преступления); посткриминальные (следующие по времени за совершением преступления)¹.

Признавая значимость такого рода научных изысканий, считаем, что научные классификации должны быть тесно связаны с практикой виктимологического предупреждения преступности, «заточены» под ее потребности. Поэтому, следует учитывать, что субъекты виктимологического предупреждения преступности оценивают виктимологическую ситуацию исходя из ее внешних признаков. К таким признакам относятся: качественный характер индивидуальной виктимности, а также интенсивность виктимизации, т.е. количественная характеристика индивидуальной виктимности. Развивая предложенный подход, моделирование детерминации индивидуальной виктимности включает:

1. Виктимологические (виктимогенные, нейтральные и анивиктимогенные) ситуации;
2. Высокозначимые, средней интенсивности и слабовыраженные ситуации.

Такая утилитарная модель позволяет использовать ее в статистическом наблюдении виктимности и в программировании виктимологического предупреждения преступлений.

Среди необходимых, по нашему мнению, научных классификаций выделим связанную с феноменом виктимологического рецидива, – мы предлагаем учитывать количественно-качественные различия разовых, повторяющихся и закономерных (систематических) ситуаций.

Таким образом при моделировании детерминации массовой виктимности важна степень воздействия урбанизации, индустриализации, технизации производства, миграции, а также безработицы и социальной напряженности на население. Большинство известных криминологической науке детерминантов сами по себе не порождают виктимность, а служат ее фоном и способствуют созданию модели детерминации массовой виктимности. Подводя итоги моделирования детерминации индивидуальной виктимности, считаем необходимым выделить следующее:

¹ Задорожный В.И. Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики: Монография. Тамбов: Першина, 2005.

- центральным элементом механизма совершения преступления, как со стороны преступника, так и со стороны его жертвы выступает мотивация, причем мотивация индивидуального виктимного поведения требует отдельных виктимологических исследований;

- предложенная модель виктимологических ситуаций должна быть использована при разработке более совершенного инструментария статистического наблюдения за преступностью и виктимностью.

Воронин Михаил Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор,
директор института
международного права и правосудия
Московского государственного
лингвистического университета

Высокотехнологичная преступность: вызов обществу и государству

Современный мир под высокими технологиями понимают понимает использование достижений науки и техники в производстве, быту, охране общественного порядка и борьбе с преступностью, обороне страны. К этой сфере относят достижения в биологии и медицине, химии и фармакологии, и др. При общем подходе к преступлениям в сфере высоких технологий относят использование любых достижений науки и техники в преступных целях.

Развитие знаний в области химии и биологии повлекли производство синтетических наркотических средств и психотропных веществ, причем производство осуществляется как в небольших подпольных лабораториях, так и на химических предприятиях за рубежом. Развитие медицины и трансплантологии позволили не только спасать жизни тысячам пациентов, но и организовать высокоприбыльный рынок человеческих органов.

Безусловно использование высоких технологий требует наличия у преступников глубоких профессиональных знаний и умений в той или иной научно-технической сфере. Между современной и старой, традиционной преступностью, по мнению профессора В.С. Овчинского, имеется не только антагонизм, но и существенная разница в методах и организации преступных синдикатов. Современные криминальные кланы уже отказываются от традиционных иерархических пирамид времен дона Карлеоне и Тони Сопрано и формируют более мобильные сетевые структуры. Они активно используют аутисорсинг, коллективное предпринимательство, платформенные решения и прочее. Одним словом, если преступники до середины XX в. «плелись в хвосте» технических, организационных и финансовых технологий, то сегодня они, несомненно, находятся в авангарде.

В свою очередь, профессор Ю.В. Трунцевский пишет, что использование высоких технологий преступной сфере похоже на гонку вооружений. На протяжении десятилетий вооруженные грабители выбирали автомобиль потому, что он сможет обогнать полицейский автомобиль. Автомобиль был всегда, однако он меняется, потому что полиция постоянно играет в догонялки, приобретая идентичные (как у преступников) средства для преследования. Сегодня полицейские вертолеты с их оружейной технологией, включая ночные прицелы и инфракрасные системы, могут отслеживать любого пешего преступника или скрывающегося на автомобиле, чтобы направить сотрудников на перехват. До сих пор в гонке вооружений между средствами правонарушителей и теми, которые используются полицией, чтобы поймать их, выигрывает полиция. Но высокотехнологичный преступник уже не выбирает автомобиль, а скрывается с использованием новых технологий. Не исключено, и даже закономерно, что хай-тек прорыв может в очередной раз привести к тому, что воры одержат верх в отношении (например) банковского хранилища, сейфа.

Особую нишу в сфере высоких технологий занимает преступность в информационно-коммуникационной сфере, именуемая еще и как киберпреступность. Преступность в этой сфере в последнее время получила широкое распространение и представляет собой серьезную угрозу не только для отдельных субъектов, чья профессиональная деятельность связана с использованием информационно-коммуникационных технологий, но и для общества в целом.

Этот тезис подтверждается результатом одной из крупнейших кибератак в истории, которая состоялась 12 мая 2017 года, и которой подверглись около 100 стран. Для организации данной атаки хакеры использовали старую уязвимость операционной системы Windows. Десятки тысяч компьютеров по всему миру подверглись заражению вирусом WannaCry. Это вредоносная программа, посредством которой злоумышленники шифруют необходимые пользователю файлы и требуют выкупа в обмен на разблокировку данных. Объектами этой кибератаки в России стали: МВД России, Следственный комитет России, МЧС России, Центробанк, ПАО «Сбербанк России», ОАО «Российские железные дороги», оператор сотовой связи «Мегафон», а также частные компании.

Важно отметить, что статистические показатели регистрируемой преступности в Российской Федерации, как правило, колеблются, имея в настоящее время тенденцию к снижению. Преступность в информационной и коммуникационной сфере является одним из исключений. Этот показатель не коррелируется с общей динамикой. И если в 2013 году было зарегистрировано 10 968 подобных преступлений, то уже в 2018 году зарегистрировано 174 674 преступлений, превысив показатель пятилетней давности более чем в 15 раз.

Наряду с увеличением числа преступлений в информационной и коммуникационной сфере меняется и их качественный состав. Так, с каждым годом возрастает миграция традиционных форм преступной деятельности в

киберпространстве. Все больше краж и мошенничеств совершается с использованием информационных технологий. В 2018 году они составили 70% от общего числа зарегистрированных преступлений в информационной и коммуникационной сфере.

Приведенные статистические данные подтверждаются результатами исследований, проведенных специалистами в информационно-коммуникационной сфере: «Согласно ежегодному отчету компании Group-IB Cyber Crime Con 2018, около 56% всех украденных средств были похищены с помощью фишинговых атак.

Сегмент рынка в России	Кол-во групп	Успешных атак в день	Средняя сумма одного хищения (в RUR)	Средняя сумма хищений в день (в RUR)	H2 2017-H2 2018 (в RUR)	Y2 2017- H1 2018 (в USD)	Процент изменений
Хищения у юридических лиц с троянами для ПК	3	2	1 100 000	2 200 000	547 800 000	\$9 130 000	-12%
Хищения у физических лиц с Android-троянами	8	110	7 000	770 000	191 730 000	\$3 195 500	-77%
Целевые атаки на банки	3	-	118 000 000	-	1 303 900 000	\$21 731 667	-20%
Фишинг	26	108	1000	1 008 000	250 992 000	\$4 183 200	-6%
Обналичивание похищенных средств				1 336 500	919 543 500	\$15 325 725	-34%
Итого				3 114 500	3 213 965 500	\$53 556 092	-32%

В 2017-2018 годах основными целями хакеров стали криптовалютные биржи – за этот период было взломано 14 криптовалютных бирж, общий ущерб которых составил более \$882 млн. Как минимум пять из этих атак связывают с северокаорейскими хакерами из группы Lazarus, чьи жертвы преимущественно находятся в Южной Корее.

Другим распространенным видом атак является «криптоджекинг» или скрытый майнинг, представляющий собой несанкционированное использование устройств пользователя для добычи криптовалют. Это направление мошенничества получило наибольшее развитие в 2017-2018 годах. После выхода программного обеспечения для скрытого майнинга Coinhive появилось еще семь программ подобного типа. При определенной подготовке это может позволить атакующим взять под контроль 51% мощности для майнинга и захватить управление криптовалютой. В первой половине 2018 года было зафиксировано сразу пять успешных атак 51%, при этом сумма прямого финансового ущерба составила от \$0,55 млн до \$18 млн.

Ранее Group-IB сообщила об увеличении числа случаев утечек данных пользователей на криптовалютных биржах по сравнению с прошлым годом.

Компания подчеркнула, что сегодня ни одна криптовалютная биржа, вне зависимости от ее масштабов, не может гарантировать абсолютную безопасность своим пользователям, поскольку информационной безопасности и защите цифровых активов уделяется недостаточно внимания»¹.

К сожалению, успехи киберпреступников развенчивают ранее нагнетавшие проекты. К их числу относится и информационно-коммуникационная технология блокчейна. Этому проекту сулят длительное будущее, предлагая использовать его для хранения больших данных в различных облаках, начиная от общедоступных статистических данных, заканчивая конфиденциальной информацией, утверждая, что защищенность данных, хранящихся с использованием технологии блокчейна, выше чем в швейцарском банке. Но здесь самое время вспомнить Ю.В. Трунцевского, говорящего – не исключено, и даже закономерно, что хай-тек прорыв может в очередной раз привести к тому, что воры одержат верх в отношении (например) банковского хранилища, сейфа.

Компания Group-IB в своем отчете CyberCrimeCon 2018 обращает внимание, что в 2018 году они наблюдали различные типы атак на блокчейн-проекты, среди которых выделяются следующие:

- атака на блокчейн (Blockchain attack);
- повторное использование учетных данных (Credentials reuse);
- взлом домена (Domain hijacking);
- мошенничество изнутри проекта (Insider work);
- вредоносное ПО (Malware);
- фишинг (Phishing);
- уязвимость в исходном коде (Source code vulnerability exploitation).

В этом же отчете компания Group-IB говорится, что финансовая оценка активности киберпреступников является ярким индикатором смены приоритетов хакеров. Большая часть атакующих следуют за деньгами и, если они находят новые более эффективные способы заработка, они инвестируют время и средства именно туда, создавая новые инструменты, услуги, схемы проведения атак.

За прошедший период полностью ушли со сцены трояны для ПК, а хищения с помощью Android-троянов после нескольких лет взрывного роста резко сократились благодаря обновлениями операционной сети от Google, понижению лимитов на переводы по SMS, и с внедрением банками систем раннего обнаружения фрода с функционалом детектирования активности вредоносных программ на устройстве клиента. На подъеме фишинг – относительно простая тактика атак привлекает на рынок все больше злоумышленников. Основной угрозой для российских банков остаются хорошо подготовленные группы с практикой успешных целевых атак. В среднем в России каждый месяц они грабили 1-2 банка. Впрочем,

¹ URL: <https://bits.media/otchet-group-ib-fishing-i-kriptodzheking-stali-samymi-rasprostrannymi-vidami-atak/> (дата обращения 25.11.2019).

в 2018 году было 4 месяца, когда компания не зафиксировала ни одного хищения (январь, февраль, май и июнь)¹.

В завершение статьи обратим внимание читателя на предложения совещания, прошедшего 16 октября 2016 года в рамках G7 и посвященного вопросам снижения рисков и устранения угроз для финансового сектора². Совещание подготовило перечень фундаментальных элементов укрепления информационной безопасности финансового сектора, включающего частные институты и государственные органы. Хотя перечень носит не обязательный, а рекомендательный характер, он позволяет субъектам финансовой деятельности сориентироваться в направлениях повышения уровня информационной безопасности и оперативной адаптации ко все более опасной и неоднородной информационной и коммуникационной среде.

Перечень включает элементы, которые могут выступать в качестве строительных блоков для проектирования и реализации операционной структуры кибербезопасности для финансового сектора.

Элемент 1: Стратегия информационной безопасности и программные средства

Стратегия информационной безопасности должна базироваться на международных, национальных и отраслевых стандартах, а также соответствующих руководящих принципах.

Стратегия информационной безопасности, разработка программы и ее реализации должны основываться на комплексной и всеобъемлющей идентификации рисков и угроз в информационно-коммуникационной сфере.

Целью стратегии информационной безопасности является снижение рисков и элиминация на этой основе угроз для финансовой инфраструктуры в информационно-коммуникационной среде.

Субъекты в финансовом секторе должны разрабатывать корпоративную стратегию информационной безопасности и осуществлять выбор средств с учетом характера, масштабов и сложности рисков и угроз в информационно-коммуникационной среде.

В рамках национальной политики финансовой информационной безопасности целесообразно особое внимание уделить разработке стандартов, процедур и функционального разделения деятельности и взаимодействия между частными институтами и государственными органами в финансовой сфере.

Элемент 2: Государственное и корпоративное управление

Первостепенным условием для обеспечения эффективного управления в сфере информационной безопасности финансового сектора является разработка, принятие и доведение до субъектов стандартов и нормативов

¹ URL: file:///C:/Users/Asus/Documents/Кибер/книга%20Овчинский%20Основы%20борьбы%20с%20киберпреступностью/Материалы%20по%20России/Group-IB_Hi-Tech_Crime_Trends_2018.pdf (дата обращения 26.11.2019).

² См.: Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия / сост. В.С. Овчинский. М.: Норма, 2017. С 394 – 401.

информационной безопасности. Они определяют функции, права, обязанности и ответственность государственных органов и частных финансовых институтов, а также их персонала, вплоть до конкретного работника.

Как показывает международный опыт, наиболее эффективно информационной безопасности в финансовом секторе обеспечивается там, где эта работа интегрирована в системы отчетности, организационного планирования и управления, а также материального и социального поощрения.

Эффективное управление в сфере информационной безопасности должно не только обеспечивать установление кооперационных связей между ИТ, аналитическими и собственно финансовыми подразделениями государственных органов и частных институтов, но и быть способным согласовывать конкурирующие цели.

Элемент 3: Оценка рисков, программирование и контроль

Стратегия информационной безопасности может быть эффективно реализована только в случае перевода ее на уровень организационных технологий. Организационные технологии предполагают установление нормативов и операций, регламентирующих деятельность, взаимосвязи и зависимости как внутри системы субъектов обеспечения информационной безопасности, так и вне этой сферы.

Наряду с организационными технологиями по каждому направлению и каждой операции в рамках программы информационной безопасности необходимо определить исчерпывающий перечень программно-аппаратных средств, обеспечивающих выполнение задач, сформулированных в рамках стратегии.

Необходимо учитывать, что отдельный, даже самый мощный, финансовый институт не может полностью элиминировать угрозы в сфере информационной безопасности. Соответственно, программы по обеспечению информационной безопасности каждого конкретного финансового института должны быть составлены таким образом, чтобы они являлись фрагментом как общегосударственной, так и международной системы информационной безопасности финансового сектора.

Ключевыми направлениями при разработке стратегии финансовой информационной безопасности должны быть обеспечение надежной защиты проведения транзакций и хранения данных в информационно-коммуникационной среде по основным финансовым операциям.

Элемент 4: Мониторинг

Первостепенной задачей является развитие систем всеобъемлющего мониторинга собственной программно-аппаратной инфраструктуры и информационно-коммуникационной среды. Системы мониторинга должны включать в себя сетевой мониторинг в режиме 7/24 и системы взаимодействия корпоративных систем информационной безопасности с системами финансовой информационной безопасности на государственном и международном уровнях.

Основное направление – создание специализированных государственных и частных организаций, занимающихся аудитом информационной безопасности. Наиболее эффективной формой организаций, специализирующихся на аудите информационной безопасности и подготовке кадров в этой сфере являются частно-государственное партнерство. Именно партнерство не только позволит наладить эффективную систему аудита и подготовки кадров, но и дают возможность понять общесекторальные информационные риски, уязвимости и угрозы и организовать разработку программных средств, их снижающих.

Элемент 5: Последовательность

Работу системы финансовой информационной безопасности можно представить в виде последовательных операций:

- а) оценка характера, масштабов и последствий информационных инцидентов;
- б) осуществление срочных мер по уменьшению последствий информационных инцидентов;
- в) уведомление внутрикорпоративных субъектов, правоохранительных органов и других государственных органов, а также внешние организации, включенные в систему обеспечения информационной безопасности, о характере, последствиях, ущербе и принятых мерах по исчерпанию последствий информационных инцидентов;
- г) координация совместных усилий и мер по противодействию в будущем возможных информационных инцидентов.

Элемент 6: Восстановление

Существует четкая последовательность операций по реабилитации системы информационной безопасности после инцидента. Она включает:

- а) устранение вредных последствий информационного инцидента для сохранности данных и функционирования программных средств;
- б) полное восстановление систем и данных, включая приведение их в нормальное состояние и прохождение стресс-тестов;
- в) анализ результатов стресс-тестов, выявление и устранение всех уязвимостей, которые были обнаружены в ходе стресс-теста;
- г) системный анализ информационного инцидента не как отдельного события, а как фрагмента разнообразной совокупности информационных атак на финансовые институты;
- д) обеспечение взаимосвязи с государственными органами и внешними субъектами обеспечения информационной безопасности.

Элемент 7: Обмен информацией

Первостепенное значение для обеспечения информационной безопасности в финансовом секторе имеет своевременный обмен достоверной информацией об угрозах, уязвимостях, инцидентах в информационно-коммуникационной среде между финансовыми институтами и государственными органами.

Государственные органы должны постоянно выявлять и оперативно устранять любые препятствия внутригосударственному и международному

обмену информацией в сфере обеспечения финансовой информационной безопасности. Только на этой основе может быть создано глобальное государственно-корпоративное противодействие международной организованной финансовой преступности в информационно-коммуникационной среде.

Элемент 8: Непрерывное обучение

В рамках финансовых институтов, государственных органов, аудиторских организаций и компаний в сфере информационной безопасности должно быть организовано обучение по вопросам информационной безопасности, включая концептуальное обеспечение, управление информационной безопасностью, оценка рисков и контроль, мониторинг, программно-аппаратное опережающее реагирование на информационные угрозы и инциденты, противодействие социальному инжинирингу, восстановление корпоративных и государственных программных и аппаратных инфраструктур после информационных инцидентов и т. п.

В заключение необходимо сказать, что вопросы информационной безопасности необходимо рассматривать как ключевые вопросы не просто развития, а выживания общества и государства, они должны найти свое место в рамках любых управленческих процессов в сфере бизнеса, национальной безопасности и государственной службы.

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заведующий кафедрой управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России

Влияние «административного» фактора регулирования преступности на формирование уголовной политики и меры по его преодолению

Исследуя проблему латентной преступности, как одного из основополагающих факторов, определяющих необходимость разработки и реализации в России мер по обеспечению достоверности регистрации и учета преступлений, необходимо отметить, что представители науки¹, практикующие

¹ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006; Гаврилов Б.Я. Негативное влияние проблемы регистрации и учета преступлений на разработку стратегии борьбы с преступностью / Стратегия борьбы с преступностью: материалы международной конференции // Государство и право. 2004. № 3. С. 99-101; Лунеев В.В. Латентность криминальных реалий // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 1. С. 73-77.

юристы¹ неоднократно подвергали исследованию причины и условия, препятствующие полноте регистрации заявлений и сообщений о противоправных деяниях и их учету в качестве преступлений; обстоятельства, способствующие искажению показателей преступности, а также составляющие латентную преступность ее элементы и ее особенности на региональном (по субъектам Российской Федерации) уровне².

В числе причин следует выделить сложившиеся на протяжении ряда десятилетий требования к органам правопорядка «покончить» с преступностью, несмотря на то, что она является неотъемлемой частью любого общественно-политического строя вне зависимости от формы социально-государственного устройства и уровня экономического развития. Не имея реальной возможности реализовать эти требования, правоохранительные органы и, прежде всего, органы внутренних дел через систему различных мер десятилетиями допускали искажения показателей преступности, показывая себя в формируемых ими же сведениях в лучшем свете.

Экспертная оценка реального уровня преступности позволяет утверждать, что официальные показатели ее регистрируемой части в 8-10 раз³, а по отдельным оценкам в 18-20 раз⁴ ниже количества фактически совершаемых на территории Российской Федерации преступлений. Об изложенном свидетельствуют ряд факторов.

Первый из них заключается в том, что статистическими данными за предшествующие 30 лет выявлена тенденция прироста уровня регистрируемой преступности на один миллион преступлений каждые 10 лет. Все это нашло отражение в так называемом «тренде» преступности.

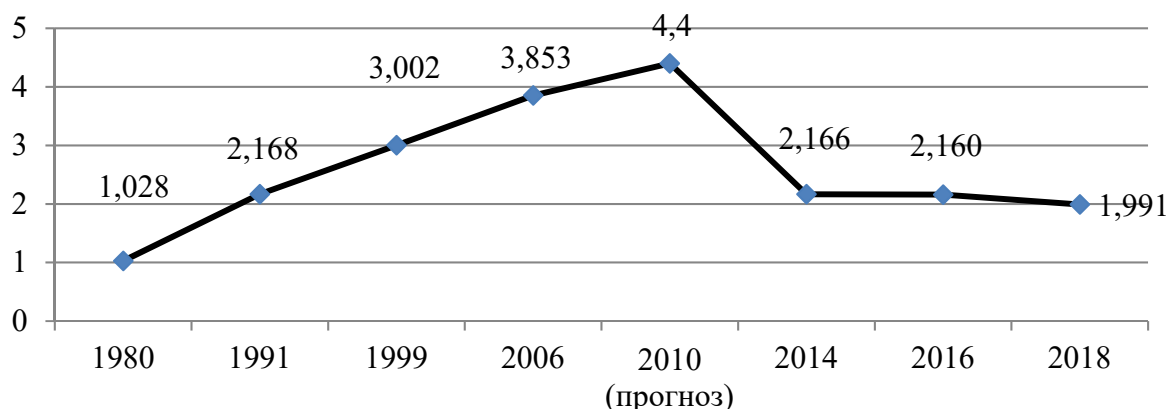
¹ Гордиенко В.В. Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16; Кожокар В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016; Лунеев В.В., Мацкевич И.М., Нечевин Д.К. Проблемы отечественной преступности: статистика и реалии // Евразийский юридический журнал. 2011. № 1 (32); Синельщиков Ю.П. Лукавые цифры милицейской статистики // Век. 1998. № 2; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: Монография / Под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011; Торопин Ю.В. Латентная преступность и использование ее показателей в деятельности органов внутренних дел: по материалам Центрального федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук, М. 2013.

² Торопин Ю.В. Латентная преступность и использование ее показателей в деятельности органов внутренних дел: по материалам Центрального федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук, М. 2013.

³ Бабаев М.М. Преступность в Российской Федерации в начале XXI века: состояние и перспективы / Под ред. С.И. Гирько. М. 2004; Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Проспект, 2008. С. 24-43; Горяинов К.К., Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учета преступлений. М.: Инфа, 2001; Синельщиков Ю.П. Лукавые цифры милицейской статистики // Век. 1998. № 2.

⁴ Ведерникова О.Н., Лебедев С.Я. Исследование латентной преступности // Материалы круглого стола. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010. С. 22, 67.

*Количество зарегистрированных преступлений
за 1980-2018 гг. (в млн.)*

Из представленного графика видно, что к 2010 году показатель зарегистрированных преступлений должен был достигнуть 4 млн. преступлений в год. Однако в 2007-2018 гг. он сократился на 1,86 млн. преступлений или на 48,3%, составив по итогам 2018 г. – 1,991 млн. преступлений.

Второй фактор обусловлен существенно возросшим (почти на 12 млн.) с 19,3 млн. в 2006 г. до 31,2 млн. в 2018 г. или на 61,7% количеством обращений граждан и организаций в правоохранительные органы о фактах совершенных в отношении них противоправных деяний при том, что уголовно-правовая статистика фиксирует динамику ежегодного сокращения (за 12 лет – в 2 раза) удельного веса принятых органом дознания, дознавателем, следователем процессуальных решений о возбуждении уголовного дела (с 3,3 млн. возбужденных уголовных дел в 2006 г. до 1,65 млн. дел в 2018 г.).

*Сведения об удельном весе возбужденных уголовных дел
из общего количества обращений граждан и организаций*

Временной период	2006	2010	2011	2013	2014	2018
Всего зарегистрировано сообщений, заявлений о преступлении, административных правонарушений, происшествиях (млн.)	19,3	23,9	24,7	28,4	29,3	31,2
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	2,2	2,0	1,78	1,73	1,65
Удельный вес к числу зарегистрированных сообщений	16,9%	9,0%	8,0%	6,0%	5,9%	5,3%

При этом отмечается значительный рост количества процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (с 4,5 млн. в 2006 г. до 6,8 млн. в 2007 г. и некоторое их снижение (до 6,0 млн.) в 2018 г.

Сведения о соотношении удельного веса возбужденных уголовных дел по заявлениям и сообщениям граждан и организаций о преступлениях и отказных материалов

Временной период	2006	2013	2015	2016	2017	2018
Всего зарегистрировано сообщений, заявлений о преступлениях (млн.)	10,7	11,7	12,2	11,65	10,3	9,8
Возбуждено уголовных дел (млн.)	3,3	1,78	1,89	1,85	1,78	1,65
Удельный вес к числу зарегистрированных сообщений	30,8%	15,2%	15,5%	15,0%	16,8%	16,8%
Количество (без повторных) отказных материалов (млн.)	4,5	6,7	6,8	6,3	6,8	6,0

Последствия этого явления приобрели гипертрофированный характер в форме так называемого «административного» фактора регулирования показателей преступности¹.

Так, искусственное сокращение показателя регистрируемой преступности в отдельные периоды было характерным для г. Москвы.

Сведения о количестве зарегистрированных преступлений и коэффициенте преступности по г. Москве в сравнении с Российской Федерацией

Год	Начальник ГУВД г. Москвы	Количество зарегистрированных преступлений по г. Москве	+- в % к АППГ	Уровень преступности на 100 тыс. населения (Москва)	Уровень преступности на 100 тыс. населения (Россия)
1988	Богданов	38.680		438,9	833,9
1991	П.С.	63.873	+ 6,1	716,7	1463,2
1992	Мурашов	79.075	+ 23,8	882,8	1856,5
1993	А.К.	82.556	+ 4,4	939,2	1887,8
1994	Панкратов	86.937	+ 5,3	999,2	1778,9
1995	В.И.	92.675	+ 6,6	1074,4	1862,7
1997	Куликов	70.536	- 19,1	825,3	1629,3
1999	Н.В.	77.684	+ 11,6	909,8	2051,3

¹ Гаврилов Б.Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. Монография. М.: Проспект, 2007. С. 20-35.

Приведенные статистические данные о состоянии преступности в г. Москве свидетельствуют о том, что коэффициент преступности здесь на протяжении 1988-1999 гг. был значительно ниже среднероссийского. Однако и последний в России многократно ниже, о чем будет изложено далее, чем в абсолютном большинстве государств с устоявшейся системой правосудия.

К указанному «административному» фактору автор относит результаты действия как отдельных федеральных законов, так нормативных правовых актов Генпрокуратуры и МВД России:

– так, ст.7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (вступил в действие с 01.07.2002 г.) минимальный размер похищенного был увеличен с одного до пяти минимальных размеров оплаты труда (МРОТ), включая квалифицированные виды краж. В результате за 4 месяца действия данной нормы было декриминализировано 350 тыс. краж. И после их криминализации Федеральным законом от 31.10.2002 № 133-ФЗ в течение года количество краж возросло до их предыдущего уровня;

– или, например, реализуя совместный приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 16.05.2005 № 19/150 «О мерах по укреплению законности при вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела», правоохранительные органы увеличили уровень регистрируемой преступности за второе полугодие 2005 г. на 22,8% и первую половину 2006 г. – еще на 8,5%, по истечении которых показатель преступности начал сокращаться¹.

При этом, как следует из приведенных выше статистических показателей регистрируемых преступлений, «административный» фактор регулирования показателей преступности действует, в среднем, не более одного года.

¹ Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Проспект, 2008. С. 31, 35-36.

Сведения о количестве зарегистрированных преступлений

Пе-риод	Всего зарегистрированных преступлений	+, – в % к АППГ	Смена руководства МВД	Некоторые из причин роста или снижения показателей преступности
1983	1.398.239	+23,9	12.1982-01.1986 Федорчук В.В.	Рост преступности в первый год и ее снижение в последующие годы
1984	1.402.694	+0,3		
1985	1.416.935	+0,1		
1992	2.760.652	+27,3	01.1992-07.1995 Ерин В.Ф.	Тот же процесс
1993	2.799.614	+1,4		
1994	2.632.708	-6,0		
1995	2.755.669	+4,7	07.1995-04.1998 Куликов А.С.	Тот же процесс
1996	2.625.081	-4,7		
1997	2.397.311	-8,7		
1999	3.001.748	+16,3	05.1999-03.2001 Рушайло В.Б.	Тот же процесс
2000	2.952.367	-1,6		
2001	2.968.255	+0,5		
2002	2.526.305	-14,9	03.2001 по 2003 Грызлов Б.В.	Декриминализация 350 тыс. краж
2003	2.756.398	+9,1		Криминализация 200 тыс. краж
2004	2.893.810	+5,0	03.2004 по 05.2011 Нургалиев Р.Г.	Криминализация 130 тыс. краж
2005	3.554.738	+22,8		Ужесточение учетно-регистрационной дисциплины
2006	3.835.373	+8,5		Тот же процесс
2007	3.582.541	-7,1		Снижение преступности после ее роста
2008	3.209.862	-10,4		Тот же процесс
2009	2.994.820	-6,7		Тот же процесс
2010	2.628.799	-12,2		Тот же процесс
2011	2.404.807	-8,5		Тот же процесс
2016	2.160.063	-9,6	Колокольцев В.А.	Декриминализация части краж и др. прест.
2017	2.058.476	-4,7		Тот же процесс
2018	1.991.532	-3,3		Тот же процесс
8 мес. 2019	1.355.475	+1,9		Рост преступности после её снижения

Как свидетельствуют результаты проведенных автором исследований, основная причина сокращения показателя регистрируемой преступности заключается, несмотря на некоторое повышение эффективности деятельности полиции, других правоохранительных органов и частичную декриминализацию отдельных видов преступлений, в многократном увеличении (в 7,6 раз) за последние два десятилетия удельного веса принимаемых органами дознания, дознавателями и следователями по заявлениям, сообщениям о противоправных деяниях процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела к доле возбужденных уголовных дел (с 47,7% в 1992 г. до 364% в 2018 г.) и, соответственно, сокращении количества принимаемых процессуальных решений о возбуждении уголовного дела, чем нарушаются положения ст. 52 Конституции РФ о доступе граждан к правосудию.

*Сведения о соотношении возбужденных уголовных дел
и «отказных» материалов*

Период	Возбуждено уголовных дел	Количество «отказных» материалов	Удельный вес к числу возбужденных дел (в %)
1992 г.	2,8 млн.	1,3 млн.	47,7%
2018 г.	1,65 млн.	6,0 млн.	363,6%

При этом из указанного выше числа «отказных» материалов ежегодно признавались незаконными, необоснованными и отменялись от 20% до 40% процессуальных решений органов дознания и органов предварительного расследования, а количество отмененных «отказных» материалов с возбуждением уголовных дел увеличилось за последние двадцать лет более чем в 5 раз (с 32,5 тыс. в 1992 г. до 215,3 тыс. в 2013 г. и 166,0 тыс. в 2018 г.).

Как следствие указанных и ряда других причин показатель преступности в России ежегодно колеблется в зависимости от требований МВД России и Генеральной прокуратуры РФ к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины от +32,7% в 1989 г. до -14,9% в 2002 г., на что автор в последние 20 лет обращал особое внимание¹. Для сравнения, в Германии ежегодные изменения преступности при ее количественной составляющей 6,0-6,5 млн. в год не превышают 1-1,5%².

¹ Гаврилов Б.Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. Монография. М.: Проспект, 2007. С. 20-35.

² Шулепова Л.Ф. Современное немецкое дополнительное уголовное право: монография. М.: Изд. группа «Юрист», 2007. С. 176-178, 182.

Действие «административного» фактора на показатели регистрируемой преступности достаточно наглядно проявляется и в деятельности органов внутренних дел на региональном уровне.

Среди проявлений «административного фактора» руководителями органов внутренних дел на региональном уровне, входящих в Центральный федеральный округ¹, следует выделить следующие виды:

– «классический», как основной, суть которого изложена выше и заключается в увеличении числа зарегистрированных преступлений в первый год вступления руководителя в должность и их снижении в последующие годы, что подтверждается приведенными ниже статистическими данными.

Регион	Период	+, – к АППГ (в %)	+, – к АППГ по ЦФО (в %)	+, – к АППГ по РФ (в %)
Брянская область	2005	+23,5	+18,3	+22,8
	2006	-6,7	+3,6	+8,5
Курская область	2005	+20,3	+18,3	+22,8
	2006	+19,6	+3,6	+8,5
	2007	-8,7	-5,5	-7,1
Липецкая область	2006	+5,3	+3,6	+8,5
	2007	+2,3	-5,5	-7,1
	2008	-1,9	-9,4	-10,4
	2009	-9,3	-3,3	-6,7
Костромская область	2001	+10,8	+0,9	+0,5
	2002	-29,2	-5,6	-14,9

– «радикальный», суть которого заключается в обеспечении в течение первого календарного года после назначения сокращения показателя регистрируемой преступности, несмотря на ее рост в целом по России и ЦФО в силу действия указанного выше совместного приказа Генпрокуратуры и МВД России от 16.05.2005 № 19/150.

Регион	Период	+, – к АППГ (в %)	+, – к АППГ по ЦФО (в %)	+, – к АППГ по РФ (в %)
Воронежская область	2006	- 6,6	+3,6	+8,5
Ярославская область	2006	-10,5	+3,6	+8,5
	2007	-14,1	-5,5	-7,1

¹ Торопин Ю.В. Латентная преступность и использование ее показателей в деятельности органов внутренних дел: по материалам Центрального федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук, М. 2013.

– к «либерально-радикальной» категории руководителей следует отнести тех начальников, которые в течение первого года обеспечивают значительный рост преступности, а в последующие годы – сокращение её показателей темпами, значительно превышающими, чем по Российской Федерации и по Центральному федеральному округу.

Регион	Период	+, -к АППГ (в %)	+, – к АППГ по ЦФО (в %)	+, – к АППГ по РФ (в %)
Белгородская область	2005	+30, 3	+18,3	+22,8
	2006	-4,5	+3,6	+8,5
Липецкая область	2005	+33, 8	+ 18,3	+22,8
Рязанская область	2005	+49, 2	+18,3	+22,8
	2006	-6,0	+3,6	+8,5
	2007	-14,9	-5,5	-7,1
Тамбовская область	2005	+42, 0	+18,3	+22,8
	2006	+1,2	+3,6	+8,5
	2007	-12,4	-5,5	-7,1
Тверская область	2005	+38, 3	+18,3	+22,8
	2006	+2,8	+3,6	+8,5
	2007	-6,7	-5,5	-7,1

Следствием регулирования показателей преступности, на взгляд автора, являются и значительные различия регистрируемой преступности по регионам с одинаковыми социально-экономическими условиями и даже штатной численностью сотрудников органов внутренних дел.

Сравнительный анализ показателей преступности за 2010, 2018 г.

Регионы		Тверская обл.		Пензенская обл.	
		2010	2018	2010	2018
Численность населения		1 369,4 тыс.	-	379,8 тыс.	-
Территория		84,2 тыс. кв. км.	-	3,2 тыс. кв. км.	-
Численности ОВД		7 940	-	7 668	-
Количество зарегистрированных преступлений		29 898	19 581	16 976	2 829
Количество заявлений, сообщений о происшествиях		147 568	193 886	150 450	292 641
Принято решений	Количество отказных материалов	47 290	46 184	45 617	39 493
	В т.ч. о кражах	14 140	-	7 548	-
	Списано в номенклатурное дело	21 269	39 967	15 463	43 501
	Приобщено к ранее зарегистрированным преступлениям	16 299	14 648	13 191	20 673
	Отменено «отказных» материалов	2 019	12 298	1 729	9 758
	В т.ч. с возбуждением уголовного дела	70	1 182	21	1 512
	О возбуждении уголовного дела	25 797	16 547	11 551	9 832

В последующие (после 2010 г.) годы ситуация в этих регионах не изменилась. Приведенные статистические данные о реагировании на заявления, сообщения и иную информацию о происшествиях объективно свидетельствует, что следователи, дознаватели, иные должностные лица органов внутренних дел Тверской области в 2010 г. принимали решения о возбуждении уголовных дел в 2,7 раза больше, чем указанные должностные лица органов внутренних дел Пензенской области, а в 2018 г. – 1,7 раза. И, соответственно, уровень латентной преступности в данном регионе значительно превышает этот показатель как в Тверской области, так и в целом по Российской Федерации.

Более того, негативные последствия выражаются не только и не столько в искажении статистических показателей преступности, сколько в многочисленных нарушениях (ежегодно от 2 до 3 млн.) прав граждан на доступ к правосудию в связи с совершенными в отношении них противоправ-

ными деяниями. Реальность данной цифры обусловлена двумя обстоятельствами: 1) в общее количество 6,0 млн. постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел за 2018 г. не включено 1,2 млн. постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел о кражах чужого имущества, вынесенных по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 24 и ч. 1 ст. 148 УПК РФ, за малозначительностью деяния, а фактически – ввиду неустановления лиц, совершивших данные кражи¹; 2) в указанное число постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел также не включено порядка 1 млн. заведомо незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, вынесенных на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ по фактам обращения граждан о причинении им различной тяжести телесных повреждений, которые фактически являются преступлениями; 3) в показателе «отказных» материалов не учтено не менее 1 млн. краж с использованием банковских карт.

Изложенное выше и другие публикации по проблеме латентной преступности и коллизии уголовно – правовой статистики, а также исследование действия «административного фактора» на показатели преступности как в целом по Российской Федерации, так и на региональном уровне позволяет сформулировать вывод о том, что одной из основных причин, препятствующих объективности уголовно-правовой статистики о преступности, наряду с указанными выше, является несовершенство механизма регистрации заявлений, сообщений о происшествиях и их учета в качестве преступлений, что позволяет констатировать необходимость принципиального изменения порядка начала производства расследования по сообщению о преступлении путем исключения из УПК РФ процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом (ст. 146, 148 УПК РФ), на чем автор последовательно настаивает на протяжении ряда лет². Эти предложения автора, как члена расширенной рабочей группы, созданной приказом Министра внутренних дел РФ, реализованы в Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (п.4.5) и проекте соответствующего федерального закона, разработанного группой экспертов МВД России. А их решение зависит, в первую очередь, непосредственно от воли руководителей правоохранительных органов.

¹Пунктом 2 части 1 ст. 24 УПК РФ установлено такое основание отказа в возбуждении уголовного дела, как отсутствие в деянии состава преступления. Согласно ч.1 ст. 148 УПК РФ отказ в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия в деянии состава преступления допускается лишь в отношении конкретного лица.

² Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. 2013. № 21. С. 5-11; Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. 2010. № 15. С. 17-20; Гаврилов Б.Я. Институт возбуждения уголовного дела: современное состояние и пути совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 3. С. 28-32.

Генрих Наталья Викторовна,
доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия

Криминализация общественно опасных деяний как фактор формирования культуры

Криминализация общественно опасных деяний, если рассматривать ее с точки зрения культурных процессов, протекающих в обществе, является культурным феноменом, который не только сам по себе определяется разнообразными факторами культуры, но и будучи включенным в общий культурный контекст развития общества, непосредственно влияет на иные культурные процессы и явления. Такое взаимное влияние предопределено самой сущностью криминализации и культуры.

При множестве существующих подходов, в целях нашего анализа культуру справедливо рассматривать с точки зрения нормативно-ценностного подхода в качестве набора правил, которые предписывают человеку определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями. Социологический смысл и назначение культуры в таком понимании вполне определен: она организует жизнедеятельность людей и оказывает управленческое воздействие на общество. Культура – это признаваемая и разделяемая обществом система ценностей, символов и значений, которая постигается человеком в процессе социализации и аккультурации на протяжении всей его жизни, и которая транслируется от поколения к поколению. При этом стало уже устойчивой традицией ценностного подхода выделять институциональные и неинституциональные нормы, соотнося их с официальной и неофициальной культурой. Институциональная, официальная культура – есть ценности, нормы и правила поведения, которые официально одобрены обществом, его институтами и поддерживаются силой социальных санкций, в том числе (а может быть, и в первую очередь) правовых. К неинституциональным нормам относят такие правила поведения, которые не являются официальными (хотя и не обязательно противоречат нормам официальной культуры) и в большей мере опираются на силу общественного мнения, обычаи, нравы, привычки.

Криминализация же, как процесс официального признания тех или иных поведенческих актов общественно опасными, с установлением за них уголовно-правовых санкций, непосредственным образом включена в процесс нормирования человеческого поведения. Она направлена на поддержание или коррекцию социальных норм, вторгаясь при этом в область как институциональной, так и неинституциональной культуры, способствуя трансляции одних культурных норм и элиминации других. Криминализация

создает особую разновидность культурных норм – нормы уголовно-правовые, которые специфическим образом (посредством запрета) выстраивают допустимую волатильность стандарта социального поведения, определяя наиболее крайние, а потому абсолютно недопустимые его проявления. Тем самым, повторим мнение А.А. Тер-Акопова, «уголовный закон отражает, как выражался классик марксизма, «нравственную физиономию общества», причем не только указанием на совершаемые деяния, их содержание, но и самим фактом такого указания»¹.

Рассматривая вопрос о влиянии криминализации на культуру, целесообразно выделить два основных аспекта. Условно их можно обозначить как статический и динамический.

В статическом плане речь идет о соотношении криминализации с официальной и неофициальной культурой.

Прежде всего, надо признать, что криминализация может поддерживать нормы и ценности исключительно официальной культуры. Неофициальная культура (андеграунд, субкультура, контркультура) по определению не может стать объектом уголовно-правовой защиты. Однако она находится под неустанным вниманием официальных властных структур с тем, чтобы в процессе мониторинга неинституциональных норм и их влияния на общественное поведение в нужный момент, с необходимой точностью и внимательностью отобрать те из них, что создают опасность для личности, общества или государства, и поставить под запрет в процессе криминализации. Воздействие криминализации на неофициальную культуру может быть только либо запретительным, либо молчаливо терпимым.

Иное дело – нормы и ценности официальной культуры. Они потому и признаются «официальными», что поддерживаются и продвигаются общественным большинством и его представителями во властных структурах государства. Такие нормы, разумеется, не могут быть запрещаемы, напротив, они подтверждают свою значимость в процессе криминализации, санкционируются, сохраняются и транслируются. При этом, разумеется, далеко не все нормы и ценности официальной культуры получают поддержку в ходе криминализации. Криминализация включена в общий процесс государственного маркирования культурных норм правовыми санкциями, в котором задействованы также процессы создания административно-правовых и иных правовых запретов. В связи с чем отбор норм официальной культуры именно для криминализационной поддержки приобретает особое культурологическое и уголовно-политическое значение.

Такой отбор уголовно-защищаемых норм официальной культуры, равно как и отбор норм неофициальной культуры, требующих запрета, – двуединый процесс, подчиненный общим принципам, правилам, которые

¹ Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: ЮРКНИГА, 2003. С. 447.

обобщенно могут именоваться стандартами криминализации общественно опасных деяний. Стандарты эти сами по себе образуют некий набор культурных норм, составляя «культуру криминализации». Они, безусловно, подвержены динамике, но в каждый конкретный момент времени образуют некий устоявшийся набор требований, включающих в себе различные политические, экономические, социальные и иные аспекты. Ключевым требованием при этом выступает требование общественной опасности запрещаемого поведения, исследование которой составляет один из важнейших разделов уголовно-правовой науки¹.

Связь криминализации и культуры, рассматриваемая в динамическом аспекте, представляется более сложной и многозначной. Она отражает включенность криминализации в перманентный процесс культурной динамики, который сопровождается зарождением, утверждением, отмиранием и элиминацией культурных норм и ценностей. Это направление анализа в большей степени отражает управленческий характер криминализации, ее способность организовывать и изменять поведение людей.

Динамическое воздействие криминализации на культуру осуществляется в четырех основных направлениях:

- поддержка уже сложившихся культурных норм;
- продвижение новых культурных норм;
- вытеснение старых культурных стандартов;
- блокирование культурных новаций.

Все они тесным образом взаимосвязаны между собой, развиваются параллельно, пересекаются, однако в исследовательских целях вполне могут рассмотрены как относительно самостоятельные процессы.

1. *Поддержание сложившихся культурных норм* – хронологически самый первый способ влияния криминализации на культуру. Как известно, уголовное право образуют предписания, которые своим ядром уходят в глубокую древность и относятся к разряду первых социальных регуляторов. В основе их возникновения – не только необходимость разрешения мировоззренческой проблемы добра и зла, но естественное стремление человека к безопасности. Животный инстинкт самосохранения в процессе единого процесса антропосоциокультурогенеза трансформировался в осознаваемую по-

¹ См., например: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юрид. лит., 1975; Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказание. Количественные методы изучения / под ред. Ю.Д. Блувштейна. М.; ВНИИ МВД СССР, 1982; Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993; Честнов И.Л. Общественная опасность преступления в постклассической перспективе // Образование и наука: вопросы теории и практики. 2015. № 1; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 342 – 364; Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М.: Проспект, 2016.

требность обеспечения не только личной, но уже и коллективной безопасности, которая как раз и удовлетворялась сначала в обычных, а затем – и в писанных нормах, легитимирующих применение средств коллективного принуждения к нарушителям такого порядка отношений, который оценивался как справедливый и безопасный с позиций того или иного общества в то или иное время¹.

Процессы поддержания средствами уголовного права сложившихся культурных норм соотносятся с наиболее древними запретами – не убей, не причиняй вреда здоровью, не допускай кровосмешения, не нарушай чужой собственности и другими запретами, которые формировали сами культурные нормы, начиная с первобытных времен. Можно считать убедительно доказанным фактом, что формирование таких культурных норм, составляющих основу человеческого общежития, шло при непосредственном участии фактора запрета, именно путем запрета такие нормы и формировались. Другое дело, что само такое запрещение, табуирование, с привычных нам современных представлений о праве как продукте исключительно государственно организованной деятельности, слабо соотносится с криминализацией. Табуирование и криминализация – связанные, но все же различающиеся процессы: табуирование как по большей части стихийный процесс установления запрета и поддержания его силой общественных санкций, формально предшествует криминализации как сознательно управляемому государством процессу конструирования уголовно-правовых норм и санкций.

Именно в этом контексте надо понимать суждения В.К. Андрианова и Ю.Е. Пудовочкина о том, что «являемый системой первобытных обычаев нормативно-регулятивный опыт (регламентация поступков людей посредством общих правил, установление запретов на совершение тех или иных действий, подкрепляемых санкцией, их строгость и обязательность, применение наказания, определяемого степенью общественной опасности совершенного деяния) был, по достижении государственной ступени развития общества, существенно востребован в процессе начального формирования позитивного уголовного права, а сами обычаи, санкционируемые государством, послужили его первоисточником, «строительным материалом»².

Уголовно-правовые нормы, возникшие на основе первобытных табу, как и сами эти табу, охраняют и поддерживают наиболее фундаментальные, глубинные ценности человеческой культуры, ценности, которые в аксиологии соотносятся с представлением об абсолютных и вечных. Вопрос о содержании таких ценностей, как крайне сложный и весьма специфический, не может быть рассмотрен в рамках предлагаемой публикации. Однако мы

¹ См. подробнее: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011. С. 81.

² Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 61 – 62.

можем поддержать авторитетные суждения Н.Г. Иванова о том, что «к абсолютным ценностям, имеющим общезначимый флер, относятся сам человек и присущие ему (истекающие из него) честь, достоинство, имущество, здоровье, жизнь»; «эти ценности никогда, ни в какую эпоху не подвергались ревизии, в отличие от других ценностных предпочтений, правовая регламентация которых зависела от доминирующих к конкретный исторический момент взглядов»¹.

Надо отметить, что криминализационная поддержка сложившихся культурных норм, защищающих абсолютные ценности, не элиминируется во времени, несмотря на то что значимость этих ценностей в обществе уже давно не оспаривается. Напротив, она выступает необходимым элементом системы защиты этих ценностей, составляя ядро уголовного права любого цивилизованного общества и выступая суровым напоминанием того объективно-печального обстоятельства, что даже в XXI веке эти высшие ценности подвергаются опасности.

2. Продвижение новых культурных норм и вытеснение старых – вечный спутник, одновременно источник и задача криминализации. Как правило, эти процессы развиваются параллельно, но порой могут существовать и самостоятельно. Они отражают общий ход культурной динамики, поддерживая культурные изменения силой государственной власти и уголовного наказания.

Эволюция уголовного права отчетливо демонстрирует наличие рассматриваемого вектора влияния криминализации на культуру на всем протяжении истории общества. При этом наиболее ярко он проявляется в переломные моменты культуры, в эпоху социальных и культурных революций.

Как показывает историко-правовой анализ, механизм криминализационной поддержки новых культурных стандартов осуществляется двумя основными способами: установлением уголовной ответственности за нарушение новых культурных норм и установлением ответственности за соблюдение норм старых.

Так, например, мощный, по сути, цивилизационный, сдвиг, связанный с христианизацией Руси в X столетии, сопровождался установлением ответственности:

- за приверженность старым порядкам: «чародеяния», «волхования», для тех, «кто молится под овином или в рощеньи» (Устав Святого князя Володимера, крестившего Русскую землю, о церковных судах),

¹ Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М.: Проспект, 2016. С. 26, 33.

- за несоблюдение новых порядков, в случае «аже муж от жены блудит», «аще оженится и иною женою, а со сторою не распустяся», «аще кто с отлученными ясть и пиет» (Устав князя Ярослава Владимировича)¹.

В свою очередь, революционные преобразования в России начала XX века повлекли за собой установление ответственности:

- за преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах карается (ст. 121 УК РСФСР 1922 г.), совершение в государственных учреждениях и предприятиях религиозных обрядов, а равно помещение в этих зданиях каких-либо религиозных изображений (ст. 124 УК РСФСР 1922 г.);

- за нарушение нанимателями коллективных договоров с профсоюзами (ст. 133 УК РСФСР 1922 г.), взимание квартирной платы с рабочих и государственных служащих выше установленного запрета (ст. 135 УК РСФСР 1922 г.).

Специального упоминания в связи с рассматриваемым вопросом заслуживает Глава 11 УК РСФСР 1960 г. «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев», в рамках которой были криминализированы такие деяния, как уклонение от примирения, уплата и принятие выкупа за невесту, соглашение о браке с лицом, не достигшим брачного возраста и др.

Важно отметить, что продвижение новых культурных норм и вытеснение старых посредством уголовно-правовых запретов может иметь различную степень жесткости и, если допустимо так выразиться, агрессивности. Они зависят от двух основных факторов: степени значимости новой культурной нормы для официальной власти и уровня репрессивности реализуемого в стране политического курса.

Небезынтересным будет напомнить в этой связи, что ценности православной культуры в языческом русском обществе поддерживались изначально весьма мягкими мерами, причем не только с точки зрения содержания санкций за их нарушение, сколько с позиций правовой природы этих санкций. В первое время это были нормы церковных уставов и нормативные акты самой церкви как некоей социальной группы или корпорации. Санкционирование новых культурных стандартов имело ограниченную силу действия, исходя из характеристик субъекта, ответственного за их продвижение. Государство как бы переложило на церковь обязанность по их культивированию; объявив христианство господствующей религией, оно по сути до определенного момента самоустранилось от криминализации действий по нарушению новых правил и норм. И только существенно позднее уже в светском, общегосударственном нормативном правовом акте (впервые наиболее полно в Соборном Уложении Алексея Михайловича 1649 г.)

¹ См.: Памятники русского права. Вып. первый. Памятники права Киевского государства. X – XII в.в. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд. юрид. лит., 1952.

провело подлинную криминализацию нарушения культурных норм, восходящих к христианскому вероучению и статусу церкви. Таким образом, можно констатировать, что установив новый культурный стандарт и признав его для себя желательным и необходимым, государство, учитывая производимый им фундаментальный культурный сдвиг, постаралось сначала утвердить и продвинуть этот стандарт наименее карательными средствами, предоставив время для внедрения его в общественное сознание, и лишь потом предоставило этому стандарту всю полноту защиты силами уголовного закона.

Такой прием, предполагающий апробацию новых культурных норм через практику мягкого санкционирования (через корпоративную, гражданско-правовую, административно-правовую и другие виды ответственность) является, в известной степени, идеальным, если не идеалистическим. Зачастую же, как учит история, продвижение новых норм и ценностей осуществляется сразу посредством криминализации отклонения их соблюдения. Особенно, если значимый культурный стандарт внедряется властью, настроенной на репрессивный лад. В этом случае даже минимальные отклонения от него изначально получают уголовно-правовое санкционирование.

В процессе культурной динамики внедренные на каком-то историческом отрезке новые культурные нормы становятся со временем привычными, прочно прорастают в ткань социального взаимодействия и в общественное сознание. Они становятся «традиционными». Так случилось, например, в ситуации, когда на смену когда-то традиционному сословному делению общества пришел принцип равенства граждан, на смену жесткому гендерному делению пришло представление о равенстве мужчины и женщины, на смену разрешительному порядку передвижения по стране пришла свобода передвижения и т.д. В подобных случаях сохраняющаяся криминализация посягательств на некогда новые, а теперь традиционные ценности выполняет уже иную функцию, а именно описанную выше функцию поддержки сложившихся социально-культурных практик и норм.

3. Блокирование культурных новаций – еще один способ влияния криминализации на культуру. Он ориентирован на те новшества, которые являются продуктом неофициальной, неинституциональной культуры, и которые отражают наличие или приводят к формированию норм и правил, реально или потенциально опасных для культуры официальной.

История и текущее состояние уголовного законодательства демонстрирует, что этот способ влияния уголовного права на культуру использовался весьма активно.

Например, Уголовное Уложение 1903 г. преследовало составление сочинения или изображения, заключающего в себе оскорбление или угрозу особе царствующего императора императрицы или наследника престола (ст. 104), публичное чтение сочинения возбуждающего к ниспровержению общественного строя (ст. 129). УК РСФСР 1926 г. устанавливал наказание за

изготовление, хранение и распространение литературы контрреволюционного содержания (ст. 58.17), за измышление и распространение сведений, могущих вызвать недоверия к власти и дискредитировать ее (ст. 58.18), УК РСФСР 1960 г. долгое время сохранял ответственность за добровольное мужеложство (ст. 121) и т.д.

В современных условиях определенным отражением рассматриваемой тенденции влияния уголовного права на культуру может служить коррекция нормы об оскорблении чувств верующих (ст. 148 УК РФ), дифференциация ответственности за гетеросексуальные и гомосексуальные действия в отношении несовершеннолетних (ст. 134 УК РФ), а равно многочисленные нереализованные, но тем не менее, внесенные в Государственную Думу РФ законопроекты, направленные на установление уголовной ответственности за оправдание геноцида русского народа (проект № 340882-7), оскорбление чувств ветеранов Великой Отечественной войны (проект № 1166853-6), дискредитацию РФ (проект № 1111185-6), неоднократное потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача (проект № 991901-6), получение вида на жительства в РФ путем заключения фиктивного брака (проект 419191-6), посягательства на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой войны (проект № 197582-5), отрицание, оправдание, одобрение, преуменьшение политических репрессий (проект № 307263-6), демонстрирование нацистской символики (проект № 173969-5) и др.¹

Надо признать, что блокирование культурных новаций посредством криминализации тех или иных действий – весьма опасный с культурологической точки зрения процесс, поскольку он отражает оценку этих новаций только с точки зрения их опасности для властных структур и их электоральной основы, а потому всегда субъективен и политизирован. Тем самым он всегда сопряжен с риском подавления инакомыслия, иного образа жизни, в принципе любой «инаковости», разумное наличие которой выступает безусловным и необходимым условием развития культуры как таковой.

Рассмотренные способы обратного влияния криминализации деяний на культуру по своему значению неравнозначны и вполне отчетливо коррелируют с господствующим политическим режимом и типом общества. С теоретической точки зрения вполне отчетливо поддержание устоявшихся норм коррелирует с традиционным обществом, блокирование новаций – с тоталитарным режимом, продвижение новых и устранение старых культурных норм – с обществом, которое находится в состоянии трансформации. Такое деление, разумеется, очень условно, поскольку в реальной жизни практически не встречаются «чистые» типы и режимы.

¹ <https://sozd.duma.gov.ru/>

Что касается текущей ситуации, то надо признать, что современное общество (и не только российское), как никогда в истории переживает период постоянного изменения. З. Бауман, как известно, охарактеризовал этот период как «текущая современность». В таких условиях криминализация оказывается наиболее тесно связанной с процессами культурной динамики, трансформацией норм и стандартов. Учитывая же все возрастающую относительность культурных ценностей современного общества, ее использование для целей управления обществом и выстраивания культурного ландшафта приобретает особое значение. Надо отчетливо сознавать, что криминализация – весьма грубый способ утверждения культурных норм, поскольку сопряжен с применением самого сурового из легитимных средств социального насилия, потому ее использование должно быть тщательно продуманно и минимально дозировано. В современной отечественной уголовно-правовой литературе феномен давления криминализации на культуру еще не осознан в полной мере¹, что позволяет говорить о наличии здесь существенного пробела, восполнению которого призваны служить последующие изыскания проблемы, результаты которых послужат всеобщим интересам гармоничного развития человека, общества и государства.

Григорьев Виктор Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России

Оптимальность нагрузки на судебную систему как элемент культуры противодействия преступности

Загруженность судов – одна из самых острых проблем современной российской судебной системы. «Это, безусловно, сказывается на качестве судебных актов и может приводить судью к ошибкам», – отметил Президент Российской Федерации, выступая на Всероссийском Съезде судей².

¹ Заметное исключение могут составить многочисленные публикации Я.И. Гилинского, см., например: Гилинский Я.И. Уголовная политика и человек // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции. СПб.: СЗФ РГУП, 2019.

² Владимир Путин принял участие в работе IX Всероссийского съезда судей // <http://kremlin.ru/events/president/news/53419>

Об огромных нагрузках на судей России свидетельствуют статистические данные¹, данные конкретных социологических исследований, проведенных в различных федеральных округах². В этой связи снижение нагрузки на судебную систему является весьма актуальной задачей современного этапа ее развития.

Снижение нагрузки на судебную систему в целом и на отдельных судей в частности представляется хотя и важным, но достаточно техническим мероприятием. Именно поэтому оно не фигурирует в исследованиях в качестве направления реформирования судебной системы в России³. Между тем, практически вся весьма активная в последние годы законопроектная деятельность Верховного Суда Российской Федерации имеет такую направленность. И из технического это направление переросло в политико-юридическое, которое нельзя обойти вниманием.

Снижение нагрузки – это не внутреннее дело судебной системы. Данное явление прежде всего следует рассматривать с точки зрения обеспечения прав и законных интересов граждан. Поэтому снижение нагрузки должно в первую очередь соответствовать интересам российских граждан. Следует признать, что нормативно-правовой порядок должен отражать прежде всего общественные потребности гражданского общества в справедливом правосудии и лишь в последнюю очередь загруженность деятелей Фемиды, удобство для них формы служения правосудию⁴.

Как показывает анализ, среди источников снижения нагрузки на судебную систему в России могут быть:

- совершенствование деятельности судов;
- исключение из судебной сферы бесспорных процедур, не связанных со спорами и конфликтами.;
- ограничение доступа к правосудию;

¹ Вараксин М. Статистика Суддепа: нагрузка на суды растет из года в год // Право.ru // <https://pravo.ru/news/201967/> [дата обращения – 30.08.2019].

² Медиация в судебной системе: Сборник материалов / Составитель Ц.А. Шамликашвили. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. С. 41-42.

³ См.: Концепция судебной реформы и основные направления преобразования судебной системы в Российской Федерации // <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4403/14248>; Оробец В.М. Основные направления реформирования судебной системы в Российской Федерации // http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/gosudarstvennoe-stroitelstvo-i-pravo/osnovnye-napravleniya-reformirovaniya-sudebnoy-sistemy-v-rossiyskoy-federatsii-orobets-v-m/?SECTION_CODE=gosudarstvennoe-stroitelstvo-i-pravo&ELEMENT_CODE=osnovnye-napravleniya-reformirovaniya-sudebnoy-sistemy-v-rossiyskoy-federatsii-orobets-v-m&PAGEN_1=6; Комапов А.С. Основные пути развития российской судебной системы и Верховного суда РФ: проблемы и перспективы реформирования // Ростовский научный журнал. 15.04.2017 // <http://rostjournal.ru/?p=1211>

⁴ Григорьев В.Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 116-122.

отказ от принципов и норм, гарантирующих защиту прав и законных интересов граждан.

Не все указанные источники выглядят прогрессивно и демократично. В этой связи замечу, что они не представляют некую официальную программу и тем более – не преследуют задачу полной практической реализации. Некоторые из них замечены лишь в качестве едва улавливаемой тенденции, другие – вообще гипотетические. Но именно в силу неоднозначности оценки они нуждаются в рассмотрении и определении (утверждении или отрицании) в качестве источников снижения нагрузки на судебную систему.

Весьма существенным источником снижения нагрузки на судебную систему в России является совершенствование деятельности судов: совершенствование судебного делопроизводства, внедрение электронных форм уголовных, гражданских, арбитражных и административных дел, внедрение в процесс доказывания электронных доказательств, дистанционных технологий, блокчейн-технологий¹.

Вместе с тем, не все нововведения в этом направлении вызывают безусловное одобрение. Речь идет, например, о такой мере по снижению нагрузки на судей, которую предлагает Верховный Суд Российской Федерации, — отказаться от практики написания мотивировочной части решения по гражданским и арбитражным делам². В печати приведена неожиданно умная аргументация несостоятельности подобного направления развития процессуальной формы и верно замечено, что подобные нововведения «спроектированы, исходя из ложно понятого назначения процессуального законодательства, которое состоит не в облегчении и упрощении жизни сотрудников судебного ведомства, а в эффективном разрешении споров о праве»³.

Исключение из судебной сферы бесспорных процедур и правовое разрешение споров без участия суда – еще один источник снижения нагрузки на судебную систему в России. Вариантом данного источника снижения нагрузки на судебную систему в России является, например, попытка избавиться от «бесспорных» страховых исков⁴.

Еще одним вариантом данного источника снижения нагрузки на судебную систему в России является институт медиации. Он способствует

¹ Информационные технологии в судах России // <http://worldjurist.ru/content.php?id=68>

² Берсенева Т. Верховный суд готовит реформу // Известия 22 сентября 2017 года // <https://iz.ru/648570/tatiana-berseneva/vs-gotovit-reformu-dlia-sudov>

³ О реформе Верховного Суда // Новая адвокатская газета. 03.10.2017 // http://www.intellectpro.ru/press/commenters/o_reforme_verhovnogo_suda/

⁴ Братищева А. Снизить нагрузку: уменьшат ли поправки в закон об ОСАГО число страховых споров / ПРАВО.RU / 30 января 2017 года // <https://www.abkazakov.ru/smi/snizit-nagruzku-umenshat-li-popravki-v-zakon-ob-osago-chislo-strahovyh-sporov.html>

разгрузке судебной системы и системы принудительного исполнения судебных решений, которая происходит за счет собственно урегулирования споров с помощью процедуры медиации, а также за счет того, что большинство решений, принимаемых в результате этой процедуры, исполняются сторонами добровольно и в дальнейшем не оспариваются¹.

Представляется привлекательным максимальная технологизация упрощенных уголовно-процессуальных процедур при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.

Ограничение доступа к правосудию весьма спорный источник снижения нагрузки на судебную систему в России. Ликвидация инстанций и процедур, которые позволяют гражданам реализовать свои притязания в судебном порядке, конечно неизбежно повлечет за собой снижение нагрузки на судебную систему. Однако это одновременно приведет к увеличению спроса на неправовые средства разрешения споров и конфликтов, которые часто выливаются в нецивилизованные, а порой откровенно бандитские формы. Главное же, на мой взгляд, это будет порождать социальную напряженность с перспективой революционных форм ее высвобождения. В силу этого данное направление является нежелательным среди источников снижения нагрузки на судебную систему в России.

Об этом можно было бы и не говорить, если бы не инициативы Верховного Суда Российской Федерации, которые отчасти оцениваются именно так. «По мнению части экспертов, предложения Верховного Суда необходимы и позитивны, однако другие считают, что поправки в основном отражают желание судей «облегчить себе жизнь за счет тяжущихся лиц» через усложнение доступа к суду и снижение уровня процессуальных гарантий»².

Отказ от принципов и норм, гарантирующих защиту прав и законных интересов граждан, сегодня, к сожалению, весьма востребованный источник снижения нагрузки на судебную систему в России. В развитии особенно уголовно-процессуальной формы стали преобладать процессы, проявляющиеся в тотальных попытках упростить работу органов уголовной юстиции. В результате можно наблюдать, как формируются современные тренды в упрощении процессуальной формы в виде особого порядка судебного разбирательства при согласии лица с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ), процедура которой была распространена на дела с досудебным соглашением о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) и дела, расследуемые в порядке сокращенного дознания (глава 32 УПК РФ).

¹ Медиация в судебной системе: Сборник материалов / Составитель Ц.А. Шамликашвили. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. С. 11-12.

² О реформе Верховного Суда // Новая адвокатская газета. 03.10.2017 // http://www.intellectpro.ru/press/commenters/o_reforme_verhovnogo_suda/

Легкий путь решения проблем уголовного судопроизводства конечно привлекателен. Однако давно замечено, что дешевое правосудие дорого обходится. На мой взгляд, перевод правосудия на базу признания обвиняемым своей вины – не тот исторический опыт, к современной реализации которого следует прилагать усилия.

Тенденции к упрощению уголовно-процессуальной формы необходимо противопоставить стремление к адекватному, экономному ее применению. С этой целью следует своевременно устранять из ее сферы деяния, не отвечающие критерию общественной опасности, переводить их в сферу административной юрисдикции на базе современных электронных технологий фиксации правонарушения и наказания за него с цивилизованными и эффективными формами обжалования.

Современные особые производства, базирующиеся на признании обвиняемым своей вины и предполагающие отказ на этом основании от установления в суде действительных обстоятельств преступления, должны быть подвергнуты ревизии и оценке соответствия запросам и состоянию современного гражданского общества в России¹.

Обращая внимание на множащиеся в последние годы особые производства, основанные на признании обвиняемым своей вины и предполагающие отказ от установления в суде действительных обстоятельств преступления, хотелось бы высказать альтернативный взгляд на пути дальнейшего развития российского уголовного судопроизводства. Очевидный факт того, что эти производства в представленном виде формально противоречат Конституции Российской Федерации, требует подвергнуть их ревизии и оценке соответствия основам российского законодательства, а также запросам и состоянию современного гражданского общества в России. Предлагаются альтернативные варианты решения проблемы исчерпанности традиционных ресурсов дальнейшего развития уголовного судопроизводства. Эти ресурсы следует изыскивать не в свертывании конституционных прав граждан, а в более внятной системности криминального блока законодательства и компьютеризации уголовного судопроизводства, разработке вариантов внедрения в него блокчейн-технологий².

В целом можно сделать вывод о том, что вопрос об источниках снижения нагрузки на судебную систему в России, ее оптимизация – это не внутреннее дело судебной системы. Данное явление прежде всего следует

¹ Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. № 1. С. 42-48.

² См.: Григорьев В.Н. Альтернативный взгляд на некоторые современные тренды уголовно-процессуальной формы // Уголовный процесс постсоветских государств: традиции, современное состояние, перспективы развития: [электронное издание] сборник материалов Международной научно-теоретической конференции (г. Ростов-на-Дону, 23 ноября 2017 г.) / отв. ред. Е.В. Денисенко. Ростов н/Д: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2017. С. 3-10.

рассматривать с точки зрения обеспечения прав и законных интересов граждан, соответствия общественным потребностям гражданского общества, как элемент культуры противодействия преступности.

Гришко Александр Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права
Нижегородской Академии МВД России

Противодействие экстремизму: уголовно-исполнительный аспект

Изучение практики исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, совершивших преступление экстремистского характера, свидетельствует о наличии его особенностей. Они обуславливаются, главным образом, личностными характеристиками таких преступников.

Большинству из них присущи предельная нетерпимость к тем, кто думает иначе, и фанатизм, порожденный максималистическими идеями «спасения» своей этнорелигиозной группы, ее торжества и полного посягательства и уничтожения невидимых ими врагов. Также осужденным-экстремистам свойственна твердая вера в то, что они обладают абсолютной, единственной и окончательной истиной и выполняют высшую и уникальную миссию во имя «спасения» и счастья своей нации или сторонников своей веры. Убежденность в своей миссии может быть чисто эмоциональной, а может основываться на «рациональных» идеологических постулатах, святости традиции, мудрости лидеров. Подобная убежденность отличает истинных экстремистов от «попутчиков», которые согласились совершать экстремистские акты из корыстных соображений, и от темных, неосведомленных, подпавших под чье-то влияние людей¹.

Повышенная общественная опасность лиц, занимающихся противоправной экстремистской деятельностью, обуславливается тесной связью с осуществлением ими преступлений террористического характера. Террористические акты довольно часто являются отражением экстремистской деятельности, ее следствием, отмечает А.М. Сысоев². Более того, после привлечения таких лиц к уголовной ответственности и помещения в исправитель-

¹ См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004. С. 227.

² См.: Сысоев А.М. Личность экстремиста: опыт криминологического исследования: монография. М., 2008. С. 22.

ное учреждение, они не прекращают заниматься такой деятельностью. Причем последняя не всегда носит преступный характер, но ее общественная опасность заключается в том, что она служит основой для формирования крайне радикальных религиозных взглядов осужденных. Исправительные учреждения в таком случае являются «благоприятной средой для распространения религиозно-экстремистской идеологии и вербовки потенциальных террористов», – пишет Б.А. Спанников и А.В. Цатуров¹. «Расширение ресурсной базы террористических структур происходит также вследствие распространения радикальных форм ислама среди осужденных», – замечает Д.А. Золотарев².

Не случайно уголовно-исполнительное законодательство устанавливает порядок определения места отбывания наказания, перевода для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида осужденным за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1, 1¹, 3 ст. 282¹; ч. 1,2,3 ст. 282² УК РФ. Они направляются в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, которые определяются федеральным органом уголовно-исполнительной системы (ч. 4 ст. 73, ч. 2 ст. 81 УИК РФ). Таким образом, законодатель идет по пути максимального отрыва осужденных от микросреды по месту жительства, подпитывающих источников экстремизма.

Однако изучение практики исполнения наказания в отношении осужденных за данные преступления свидетельствует, что работа по их максимальной изоляции требует своего продолжения.

Представляется, что в создании специальных учреждений для них нет необходимости. Для этого вполне возможно использовать существующие исправительные учреждения, в которых могут создаваться соответствующие изолированные участки, в том числе функционирующие как тюрьма (ч. 2 ст. 74 УИК РФ). При этом в условиях изоляции должны отбывать наказания лица, осужденные как по ст. 282¹, 282² УК РФ, так и за совершение других преступлений экстремистской направленности. Речь идет о деяниях, предусмотренных ст. ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 19, 150, 213, 214, 244, 280 УК РФ, характеризующиеся мотивами политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо мотивами ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

¹ Спанников Б.А., Цатуров А.В. Оперативно-розыскная деятельность в среде осужденных за совершение преступлений экстремистского характера // Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 58-63.

² Золотарев Д.А. К вопросу о противодействии экстремизму в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний. III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21-23 ноября 2017 г.): в 8 т. Рязань, 2017. т. 7. 2017. С. 96.

Полная изоляция должна распространяться и на осужденных за другие преступления, в отношении которых имеется информация об их приверженности идеологии радикального экстремизма, исповедания, пропаганде или распространения ими такой идеологии (при отсутствии достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела) и оказания ими, в связи с этим, в периоды содержания под стражей, отбывания наказания под стражей, соответствующего негативного воздействия на других обвиняемых (подозреваемых), осужденных.

Достаточно детально профилактика экстремисткой деятельности регламентирована ведомственными правовыми актами. Так, в соответствии с инструкцией по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 20 мая 2013 года № 72¹, осужденные, изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию, ставятся на профилактический учет, который включает в себя проведение индивидуальной профилактики правонарушений, в том числе и в отношении указанной категории осужденных (раздел IV).

Также, в целях усиления роли профилактического учета, осужденных-экстремистов, продолжающих совершать данные деяния, следует относить к категории злостных нарушителей режима отбывания наказания (с последующим установлением за ними административного надзора).

Активизации мер по противодействию экстремистской деятельности в местах лишения свободы могло бы способствовать дополнение ч. 2 ст. 288 УК РФ квалифицирующим признаком: «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижения человеческого достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-то социальной группе, повлекшие дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

В рассматриваемом аспекте отметим, что еще одним из направлений организационно-управленческого характера, направленного на повышение эффективности исполнения наказаний в отношении осужденных-экстремистов является улучшение подготовки персонала исправительных учреждений, в которых отбывают наказания данные лица. Персонал должен знать, что это особая категория осужденных, резко отличающаяся от других и имеющая свое мировоззрение, в основе которого лежит глубокая вера в шариат.

В плане совершенствования мер противодействия экстремизму в местах лишения свободы заслуживают внимания предложения Н.В. Румянцева относительно: обучения сотрудников оперативных аппаратов знаниями, умениями и навыками противодействия религиозному экстремизму в

¹ Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2013. № 8.

исправительных учреждениях; выявления и пресечения каналов поступления к осужденным религиозной экстремистской литературы; соблюдения и уважения сотрудниками исправительных учреждений прав верующих и др.¹.

Заклучая рассмотрение проблемы противодействия экстремистской деятельности в местах лишения свободы, можно сделать вывод, что основными направлениями в совершенствовании соответствующих мер являются: максимальная изоляция осужденных как за преступления экстремистского характера, так и за другие, имеющие приверженность к идеологии экстремизма, исповедующих, пропагандирующих или рассматривающих такую идеологию (при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности), специальная подготовка персонала исправительных учреждений для работы с данной категорией осужденных.

Иванцов Сергей Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Предупреждение преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, как система

С течением времени терроризм и террористическая деятельность приобрели все более выраженный международный, транснациональный характер, что неразрывно связано с изменениями, происходящими в мире, включая те, что вызваны процессами глобализации и техническим прогрессом, в авангарде которого идет стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, прежде всего, ресурсов и сервисов сети «Интернет». На сегодняшний день террористическая деятельность и относящиеся к ней преступления представляют собой крайние формы экстремизма, при этом типичным стало осуществление предварительной и непосредственной

¹ См.: Румянцев Н.В. Профилактика преступлений экстремистской направленности и террористического характера в учреждениях УИС. Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. и научн.-практ. конф., 21 сентября 2018 г.: в 2 т. Краснодар. 2018. Т.1. С. 127-128.

преступной деятельности с использованием широких возможностей информационно-коммуникационных технологий.¹

В Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года² сеть «Интернет» и иные информационно-телекоммуникационные сети рассматриваются в качестве основных средств коммуникации для организаций экстремистского и террористического толка. Также подчеркивается, что указанные сети активно используются для того, чтобы вовлекать в такие преступные объединения новых участников, координировать их противоправную деятельность, в том числе по пропаганде и оправданию терроризма, призывам к террористической деятельности. В Концепции противодействия терроризму в РФ³ распространение экстремистской и террористической идеологии через информационно-телекоммуникационные сети и средства массовой информации отнесено к числу основных внешних факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма в России. Исходя из приведенных документов, следует, что государство придерживается позиции, согласно которой экстремизм и терроризм рассматриваются в качестве неразрывно взаимосвязанных и пересекающихся негативных социально-правовых явлений, что в полной мере относится и к преступлениям, имеющим террористическую или экстремистскую направленность.⁴

Общность данных понятий и явлений обусловлена и тем, что им присуща схожая идеологическая основа, причем нередко именно ненависть и вражда на национальной, расовой, религиозной, политической и иной почве служит тем внутренним катализатором, который приводит к различным террористическим проявлениям. Более того, соответствующие убеждения и основанные на них мотивы и цели служат идеологической основой для формирования террористических и экстремистских организаций и сообществ, которые, в свою очередь, придают экстремисткой и террористической деятельности более опасный организованный, транснациональный характер.⁵

¹ См.: Иванцов С.В., Узембаева Г.И. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. М.: изд-во «Юрлитинформ», 2018. С.4-5.

² См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753) // Сайт Следственного комитета РФ: URL: <http://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 08.08.2019).

³ См.: Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. 2009. 20 октября.

⁴ См.: Иванцов С.В., Бадамшин С.К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 3-5.

⁵ См.: Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2015. С. 4.

Учитывая специфику преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в сочетании с террористической направленностью рассматриваемых уголовно наказуемых деяний, придающей им повышенную общественную опасность, профилактика таких посягательств, направленная на недопущение даже приговорительной преступной деятельности, должна иметь приоритетное значение для каждого отдельного государства и всего мирового сообщества. Принимая во внимание тот факт, что данные преступления характеризуются высокой латентностью, приоритетным видом их предупреждения является именно общая профилактика, ориентированная на всех граждан, причем ее основными средствами целесообразно избрать электронные и информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего сеть «Интернет».¹

Ключевым элементом международной стратегии предупреждения терроризма, от которого зависит эффективность ее практической реализации, должно быть именно сотрудничество государств-членов ООН, причем не только и даже не столько по уголовным делам, сколько при формировании комплекса мер, направленных на устранение детерминирующих факторов, в первую очередь тех, что обуславливают транснационализацию террористической деятельности.

Так, в Декларации Совета министров в рамках ОБСЕ говорится о том, что необходимо сформировать всеобъемлющий подход на всех уровнях предупреждения насильственного экстремизма и радикализации, приводящих к терроризму, и противодействия таковым посредством координации действий между национальными властями, сотрудничества между государствами-участниками и их взаимодействия с различными международными и региональными организациями². Поэтому представляется очевидной формирование и реализация единой международной концепции противодействия терроризму, включающей требования к средствам массовой информации относительно освещения определенных событий, прежде всего связанных с преступлениями, которые могут относиться к террористической деятельности, включая причастность к таковым представителей тех или иных этнических или иных социальных групп.³ В противном случае для еще большего распространения экстремистской и террористической идеологии

¹ См.: Иванцов С.В. Актуальные проблемы совершенствования мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / С.В. Иванцов, С.В. Борисов, Г.И. Узембаева, Т.Л. Муzychук, Ю.Ю. Тищенко // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 776-784.

² См.: п. 6 Декларации Совета министров о предупреждении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, и противодействию им // Двадцать вторая встреча Совета министров ОБСЕ (Белград, 3-4 декабря 2015 г.). Белград, 2015. С. 9-17.

³ См.: Иванцов С.В. Преступления террористической направленности: особенности международно-правовой регламентации / С.В. Иванцов, С.К. Бадамшин // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. 131-135.

достаточно будет сделать репост соответствующих сообщений средств массовой информации, использующих ресурсы сети «Интернет».

Особую актуальность в предупреждении преступлений террористической направленности имеют меры, направленные на выявление и перекрытие источников финансирования террористических и экстремистских объединений, в том числе каналов поступления денежных средств через сервисы сети «Интернет». Отдельные меры должны быть направлены на борьбу с преступлениями, которые совершаются такими криминальными объединениями в целях получения необходимых им денег, иного имущества, оружия, боеприпасов и т.д. Эти направления противодействия также нуждаются в согласованных усилиях всех государств.¹

На федеральном уровне предупреждение преступлений террористической направленности, в том числе совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, целесообразно планировать, организовывать и осуществлять в рамках противодействия более широкому явлению – экстремизму и, прежде всего, таким его типичным проявлениям, как преступления экстремистской направленности.

Превентивная деятельность в рассматриваемой области основана на положениях нового Федерального закона от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»² и других нормативных правовых актах, регламентирующих различные аспекты противодействия информационному экстремизму.

Так, в соответствии с частями 3-5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ Правительством РФ принято постановление⁴, которым утверждены Правила создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в РФ запрещено». С 1 сентября 2012 г.

¹ См.: Иванцов С.В. Организованные формы экстремистской и террористической деятельности: регламентация и реализация ответственности / С.В. Иванцов, С.В. Борисов // Общество и право. 2016. №2. С. 91-97.

² См.: Федеральный закон от 23 июня 2016г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

³ См.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 44. Ст. 6044.

действует Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹, в котором определены виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей и предусмотрен порядок установления и реализации запретов и ограничений относительно доступа к такой информации со стороны несовершеннолетних лиц.

Вместе с тем одних только правовых мер для полноценного предупреждения проявлений экстремизма и терроризма, осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, а также вытекающих из них действий по контролю за сайтами ресурсов сети «Интернет» недостаточно. Сегодня необходимы комплексные профилактические программы, ориентированные на молодежь, учитывающие и разъясняющие особенности современного многонационального и многоконфессионального общества, необходимость взаимодействия между людьми разных национальностей и вероисповеданий, возможности по самореализации, предупреждению социальных конфликтов и выходу из них без нарушения закона, в том числе без применения насилия.²

Предупреждению криминальной активности террористической направленности в сети «Интернет» могут способствовать меры, направленные на постоянное или временное прекращение функционирования тех или иных Интернет-ресурсов, блокировку сайтов и т.п. Также этому могут способствовать меры, ориентированные на обеспечение эффективного доказывания таких преступлений и выявление лиц, их совершающих.

Вместе с тем имеется проблема в подготовке квалифицированных кадров правоохранительных органов, занятых в сфере противодействия рассматриваемым преступлениям. В связи с этим особое значение приобретают следующие направления совершенствования подготовки таких сотрудников:

- проведение учебных занятий с участием приглашенных оперативных сотрудников подразделений по противодействию терроризму, следователей, прокуроров и судей;
- организация и проведение научно-практических конференций, семинаров, круглых столов по соответствующей тематике;
- подготовка и внедрение в учебный процесс учебно-методических материалов, направленных на повышение квалификации указанных сотрудников;
- разработка специального курса «Актуальные вопросы противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым с

¹См.: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

² См.: Иванцов С.В. Актуальные вопросы уголовной политики в сфере предупреждения экстремистской деятельности // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25 сент. 2015 г. : в 2 т. / под ред. А. В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. Т. I. С.156-162.

использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей»;

- организация стажировок в различных подразделениях по противодействию терроризму и экстремизму и организация обмена опытом с аналогичными подразделениями других стран.

Представляется, что разрешение данных проблем возможно только на основе разработки и принятия новых межведомственных документов стратегического планирования в области противодействия терроризму и экстремизму с акцентированием внимания на преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

При этом предупреждение преступлений террористической направленности должно представлять собой единую систему правовых, организационных, технических и иных мер, планируемых, реализуемых и контролируемых на международном и национальном уровнях при согласованном взаимодействии всех государственных и муниципальных органов власти. Сама же система мер предупреждения преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, должна иметь следующие приоритетные направления своего дальнейшего развития:

- укрепление и дальнейшее развитие международного сотрудничества в данной области, в том числе относительно унификации необходимых правовых средств, совместного планирования и координации превентивных мер, прежде всего, по пресечению криминальной активности международных террористических организаций и сообществ в Интернет-пространстве;

- совершенствование профилактической деятельности, связанной с воздействием на общественное сознание путем информирования граждан о предпосылках и социальных и юридических последствиях распространения террористической и экстремистской идеологии;

- активизация и расширение такого воздействия посредством использования информационных технологий, включая возможности электронных и информационно-телекоммуникационных сетей;

- формирование и непрерывное совершенствование технических и технологических мер, препятствующих совершению таких деяний, а равно упрощающих их выявление и доказывание.

В целом же противодействие экстремистской и террористической деятельности, информационное противодействие и предупреждение финансированию терроризма и экстремизма является важнейшей составляющей в системе мер как национального, так и международного характера, определяющих основные направления правоприменительной деятельности в сфере противодействия организованному терроризму и экстремизму. Однако для разрешения вопросов эффективного предупреждения такой преступности необходимо учитывать как развитие преступности в целом, так и реальные

возможности воздействия на нее. Такая деятельность должна носить обоснованный практикой и законодательными потребностями характер, исключая излишнюю конъюнктуру. В связи с этим законодательная база в части регламентации предупреждения преступлений террористической направленности, в том числе совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, должна носить системный характер.¹ В противном случае это приведет к рассогласованности между правовой теорией в части реализации уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности и криминологическими реалиями, предопределяющими необходимость их (преступлений террористической направленности) предупреждения.

Игнатов Александр Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Симулякры антикриминальной деятельности

Термин симулякр (от лат. *simulacrum* – изображение; подобие; видимость) известен философии еще с античных времен. Так, Платон определял симулякр как копию копии, искажающую свой прототип, и расцениваемую в целом как подделку, вымысел, призрак². Наибольшую значимость и популярность категория симулякра начинает приобретать в постмодернистской философии. Введенная в философию постмодерна Жоржем Батаем данная категория получила широкое распространение благодаря трудам Жана Бодрийяра, обосновавшего, что действительность уже давно вырабатывает самостоятельные, независимые от исходных трансцендентных образцов симулякры и все больше формирует из них жизненную среду человека³. Для постмодерна симулякр – это копия, не имеющая оригинала в действительности; образ, знак лишенный референта.

Симулякр может быть определен как специфическая форма реальности, существующая сама по себе вне зависимости от своего исходного образца. Сущностную характеристику симулякра дает Жан Бодрийяр в эпиграфе к своей книге «Симулякры и симуляция»: «симулякр никогда не является тем, что скрывает истину – это истина, которая скрывает, что ее не

¹ См.: Иванцов С.В. Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 125-128.

² Можейко М.А. Симулякр // Постмодернизм. Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 727.

³ Грицанов А.А., Кацук Н.Л. Жан Бодрийяр. Мн.: Книжный дом, 2008. С. 74.

существует. Симулякр – это истина»¹. С функциональной точки зрения, с одной стороны, симулякр подменяет реальность, а с другой – является реальностью, указывающей на отсутствие должного (с точки зрения действительности) оригинала.

Симулякры не просто существуют наравне с реальностью, они во многом более реальны, чем недоступные «вещи-в-себе». Они действуют, детерминируют поведение человека, социальные процессы, заполняют культурное пространство². При этом, каждый порожденный симулякр является конституирующим последующие симулякры.

Что касается симулякров непосредственно имеющих место относительно антикриминальной деятельности, то в качестве одного из таковых можно указать на статистику преступности.

Сегодня мы в полной мере сознаем, что решение «профильных» задач антикриминальной деятельности объективно требует опоры на определенную сумму криминологических знаний и, соответственно, криминологической информации, прежде всего, о состоянии преступности. При этом мы топчемся на месте, демагогствуя об усовершенствовании отечественной системы учета (регистрации) преступности и тщательно, критически, со вкусом анализируем мировые отчеты (UNODC и т. п.) об уровне преступности, построенные на «местных» официальных отчетах о регистрируемых органами власти преступлениях³.

Однако можно ли опираться на эти данные? Мировой анализ уровня убийств осуществлен на основании данных официальной статистики государств-респондентов. Но являются ли репрезентативными указанные расчеты, учитывая отличающееся уголовное и процессуальное законодательство в большинстве стран мира (даже относительно убийства – самого древнего преступления на планете, существующего во всех ранних и современных правовых системах, юридические и статистические дефиниции в разных странах далеко не всегда совпадают); различную в разных странах методологию сбора и подход к отображению в статистических отчетах данных по уровню преступности; разное состояние (соответственно и интенсивность деятельности) правоохранительной системы, на которую возложена обязанность оценки уровня преступности и т.д.?⁴

¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / Перевод О.А. Печенкина. Тула, 2013. С. 16.

² Ястреб Н.А. Искусственный интеллект как симулякр третьего порядка // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. № 1 (3). С. 200.

³ Игнатов А.Н. Современная криминологическая культура: перспективы развития и возможные «точки невозврата» // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. 2016. С. 162.

⁴ Игнатов А.Н. Убийство: криминологическо-статистическое исследование: Монография. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. С. 7.

Сегодня уровень регистрируемых преступлений действительно отвечает не столько реальному уровню пораженности преступностью нашего общества, сколько фактическим возможностям (их границам) правоохранительных органов расследовать (обрабатывать соответствующую информацию и принимать решение) зарегистрированные преступления. Падение соответствующего потенциала правоохранительных органов отображается в искусственной «регуляции» уровня преступности в стране, как средству самосохранения правоохранительной системы¹. Ярким подтверждением сказанному является сегодняшнее положение дел относительно статистического учета преступности в странах Евросоюза, которые вынуждено замалчивают фактические данные о преступности мигрантов.

Таким образом, в действительности статистика преступности (без реализации надлежащих виктимологических методик оценки криминологической безопасности населения, исследования латентной преступности и пр.) отражает лишь статистику преступности. А за данной статистикой стоит (как реакция на симулякр) вполне реальная практическая деятельность правоохранительных органов, правотворческие процессы, распределение материальных ресурсов и пр. Напомним, что опасность симулякров кроется в том, что каждый порожденный симулякр является конституирующим последующие симулякры.

Отдельную разновидность симулякров антикриминальной деятельности составляют, так называемые, правовые (юридические) симулякры.

Юридический симулякр, указывает Р.Б. Головкин, это «форма статической юридической иллюзии, предусмотренная юридическими нормами в виде относительно стабильного конкретного субъективного локализованного образа мыслимой как реальной, но реально не реализованной действительности, в ее понятийном выражении, признаваемой как самим субъектом, сформировавшим иллюзию, так и другими участниками правоотношений»². Правовые симулякры – это акты, имеющие знаковую правовую форму, но не порождающие право и не ставшие информационной основой правовой коммуникации³.

К правовым симулякрам антикриминальной деятельности, на наш взгляд, следует отнести норму Уголовного кодекса РФ (ч. 2 ст. 43), устанавливающую в качестве целей применения уголовного наказания восстано-

¹ Игнатов А.Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (часть 2) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 81.

² Головкин Р.Б. Иллюзии в праве // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1 (38). С. 127.

³ Багдасаров В.Ю. Объект правотворчества // Право и современные государства. 2016. № 2. С. 48-49.

ление социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений¹. Ответ на вопрос порождает ли данная норма соответствующие правоотношения, или они остаются в качестве мыслимой как реальная, но реально не реализованной действительности, к сожалению, вполне очевиден.

Также в качестве симулякра выступает норма Уголовного кодекса РФ (ч. 1 ст. 37), устанавливающая, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия»². Несмотря на формальную регламентацию возможности правомерно причинить нападающему лицу вред любой степени тяжести в случае посягательства, сопряженного с насилием (угрозой его применения), опасным для жизни обороняющегося, судебная практика изобилует примерами осуждения обороняющихся лиц при причинении смерти лицу, особенно в случае применения оружия.

В качестве правового симулякра антикриминальной деятельности следует рассматривать нормы, направленные «на усиление ответственности должностных лиц правоохранительных органов за совершение действий, повлекших необоснованное уголовное преследование предпринимателей и прекращение ими хозяйственной деятельности»³. В соответствии с внесенными Федеральным законом от 19.12.2016 № 436-ФЗ изменениями, ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела» в ч. 3 предусматривает ответственность за «незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба»⁴.

Реальность же такова, что такого рода воспрепятствование предпринимательской деятельности (преследование предпринимателя) фактически может осуществляться посредством незаконного уголовного преследования

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

² Там же.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 15810-7 "О внесении изменений в статью 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 169 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/57263033/>

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

(процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления – п. 55 ст. 5 УПК РФ¹), а не только путем незаконного возбуждения уголовного дела и в частности (что часто и имеет место) при доследственной проверке; негативные последствия неправомерных действий соответствующих субъектов, кроме крупного ущерба могут выражаться в наступлении иных тяжких последствий, таких, как смерть или тяжелое заболевание потерпевшего и пр.²

Одной из разновидностей симулякров антикриминальной деятельности являются различного рода технологические симулякры. Примером технологического симулякра антикриминальной деятельности является концепция, так называемого, электронного правосудия – автоматизированных алгоритмов (в том числе экспертных систем на базе искусственного интеллекта) и процедур рассмотрения уголовных дел.

Некоторые исследователи считают, что «использование экспертных систем, позволяющих осуществлять релевантное толкование норм права, а также способных анализировать конкретные ситуации и прогнозировать решения по соответствующим делам на основании анализа законодательства и правоприменительной практики, с одной стороны, позволяет поддерживать последовательность при толковании законодательства, обеспечивать прозрачность принятия решений, повышать доверие общественности к системе правосудия, способствовать повышению уровня знания законов общественностью, а также осуществлять более эффективную подготовку судей и юристов в целом. Кроме того, формирование судебных актов юнитом искусственного интеллекта на тех этапах, когда большая часть фактических вопросов уже решена, и такой акт можно принять посредством лишь оценки согласованных фактов, может быть более эффективным, прозрачным, последовательным и дешёвым»³. Также отмечается объективность «электронного судьи» и его полная беспристрастность, лишённая неуместного сочувствия, восхищения или иных чувств при принятии решений⁴.

В чем в реальности будет выражаться функционирование такого рода систем: в разрешении социальных конфликтов или же в создании иллюзии их благополучного разрешения? Замена социального решения механиче-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

² Игнатов А.Н. К вопросу об уголовно-правовой защите предпринимателей и иных лиц от незаконного уголовного преследования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV международной научно-практической конференции. Москва: РГ-Пресс, 2018. С. 321-324.

³ Морхат П.М. Использование искусственного интеллекта при осуществлении правосудия как способ преодоления судейского усмотрения // Право и государство: теория и практика. 2018. № 5 (161). С. 8-9.

⁴ Там же. С. 9.

ским решением порождает качественно новую реальность, оторванную социальной реальности преступления и преступности. Симулякр конституирует симулякр.

Подводя итог необходимо снова обратиться к роли симулякров как таковых. Так или иначе, симулякр – это форма реальности. Это истина, которая скрывает, что ее не существует. Симулякр – это не искаженная реальность, ложь, неправда. Это пустота, отражающая отсутствие должной действительности. Симулякры детерминируют поведение человека, социальные процессы, заполняют культурное пространство.

Симулякры антикриминальной деятельности указывают нам на необходимость формирования действительности не виртуальной, а соответствующей реальному положению вещей. Нам необходимо получение истинного знания о криминальной реальности (о природе преступного поведения и преступности как феномена, о состоянии преступности и пр.) с целью выработки реальных антикриминальных мер.

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заведующая кафедрой уголовного права и процесса
Академии труда и социальных отношений

Современный международный терроризм

Международные организации неоднократно предпринимали усилия по выработке мер противодействия международному терроризму. В исследовании Секретариата ООН 1972 г. отмечалось, что международный терроризм угрожает жизни невинных людей, или приводит их к гибели, или ставит под угрозу основные свободы, и коренные причины терроризма и актов насилия, проистекают из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждают «некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен»¹.

В первом проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г.² международный терроризм входил в перечень опасных преступлений, но уже во втором проекте этого Кодекса 1996 г. международного терроризма в перечне нет³.

¹ См.: Исследование Секретариата ООН 1972 г. // СПС КонсультантПлюс: Международные акты.

² См.: Первый проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г. // Рос. юстиция. 1995. № 12. С. 51-54.

³ См.: проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. Международное публичное право. Сборник документов. Т.2. М.: БЕК.1996. С. 35-36.

Сложности формулирования понятия «международный терроризм» связаны с отличием терроризма от: 1) военных действий, 2) справедливой борьбы за самоопределение, 3) агрессии и 4) такого преступления как массовых беспорядков, и в особенности от первых двух видов деяний.

Правовыми последствиями признания вооруженных деяний военными действиями могут быть либо, что такие вооруженные акты являются законными военными деяниями, либо оказываются военными преступлениями. Военные действия позволяют отграничить их от международного терроризма как международного преступления. Однако не любые вооруженные акты сопротивления являются военными действиями (законными или военными посягательствами), а вооруженные действия боевых групп – автоматически террористическими. Вооруженная борьба как движение за освобождение и самоопределение охватывается нормами четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., I и II Дополнительных протоколов 1977 г. к ним, касающихся защиты жертв¹, соответственно, международных вооруженных конфликтов и вооруженных конфликтов немеждународного характера. Следовательно, эта вооруженная борьба, как отмечалось, является осуществляемой либо в пределах законных военных действий или международных военных преступлений.

Террористический акт, совершаемый в том числе во время вооруженных конфликтов, не должен подпадать под действия международных норм, регулирующих вооруженные конфликты. Однако на настоящий день в международном сообществе данное принципиальное положение пока еще не получило всеобщего признания.

Деяния вооруженных сил в вооруженном конфликте не охватываются нормами разрабатываемой Всеобъемлющей конвенции о противодействии международному терроризму. Они регулируются нормами Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., а также I и II Дополнительных к ним протоколов 1977 г. Положения разрабатываемой Всеобъемлющей конвенции о противодействии международному терроризму, предполагается, должны распространяться только на международные террористические акты. Деяния вооруженных сил, которые подпадают под действие пп. «d» п. 2 ст. 4 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. именуется актами терроризма². Эти акты терроризма являются военными преступлениями. Надо полагать, что такие акты терроризма понимаются в ином значении, чем международный терроризм. Однако в любом случае желательно использование в международных документах других выражений, понятий, не звучащих как терроризм во избежание разных толкований.

¹ См.: Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., I и II Дополнительные протоколы 1977 г. // СПС КонсультантПлюс. Международные акты.

² См.: II Дополнительный протокол 1977 г. // СПС КонсультантПлюс. Международные акты.

Статья 18 разрабатываемой Всеобъемлющей конвенции о противодействии международному терроризму содержит положения, подчеркивающие, что военные действия не охватываются этой Всеобъемлющей конвенцией¹.

Военные деяния вооруженных сил (к ним относятся и «акты терроризма», названные в ст. 4 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.) регулируются нормами Женевских конвенций 1949 г., Дополнительного II протокола 1977 г. Всеобъемлющая конвенция направлена на разработку только положений о международном терроризме.

Следует отметить, что пп. «с» п. 2 ст. 8 «Военные преступления» Римского статута Международного уголовного суда в числе военных преступлений, совершаемых в вооруженном конфликте немеждународного характера и представляющих серьезные нарушения статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., акты терроризма не называются².

Имеется два международных документа, по-разному определяющих правовой статус терроризма. В соответствии с нормами II Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (пп. «d» п. 2 ст. 4), акты терроризма приравнены к военным преступлениям (уже отмечалось, эти акты терроризма, очевидно, имеют другое значение, чем международный терроризм). Реально же отражает социальную сущность международного терроризма и не включает его в перечень военных преступлений Римский статут Международного уголовного суда. Позиция Римского статута проявляется и в проекте разрабатываемой Всеобъемлющей конвенции о противодействии международному терроризму (ст. 2)³.

Среди трудных вопросов, затрагиваемых при работе над анализируемым проектом Всеобъемлющей конвенции о противодействии международному терроризму, – квалификация деяний во время оккупации, уголовная ответственность государства за международный терроризм, понятие международного терроризма и др.

Длительное противостояние (с 2011 г.) в Сирии между Сирийской армией, Вооруженными силами оппозиции (против режима Башара Асада) и террористической организацией «Исламское государство» может означать международный вооруженный конфликт. И в этом конфликте есть и справедливая вооруженная борьба (между Сирийской армией и вооруженной

¹ См.: Проект Всеобъемлющей конвенции о противодействии международному терроризму//Док. ГА ООН. А/с.6/55/1-28 августа 2000 г.

² См.: Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. // СПС КонсультантПлюс. Международные акты.

³ См.: Проект Всеобъемлющей конвенции о противодействии международному терроризму//Док. ГА ООН. А/с.6/55/1-28 августа 2000 г.

оппозицией), и военные преступления, подпадающие под действие Женевских конвенций 1949 г., I и II Дополнительных к ним протоколов 1977 г., а также «чистый терроризм», рассматриваемый как международное преступление против человечности.

Уголовный терроризм и международный терроризм означают разные явления, хотя и близкие. Международный терроризм, собственно, является международным преступлением, посягающим на мир и безопасность человечества. Во многих документах, включая Декларацию ООН о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г., подчеркивается, что преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора, не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание¹. Совет Безопасности ООН в 2008 г. подчеркнул: «Терроризм во всех его формах и проявлениях представляет собой одну из самых серьезных угроз миру и безопасности и что любые акты терроризма являются не имеющими оправдания преступлениями, независимо от их мотивации, когда бы и кем бы они ни совершались», и подтвердил «необходимость бороться всеми средствами, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и международным правом...с угрозами международному миру и безопасности, создаваемыми террористическими актами»².

Международный терроризм относится к группе преступлений против человечности. Данное преступление соответствует всем признакам преступлений против человечности, признанных Римским статутом Международного уголовного суда и Элементами преступлений³. Согласно п. 1 ст. 7 «Преступления против человечности» Римского статута Международного уголовного суда к преступлениям против человечности вместе с конкретно указанными посягательствами: а) убийством; б) истреблением; в) порабощением; г) депортацией или насильственным перемещением населения и др., относятся, как это закреплено в подпункте к), и другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью⁴.

¹ См.: Декларация ООН о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г. Действующее международное право в 3-х т. М., 1997. Т. 3. С. 90-94.

² Резолюция № 1822 (2008) Совета Безопасности ООН «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами» 2008 г. // СПС КонсультантПлюс. Международные акты.

³ См.: Элементы преступлений // http://www.un.org/ru/documents/rules/icc_elements.pdf. (дата обращения 20 августа 2019 г.).

⁴ См.: Римский статут Международного уголовного суда // СПС КонсультантПлюс. Международные акты.

«Другие бесчеловечные деяния аналогичного характера», обозначенные в пп. «к» п. 1 ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда, в Элементах преступлений раскрываются подробнее. Так, в ст. 7(1)(k) «Преступление против человечности в виде других бесчеловечных актов» названных Элементов дан перечень признаков таких преступлений.

Элементы:

1. Исполнитель причинил сильные страдания или серьезные телесные повреждения или ущерб психическому или физическому здоровью посредством бесчеловечного акта.

2. Такой акт по своему характеру был сходен с любым другим актом, указанным в пункте 1 статьи 7 Статута.

3. Деяние было совершено в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

4. Исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о характере такого деяния.

5. Исполнитель знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения¹.

В названном перечне указаны элементы (признаки), характерные международному терроризму. Последний, являясь преступлением против человечности, как другие бесчеловечные акты, состоит из деяний:

1) которые как бесчеловечные акты, сходные по своему характеру с любым другим актом, указанным в п. 1 ст. 7 Статута, причинили сильные страдания или серьезные телесные повреждения или ущерб психическому или физическому здоровью (объективные признаки: объект преступления, деяние и вредные последствия)²;

2) которые были совершены в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население (объективные признаки: обстановка и способ совершения преступления);

3) когда исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о характере такого деяния, и знал, что деяние является частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, или имел умысел сделать его частью такого нападения (субъективный признак, вина).

Дополнительно к перечисленным необходимым признаком международного терроризма как преступления против человечности необходимо назвать 4) сознание виновным, в рамках широкомасштабного или система-

¹ См.: Элементы преступлений // http://www.un.org/ru/documents/rules/icc_elements.pdf. (дата обращения 20 августа 2019 г.).

² См.: Prosecutor v. Akayesu. Case №. ICTR-96-4, Trial Chamber Judgment, September 2, 1998, para. 578.

тического нападения на гражданских лиц, *цели реализации политики государства или организованной вооруженной силы*¹. Направляющая роль государства или иной организованной силы следует из объективных признаков анализируемых преступлений. Как широкомасштабность, так и систематичность нападений невозможны без такой объединяющей силы. Отдельные единичные акты, не связанные ни объективно, ни субъективно с широкомасштабными или систематическими нападениями, осуществляемыми под руководством государственных либо иных организованных сил (политических объединений, вооруженных организаций и др.), не могут рассматриваться как преступление против человечности в виде международного терроризма. В последнем случае можно установить или обычный уголовный терроризм, или иное насильственное преступление, не связанное с международным терроризмом.

Преступления, составляющие международный терроризм, предусмотрены рядом международных конвенций и отнесены к деяниям с универсальной юрисдикцией.

Международный терроризм как опаснейшее современное преступление против человечности нуждается в правовом закреплении международным сообществом как можно оперативнее. Возможно международное сообщество сможет выработать понятие «международный терроризм» и решить иные спорные вопросы квалификации этого преступления.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры теории и истории
права и государства
Краснодарского университета МВД России

Проблема репрезентации уголовного права в правосознании россиян

Уголовное право – это не просто одна из отраслей права согласно классическому пониманию, представленному в юридических и ряде других наук. Общественные отношения, которые регулируют юридические нормы, непосредственно связаны с функционированием института государства, и локализуются, по преимуществу, в сфере обеспечения безопасности, социального порядка, удовлетворения экзистенциальных потребностей индивидов, групп, общностей. Принуждение к исполнению норм права со стороны

¹ См.: Иногамова-Хегай Л.В., Курносова. Т.И. Особенности объективных признаков преступлений против человечности в международном и национальном уголовном праве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2. С. 34.

государства придает данной отрасли уникальный статус в правовой системе. Ключевое значение для государства приобретает понимание и осознание гражданами норм уголовного права, готовность добровольно следовать их требованиям, так как в противном случае существенно возрастают риски массового делинквентного поведения, радикализма общественных настроений, что является серьезной угрозой государству и его правоохранительной системе.

Становится очевидным, что для стабильного функционирования государства и права, прежде всего, уголовного, необходимо поддерживать особые социокультурные конструкторы, оказывающие мягкое регулятивное воздействие на индивидуальное, групповое и массовое сознание. Эту важную роль традиционно выполняют правовое сознание и правовая культура. Их задача – добиться от людей именно осмысления, «очеловечивания» права, не допускать позиционирования законов как безликого, бесчеловечного «государственного механизма». Такие настроения особенно опасны в молодежной среде, известной своим радикализмом, иррационализмом, юношеским максимализмом по отношению к государству и праву.

Как отмечает Д.С. Корчевский, «право обладает мощным потенциалом воздействия на социальные процессы. Осмысление проблем права способствует их разрешению на фундаментальном уровне, формированию высокой правовой культуры, саморазвитию правовой системы»¹.

В центре внимания исследователей зачастую оказывается именно уголовное право, так как оно обладает особым статусом вследствие регулирования наиболее опасной разновидности правонарушений – преступлений. В этой связи с точки зрения исследователей, «уголовное право представляет собой совокупность юридических норм о преступлении и наказании»².

А.В. Наумов указывает, что «уголовное право – это отрасль, объединяющая правовые нормы, которые устанавливают, какие действия являются преступлениями и какие наказания, а также иные меры уголовно-правового воздействия применяют к лицам, их совершившим, определяет основания уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности».³

Уголовное право неразрывно связано с институтом государства и призвано обеспечивать социальный порядок посредством негативных формальных санкций. Такое предназначение диктует необходимость системного, концептуального характера для уголовного права – именно так можно решать основной спектр имеющихся задач. А.В. Денисова справедливо отмечает, что «уголовное право – это относительно обособленная часть правовой

¹ Корчевский Д.С. Современная правовая система Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С.5.

² Генрих Н.В., Квашиш В.Е. Понятие уголовного права // Общество и право. 2016. №1. С.38-44.

³ Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т1. М., 2007. С.16.

системы Российской Федерации, представляющая собой логически завершённую единую подсистему уголовно-правовых норм, субинститутов, институтов и уголовно-правовых отношений»¹.

Специфический статус уголовного права связан с выражением воли государства по ключевым аспектам социального порядка, безопасности, достижением стабильности и предсказуемости социальных взаимодействий. С точки зрения исследователей, «безопасность человека – это именно то социальное явление (состояние), тот социальный результат, для достижения которого уголовно-правовые отношения возникают и существуют, направляя при этом действия людей, должностных лиц и компетентных государственных органов»².

Вместе с тем необходимо учитывать и то обстоятельство, что уголовное право в гораздо большей мере, чем другие отрасли права, несет в себе социальные, духовные, политические начала. Широкая институциональная база уголовного права (помимо института государства, с ним тесно связан еще ряд институтов и подсистем общества) предполагает несколько иной, развернутый, ракурс научного рассмотрения.

В.В. Кулыгин полагает, что «уголовное право – это социальное явление, которое значительно богаче уголовного законодательства. К реальным формам его существования, помимо уголовного закона, следует отнести правосознание, правотворчество и правоприменение»³.

Таким образом, уголовное право – это не просто свод законов, нормативно-правовых актов и т.п. Речь идет о социально-правовом явлении общества, которое, во-первых, оказывает существенное влияние на поступки людей; во-вторых, находит свое закономерное отражение в сознании, становясь материалом для рефлексии, переживаний, сомнений, взглядов на мир и окружающую действительность и т.п. Именно поэтому некорректно рассматривать уголовное право в отрыве от системы культуры российского общества, его традиций, менталитета, идеалов.

В этой связи исследователи обращают внимание на такой факт: «в области уголовно-противоправного поведения свойства российского национального характера проявляется двояким образом: во-первых, в большем числе ситуативных преступлений, совершаемых, как правило, на бытовой почве; во-вторых, в игнорировании официальных запретов, не тождественных с глубинным образом собственного жизнепонимания. Достаточно вспомнить безуспешность уголовно-правовой борьбы с самогоноварением и несудами»⁴.

¹ Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2018. С.3.

² Там же.

³ Кулыгин В.В. Уголовное право, правосознание, справедливость // Уголовное право. 2003. №1. С.119-120.

⁴ Там же.

Для отечественной системы культуры характерно наличие весьма специфических традиций взаимоотношения граждан с уголовным правом. В отличие от классического западноевропейского «категорического императива» И. Канта¹ (представления о безусловных началах человеческого поведения, беспрекословном следовании долгу и т.д.), в российском менталитете сформировалось несколько иное отношение к любым нормативным предписаниям, в том числе и уголовного права. Российские социокультурные традиции предполагают уход от категорического императива Канта и избирательное отношение к законам, а также условность и селективность их исполнения. Данную ситуацию исчерпывающе охарактеризовал классик русской литературы М.Е. Салтыков-Щедрин: «строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения»². Кроме того, одна из наиболее известных российских пословиц недвусмысленно гласит: «закон – что дышло: куда повернешь – туда и вышло». Данные примеры показывают важность научного анализа восприятия гражданами уголовного права, его репрезентации в структурах правосознания.

Выражением социокультурного восприятия уголовного права на индивидуальном и групповом уровнях вступает правосознание. Согласно одному из определений исследователей, «правосознание представляет собой область сознания граждан, которая отражает правовую действительность в юридических знаниях, правовых ценностях, социально-правовых установках и правовом поведении людей в юридически значимых ситуациях»³.

Одной из особенностей правосознания выступает то, что оно отражает своеобразный коллективный разум населения по отношению, в том числе, и к уголовному праву. Исследователи в этой связи указывают на одну интересную особенность: «в тех случаях, когда правосознание населения совпадает с действующим уголовным законодательством, поведение граждан отличается более высоким уровнем правомерности. В тех случаях, когда правосознание и уголовное законодательство противоречат друг другу, поведение в уголовно-правовой сфере принимает массово-противоправный характер»⁴.

Очевидно, что эффективность уголовного права во многом зависит именно от того, как оно будет репрезентировано в правовом сознании граждан, каково будет его общее восприятие – не только на рациональном, но, что не менее важно, именно на психологическом, эмоциональном уровне, так как речь идет о классическом функционировании обыденного, а

¹ Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995.

² Бушмин А.С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина / Отв. ред. С. А. Макашин. Л., 1984.

³ Джамалова Э.К., Магомедов К.Ш. Регулирующая роль правосознания в уголовно-правовой сфере // Закон и право. 2018. № 6. С.38-40.

⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т1. М., 2007. С.16. Джамалова Э.К., Магомедов К.Ш. Регулирующая роль правосознания в уголовно-правовой сфере // Закон и право. 2018. №6. С.38-40.

отнодъ не специализированного сознания. В частности, если один из несколько нормативно-правовых актов будет воспринят населением как несправедливый, безнравственный, жестокий и т.п., высока вероятность «переноса» подобных оценок на всю систему уголовного права. Сложность ситуации заключается в том, что, как уже отмечалось, для российского правосознания характерна условность и избирательность исполнения требований уголовного права, осложненная тенденциями криминализации сознания. Подобные конструкты проникают в сферу духовной культуры посредством массе-медиа, Интернета, кинематографа, «продолжая» линию российских традиций отношения к праву, берущую свое начало еще в дореволюционной России.

Правосознание характеризуется также весьма существенной инерцией, поэтому даже изменение социальной и социокультурной ситуации может не принести ожидаемых эффектов, в частности, повышения эффективности уголовного права, особенно в аспекте профилактики преступлений.

Ю.К. Погребная отмечает, что «правосознание наряду с динамизмом обладает и устойчивостью, сопротивляемостью новым идеям и принципам. Устойчивость предопределяется сформировавшейся мотивацией. Для преодоления прочно вошедших в сознание правовых взглядов, идей и стереотипов требуется гораздо больше времени, чем для обновления нормативно-правовых актов»¹.

Оценивая особенности репрезентации уголовного права в правосознании жителей нашей страны, следует обратить внимание и на механизмы его функционирования. В частности, по мнению исследователей, влияния правовых конструктов на поведение людей «возможно только при помощи особого механизма, который представляет собой свойство отдельных элементов обеспечивать правомерность поведения субъектов, активную защиту ими своих субъективных прав, участие в социальном контроле правовой действительности в не запрещенных законом формах»².

Несомненно, правосознание – весьма сложный конструкт духовной жизни российского общества. Именно посредством правосознания у человека формируется личностный взгляд на социально-правовые явления, процессы, в том числе и на уголовное право.

Как полагает В.А. Рыбаков, существует несколько факторов, непосредственно влияющих на генезис правосознания, его облик, динамические характеристики и т.д. Исследователь указывает, что «правосознание формируют: юридические знания человека; оценочные отношения к праву как к

¹ Погребная Ю.К. Правосознание современного российского общества: вопросы теории и методологии исследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С.8.

² Максимова И.М. Правосознание как источник правового поведения личности: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. С.28.

целостному явлению, к правореализации, законодательству, правовым гарантиям и т.д.; правовые установки и ценностные ориентации людей, регулирующие их поведение в юридически значимых ситуациях»¹.

Очевидно, что во многом правосознание формируется под воздействием повседневной действительности, того социального контекста, в который включен субъект. Здесь помимо негативного влияния окружения, отрицательного воздействия криминализированных образцов массовой культуры, могут сказываться и неоднозначные резонансные уголовные дела, спорные приговоры, что, к сожалению, периодически имеет место, а посредством масс-медиа, Интернета, личных контактов эта информация доводится до людей, меняя их мировосприятие и, соответственно, правосознание.

В современных условиях трансформирующегося российского общества для повышения эффективности функционирования уголовного права необходима системная работа над развитием правосознания людей. А.В. Ефремов отмечает, что «для развития правового сознания человека и правовой культуры общества необходимо развивать и совершенствовать правовое воспитание и правовое обучение населения»².

Формирование устойчиво функционирующего правосознания, особенно подрастающего поколения, весьма важно в аспекте обеспечения стабильности функционирования уголовного права. Именно правосознание выступает тем значимым элементом, который оказывает глубинное воздействие на граждан в ситуациях, когда им приходится принимать решение о той или иной стратегии поведения, подпадающей под нормы уголовного права.

По мнению исследователей, «в уголовном процессе и его правовом регулировании правосознание больше скрывается от внешних проявлений и может рассматриваться как внутренний элемент, определяющий внешнее поведение субъектов правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса»³.

Подводя некоторые итоги, целесообразно заметить, что правосознание выполняет ряд ключевых функций в современном российском обществе. Одна из них непосредственно связана с обеспечением добровольного правомерного поведения граждан, т.е. целенаправленному инициативному следованию требованиям норм уголовного права. Достижение подобного

¹ Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2015. №3. С.23-28.

² Ефремов А.В. Правосознание и правовая культура в Российской Федерации: проблемы становления и пути решения // Вестник Московского университета МВД России. 2011. №6. С. 80-84.

³ Лонь С.Л. Правосознание в правовом регулировании отношений, возникающих в сфере уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2009. №327. С.114-117.

эффекта, в свою очередь, непосредственно связано с развитием гражданского правосознания, особенно в молодежной среде, подверженной рискам девиантного и делинквентного поведения.

Именно поэтому особую важность приобретет проблема репрезентации уголовного права в правосознании россиян. Именно развитие правосознание позволяет преодолевать две группы рисков – как нигилистического, пренебрежительного отношения к уголовному праву, та и, напротив, излишней боязни уголовной ответственности, гипертрофированного восприятия социальных ситуаций в аспекте потенциального уголовного наказания. В настоящее время очевидно, что состояние правосознания россиян, особенно молодежи, не позволяет успешно решать широкий круг задач, связанных с популяризацией правомерного поведения, осуждения криминальных практик. Стихийное воздействие СМИ и Интернета на сознание подрастающего поколения, негативное воздействие социального окружения, кризис институтов семьи и образования обостряет проблему репрезентации уголовного права в правосознании современных россиян, диктует необходимость научно-управленческого консенсуса. В нынешних условиях представляют опасность как излишнее давление на молодежь с целью привития ей правосознания, так и обратный процесс, связанный с отказом от каких-либо целенаправленных, системных действий в данной сфере.

Козаев Нодар Шотаевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России,

Некоторые вопросы обеспечения информационной безопасности уголовно-правовыми средствами

Важнейшей сферой деятельности современной экономической системы является предпринимательство, которая постоянно развивается и как следствие, появляются новые направления в данной сфере. При этом признаки, характеризующие указанный вид деятельности, остаются неизменными.

Одним из основных признаков предпринимательской деятельности является риск – неотъемлемая часть любого предпринимательства. Но это справедливо и в отношении деятельности государства.

Следует отметить, что предпринимательская деятельность в настоящее время тесно переплетается с информационными технологиями, цифровизацией экономики и в этой связи нуждается в определенных мерах без-

опасности, которая может обеспечиваться не только всевозможными техническими средствами, но и осуществляется в рамках правового поля нашего государства.

В условиях все большей информатизации общества и экономики, внедрения вычислительной техники одной из наиболее насущных проблем становится защита информации.

Информационная среда сегодня – это совокупность различных субъектов, чья деятельность направлена на сбор, анализ, обработку, распределение и использование информации, а также системы регулирования сопутствующих общественных отношений¹.

Информация существует в различных формах: на бумажном носителе, в электронном виде при хранении на носителе, передается по почте или с использованием электронных устройств, передаваться устно в процессе общения. При этом весьма важным аспектом является то, что указанная информация должна быть защищена независимо от ее формы и способа ее хранения, распространения и передачи.

И в этом процессе важная роль принадлежит осуществлению информационной безопасности заключающаяся в должной защите информации от различного рода угроз и призванная обеспечить непрерывность бизнес-процессов, минимизировать риски и обеспечить возможности предпринимательской деятельности².

В условиях современной экономики, с ее тенденцией к глобализации приобретает актуальность и вопросы обеспечения экономической безопасности, целью которой является создание условий, позволяющих предотвратить или минимизировать ущерб, который может быть нанесен в результате несанкционированного доступа, хищения служебной информации или нанесения ущерба техническим средствам обработки, хранения и передачи защищаемой информации.

Указанные обстоятельства касаются и важнейшей части современной экономики – сферы предпринимательства.

Сегодня любая информация субъекта предпринимательской деятельности может представлять интерес для иных лиц: конкурентов, правонарушителей и т. д. В связи с чем важно, чтобы в организации была хорошо поставлена и обеспечена информационная безопасность, т.к. отсутствие надлежащих мер в указанном направлении может привести к утечке сведений и, как результат, к убыткам компании.

Все специалисты по информационной безопасности рано или поздно сталкиваются с вопросами законодательного регулирования своей деятельности.

¹ См. об этом подробно: Петров В.П., Петров С.В. Информационная безопасность человека и общества. М.: ЭНАС, 2007.

² См.: Мамаева Л. Н., Кондратьева О. А. Основные направления обеспечения информационной безопасности // Информационная безопасность регионов. 2016. № 2. С. 5-9.

Первой проблемой при этом обычно является поиск документов, где прописаны те или иные требования.

В специальной литературе по данной тематике выделяют пять уровней защиты информации: первый – законодательный, второй – административный, третий – аппаратно-программный, четвертый – физический, пятый – морально-этически¹.

В этой связи весьма важным аспектом обеспечения информационной безопасности является то, она должна осуществляться на предприятии, учреждении или организации в рамках правового поля и под неустанным контролем соответствующих специалистов².

Деятельность предприятия в целях обеспечения информационной безопасности должна сочетать в себе несколько направлений, к числу которых можно отнести предотвращение угроз разглашения сведений, предотвращение вмешательства в информационные ресурсы, защита целостности информации, контроль доступа к информации и др.

Одним из способов обеспечения информационной безопасности на предприятии может служить режим коммерческой тайны. Согласно ст. 3 Федерального закона «О коммерческой тайне» коммерческая тайна – это режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить коммерческую выгоду³.

К коммерческой тайне могут быть отнесены сведения различного характера.

Во-первых, техническая информация о результатах научных исследований, новых технологических процессах, продуктах, методах измерения и тому подобное.

Эти сведения могут содержаться в научных отчетах, спецификациях, чертежах и иных документах.

Во-вторых, к коммерческой тайне могут быть отнесены сведения экономического характера. К ним, как правило, относятся данные, связанные с определенными знаниями конъюнктуры рынка, опытом ведения коммерческих операций, сведениями о наиболее выгодных формах использования денежных средств, операциях с ценными бумагами, структуре цен на производимые товары и так далее.

¹ Об этом подробнее см.: Одинцов А.А. Экономическая и информационная безопасность. М.: Экзамен, 2012.

² См. например: Одинцов А.А. Указ соч.; Мамаева Л.Н., Кондратьева О.А. Основные направления обеспечения информационной безопасности // Информационная безопасность регионов. 2016. № 2. С. 5-9.

³ Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

Источниками такой информации могут быть договоры с контрагентами, картотеки клиентов и поставщиков, данные финансово-бухгалтерской отчетности (баланса), данные об экономической стороне организации производства, схемы финансовых операций, информация о рынках сбыта и иная документация.

В-третьих, к сведениям, составляющим коммерческую тайну, может быть отнесена информация управленческого характера. Ее содержание обычно заключается в структуре и методах управления, позволяющих наладить эффективное взаимодействие различных производственных и управленческих структур фирмы, в решении кадровых вопросов.

Указанные сведения могут быть включены в схемы управления производством, картотеки штатных сотрудников, сведения о наличии свободных мест, заработной плате, соотношении штатных сотрудников и совместителей и прочее.

В-четвертых, режим коммерческой тайны может быть распространен также на правовую информацию, которая связана с применением организационно правовых форм предпринимательской деятельности, налогами, кадрами и так далее. Таким образом, информация, составляющая коммерческую тайну, может быть представлена сведениями различного характера: производственного, технического, экономического, организационного и так далее¹.

Решение о правовой охране сведений, составляющих коммерческую тайну, принимается обладателем соответствующей информации на уровне локальных нормативных актов (например, изданием приказа по предприятию, организации т.п.)².

Обладатель ноу-хау принимает меры правового и организационного характера для обеспечения конфиденциальности. С этой целью необходимо определить перечень информации, составляющей коммерческую тайну, ограничить доступ к указанной информации, вести учет лиц, имеющих доступ к такой информации, осуществлять регулирование отношений по использованию данной информации³.

В целях обеспечения режима коммерческой тайны в трудовом договоре или контракте предусматривается обязанность оформляющегося на ра-

¹ См.: Петров В.П., Петров С.В. Информационная безопасность человека и общества. М.: ЭНАС, 2007.

² См. например: Новиков В.К., Галушкин И.Б., Аксенов С.В. Организационно-правовые основы информационной безопасности (защиты информации). Ч. II. Правовые и организационные основы информационной безопасности (защиты информации). М.: Изд-во ВА РВСН им. Петра Великого, 2015.

³ См.: Мамаева Л.Н., Кондратьева О.А. Основные направления обеспечения информационной безопасности // Информационная безопасность регионов. 2016. № 2. С. 5-9.

боту сохранить конфиденциальность сведений, охраняемых в режиме коммерческой тайны, доступ к которым он будет иметь в процессе исполнения трудовых обязанностей.

При этом следует отметить, что доступ работника к информации, составляющей коммерческую тайну, осуществляется с его согласия (ст. 11 Федерального закона «О коммерческой тайне»)¹.

Для обеспечения интересов обладателя информации, представляющей коммерческую тайну, законодательством предусмотрены различные виды ответственности за разглашение, а также незаконное получение сведений, составляющих коммерческую тайну².

Разглашение коммерческой тайны – грубое нарушение трудовых обязанностей, поэтому возможно увольнение работника. Факт разглашения должен быть расследован комиссией в порядке, предусмотренном локальными нормативными актами. Привлечь работника к ответственности, вплоть до увольнения по подп. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации можно при соблюдении определенных условий (п. 43 Постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»)³.

Во-первых, работник обязан соблюдать коммерческую тайну (согласно трудовому договору или по отдельному письменному обязательству), при этом об этом был ознакомлен под расписку с перечнем сведений и локальными нормативными актами. На документах имеется соответствующий гриф (пометка).

Во-вторых, сведения стали доступны ему во время выполнения должностных обязанностей.

В-третьих, работник допустил виновные действия или бездействие (копировал документы, отправлял по интернету), вследствие которых информация стала известна третьим лицам.

К таковым не относятся его коллеги, имеющие такой же допуск к охраняемой информации. При этом работник также может быть привлечен к полной материальной ответственности в соответствии со ст. 243 ТК РФ⁴.

Административная ответственность, предусмотренная за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, выражена в форме

¹ Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

² Голубчиков С.В., Новиков В.К., Баранова А.В. Правовая модель информационной безопасности (защиты информации) в образовательном процессе // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2017. № 1. С. 55-58.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

штрафа в размере от 500 до 1 000 руб. для граждан и от 4 000 до 5 000 руб. для должностных лиц (статья 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях)¹.

За разглашение сведений, а также незаконный сбор информации, составляющей коммерческую тайну, предусмотрена и уголовная ответственность и наказание. Что с позиции законодателя следует расценивать положительно, т.к. сегодня уже бесспорен факт общественной опасности деяний направленные на охрану сведений представляющие коммерческую или иную (банковскую или налоговую) тайну.

По ч. 1 ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)² ответственность наступает за собирание сведений любым незаконным способом, включая похищение документов, подкуп работников, угрозы, шантаж, взлом электронных баз данных и прочее.

Такое преступление наказывается штрафом в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок³.

Более суровая ответственность и наказание предусмотрена ч. 2 ст. 183 УК РФ⁴. Деяние характеризуется как незаконное разглашение (распространение, открытие доступа и др.) или использование коммерческой тайны без согласия обладателя информации. Штраф в этом случае достигает уже 1 млн руб., а кроме того может быть назначено и наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет.

Если указанные деяния повлекли за собой крупный ущерб или были совершены из корыстной цели, то наказание может варьироваться от штрафа в размере до 1,5 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо наказанием в виде лишения свободы на тот же срок.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ См.: Кирильчук С. В., Наливайченко Е. В. Обеспечение информационной безопасности предприятий // Международный научный журнал «Символ науки». 2015. № 3. С. 95-98.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

И, наконец, если данные действия привели к тяжелым последствиям, например, банкротству организации, то наказание предусматривает принудительные работы на срок до пяти лет либо наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет.

Еще один вид ответственности, который может быть применен при нарушении конфиденциальности информации, составляющей коммерческую тайну, – гражданско-правовая ответственность.

В данном случае могут быть предъявлены иски о возмещении убытков, защите деловой репутации.

Подводя итог отметим, что указанные меры могут быть применены к государственным и муниципальным органам (п. 3 ст. 14 Федерального закона «О коммерческой тайне»), а также к контрагентам. Для установления договорной ответственности в специальном разделе договора должны быть установлены перечень охраняемой информации и меры ответственности.

Следует отметить, что для предпринимателя в большинстве случаев более значимой является именно гражданско-правовая ответственность, так как она позволяет возместить убытки (или какую-то часть убытков), причиненные распространением информации, составляющей коммерческую тайну.

Вместе с тем, наиболее радикальным средством правового обеспечения режима коммерческой тайны на предприятии, установленное в соответствие с законодательством о коммерческой тайне, является уголовно-правовое воздействие. Которое, по мнению многих ученых и практиков, является достаточно действенным способом по обеспечению информационной безопасности, так как благодаря ему у обладателя конфиденциальных сведений есть возможность обеспечить ее сохранность.

Комаров Игорь Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой криминалистики
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Современные представления о «цифровой» криминалистике и некоторые тенденции ее развития

Для современной криминалистики значимым событием можно считать публикацию монографии «Форензика – компьютерная криминалистика» (Москва, 2007), которая принадлежит перу выпускника Московского университета кандидату физико-математических наук Николаю Николаевичу Федотову. Этот специалист на протяжении длительного периода вре-

мени профессионально занимался вопросами технической и правовой защиты информации, участвовал в качестве специалиста (эксперта) в рассмотрении судами «компьютерных» дел.

К сожалению, тогда, да и в настоящее время появление труда Н.Н. Федотова «прошло» мимо криминалистов. Однако, на наш взгляд, должно было вызвать криминалистический интерес по причине того, что математик Н.Н. Федотов фактически положил начало формированию в рамках традиционной криминалистики нового перспективного направления – «цифровой» (компьютерной) криминалистики¹.

В своем исследовании автор рассмотрел проблему на основе системного подхода, отразил ее предметно-методологическую особенность и специфические прикладные задачи, что позволило сформулировать определение «цифровой» (компьютерной) криминалистики в качестве – раздела соответствующей науки о раскрытии и расследовании преступлений, связанных с компьютерной информацией, об исследовании доказательств в виде компьютерной информации, методах поиска, получения и закрепления таких доказательств.

Нельзя сказать, что этими вопросами криминалисты тогда не занимались, занимались и вполне успешно. В ряду подобных исследований можно привести работы коллектива авторов научно-практического пособия «Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации»², коллективную монографию «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации»³, учебное пособие «Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике»⁴, монографии «Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их реквизитов»⁵, «Информация и информационное взаимодействие в расследовании преступлений: теоретические аспекты»⁶, «Расследование преступлений в сфере высоких технологий и компьютерной информации»⁷ и др.

¹ В настоящей публикации мы не ставим целью формулировать название понятия и дать его определение, это вопрос дальнейших исследований.

² Расследование неправомерного доступа к компьютерной информации / Под ред. Н.Г. Шурухнова. М.: Издательство «Щит-М», 1999.

³ Андреев Б.В., Пак П.Н., Хорст В.П. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001.

⁴ Краснов Л.Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике. Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-т. 2006.

⁵ Вехов В.Б. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их реквизитов: Монография. Волгоград: ВА МВД России. 2005.

⁶ Григорьев А.Н. Информация и информационное взаимодействие в расследовании преступлений: теоретические аспекты: Монография. Калининград: Калининградский ЮИ МВД России. 2006.

⁷ Варданян А.В., Никитина Е.В. Расследование преступлений в сфере высоких технологий и компьютерной информации. М.: Издательство «Юрлитинформ». 2007.

В связи с расследованием преступлений, где использовались компьютерных средств были подготовлены и защищены докторские диссертации В.А. Мещеряковым «Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования» (Воронеж, 2002) и В.Б. Веховым «Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки» (Волгоград, 2009), проводились соответствующие кандидатские исследования.

В прошедшем десятилетии появились заметные по своей значимости издания, отражающие обозначенную проблему: «Расследование преступлений в сфере высоких технологий»¹ и «Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы»².

Однако все эти, а также другие подобные, весьма качественные по своей научно-практической значимости исследования не ставили проблему и не предлагали пути ее решения так как это сделал математик Н.Н. Федотов, а развивали отдельные важные векторы расследования преступлений, связанных с использованием компьютерных средств и информации.

Заслугой Н.Н. Федотова следует считать тот факт, что он поставил проблему, обратив внимание криминалистов на необходимость комплексного исследования данных «компьютерной» криминалистики (авторский термин Н.Н. Федотова), накопление которых идет с положительной динамикой, с другими традиционными разделами этой науки. Кроме того, было обращено внимание на необходимость структуризации и самого раздела «компьютерной» криминалистики.

Практически десять лет назад Н.Н. Федотовым были описаны отдельные виды противоправных действий, которые связывал с использованием компьютерных средств для достижения преступного результата. Он выделил и раскрыл основные элементы криминалистической характеристики для таких преступных действий как онлайн-мошенничество; клевета, оскорбление и экстремистские действия в Сети; Dos-атаки; вредоносные атаки; мошенничество с трафиком; нарушения авторских прав в офлайне; нарушения авторских прав в Сети; фишинга³; и пр.

На этой основе им же были разработаны определенные виды деятельности по применению «цифровых» технологий в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий (перехват и исследование трафика; исследование: статистики и иных данных трафика, логинов веб-сервера, систем-

¹ Расследование преступлений в сфере высоких технологий: учебное пособие / сост. В.А. Мещеряков, А.Н. Яковлев, В.Ю. Агибалов. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2008.

² Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография / А.Л. Осипенко. Омск: Омская академия МВД России, 2009.

³ Фишинг – вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям.

ных логинов, логинов мейл-сервера и заголовков; установление: принадлежности и распознавание IP-адреса, принадлежности доменного имени; принадлежности адреса электронной почты и пр.). Обоснован интернет поиск как оперативно-розыскной метод, связанный взаимодействием технических специалистов и сотрудников оперативных служб с целью установления фактов, свидетельствующих о готовящихся и совершенных преступлениях.

Несомненной заслугой этого автора является, пожалуй, первая попытка в криминалистике связанная с разработкой комплекса действий специалиста в области компьютерной техники, обусловленных его участием в следственных действиях по осмотру компьютера, с целью получения криминалистически значимой «цифровой» информации. Предложена тактика обыска, когда его предметом является аналогичная информация и ее носители. Для этого следственного действия были определены обуславливающие его принципы; общие правила изъятия компьютерной техники в процессе проведения обыска; особенности обыска, когда на месте его проведения находятся ноутбуки, мак буки; принтеры, сканеры, флэш-накопители; мобильные телефоны, коммутаторы и маршрутизаторы; цифровые фотоаппараты; сменные накопители.

В своем исследовании Н.Н. Федотов разработал основы компьютерно-технической экспертизы, определил ее место и роль в системе судебно-экспертной деятельности, определил приемлемые и неприемлемые вопросы, которые эта экспертиза может (не должна) разрешать; объекты исследования, методы, средства и экспертный инструментарий.

Понимая, что судебное разбирательство по преступлениям, где в качестве объекта преступного посягательства и средств достижения преступной цели используются «цифровые» технологии и компьютерные средства с их программным обеспечением, не может протекать по закономерностям традиционного уголовного судопроизводства Н.Н. Федотов разработал основы участия соответствующего специалиста, как консультанта суда.

Труд Н.Н. Федотова, имеет высокую научно-практическую значимость так как содержащиеся в нем данные, наряду с исследованиями криминалистов, которые приведены выше служат основой, которая фактически обуславливает зарождение нового перспективного криминалистического института, без данных которого в современных условиях невозможно осуществлять эффективную борьбу с высокотехнологичной преступной деятельностью.

В этой связи возникает естественные вопросы: что теперь делать дальше, какая тенденция должна возобладать в криминалистике относительно развития в границах ее предмета «цифровой» криминалистики, в качестве нового института, кто и как должен действовать в отношении развития этого института в теории науки и внедрения новых данных в практику правоприменительной деятельности?

Это только очевидные вопросы, так как их последовательное разрешение закономерно будет порождать новые вопросы и обуславливать объективные процессы интеграции и дифференциации знаний.

Важное значение имеет проблема интеграции знаний «цифровой» криминалистики в ее уже сформировавшийся язык науки. В криминалистический оборот уже введены новые понятия и их определения, которые у традиционного криминалиста (если это понятие считать допустимым) вызывают затруднения для понимания, что требует его обращения к источникам, которые толкуют эти понятия. Без этого не представляется возможным «встраивать» их в криминалистические системы (рекомендации и т.п.) как для теоретических, образовательных целей, так и для правоприменительной деятельности.

Развитие языка важно для любой науки, так как он относится к одному из фундаментальных факторов ее характеризующих, которые, наряду с объектом, предметом, методами и прочими основаниям делают совокупность знаний собственно наукой. Здесь следует обратиться к предмету криминалистики и закономерностям, которые его определяют, в первую очередь закономерностям механизма преступления и «цифровым» следам-последствиям преступной деятельности. Криминалистами они практически не изучены и для их изучения в настоящее время мало что делается. Данный факт определяет необходимость выдвижения для последующего изучения соответствующей гипотезы относительно понятия «цифровых» следов-последствий, закономерностей их образования в процессе преступной деятельности и т.п. положений, которые на основе их опытно-фактического криминалистического подтверждения должны быть обоснованы и сформулированы в виде закономерных явлений, что будет способствовать использованию этого знания в процессе правоприменительной деятельности.

Элементы системы криминалистики структурно связаны между собой и, традиционно, криминалисты выделяют четыре элемента науки (общая теория, криминалистические техника, тактика и методика). В соответствии с этой системой и следует развивать знание о «цифровых» следах-последствиях преступлений, где были использованы соответствующие компьютерные технологии и средства для достижения преступных целей.

На наш взгляд широту и глубину этой проблемы в настоящее время представить себе достаточно трудно, так как, в первую очередь, в современной криминалистике отсутствуют фундаментальные теоретические знания объясняющие эту проблему. Их накопление, систематизация и описание должно протекать в соответствии и на основе данных анализа судебно-следственной практики, где усматривается использование компьютерных технологий в процессе совершения преступлений. Но соответствующее криминалистическое теоретическое исследование должно проводиться криминалистами во взаимодействии и тесном сотрудничестве с математиками, специалистами в области ай-ти технологий.

Можно дальше раскрывать недостатки современной криминалистической теории относительно отсутствия в ее содержании данных о «цифровых» следах-последствиях преступлений и компьютерных технологиях, используемых при их совершении, однако мы не преследуем в настоящей публикации эту цель. Для нас важно обратить внимание криминалистов и, в первую очередь молодых криминалистов (традиционные криминалисты в силу ряда причин не способны решать эту задачу), на давно назревшую проблему, которая уже много лет находится в состоянии застоя и никак не решается и, возможно, этой публикацией хотя бы немного «сдвинуть» ее с места. Разрыв между практикой расследования преступлений, где имеют место «цифровые» следы-последствия преступной деятельности и теорией криминалистики, связанной с обучением и образованием будущих правоприменителей с каждым днем все больше увеличивается. Между тем в современной правоохранительной практике все чаще «цифровые» технологии становятся предметом следственной деятельности по расследованию преступлений и в этой связи следователи действуют не по криминалистическому алгоритму, который для этих ситуаций не разработан, а интуитивно, как «бог на душу положит». В качестве примера можно привести проанализированную практику расследования преступлений, где криптовалюта (в данном анализе – биткойн) уже активно используется в качестве средства достижения преступного результата.

Закономерным в этой связи вопрос – с чего начать?

На него знает ответ любой мало-мальски подготовленный криминалист – с изучения соответствующей практики расследования преступлений. Данные анализа этой практики определяют вектор изучения, в первую очередь, связанный с изучением способа совершения преступления (в широком смысле этого слова), где преступником были применены компьютерные технологии и в соответствии с их использованием достигнут преступный результат. Данные действия по их последствиям «укажут» на соответствующие «цифровые» следы преступления. Очевидно, что эти следы могут найти свое отражение, конечно же не только посредством вербальных способов и средств. В первую очередь это технические средства, которые имеют соответствующее прикладное назначение. Об этом должны знать обучаемые криминалистике будущие правоприменители. Может быть есть необходимость проводить их обучение и относительно возможностей непосредственного использования подобных технических криминалистических средств, в соответствии с рекомендациями их производителя.

Изменение технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений, где использованы компьютерные технологии закономерно потребует и изменения традиционного характера его тактического и методического сопровождения. Это означает, что в соответствии с появлением в системе расследования «цифровых» следов-послед-

ствий преступной деятельности возникнет необходимость изменения криминалистических процедур их тактической криминалистической фиксации посредством следственных действий.

Подобные изменения и трансформации закономерно последуют и в методиках расследования отдельных видов преступлений.

Можно предположить, что эти процессы затронут не только криминалистику, но и уголовный процесс, так как для объективной фиксации «цифровых» следов-последствий преступлений может возникнуть необходимость в изменениях определенных процессуальных форм или обосновании новых процессуальных форм.

Из приведенных тезисов очевидно, что проблема развития знаний о «цифровой» криминалистике как в теории, так и в правоприменительной деятельности имеет только системное решение в соответствии с комплексным деятельностный подходом специалистов различных специальностей и областей знаний.

Лозовский Денис Николаевич,
доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета

К вопросу о криминалистической профилактике преступлений, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств

В большинстве изданий криминалистическая профилактика определяется как система мер следователя, оперативного работника, специалиста (эксперта) и других работников правоохранительных органов по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, и по разработке рекомендаций по предупреждению (превенции) преступной деятельности. Эта профилактика предусматривает криминалистическую защиту различных объектов от преступных посягательств, получение информации о готовящихся преступлениях, использование научно-технических методов и средств.¹

Как верно отметил Н.П. Яблоков огромный потенциал имеет криминалистическая профилактика преступлений, значимость которой часто игнорируется как практическими работниками, так и учеными.²

¹ Мухин Г.Н., Исютин-Федотков Д.В. Предупреждение преступлений в системе криминалистики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 2. С. 169.

² Яблоков Н.П. Некоторые проблемы отечественной криминалистики в свете сегодняшнего времени // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы / ред.-сост. М. А. Лушечкина. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 20-25.

Наряду с раскрытием и расследованием преступлений их предупреждение представляет собой наименее затратный и наиболее эффективный путь борьбы с преступностью как социальным явлением, по причине того, что обеспечивает выявление и своевременное устранение ее криминогенных факторов и генетических основ¹. Расследование преступлений, предусмотренных ст. ст. 285.1, 285.2 УК РФ, характеризуется значительными сложностями. По оценкам различных исследователей, с которыми мы солидарны, лично проанализировав следственно-судебную практику расследования данных деяний, стадии судебного разбирательства достигает лишь около 10 % уголовных дел, однако и на этом этапе не является редкостью постановка оправдательных приговоров. Разумеется, проиллюстрированная ситуация в сфере расследования указанных деяний свидетельствует о потребности в повышении результативности следственно-судебной деятельности в плане формирования добротных и непротиворечивых доказательств².

Обстоятельствами, способствующими совершению указанных преступлений, являются ложно понимаемые интересы службы должностными лицами, полагавшими о наличии у них полномочий направления бюджетных средств на цели и задачи, не соответствующие условиям их получения, неудовлетворительный ведомственный контроль, а также ненадлежащая работа контролирующих и иных органов исполнительной власти.

Одним из условий распространения преступлений, посягающих на бюджетные интересы, является низкий уровень защищенности современных экономических отношений.

Основной целью предупреждения преступлений, затрагивающих бюджетные интересы субъектов Российской Федерации Северо-Кавказского региона, должно стать достижение и сохранение тенденций к снижению как количества совершенных преступлений, так и тяжести этих деяний.

Классифицировать меры предупреждения «бюджетных преступлений» следует по следующим признакам:

по содержанию решаемых вопросов (социально-экономические, политические, организационно-управленческие, идеологические, правовые и т.д.);

по отраслям экономики;

по направленности профилактического воздействия (устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, пресечение отдельных преступлений и т.д.);

¹ Комаров И.М., Ян Е.И. Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 2 (89). С. 182-192.

² Варданян А.В., Говоров А.А. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 127-136.

по характеру воздействия на факторы, порождающие налоговые преступления (нейтрализующие; компенсирующие; предупреждающие возникновение обстоятельств, способствующих совершению преступлений; ликвидирующие такие обстоятельства);

по субъектам (государственные и правоохранительные органы, общественные организации, отдельные граждане и др.).¹

Решение задач, связанных с противодействием «бюджетной преступности», во многом зависит:

от создания условий и стимулов для развития и совершенствования рыночной экономики и предпринимательства;

от обеспечения реализации системы социальных гарантий для населения;

от формирования комплексной промышленной политики; от развития механизма государственного регулирования рыночной экономики, соответствующего задачам обеспечения интересов населения в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского региона; от создания необходимых гарантий для инвестиций; от комплексного оздоровления финансовой и банковской системы; от формирования бюджетной политики.

В свою очередь, для укрепления платежной дисциплины и повышения ответственности отделений Банка России в регионах целесообразно принять комплекс мер, способных сделать менее выгодным ведение между юридическими лицами наличных расчетов.

Скорейшего решения требует проблема внедрения общегосударственной системы безналичных расчетов на основе магнитных носителей под контролем Банка России.

Необходимо активно развивать аудиторскую деятельность, представляющую собой независимый вневедомственный финансовый контроль. Аудиторы по поручению государственных органов или по инициативе самих хозяйствующих субъектов проверяют отчетность, платежно-расчетную документацию, налоговые декларации и другие финансовые обязательства и требования экономических субъектов.

Немалая роль в предупредительной деятельности должна быть отведена мерам правового характера. К их числу относится максимально полное использование потенциала, которым обладают нормы различных отраслей права и подзаконных актов. Предлагается:

усилить финансовый контроль за расходованием средств на всех стадиях – с момента принятия решения о выделении бюджетных средств и до момента их непосредственного расходования;

выработать оптимальную систему взаимодействия институтов гражданского общества и средств массовой информации с целью осуществления

¹ Марданов А.Б. Значение криминологической характеристики личности экономического преступника для общесоциального предупреждения экономических преступлений // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. Т. 1. № 2 (32). С. 79-84.

независимого контроля за целевым расходованием денежных средств, выделенных субъектам Российской Федерации, исключающую возможность их хищения;

создать и реализовать механизмы проверки законности выделения денежных средств и их целевого расходования;

руководителям следственных органов инициировать создание на постоянной основе рабочих групп по противодействию нецелевому расходованию бюджетных средств из числа руководителей правоохранительных, контрольных и надзорных органов, а также представителей органов исполнительной власти субъектов федерации.

Кроме вышеперечисленных мероприятий представителям правоохранительных органов необходимо совместно с представителями контрольно-счетных органов организовать проведение проверок муниципальных бюджетов, поскольку до 40% консолидированного госбюджета направляется в муниципальные образования, а опыта работы с денежными средствами в таких больших размерах на местах еще нет.

Вышеприведенные положения не являются исчерпывающими. Все названные предложения необходимо учитывать в своей работе следственным органам при осуществлении деятельности по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств.

Пихов Аслан Хазрет-Алиевич,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Подготовка сотрудников полиции для противодействия транснациональной преступности

Подготовка сотрудников полиции, способных эффективно решать поставленные перед ними служебные задачи, является одним из наиболее значимых направлений образовательной и кадровой политики Министерства внутренних дел российской Федерации. При этом учитывается, что в число основных задач полиции, определяющих ее значение, входит противодействие преступности¹, в том числе ее организованным и транснациональным формам проявления.

¹ См.: статьи 1 и 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. №7. Ст.900.

При обучении курсантов и слушателей в системе МВД России очень важно принимать во внимание современные реалии, в том числе постоянно возрастающие требования к уровню квалификации сотрудников полиции. В частности, необходимо соотносить образовательные программы с актуальными потребностями практики, всесторонне поддерживать и демонстрировать междисциплинарные связи и прикладное значение преподаваемых курсов.

Полагаем, что сложный, комплексный характер такого негативного явления как преступность требует разработки и постоянного развития адекватных мер противодействия, учитывающих, что многие виды преступлений в последние годы все чаще приобретают транснациональный характер, затрагивают правоохраняемые интересы и территорию двух и более государств.

Отметим, что транснациональная преступность преимущественно рассматривается в качестве одного из наиболее опасных проявлений организованной преступности, что вытекает из содержания Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности¹. В данной конвенции называются признаки, придающие преступлениям транснациональный характер:

- 1) преступление совершено в более чем одном государстве;
- 2) оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве;
- 3) оно совершено в одном государстве, но при участии организованной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве;
- 4) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

Следовательно, транснациональные преступления затрагивают территорию, как минимум, двух государств, имеют сложный характер и обладают чертами, присущими организованной преступной деятельности. Поэтому противодействие транснациональной преступности следует рассматривать как систему взаимосвязанных мер, реализуемых в русле международного, уголовного и уголовно-процессуального отраслей права при необходимом криминологическом, оперативно-розыскном и криминалистическом обеспечении. Системный, комплексный характер такой деятельности требует соответствующей подготовки сотрудников правоохранительных органов, ее осуществляющих. В контексте настоящей статьи мы остановимся на особенностях изучения вопросов противодействия транснациональной преступности при подготовке будущих сотрудников полиции.

¹ См.: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. №40. Ст.3882.

Прежде всего, отметим, что образовательная подготовка курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, нацеленная на формирование знаний, умений и навыков в сфере противодействия транснациональной преступности, должна осуществляться при тесном взаимодействии кафедр, преподающих международное публичное, уголовное и уголовно-процессуальное право, криминологию, оперативно-разыскную деятельность и криминалистику.

Полагаем, что такое взаимодействие может осуществляться посредством проведения совместных заседаний кафедр, научно-практических семинаров, круглых столов и конференций, на которых бы обсуждались вопросы совместной деятельности при подготовке учебно-методических материалов, формировании комплексных учебных курсов и программ стажировок и учений.

Особое значение имеет именно междисциплинарный характер таких курсов, стажировок и учений, которые должны быть обеспечены необходимыми учебно-методическими материалами, в том числе учебными пособиями и методическими рекомендациями.

Считаем целесообразным включение вопросов противодействия транснациональной преступности в кафедральные перечни тем дипломных работ и магистерских диссертаций, вынесение данных вопросов в повестку заседаний научных кружков кафедр и тематику подготавливаемых научных работ курсантов и слушателей.

Например, в рамках уголовно-процессуальных исследований можно предложить такие темы как «Особенности предмета доказывания по уголовным делам о транснациональных преступлениях» и «Международное сотрудничество по уголовным делам о транснациональных преступлениях»; в наименованиях тем и в планах уголовно-правовых исследований выделить проблемы действия уголовного закона во времени, а равно квалификации деяний с учетом транснационального характера тех или иных видов преступлений (торговли людьми, контрабанды наркотических средств и т.д.); международно-правовой аспект можно затронуть в рамках рассмотрения правовой основы сотрудничества государств в сфере противодействия транснациональной преступности; в криминологических исследованиях выделить особенности причинного комплекса, личности преступника и предупреждения транснациональной преступности; в оперативно-разыскной деятельности в криминалистике остановиться на особенностях выявления, раскрытия и расследования соответствующих преступлений.

Комплексный характер таких тем предполагает взаимодействие кафедр при подготовке курсантами и слушателями дипломных проектов, магистерских диссертаций и научных работ, что также будет способствовать уяснению обучающимися междисциплинарных связей и закреплению получаемых знаний. То же самое можно сказать и о подготовке диссертационных

исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук.

Изучение проблем противодействия транснациональной преступности предполагает обращение к большому объему нормативных правовых актов, научной и учебной литературы. Обобщение соответствующих источников целесообразно осуществить на уровне межкафедральных учебных пособий, что существенно облегчит курсантам и слушателям поиск необходимых источников и уяснение их содержания. В таких учебных пособиях целесообразно раскрыть следующие вопросы:

- понятие транснациональной преступности;
- виды и особенности транснациональных преступлений;
- правовая основа противодействия транснациональной преступности;
- общественная опасность транснациональных преступлений;
- установление и реализация уголовной ответственности за транснациональные преступления;
- причины и условия транснациональной преступности;
- особенности личности, осужденных за транснациональные преступления;
- предупреждение транснациональной преступности;
- особенности выявления, раскрытия и расследования транснациональных преступлений;
- международное сотрудничество в сфере противодействия транснациональной преступности.

Полагаем, что особенности транснациональной преступности и деятельности по противодействию таковой могут быть объектом изучения и в рамках повышения квалификации сотрудников полиции, что нацеливает на подготовку необходимых материалов для формирования специального курса «Деятельность органов внутренних дел по противодействию транснациональной преступности».

Таким образом, противодействие транснациональной преступности можно рассматривать в качестве объекта изучения при подготовке кадров полиции, причем соответствующие вопросы имеют комплексный, междисциплинарный характер, обуславливающий необходимость взаимодействия кафедр и факультетов образовательных учреждений системы МВД России при подготовке учебно-методических и иных материалов, проведении совместных научно-практических и учебных мероприятий. Акцентирование внимания обучаемых на противодействии транснациональной преступности как одном из наиболее значимых направлений современной правоохранительной деятельности полиции будет способствовать уяснению междисциплинарных связей изучаемых ими дисциплин, закреплению и расширению получаемых знаний, умений и навыков.

Пудовочкин Юрий Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник –
руководитель уголовно-правового направления
Центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия;
Бабаев Михаил Матвеевич,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Центра исследования проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия

Репрессивная уголовная политика: содержание и пределы

Содержание понятия «репрессия»

Уголовная политика, будучи направлением деятельности государства в сфере борьбы с преступностью, может включать и фактически включает в себя любые средства – и легитимные (наказательные), и нелегитимные (репрессивные). Репрессия есть одно из направлений противодействия преступлениям. Такое же, как и обычное наказание, только обладающее многими значительно более существенными пороками. Несправедливость (включая необоснованность) и чрезмерность среди них, пожалуй, самые тяжкие. Но именно это – качественный критерий, по которому одну и ту же меру государственного принуждения следует оценивать в качестве принципиально различных феноменов. Пожизненное лишение свободы – «нормальное» наказание для серийного убийцы или злостного педофила. Однако назначенное заведомо без достаточных к тому оснований, оно превращается в репрессию.

Сказанное о соотношении репрессии и наказания в полной мере применимо и к иному направлению уголовной политики – криминализации общественно опасных деяний. Речь в данном случае должна идти не столько о количественных аспектах криминализации (само по себе большое количество признанных преступными деяний может быть вполне оправданным при наличии к тому социальных и криминологических оснований). Дело в том, что необоснованная криминализация также может рассматриваться как проявление репрессии. Правда, и здесь нужна важная оговорка. Не всякая необоснованность в данном случае есть репрессия. Необоснованными могут быть также процессы либерализации, гуманизации уголовной политики, реализуемые комбинацией методов криминализации и декриминализации.

Необоснованность такого рода не менее опасна для целей надлежащего уголовно-правового регулирования, но все же не может быть признана

репрессий. Репрессия содержательно связана только с одним полюсом необоснованности, тем, что восходит к избыточности, чрезмерности, крайней суровости, несправедливой жестокости.

Более конкретно раскрывают содержание понятия «репрессия» разъяснения, содержащиеся в Законе РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»¹. Согласно этому акту, политические репрессии – это не просто применение мер государственного принуждения в виде того или иного ограничения прав или свобод человека. Это такое принуждение, которое, с субъективной стороны было продиктовано дискриминационными мотивами (на основе классовых, социальных, национальных, религиозных или иных признаков), а с объективной стороны, – осуществлялось ненадлежащими субъектами или без законных оснований (чрезвычайными судебными или административными органами, осуществлявшими судебные функции, необоснованно, без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления).

Если опустить чисто политические компоненты данного текста, мы получим весьма полезное общее, пусть даже не исчерпывающее, представление о сущности уголовной репрессии. И становится ясно, что для обсуждения характеристики репрессии изначально неприменима дихотомия «справедливая – несправедливая», «правовая – неправовая», «обоснованная – необоснованная». Ибо репрессия по природе своей – *феномен неправовой*, поскольку представляет собой воплощение необоснованности и несправедливости. *Она находится вне права*, в принципе не имеет ничего общего с правом, которое традиционно мыслится в качестве нормативного воплощения справедливости.

Репрессивная уголовная политика взламывает механизм нравственной мотивации законотворчества и правоприменения, ибо чрезмерная кара, необоснованный уголовно-правовой запрет а priori несправедливы и противоправны. Несправедливость же, исходящая от государства, легализованная федеральными законами и тиражированная практикой центральных и региональных органов власти, – такая несправедливость очень токсична, она болезненно воспринимается большинством общества и чревата острыми проявлениями недовольства.

Суммируя, можно сформулировать следующий вывод: *репрессия есть проявление нелегитимного насилия в обществе, применяемого официальными, властными структурами государства. По субъекту и форме применения она близка легитимному уголовному наказанию, по сути своей – сродни насильственным действиям преступных сообществ.*

Если же говорить об истоках феномена «репрессия», то, в нашем понимании, она представляет собой уродливый плод той уголовной политики, которая опирается на силу, а не на знания и опыт, которая высокомерно

¹ Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 (ред. от 07.03.2018) «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

игнорирует рекомендации науки – теории уголовного права, социологии уголовного права, криминологии. Только такая уголовная политика способна успешно выполнять функции вмещающей и питающей среды репрессии.

Понятие, содержание и социальные функции «репрессивности»

Сама по себе репрессивность как специфическая категория предстает перед исследователями в двух основных ипостасях: во-первых, как *направленность* (тенденция) формирования и коррекции уголовного законодательства и правоприменительной практики (здесь – идейная, идеологическая, теоретическая основа репрессивности) и, во-вторых, как уголовно-правовая, в том числе и пенологическая, *реальность* (избыточная криминализация конкретных деяний, формирование и коррекция все более жесткой системы санкций УК, назначение виновным наказаний повышенной строгости). Понятно, что обе эти ипостаси теснейшим образом взаимосвязаны: первая реализуется во второй вторая является воплощением первой.

Истинная репрессивность, т.е. сверхнеобходимое, излишнее и/или необоснованное использование уголовно правовых запретов, начинается там, где:

- карательные меры, явно или скрыто мотивированные идеей сохранения неизблемости существующего режима, применяются к лицам, совершающим поступки, не противоречащими Конституции РФ;
- уголовное законодательство, содержащее суровые карательные меры, может быть инициировано эгоистическими или даже корыстными интересами отдельных лиц или структур, приближенных к власти;
- карательная насыщенность уголовных наказаний может повышаться до величин, не оправданных в социальном и правовом отношении;
- уголовная ответственность вводится за поступки, которые того не заслуживают;
- жесткие карательные меры подменяют собой решение жизненно важных социальных проблем жизни общества и т.д.

Сущность и содержание репрессивности особенно наглядно проявляются в ее функциях.

Репрессивность, будучи сложной комплексной категорией, в одном из своих проявлений представляет собой применение совокупности карательных мер, имеющих в арсенале уголовной политики. Именно в этом процессе и происходит реализация совокупности разнонаправленных функций репрессивной уголовной политики. Причем, при всей критичной направленности нашего анализа было бы серьезным методологическим упущением не упомянуть о том, что, среди всех иных, определенное место в пространстве репрессивности занимают и некоторые полезные правовые и социальные функции.

Содержание *правовой* ее функции состоит в том, что в соответствии с нею репрессия, как было уже упомянуто, выступает в качестве меры реализации уголовной ответственности лиц, виновных в преступлениях и регулятора поведения людей, нарушающих уголовный закон.

Выполняя свою *социальную* функцию, репрессия, по идее, участвует в восстановлении нарушенного общественного порядка и законности, способствует удовлетворению потребности определенной общества части в жестокое наказание преступников, укреплении их веры в способность правоохранительных органов бороться с криминалом, защищать права и законные интересы граждан, общества и государства. Опасения попасть под карательный «каток» способны оказывать сдерживающее, предупредительное воздействие на некоторую часть граждан, склонных к нарушению закона. Однако следует со всей определенности подчеркнуть, что имманентные пороки репрессивного решения уголовно-правовых проблем в значительной мере нивелируют ожидаемый позитивный эффект от выполнения этих функций и даже зачастую превращают «добрые намерения» в свою противоположность.

Сущность и общая направленность функций, входящих в другую группу, напрямую предопределены негативной природой репрессий и репрессивности и, естественно, воплощают в себе соответствующие их качества. В числе этих функций основными, по нашему представлению, могут быть названы:

- *карательная*: применение чрезмерно суровых наказаний лицам, виновным в преступлениях, заведомо необоснованное привлечение к уголовной ответственности лиц, не нарушивших уголовный закон;

- *демонстрационная (публичная)*: формирование убежденности населения в готовности власти обеспечить самыми суровыми и бескомпромиссными карательными мерами безопасность граждан и общества от преступных посягательств;

- *латентная*: обеспечение силовой поддержки существующего политического режима, эгоистических политическим интересам власти, продиктованных ее инстинктом самосохранения; подавление не только реальных угроз этим интересам, но и тех, которые на самом деле оказываются надуманными, гиперболизированными;

- *пропагандистская*: обеспечение общественной поддержки репрессивной уголовной политики (обращена прежде всего к той части населения, которая убеждена во «всесилии» репрессии);

- *контрольная*: установление контроля над личными и политическими свободами граждан, сдерживание и подавление инакомыслия;

- *устрашения*: создание атмосферы страха, определенного уровня тревожности населения в качестве одного из средств поддержания основ легитимности власти;

- *«противодействия врагам»*: поддержание мифа о необходимости противодействия врагам российской государственности – агентам вражеского окружения внутри нашей страны;

- *деструктивная*: нарушение или разрушение деятельности сложившихся структур, как правило, с целью перераспределения собственности и

денежных потоков в интересах лиц (групп), близких к власти либо с помощью коррупционных механизмов;

- *идеологическая*: компрометация (очернение) или необоснованное уголовное преследование представителей оппозиции, политических противников власти.

Как явствует из содержания названных функций, репрессивность уголовной политики не во всех своих проявлениях напрямую адресована обществу в целом. Но на самом деле это не значит, что граждане, на которых непосредственно не направлено репрессивное острие, и те, кому кажется, что они вообще далеки от уголовной политики, а она от них, находятся в «зоне безопасности» от репрессий. Не будем разворачивать всю цепь аргументов в подтверждение этой, хочется думать, понятной мысли. Достаточно сказать одно: конечно, в любые времена и в любом обществе человек не мог и не может считать себя абсолютно защищенным от посягательств со стороны государства. Но в обществе, в котором уголовная политика репрессивна, а значит, способна быть несправедливой, – такая опасность многократно возрастает. *Sapienti sat* (разумному достаточно)!

Репрессивность и уголовная политика

Понятно, что категория «репрессивность» интересует нас не сама по себе, а лишь в соотношении с характеристикой российской уголовной политики и, соответственно, с вопросом, который достаточно активно обсуждается в процессе известной дискуссии на эту тему: насколько правомерно оценивать ее (уголовную политику) как репрессивную?

Даже отвечая на этот вопрос положительно, нельзя не признавать, что нет и, в принципе, не может быть государственной уголовной политики, которая бы во всех своих проявлениях (направлениях, аспектах) была последовательно и тотально репрессивной (впрочем, как и тотально иной). Уголовная политика в этом исчерпывающем смысле не может и не должна быть ни либеральной, ни анти-либеральной, ни гуманной, ни анти-гуманной. Она должна быть одновременно и той, и другой, и третьей. Потому, что по своей сути она есть не стратегия, а *стратегии*, т.е. совокупность стратегий борьбы с преступностью, отличающихся друг от друга, прежде всего, по своему предназначению, но и в зависимости от особенностей объекта воздействия (вид и степень тяжести преступных деяний, категории преступников, особенности их личности и пр.), а также масштабов тенденций преступности и целого ряда иных факторов. Сказанное в полной мере относится к российской уголовной политике.

Спектр ее репрессивности весьма широк и разнообразен. Но специалисты прекрасно знают: за пределами этого спектра в перечне мер наказания значительную часть составляют те, обозначение которых терминами «репрессия», «кара» вряд ли можно было бы назвать корректным. Безусловно гуманны правила об условном осуждении, условно-досрочном освобождении, назначении наказания при вердикте присяжных заседателей

о снисхождении. В том же ключе надо говорить о профилактической политике. Другими словами, в нашей уголовной политике есть достаточно много умного и полезного, что позволяет ей решать в посильных пределах стоящие перед нею задачи.

Спрашивается: что тогда дает нам основание считать современную уголовную политику репрессивной? Дело в том, что масштабы и динамика репрессивной активности государства, как нам видится, оказались не только чрезмерными, но и достигли цивилизационного предела. Неоправданно жесткие карательные меры стали доминантным средством борьбы с преступностью и теми явлениями, которые власть считает общественно опасными.

Такая ситуация неотвратимо кладет свой отпечаток на уголовную политику в целом, убирая в тень (а в каком-то смысле и перечеркивая) иные ее проявления. Именно в этом следует видеть основания оценивать уголовную российскую уголовную политику как репрессивную.

Репрессивная направленность адекватно отражает свойственные акторам уголовной политики представления о предпочтительных методах борьбы с криминалом и иными девиациями. В этом смысле ее также можно рассматривать как одну из важных сторон сущностной характеристики и самой власти, поскольку репрессивность – это ее выбор.

Восприятие тренда уголовной политики социальными группами общества

С учетом не вызывающего сомнений тезиса о том, что уголовный закон есть социальный конструкт и рукотворный продукт, обнаружить некие объективные, материализованные показатели, свидетельствующие о том, что заложенные в нем нормы суть репрессия или, напротив, гуманизм, крайне сложно (если речь, конечно, не идет, например, об откровенно несправедливых, необоснованных, жестоких, дискриминационных нормах). В силу этого показатели оценки репрессивности/гуманизма существенным образом смещаются в сторону социально-психологических, субъективных оценок закона и практики его применения. Именно социально-психологическая реакция на уголовную политику с ее соотношением репрессивности и гуманизма, демонстрирует, насколько общество приемлет ее тренд, насколько оно способно и готово «мириться» с ней, признавать ее необходимой и в известной степени оправданной.

Впрочем, когда мы говорим «реакция общества», должно быть очевидно, что такая формула во всех отношениях условна. Любая социальная реакция в неоднородном обществе не может быть однородной. И дело не столько в том, что субъективно один и тот же феномен может восприниматься людьми по-разному. Реакция вполне отчетливо распадается на типы, исходя из свойств субъекта реагирования. Причем, наиболее остро специфические проявления уголовной политики воспринимаются, по нашему мнению, представителями отдельных профессиональных групп, которые,

обладая различной политической силой и степенью влияния на общественное мнение, весьма часто демонстрируют открытое недовольство уголовно-политическим курсом.

В связи с этим полагаем целесообразным акцентировать внимание на четырех социальных группах, в различной степени вовлеченных в осуществление уголовной политики, чья реакция отражает разные взгляды и подходы к проблеме ее репрессивности/гуманности. К ним отнесем: сообщества ученых, иные профессиональные сообщества, представителей власти и население.

Научное сообщество. Доктринальная оценка тренда уголовной политики здесь неоднозначна, споры по ее поводу перманентны. Дискуссия на тему: гуманна или репрессивна современная российская уголовная политика, как и она сама, фактически возникла в первые годы XXI-го века и длится до сих пор. Подобно любой «уважающей себя» научной дискуссии, она собрала и продолжает собирать самые различные мнения. Накоплен огромный аналитический материал, увы, неподъемный для анализа в рамках одной работы, имеющей к тому же другие цели. А потому позволим себе опустить детальный обзор научных позиций и обратиться к иной методике сбора данных, отражающих научную оценку реализуемого в стране уголовно-политического курса.

Чтобы получить более объемные представления о разбросе научных оценок обсуждаемой ситуации, мы провели мини-опрос 25 экспертов, известных специалистов в области уголовного права, представляющих ведущие вузы страны различной ведомственной принадлежности, активно публикующихся по самым разным проблемам теории уголовного права и практики правоприменения. Коллегам был задан один вопрос со следующей формулировкой: «Если репрессивность понимать как жесткость уголовной политики, то как бы вы могли оценить этот показатель реализуемого в стране уголовно-политического курса по шкале от 0 до 10, где "0" – нормальный, необходимый уровень жесткости, а "10" – репрессии на уровне тоталитаризма?». Термин «репрессивность» здесь был сознательно использован в эмоционально нейтральном понимании, отражающем вышеотмеченное общее мнение о репрессивности как о наказательном свойстве мер борьбы с преступностью.

Результаты опроса, на наш взгляд, оказались весьма показательны: только один специалист (профессор Складов С.В.) оценил репрессивность политики в «0» баллов; двое поставили оценку в рамках нижней шкалы (профессор Яни П.С. – «4» балла, профессор Ображиев К.В. – «3» балла); еще трое выбрали средний диапазон с тенденцией к повышению (профессора Кленова Т.В., Бавсун М.В. – «5» баллов, профессор Генрих Н.В. – «5-7» баллов, профессор Толкаченко А.А. – «5-6» баллов); остальные 10 человек выбрали показатели из верхней половины шкалы оценок (профессора Милюков С.Ф., Крылова Н.Е., Кибальник А.Г., Иванчин А.В. – «6» баллов,

профессора Агапов П.В., Иногамова-Хегай Л.В. – «6-7» баллов», профессора Коробеев А.И., Кауфман М.А., Вишневецкий К.В., Арямов А.А. – «7» баллов, профессор Рахманова Е.Н. – «7-8» баллов, профессор Гишинский Я.И. – «9» баллов, профессор Лопашенко Н.А. дифференцировала оценку, поставив «6-7» баллов правоприменительному уровню уголовной политики и «9-10» баллов – правотворческому). Заметим, что четыре исследователя (профессора Пикуров Н.И., Овчинский В.С., Лапшин В.Ф. и Букалерева Л.А.) посчитали невозможным дать обобщенную оценку репрессивности уголовной политики в баллах, учитывая ее сложный характер; один респондент (профессор Клепицкий И.А.) указал, что репрессивность политики находится «на уровне анархии с показателем «-9» баллов (профессор Овчинский В.С. охарактеризовал современную уголовную политику как «хаос»). При этом важно подчеркнуть, что многие специалисты (Т.В. Кленова, Н.А. Лопашенко, Н.Е. Крылова, В.Ф. Лапшин, А.В. Иванчин) акцентировали внимание на существенных различиях в уровне репрессивности собственно уголовного закона и практики его применения.

Обобщение данных экспертного опроса, на наш взгляд, убедительно свидетельствует, что при всех сложностях оценки, неоднозначности самого уголовно-политического курса, его валатильности и избирательности, общий настрой специалистов однозначен: большинство оценок находится в пределах верхней шкалы диапазона репрессивности.

Иначе говоря: хотя репрессивность как специфический феномен еще не стала предметом самостоятельного анализа, среди специалистов достаточно явственно распространено убеждение, что реализуемая в стране уголовная политика насыщена репрессивными проявлениями. Наращивание объема уголовно-правовых запретов за счет далеко не всегда обоснованной криминализации, пожалуй, наиболее яркое подтверждение тезиса. В то же время робкие «опыты» декриминализации зачастую оканчиваются явными неудачами (домашнее насилие, конфискация имущества).

Иные профессиональные сообщества. Самый показательный пример здесь – реакция предпринимательского сообщества, благодаря усилиям которого проблема уголовно-правового «давления» на бизнес приобрела характер мегапопулярного тренда¹. Не меньшей значимостью отличается ре-

¹ Ряд значимых научных мероприятий был посвящен этой проблеме («Уголовная политика и бизнес» (Москва, НИУ ВШЭ, 08.12.2011), «Воздействие уголовной политики на ЭКОНОМИКУ» (Москва, НИУ ВШЭ, 04.04.2012). Их итогом и одновременно началом уголовно-политического поворота можно считать Концепцию модернизации уголовного законодательства в экономической сфере (М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010).

акция профессиональных медицинских работников на некоторые предлагаемые уголовно-правовые нововведения¹. Много и убедительно о репрессивности закона и политики говорят представители адвокатского сообщества². Можно, наверное, сказать, что едва ли не каждый профессиональный слой ощущает на себе если не репрессивность уголовной политики напрямую, то высокие риски разработки и последующего применения таких уголовно-правовых норм, которые могут существенным образом ограничить не только свободу, но и элементарные профессионально необходимые действия.

Представители власти. Актеры и авторы уголовной политики, с одной стороны, выступают единым фронтом, предлагая и воплощая в законе свои политические установки относительно его суровости и степени допустимой в обществе свободы. Но и среди них, пусть не последовательно, пусть чаще эмоционально как реакция на президентские послы, лоббистские запросы и некоторые общественные настроения, но порой как и сознательная уголовно-политическая установка, все же звучит порой мысль о необходимости сокращения объема уголовно-правовых запретов и степени их жесткости. При этом транслируется эта мысль представителями едва ли не всех властных структур.

Так, на уровне нормотворчества отдельные декриминализационные законотворческие инициативы (например, проект № 737962-7 о запрете применения по правилам совокупности ст. 210 УК РФ при квалификации экономических преступлений, проект № 95064-7 о декриминализации нарушения законодательства о публичных мероприятиях, № 360083-7 о декриминализации возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства, № 1048192-6 о декриминализации угона транспортного средства), конечно, еще не выражают ни общего мнения депутатского корпуса, ни сложившегося тренда законотворческой деятельности. Однако их вполне можно рассматривать как определенные сигналы того, что в ряде случаев закон содержит в себе избыточную репрессию.

¹ Врачи пришли в ужас от нового Уголовного кодекса. Предложения СКР об изменении ответственности за врачебные ошибки вызвали бурную дискуссию в медицинском сообществе (19.07.2018). Электронный ресурс: <https://www.mk.ru/social/2018/07/19/vrachi-prishli-v-uzhas-ot-novogo-ugolovnogo-kodeksa.html> (дата обращения: 06.07.2019); Козлова Н. Право на ошибку. Следователи и медики высказали свое мнение о предложенных изменениях в Уголовный кодекс для врачей // Российская газета. Федеральный выпуск. № 158 (7621). 22.07.2018.

² Резолюция Федеральной палаты адвокатов «Об отношении к либерализации уголовного наказания в Российской Федерации» от 26 апреля 2011 г. Электронный ресурс: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/resolution-on-the-attitude-to-liberalization-of-criminal-punishment-in-the-russian-federation/> (дата обращения: 06.07.2019); О проблемах правосудия и уголовной юстиции в Российской Федерации в связи с обеспечением прав и свобод граждан Доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. М.: Информ Право, 2011. 64 с.

На уровне судебной практики нельзя не отметить уже ставшие многочисленными решения Конституционного Суда РФ о неконституционности ряда положений уголовного закона или сложившейся практики его толкования и применения. Стоит добавить к этому и статистические данные о работе апелляционных и кассационных инстанций судебной системы, согласно которым в большинстве случаев основания к отмене или изменению состоявшихся судебных решений связаны с завышенной квалификацией и неоправданно суровым наказанием.

Население. Мнение широких слоев населения относительно уровня репрессивности уголовной политики напрямую оценить, конечно, сложно, если не невозможно. Дело в том, что в общественном сознании закон (в том числе уголовный) по большей части не воспринимается как документ с заложенной в нем программой решения того или иного социального вопроса. Закон, как правило, оценивается, исходя из того, как он применяется на практике. Здесь критерий – действия органов правоприменения. В связи с этим полагаем оправданным оценивать отношение граждан к уголовно-политическому курсу по степени доверия и недоверия населения к органам правоприменения.

Воспользуемся для анализа общественного мнения результаты последнего совместного исследования «Левада-центра» и Комитета ООН против пыток, посвященного статусу насилия в российском обществе¹. Приведем краткие общие выводы, из этого исследования:

- Особенность правового сознания россиян и их отношения к судебной системе, к правоохранительным органам, состоит в двойственности массовых установок населения России и крайнем релятивизме правового сознания. Значительная часть людей воспринимает суды и правоохранительные органы как систему, защищающую преимущественно интересы власти или близких ей групп, обладающих значительными ресурсами административного влияния. Но, наряду с отношением к этим институтам как преимущественно репрессивным или обслуживающим бюрократию, сохраняются устойчивые представления о том, что где-то, далеко от повседневной жизни обычных людей, сохраняются «институты справедливости», защиты от произвола. Справедливости и защиты трудно найти в тех структурах, с которыми чаще всего имеет или может иметь дело обычный человек – в полиции, в судах низших инстанциях (мировой, районном, городском и т.п.), у судебных приставов, следователей или низовых прокуроров. К ним сохраняется устойчивое негативное отношение, недоверие и подозрения в пред-

¹ Аналитический отчет по результатам исследования «Пытки в России: распространенность явления и отношение общества к проблеме» (По Заказу Комитета против пыток). Руководитель проекта Н.А. Зорская, исполнители: Л.Д. Гудков, Н.А. Зорска, Е.В. Кочергина. М., 2019. Электронный ресурс: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/06/Analiticheskij-otchet-KPP.pdf> (дата обращения: 06.07.2019).

взятости, формализме, равнодушии и жестокости, аморализме и коррумпированности. Но в отношении высших российских судов или – в еще большей степени – ЕСПЧ, высшего руководства МВД, Генеральной прокуратуры, ФСБ, проявляется иные установки: они идеализируются и наделяются ореолом высшей справедливости, правосудия, честности, неподкупности и т.п. (с. 3–4);

- Отсутствие правовых институциональных гарантий и средств защиты от произвола властей беспокоит 22% населения. Этот показатель в последние годы медленно растет. По нему можно судить о предельных параметрах демократически или либерально настроенных граждан России: нижнюю границу, твердое ядро «либералов» и демократов, составляют всего 6–7% всего от населения страны. Этот тот контингент, что ясно осознает невозможность формирования в нынешней России «правового государства». Это те, кто помнят о временах массового террора и репрессий и сознают угрозу возврата к этим практикам, рецидива тоталитаризма, те, кто постоянно настороже, поскольку постоянно ждет от взаимодействия с администрацией, полицией или другими правоохранительными органами власти «публичных оскорблений и унижений» (с. 8 – 9).

Мы далеки от того, чтобы на основании представленных данных сформулировать четкую оценку уровня восприятия общественным сознанием репрессивности современной уголовной политики. Однако они заставляют крепко задуматься: каждый третий россиянин не доверяет ни одной из правоохранительных структур (причем судам не доверяет уже 40%), около половины населения (46%) не чувствует себя под защитой закона.

Цифры показательны сами по себе. Но важно еще и то, что оборотной стороной этого недоверия выступает не равнодушие к власти и реализуемому ею курсу, а страх перед ними. Страх же как защитная реакция может сподвигнуть к весьма резким действиям. Интересно в этой связи отметить динамику потенциала протестных настроений в стране: если в июне 2014 года лишь 14% граждан считали протесты с политическими требованиями «вполне возможными» и 9% были готовы принять в них участие, то в мае 2019 года эти цифры возросли до 24% и 22% соответственно¹.

Все это есть ни что иное, как показатели если не обобщенной оценки суровости уголовной политики, то признания наличия самой проблемы неоправданного применения силы для решения задач противодействия преступности.

Изложенное выше, по нашему мнению, с достаточной убедительностью свидетельствует о том, что в различных социальных группах российского общества отчетливо или не вполне отчетливо, но все же существует некоторая зона согласия относительно того, что уголовная политика в стране насыщена или перенасыщена репрессивными мерами и конструкци-

¹ Потенциал протеста с политическими требованиями. Электронный ресурс: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 06.07.2019).

ями. Можно вполне ответственно заявлять, что такой вектор мнений различных слоев социума, является вполне объективным показателем возникшей в социуме серьезной озабоченности и тревоги по поводу неоправданного применения карательной силы уголовной политики. Или, как минимум, официального признания наличия самой проблемы.

Почему российскую уголовную политику следует считать репрессивной

Читатель, надо полагать, уже понял, что участвуя в дискурсе о тренде современной уголовной политики, авторы ассоциируют этот тренд с категорией «репрессивность». Дело теперь за обоснованием такой позиции.

Прежде всего обратим внимание на одно весьма важное обстоятельство: едва ли не абсолютное большинство участников дискуссии, о которой идет речь, оценивают направленность уголовной политики, оперируя, главным образом, данными об уровне репрессивности/гуманности законодательства и правоприменения, о справедливости и обоснованности уголовных наказаний, криминализации и декриминализации.

Само по себе обращение к этим материалам не вызывает никаких возражений. Мы также будем обращаться к аргументам из этого ряда. Однако, используя в данном случае известное выражение, можно сказать: в таком подходе есть большая правда, но не вся правда.

Структура объекта нашего исследования далеко не «монохромна». К одной лишь практике формирования и реализации системы уголовных наказаний, какой бы карательной силы они ни были, характеристика репрессивности не сводится. Репрессивность – феномен многоаспектный, многоуровневый, разнонаправленный. Поэтому, решая вопрос о том, присуще ли это качество уголовной политике, надо брать в расчет еще целый ряд уголовно-политических решений и сложившихся практик, конкретных акций и иных проявлений.

И все эти аспекты, по идее, должны быть описаны и проанализированы. У нас же есть возможность лишь обозначить некоторые из них, чтобы дать представление о сложности проблемы оценки уровня репрессивности и с помощью необходимых комментариев аргументировать свою позицию по данному вопросу.

Само собой разумеется, что доминирующая роль в формировании направленности российской уголовной политики принадлежит законодательной власти (оставляем в стороне вопрос о значении политической составляющей в жизни нашего государства). Знакомство же с деятельностью Государственной Думы РФ не оставляет сомнений по поводу ужесточения карательных тенденций в области уголовного правотворчества последних лет.

В этом убеждает даже простой перечень законодательных актов, касающихся корректировки норм Уголовного кодекса РФ. Содержание принимаемых уголовно-политических решений, их общая «тональность» позволяют, на наш взгляд, зафиксировать ряд настораживающих тенденций.

В частности, в Общей части уголовного закона:

- стремительное повышение санкций за неосторожные преступления и отнесение неосторожных деликтов к разряду тяжких преступлений (Закон № 146-ФЗ от 17.06.2019);

- последовательное снижение возраста уголовной ответственности за целый ряд преступных деяний (Законы № 73-ФЗ от 21.04.2004, № 153-ФЗ от 27.07.2006, № 370-ФЗ от 24.11.2014, № 375-ФЗ от 06.07.2016);

- увеличение максимальных сроков и размеров наказаний в виде штрафа (Закон № 134-ФЗ от 28.06.2013), лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (Закон № 215-ФЗ от 27.07.2009), обязательных работ (Закон № 420-ФЗ от 07.12.2011), лишения свободы (Законы № 130-ФЗ от 05.05.2014, № 375-ФЗ от 06.07.2016, № 46-ФЗ от 01.04.2019);

- последовательное расширение возможности применения наказания в виде пожизненного лишения свободы (Законы № 74-ФЗ от 21.07.2004, № 14-ФЗ от 29.02.2012, № 18-ФЗ от 01.03.2012);

- пересмотр в сторону расширения оснований для назначения отбывания части срока наказания в виде лишения свободы в тюрьме (Закон № 569-ФЗ от 27.12.2018);

- ограничение возможности назначения наказания ниже низшего предела, условного осуждения (Законы № 130-ФЗ от 05.05.2014, № 375-ФЗ от 06.07.2016, № 46-ФЗ от 01.04.2019), условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (Законы № 25-ФЗ от 09.03.2001, № 245-ФЗ от 03.11.2009, № 352-ФЗ от 09.12.2010, № 18-ФЗ от 02.11.2013, № 375-ФЗ от 06.07.2016), отсрочки отбывания наказания (Законы № 130-ФЗ от 05.05.2014, № 375-ФЗ от 06.07.2016), освобождения от наказания несовершеннолетних (Закон № 162-ФЗ от 08.12.2003);

- исключение срока давности за ряд преступлений (Законы № 130-ФЗ от 05.05.2014, № 375-ФЗ от 06.07.2016).

В Особенной части уголовного закона:

- самостоятельная криминализация организаторской, подстрекательской и пособнической деятельности на уровне отдельных преступлений;

- самостоятельная криминализация приговорительных действий в качестве отдельного преступления;

- нарастающая криминализация деяний, не обладающих большой общественной опасностью, на основе конструкции административной преюдиции;

- криминализация деяний с неясным, неконкретизированным содержанием (например, ст. 151.2 УК РФ);

- криминализация деяний, опасность которых является весьма сомнительной (например, ст. 230.1 УК РФ, ст. 322.2 УК РФ, ст. 322.3 УК РФ, ст. 330.1 УК РФ, ст. 330.2 УК РФ);

- рост числа криминализированных деяний, имеющих, согласно нормативной конструкции, формальный состав;

- эмоциональная и сиюминутная (торопливая) криминализация, криминализация «на будущее», отражающая не столько реакцию на происходящее, сколько угрожающая наказанием на потенциально возможное (например, ст. 144.1 УК РФ, ст. 148 УК РФ, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

Объективности ради стоит заметить, что указанные точечные карательные акции чаще всего касались наиболее опасных криминальных проявлений (терроризм, экстремизм, деяния, причиняющие вред жизни и здоровью человека). Это обстоятельство создает некий фон, благодаря которому любая из поправок, взятая в отдельности, может (а подчас и должна) восприниматься в обыденном и профессиональном сознании как вполне достойная и оправданная.

Но в обобщенном виде все эти изменения обнаруживают несомненную тенденцию: усиление борьбы с преступлениями мыслится только как усиление репрессивности реализуемого в стране уголовно-политического курса. Не говоря уже о том, что в ряде случаев криминологическое обоснование поправок вызывает серьезные сомнения (например, расширение круга преступлений, за совершение которых уголовная ответственность возникает с 14 лет).

О репрессивности уголовной политики говорит и обобщенная *информация о законопроектной деятельности высшего законодательного органа*.

Из поступивших на обсуждение 140 законопроектов уголовно-правового содержания 88% были посвящены усилению уголовной ответственности и лишь 12% – ее смягчению. Та же тенденция и в деле корректировки административного законодательства: приняты законодательные акты, касающиеся 8-ми направлений административного регулирования, и все они нацелены на усиление ответственности за административные правонарушения. Проявила себя Дума при решении еще одной значимой проблемы нашего правового бытия – избыточного использования меры пресечения в виде помещения под стражу. Необходимым ограничениям в данной сфере и, соответственно, защите прав людей, к которым эта мера применяется, было посвящено 12 законопроектов. Реализован был только один¹.

Понятно, что в силу разных причин далеко не все эти проекты стали законами. Но процентное соотношение разнонаправленных проектов характеризует не только общую тенденцию уголовной политики. За ним явно читаются два очень важных обстоятельства. Во-первых, есть достаточные основания полагать что *приоритетная потребность и, соответственно, властный запрос государства ориентированы действительно на*

¹ Николаев М. Развитие системы уголовного правосудия: векторы, меры реформирования, основные игроки / под ред. О. Шепелевой. М.: Центр стратегических разработок, 2017. С. 17.

репрессивные способы влияния на преступность. Во-вторых, есть возможность судить о том, что можно назвать *субъективной подоплекой законотворческих решений*, о *ментальных и нравственных установках* людей, которым дано высокое право вносить законопроекты в Государственную Думу. Кратко остановимся на этом.

С одной стороны, вряд ли будет ошибкой мысль о том, что процесс строительства чиновной карьеры, как правило, формирует тип мышления по принципу, аналогичному звучавшему в советское время: если партия скажет «надо», комсомол ответит «есть»! Подобная установка, помноженная на неизбывный личный эгоистический интерес, побуждает таких людей не только «быть в тренде», но и с незамедлительной готовностью оказывать активную поддержку «генеральной линии». В нашем случае – укреплению репрессивных устоев уголовной политики.

С другой стороны, репрессивность как тренд, фактически превратившийся в феномен объективной реальности, становится детерминантом формирования свойственного многим чиновникам-карьеристам карательного мышления, ментальной установки на репрессивные методы регулирования конфликтных отношений между государством и обществом. Уже не под давлением чьей-то воли, а по собственному внутреннему убеждению.

Как итог: в результате тесного взаимодействия названных двух начал возникла и существует надежная, основанная на правопреемственности «кадровая база» карательного, запретительного направления российской уголовной политики, которая способна обеспечить ему (направлению) достаточно долгую перспективную поддержку.

Сказанным выше не исчерпывается перечень доказательств репрессивности уголовной политики. Продолжим феноменологию репрессивности и назовем некоторые иные ее уголовно-политические проявления:

- *обвинительный уклон следствия и правосудия* (прочно сложившаяся, почти не имеющая исключений практика, распространенная практически на все категории дел, характерна именно для репрессивной уголовной политики).

- *чрезмерно ограничен круг дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей* (цель до смешного [если бы ни была так серьезна] очевидна: минимизировать до предела возможности появления оправдательных приговоров, каковые противоречат самой сути репрессивной уголовной политики).

- *пыточные условия отбывания лишения свободы* для большинства заключенных (репрессивность, вообще-то, проявляется далеко не только в увеличенных сроках кары, не в самом по себе приговоре: даже умеренное наказание фактически превращается в репрессию, поскольку с лихвой перекрывается жестокостью его исполнения).

- *избирательное уголовное преследование* (широко распространенное грубое и откровенное нарушение фундаментального принципа уголовного

права – равенства всех перед законом, как правило, в сочетании с корыстными, в том числе и коррупционными, а также иными противоправными, недобросовестными, несправедливыми целями, – все это изначально придает такой практике характер репрессивности).

- *политика «умерщвления» демократических законов* (демонстративный отказ государственных органов следовать требованиям действующих так называемых «либеральных» законов, в том числе и положениям Конституции Российской Федерации [воспрепятствование осуществлению избирательных прав, профессиональной журналистской деятельности, проведению митингов, демонстраций и пикетирования], с последующим применением к «виновным» искусственно используемых, заведомо необоснованных мер административного или уголовного наказания).

- *эскалация силового давления на общество*, начиная с использования легальных структур (создание Российской национальной гвардии) и кончая прямыми противоправными и даже преступными методами (подбрасывая гражданам наркотики или оружие с целью незаконного привлечения их к уголовной ответственности).

Обобщая, необходимо особо подчеркнуть, что речь здесь идет не о просто о перечне отдельно взятых карательных проявлений российской уголовной политики. В реальной жизни все они существуют в единстве как органично спаянная совокупность, как специфическая линия правовой практики, направляемой политически осмысленной государственной волей. По нашему мнению, именно это дает убедительные основания считать, что в России реализуется репрессивная уголовная политика.

Руденко Александр Викторович,

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета;

Балугина Татьяна Сергеевна,

доцент,
доцент кафедры криминалистики и правовой информатики
Кубанского государственного университета.

Способ совершения как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота земельных участков

Экономические преобразования, недостаточный уровень правосознания граждан, постоянное повышение стоимости земельных участков, а также ценность земельных участков как объектов гражданского оборота –

являются причинами повышенного внимания преступников к объектам земельных правоотношений.

Наиболее весомое место в структуре преступности занимает мошенничество (ст. 169 Уголовного кодекса Российской Федерации) в сфере незаконного оборота земельных участков.

Расследование данной категории дел является весьма длительным и трудоемким процессом, ввиду отсутствия как правоприменительной, так и судебной практики, а также необходимых методических рекомендаций по расследованию данной категории дел.

Способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота земельных участков достаточно разнообразны, это связано, в первую очередь, с политической, социальной, а также экономической ситуацией, складывающейся в обществе, которые являются также причиной видоизменения мошеннических схем.

Прежде всего, следует сказать, что способом совершения преступления является система действий, операций, а также приемов, объединенных определенным приемом времени, направленных на достижение противозаконных целей¹.

Анализ особенностей обстановки совершения преступления, типичных условий, факторов, детерминирующих выбор способов и условий подготовки, совершения и сокрытия преступления, предмета посягательства, а также типичных следов говорит на о том, что данные элементы криминалистической характеристики характерны по большей степени для всех видов преступлений, тем не менее логичным встает вопрос о достаточности данных элементов в рамках расследования преступлений в сфере земельных правоотношений.

Способ совершения преступлений в сфере незаконного оборота земельных участков состоит из предварительной подготовки действий, объединенных единым умыслом, направленных на совершение, а также сокрытия преступлений.

Анализ эмпирического материала и мнений отдельных ученых, позволил выявить следующие действия лиц, направленные на подготовку к совершению преступления:

- выбор предмета совершения преступления – определенного земельного участка, наиболее подходящего для реализации преступного умысла;
- вывод земельного участка из государственной, муниципальной, либо частной собственности;
- изменение категории земельного участка, совершенные вопреки нормам действующего законодательства, а также сведений информационной системы обеспечения градостроительной деятельности (ИСОГД);
- скупка земельных паев по заниженной цене;

¹ Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 154.

- оформление земельного участка на родственников, знакомых, друзей, а также иных лиц, с целью дальнейшего оформления права собственности на себя;

- завладение либо незаконное изъятие правоудостоверяющих документов на земельные участки;

- предварительный выбор места и времени совершения преступления с земельным участком;

- установление либо укрепление родственных, дружеских связей с должностными лицами, а также иными гражданами, в целях последующей реализации преступного умысла в соучастии;

- подготовка необходимых документов (подчистка, подделка и т.д.) для последующей регистрации права собственности и иных прав на земельные участки;

- предварительный выбор потерпевших, являющихся собственниками предмета дальнейшего преступления на законных основаниях;

- поиск лиц, которым заранее известно о незаконности дальнейшего приобретения прав собственности на земельный участок;

- поиск подставных лиц-участников организованных торгов¹.

Устанавливая доверительные отношения с предполагаемой жертвой преступления, злоумышленники входят в доверие к жертве, демонстрируя добросовестность, а также бескорыстности в своих действиях: предоставляют жертве последующего преступления различные документы, демонстрируя связи с должностными лицами органов государственной власти, а также местного самоуправления.

Данные лица обещают существенную прибыль от предстоящей сделки, документальное сопровождение сделки в соответствии с действующим законодательством, либо обещая огромные перспективы развития планируемого бизнеса на данном земельном участке.

Так, например, гражданин А., реализуя свой преступный умысел, направленный на приобретение путем обмана права на чужое имущество – земельный участок с кадастровым номером «данные изъятые», расположенный по адресу: «данные изъятые», незаконно получил от главы администрации сельского поселения Б., «Об отводе земельного участка гражданину А. для строительства дома и ведения личного подсобного хозяйства».

При том, что главе администрации сельского поселения – гражданину Б., было заведомо известно о «ничтожности данной выписки»².

¹ Данильян Э.С. Способы совершения незаконного оборота земель как ключевой элемент криминалистической характеристики преступления // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4 (22). С. 68-70.

² Постановление № 1-29/2019 от 12 февраля 2019 г. по делу № 1-29/2019 Волжского городского суда (Республика Марий Эл) // Электронный ресурс sudact.ru/regular/doc/vhetI028uqHp/

Особо этим пользуются риелторы, оказывающие услуги по оформлению сделок с недвижимостью. Граждане, обратившиеся за помощью к риелторам, передают им подлинные документы на земельные участки.

Здесь, «черные риелторы», устанавливая доверительные отношения с жертвой, обманывают их относительно своих действительных намерений.

Имея на руках подлинные документы на интересуемый объект, «черные риелторы», войдя в доверие к собственнику земельного участка, имея на руках нотариальную доверенность на право распоряжения имуществом, совершения сделок, а также оформления иных документов, реализуют свой преступный умысел.

Особый интерес представляет процесс изготовления необходимых документов (справок, решений органов государственной власти и (или) местного самоуправления, копий документов, земельно-правовой документации, поддельных решений судов) с использованием помощи соучастников злоумышленника – должностных лиц, кадастровых инженеров, работников БТИ, нотариусов, и иных.

Так, например, Гражданка М., действуя группой лиц по предварительному сговору с гражданкой И., получила поддельное решение городского суда, изготовленное гражданкой В. (впоследствии также осужденной за совершение данного преступления), согласно которому за потерпевшим Н. было признано право собственности на земельный участок, площадью 700 кв.м., расположенного по адресу: «данные изъяты».

Данное решение гражданка М. передала гражданке И., в целях получения последней недостающих документов, необходимых для предоставления в Росреестр для регистрации права собственности на указанный земельный участок за гражданином Н¹.

Среди наиболее распространенных способов совершения преступлений в сфере незаконного оборота земельных участков можно выделить:

- изготовление и последующее предоставление жертвам преступления, а также иным заинтересованным лицам поддельных свидетельств о государственной регистрации права собственности; кадастровых планов на один и тот же земельный участок;
- регистрация «псевдо» договоров, заключенных с нарушением правил гражданско-правового оборота, а также нарушением порядка регистрации сделок с земельными участками;
- изменение категории земельного участка, а также его выделение заинтересованным лицам, в нарушении действующего законодательства;
- проведение «фиктивных» торгов по продаже, аренде, ином предоставлении земельного участка, победителем которых становится заинтересованное лицо;

¹ Приговор № 1-42/2018 1-536/2017 от 2 февраля 2018 г. по делу № 1-42/2018 Геленджикского городского суда.

- обман и (или) злоупотребление доверием собственников земельных участков должностными лицами;
- значительное занижение арендной платы за земельный участок;
- предоставление земельных участков с поддельными сведениями ИС-ОГД;
- предоставление земельных участков с предварительной осведомленностью о нецелом его использовании;
- регистрация права собственности на земельный участок, имеющего обременение;
- занижение рыночной стоимости земельного участка;
- существенное занижение налогооблагаемой базы за владение, пользование и распоряжение земельными участками;
- предоставление земельного участка многодетной семье, не стоящей первой в очереди.

Так, например, гражданин Э., действуя из корыстных побуждений, вступил в сговор с лицами, действия которых были направлены на приобретение незаконным путём прав на земельный участок.

Согласно преступной схеме, на подставное лицо возлагалась обязанность оформления права собственности на земельный участок на основании поддельного акта права собственности, выданного якобы до принятия соответствующего закона, путем подготовки поддельных документов, предоставления их в регистрирующий орган, а также подыскание второго «подставного лица» для организации последующей продажи данного земельного участка¹.

Таким образом, знание способов совершения преступлений в сфере незаконного оборота земельных участков, как основного элемента криминалистической характеристики данного вида преступлений способствует выдвижению обоснованных криминалистических версий на первоначальном этапе расследования преступлений, определению перечня следственных и иных процессуальных действий, что в свою очередь существенно повышает результативность расследования исследуемого вида преступления.

¹ Приговор № 1-284/2015 от 2 сентября 2015 г. по делу № 1-284/2015 Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону (Ростовская область).

Румянцев Николай Викторович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИН России

Некоторые вопросы современного состояния деятельности органов МВД России и уголовно-исполнительной системы по противодействию экстремизму и терроризму

Постоянно эволюционируя, религиозный экстремизм и терроризм в современных условиях используют все новые формы и методы (запугивание, устранение политических оппонентов, давление на органы государственной власти и управления). Экстремистские и террористические организации зачастую срывают усилия властей по реализации жизненно важных проблем и нередко используют насильственные приемы для удовлетворения отдельных социальных, региональных и экономически выгодных для них интересов. Некоторые националистические и религиозные организации радикально экстремистской направленности допускают не только использование насильственных методов при достижении своих противоправных целей, но и зачастую «экспортируют» их в различные страны и в настоящее время имеют высокоорганизованные могучие структуры с соответствующим оснащением и финансово-экономическими возможностями.

Отечественная наука до недавнего времени, к сожалению, таким явлениям как терроризм и экстремизм уделяла недостаточное внимание, в связи с тем, что на исследование данной темы длительное время было наложено «табу».

Экстремизм и терроризм, в настоящее время, создают серьезную угрозу для нашего государства. Внедряясь в различные сферы жизнедеятельности, эти деструктивные действия вносят разрушающие устои в правила и нормы поведения, ослабляют безопасность, нанося колоссальный вред не только государству, но и всему обществу и выражаются, зачастую, в совершении особо тяжких преступлений. (за прошедшие пять лет только на территории России совершено ряд крупных террористических актов и неоднократные вооруженные столкновения с боевиками на Северном Кавказе).

Распространению на территории нашего государства экстремистской и террористической деятельности способствуют: высокоинтенсивный поток эмиграции, позволяющей осуществлять проникновение на территорию государства под видом беженцев и трудовых мигрантов, обученных иностранных боевиков; присутствие этнических организованных преступных

групп, оказывающих содействие преступным элементам; общедоступность средств телекоммуникаций, позволяющих лицам, причастным к экстремистской и террористической деятельности, посредством интернет-серверов осуществлять деятельность по вербовке адептов, а также совершать преступные финансовые операции. Особое внимание следует обратить на преступления экономического характера, совершаемых экстремистами и являющимися одними из главных источников формирования ресурсно-бюджетной базы не только внутригосударственного, но и международного терроризма. Источники финансирования дают возможность осуществлять экстремистским и террористическим формированиям с организованной и развитой инфраструктурой, а также материально-технической оснащенностью, свою противоправную деятельность.

На расширенном заседании коллегии Министерства Внутренних дел Российской Федерации, посвященной итогам оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел за 2018 год и задачам на предстоящий 2019 год, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил сокращение количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (почти на 17%), но не смотря на это преступления такого характера в различных формах продолжают фиксироваться во многих регионах России. Важность концентрации усилий по противодействию преступлениям экстремистской направленности и своевременное выявление его наиболее опасных проявлений особо отмечена Президентом Российской Федерации.

Задачи, обозначенные Главой государства по данному направлению, в настоящее время проработаны и началась их реализация. Так же утвержден Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2019-2023гг., мероприятия которого направлены на реализацию положений Стратегий национальной безопасности, Концепции противодействия терроризму и других нормативно-правовых актов в области обеспечения безопасности личности, граждан и государства. Среди основных задач по реализации комплексного плана обозначены такие, как повышение эффективности профилактической работы с лицами, подтвержденными воздействием идеологии терроризма, а также подпадавшими под ее влияние; реализация мер по формированию у населения Российской Федерации антитеррористического сознания; совершенствование мер информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма; развитие организационных и иных мер, направленных на повышение результативности деятельности субъектов противодействия терроризму¹

¹ Лебедева И.Н. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты // История и социально-образовательная мысль. 2013. №4(20) С.228.

Основные задачи по борьбе с экстремистской и террористической деятельностью на территории Российской Федерации и международного сотрудничества в противодействии им, были детально рассмотрены и обсуждены на научно-практической конференции в марте текущего года в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, организованный совместно МВД и МИД России. В своем выступлении Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев отметил, что в современном мире негативное влияние радикальных идеологий представляет серьезную угрозу безопасному существованию суверенных государств и «в таких условиях не должно быть места геополитическим амбициям и противоречиям. Важно консолидировать усилия мирового сообщества в противодействии этим негативным вызовам»¹.

В мае 2019 года в Новороссийском филиале Краснодарского Университета МВД России проведено совещание с руководителями территориальных подразделений органов внутренних дел подробно обсуждались актуальные проблемы противодействия экстремистской деятельности и терроризму и задачи по их реализации (материалы совещания).

В комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 гг., утвержденном Президентом Российской Федерации, среди государственных и исполнительных органов и общественных организаций, перед которыми поставлены задачи об обеспечении повышения эффективности в предупреждении вовлечения в террористическую деятельность, одним из первых указана Федеральная служба исполнения наказания. Противодействию дестабилизации национальной безопасности особую тревогу вызывает проблема проникновения и распространения в учреждениях уголовно-исполнительной системы идеологии экстремизма и терроризма, поскольку подозреваемые, обвиняемые и осужденные за эти виды деструктивной деятельности, могут продолжать осуществлять противоправную деятельность в местах лишения свободы и получать финансирование извне.

Находясь в местах лишения свободы, лица, осужденные за экстремистскую и террористическую деятельность, нередко продолжают свою противоправную деятельность, втягивая в свои ряды новых adeptов.

Анализ работы территориальных органов ФСИН России по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых членами деструктивных религиозных организаций в местах лишения свободы, показал, что подобная преступная деятельность находит свое отражение в учреждениях УИС. В качестве примера можно указать, отбывавший наказание в исправительно-трудовой колонии за совершение преступлений экстремист-

¹ Газета Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя «Служу Закону» // В таких условиях не должно быть места геополитическим амбициям и противоречиям. 2013. №3(68), март 2019. С.1.

ской направленности и прошедший ранее обучение в учебном центре «ТАБЛИГИ ДЖАМААД»¹ в Республики Индия², инициировал деятельность по созданию международного религиозного объединения «ТАБЛИГИ ДЖАМААД» на территории ИК-4. Преступная деятельность осужденного в ходе проведения оперативных мероприятий была задокументирована и стала основанием привлечения его к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ. Это свидетельствует о положительном факте работы оперативных подразделений УИС и таких фактов немало.³ Аналогичный факт зафиксирован в ИК-5 УФСИН России по Белгородской области с одним из осужденных.

На первоначальном этапе вербовочной деятельности большое влияние имеет находящиеся у членов экстремистских, террористических организаций источники финансирования, дающие возможность проводить им не только идеологическую обработку, но и оказывать финансовую и материальную поддержку потенциальным последователям и их родным и близким.

Особое беспокойство вызывает и распространение высококачественной литературы экстремистского толка, которая безусловно, отражает экономическую стабильность экстремистских и террористических организаций.

Своевременно предупреждая и пресекая противоправную деятельность экстремистского толка и документируя её, тем не менее, оперативно-розыскному противодействию этому явлению препятствует ряд обстоятельств: высокая латентность противоправной деятельности подозреваемых, обвиняемых и осужденных, являющихся носителями религиозной экстремистской идеологии в учреждениях УИС; недостаточные знания сотрудниками оперативных аппаратов и других служб учреждений УИС по разграничению экстремистских идеологий и традиционных религиозных учений; недостаточное информационное взаимодействие оперативных подразделений МВД и УИС; попытки давления на администрацию учреждений УИС со стороны религиозных экстремистов, находящихся в местах принудительного заключения, через манипуляцию правами верующих и др.

В целях преодоления вышеуказанных негативных явлений, а также для наиболее эффективного осуществления профилактики религиозного

¹ Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 07 мая 2009 года.

² Кузнецов А.А. «Исламское государство» в контексте политических изменений на ближнем востоке// Вестник МГИМО Университета. 2015. С. 184.

³ Пертли Л.Ф., Ибрагимов О.А., Горенкова Е.В., Нарусланов Э.Ф. Обзор опыта работы учреждений и органов ФСИН России // Выявление, пресечение и раскрытие преступлений, совершенных членами деструктивных религиозных организаций в местах лишения свободы. М., 2016. С. 18.

экстремизма в учреждениях УИС важно учитывать особенности, как изучаемого преступного явления, так и личности носителей деструктивной идеологии.¹

Следует отметить важность взаимодействия сотрудников оперативных аппаратов не только с сотрудниками психологических, режимных и воспитательных подразделений учреждений УИС, но и с сотрудниками различных служб органов внутренних дел, что безусловно оказывает положительное влияние на профилактическую работу с лицами, склонными к экстремистской и террористической деятельности.

В комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации, утвержденном Главой государства, одним из первых мероприятий отмечены: проведение органами МВД и ФСИН России информационно-пропагандистских мероприятий по разъяснению лицам, отбывающим наказание в УИС, а также членам их семей о преступной сущности и общественной опасности терроризма, привлекая для этого психологов, представителей религиозных и общественных организаций.

Безусловно, эта работа касается и режимной, воспитательной и социальной служб УИС.

Надо ли доказывать, что каждый из вышеуказанных служб предстоит решать свои специфические задачи, связанные с противодействием идеологии экстремизму и терроризму, а также с ресоциализацией лиц ставших на путь деструктивной религиозной деятельности.

Реализуя мероприятия комплексного плана по инициативе Следственного комитета Российской Федерации под эгидой Национального антитеррористического комитета, создана межведомственная рабочая группа, в которую вошли сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, ФСИН России, МВД России и деятельность которой направлена на разработку профилактических мер по предупреждению распространения противоправной деятельности экстремистской направленности и террористического характера.

В дополнение к сказанному необходимо отметить, что работа с членами религиозных экстремистских организаций в учреждениях уголовно-исполнительной системы вызывает у сотрудников учреждений определенные сложности. Согласно проведенным исследованиям важно выделить в качестве сложности следующие факторы:

- закрытость деструктивной религиозной организации
- тщательная проверка членами деструктивных религиозных организаций новых последователей;
- высокие психологические навыки членов религиозной группы;
- отсутствие достаточных знаний у сотрудников о религиозных нормах;

¹ Сулейманов А.Л. Противодействие внешним источникам финансирования экстремизма // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. №5. С.88.

- фанатичность членов деструктивной религиозной организации и, как следствие, отрицание любого инакомыслия;

- высокий уровень недоверия к сотрудникам со стороны членов деструктивных религиозных организаций;

- поддержка членов деструктивных религиозных организаций официальными общественными, правозащитными и религиозными организациями.

Накопленный опыт показывает, что не только в нашей стране, но и за рубежом, кадры, способные эффективно решать поставленные перед пенитенциарной системой органами МВД цели, задачи и направленные на профилактику и противодействие религиозному экстремизму и терроризму, необходимо готовить как из числа сотрудников служб и подразделений так и из религиозных деятелей (священнослужителей), посвятивших себя церковному служению на территории исправительных учреждений.

Указанные лица должны обладать не только соответствующими религиозноведческими и правовыми сведениями, но и психолого-педагогическими навыками и умениями. Отсюда проистекают цель подготовки сотрудников психологических, воспитательных служб, оперативно-розыскных и режимных подразделений учреждений УИС и МВД, а также задачи, которые они должны решать для профилактики и противодействия религиозному экстремизму и терроризму.

В настоящее время учеными научно-исследовательского института ФСИН России совместно с управлением кадров федеральной службы подготовлено Методическое пособие (с рекомендациями) «Научные основы подготовки кадров воспитательных, психологических и социальных служб УИС к профилактике и противодействию религиозному экстремизму».

Учитывая изложенное, в настоящее время перед сотрудниками учреждений УИС стоят сложные, комплексные задачи по осуществлению противодействия противоправной деятельности членов деструктивных религиозных организаций в местах лишения свободы. При этом необходимо отметить, что эффективное осуществление выявления, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых членами изучаемых организаций в учреждениях УИС, невозможно без тщательного их изучения как аномальной формы общественных отношений, а также определения типичных механизмов и основных закономерностей данного явления.

Указанные выше проблемы по противодействию экстремистской и террористической деятельности и задач органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы свидетельствует об их актуальности, что обуславливает необходимость дальнейших научных исследований и поиска путей противодействия данным деструктивным явлениям.

Самойлов Сергей Федорович,
доктор философских наук, профессор,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России

Опровержение идеологии радикальных направлений ислама в деятельности сотрудников полиции по профилактике проявлений экстремизма среди верующих мусульман

В связи с религиозным характером исламизма теологическая составляющая заключается в недопустимости экстремистской интерпретации ислама как несоответствующей духу данной религии. Осуществляя опровержение исламского фундаментализма частности, необходимо разработать основные возражения, направленные против основных положений салафизма, представляющего собой наиболее разработанную в теоретическом отношении доктрину.

Критика салафистского понимания таухида.

Радикальный ислам делает из традиционного для мусульманской религии учения о единобожии (таухида), экстремистские выводы полагая, что правильное поклонение единому Богу служит критерием не только спасения в будущей жизни, но в некоторых случаях и права на существования в жизни настоящей. Согласно крайним направлениям салафизма человек, не разделяющий «правильного» таухида, является неверным, что делает возможным его убийство и присвоение принадлежащего ему имущества. Салафитское учение о единобожии существенным образом отличается от традиционного исламского таухида. **Так, в салафитском таухиде различаются три важнейших составляющих:**

- **Таухид ар-рубубия**—учение об Аллахе как о творце мира;
- **Таухидаль-улюхия** учение о поклонении только Аллаху;
- **Таухид аль-асмава-с-сифат** учение об именах и качествах Аллаха.

Специфика салафитского таухида заключается в разделении учений о единственности Аллаха как творца и Аллаха как предмета поклонения. Такое разделение позволило салафитам утверждать, что признание Бога в качестве творца не исключает признания самостоятельного существования мира, наличие в нем отдельных от Аллаха сил и поклонения им. В итоге возникает возможность признания традиционных мусульман многобожниками (мушриками).

Салафиты утверждают, что подлинным мусульманином может быть только тот, кто не только признаёт Аллаха богом, но и поклоняется только Ему. Сторонники же традиционного ислама, по их мнению, обращаясь в молитвах к Аллаху к посредничеству святых, поддерживая культ Пророка, совершая паломничество к его могиле Пророка и т. п. впадают в язычество.

Поэтому салафиты настаивают на том, что сущность ислама заключается не столько в таухид ар-рубубия, сколько в таухид аль-улюхия, т.е. не столько в признании единственности Аллаха и сотворённости мира, сколько в правильном поклонении Ему. Отсутствие же правильного поклонения и есть многобожие ширк. Отсюда, по мнению салафитов следует, что современная эпоха характеризуется господством язычеством также, как и эпоха Пророка, а традиционные мусульмане упорствуют в ширке не меньше, чем мекканские язычники.

Однако отождествление традиционных мусульман с мекканскими язычниками, осуществляемое салафитами, следует признать не правомерным. Так, как арабы в доисламскую эпоху наряду с единым верховным богом признавали существование большого числа низших богов, тогда как для любого мусульманина наряду с Аллахом никакого божества не существует. Далее, языческие божества всегда являются производными от единого божественного начала, тогда как в традиционном исламе признается принципиальное различие между Богом и миром. Помимо этого, каждый подлинный мусульманин, признавая единую природу Аллаха и Его творческую силу не может поклоняться никому, кроме Него. Знание Творца не отделимо от поклонения Ему. Поэтому разделение таухида на таухид ар-рубубия и таухид аль-улюхия следует признать неправомерным. И самое главное, такое разделение отсутствует как в Коране, так и в Сунне. Ни Пророк, ни его сподвижники (сахабы), не знали такого разделения, которое следует признать позднейшим нововведением.¹

Ещё одним важным заблуждением салафитов является смешение признания божественности объекта поклонения с его почитанием или обращением к нему с просьбами. Салафиты полагают, что если имеет место почитание или прошение, то это автоматически означает признание божественного статуса объектов данных актов. Однако это далеко не так, например, в Коране указывается, что Иблис был отвергнут Аллахом, за отказ преклониться перед человеком как лучшим из творений. Это означает, что поклонение само по себе не делает объект поклонения божественным. Мусульмане, обращаясь к Пророку и святым как к посредникам, не рассматривают их ни как равных Аллаху, ни как наделённых хотя бы частью божественной природы.

Таким образом, салафитский таухид:

- Неправомерно разделяется на учение о Боге и учение о поклонении;
- Безосновательно приписывает приоритет практического единобожия перед теоретическим единобожием;
- Бездоказательно обвиняет большинство мусульман в язычестве;

¹ Макаров Д. Радикальный исламизм в российских регионах // Материалы Всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве». Казань: 2009. С.49.

- Не соответствует Корану и Сунне.

Поэтому главным результатом салафитского разделения таухида на учения о предмете поклонения и процессе поклонения служит внесение распрей в мусульманское сообщество, что является большим грехом.

Критика салафитского понимания имён и атрибутов Аллаха (сифат).

Одной из специфических черт салафитского вероучения является его склонность к антропоморфному (человекоподобному) пониманию Бога, вытекающего из особой методологии понимания Корана, которая в свою очередь лежит в основании третьей части салафитского таухида таухид аль-асмава-с-сифат. Содержание данного раздела составляет учение о единой и совершенной природе Бога, которая раскрывается посредством различных качеств и имён. Связь между методологией понимания Корана и учением об атрибутах (качествах) Аллаха следует признать закономерной: достоверные сведения о Боге можно обнаружить только при условии Его самораскрытия или Откровения, последнее зафиксировано в Коране, тогда от способа интерпретации коранических мест, посвященных природе Аллаха, зависит её целостный образ.

Вообще в исламе можно выделить два крайних способа понимания коранического текста аллегорический и буквалистский. В отличие от традиционного ислама, салафиты опираясь на учение ибн Теймийи, отрицают возможность какой-либо рационализации Корана, отстаивают его буквальное понимание и потому тяготеют к антропоморфизму в понимании атрибутов Аллаха. В частности, они отказываются от признания иносказаниями свидетельства Корана о наличии у Аллаха рук, лица и полагают, что Он реально говорит, гневается, возносится на трон и т.д. Тем не менее, салафиты не являются чистыми антропоморфистами, поскольку они полагают, что атрибуты присущие Аллаху не тождественны схожим свойствам человека.

Данный вывод противоречит применяемому салафитами буквальному пониманию всех без исключения аятов Корана. Если же следовать их методу, то невозможно не признать, что в некоторых местах Корана действительно присутствуют иносказания. Например, в аяте 48:10 *«Поистине те, кто присягают тебе, присягают Аллаху. Рука Аллаха над их руками...»* слово «рука» применительно к Аллаху явно означает не часть тела, а всемогущество. Свой метод толкования салафиты считают единственно верным и соответствующим исламской традиции, поэтому они называют его «методом праведных предков». Однако его следует признать неспособным убедительно преодолеть антропоморфное понимание Бога. В свою очередь, антропоморфизм превращает Бога в существо рядоположное с вещами и явлениями реального мира.

Таким образом, ставя перед собой своей задачей защиту строго монотеизма, салафизм делает Аллаха не отличимым по своим характеристикам от языческих богов. Естественным, что столь примитивные представления о Боге, соединённые с религиозным фанатизмом, делают их не приемлемыми

как для традиционного ислама, так и для современного общества. При опровержении антропоморфного понимания Бога необходимо подчеркнуть, что оно ставит под сомнение Его совершенство и всемогущество, поскольку делает Его ограниченным в пространстве существом.

Критика салафистского понимания нововведений (бида).

Важнейшим аргументом салафитов, направленным против традиционного ислама служит их утверждение о том, что после «трех праведных» поколений мусульман в религиозное наследие Пророка было введено большое количество нововведений (бида), т.е. ересей, искаживших первоначальный ислам. При этом они ссылаются на большое число цитат из Корана и Сунны, в которых однозначно говорится о недопустимости внесения изменений в религиозные установления Посланника Аллаха. В частности на следующий достоверный хадис *«Всякое новшество – нововведение, всякое бид'а – заблуждение, и всякое заблуждение – в Огонь»* Муслим, (Джума, 43); Абу Давуд, (Сунна, 5), Ибн Маджа (Мукаддима, 7).

Однако вопрос о нововведениях не так прост, как его представляют салафиты. Если следовать логике салафитов то, следовало бы отвергнуть всё возникшее в исламе после смерти Пророка. Однако тогда пришлось бы отказаться от письменного закрепления Корана, богословских книг, медресе, минаретов и многих других полезных нововведений. Поэтому Сунна указывает, что под запретом находится только то, что не соответствует духу ислама. Так, в самом известном сборнике хадисов, собранных аль-Бухари, сказано: *«Кто бы не внес нововведение в это наше дело (Ислам), которое – не часть его, это будет отвергнуто»*. (Бухари, 2550). Это означает, что возникновение нового в исламе возможно, если его зачатки присутствовали в эпоху Пророка.

Признание салафитами любого нововведения в исламе, возникшего после «трех поколений праведных предков» ересью следует признать абсурдным, поскольку тогда стала бы невозможно использование Сунны, поскольку система отбора и фиксации хадисов сложилась значительно позже эпохи «праведных предков». Таким образом, сама аргументация салафитов, поскольку одним из их источников является Сунна, существует только благодаря наличию «нововведений».

Одним из наиболее критикуемых «нововведений» является тавассуль обращение мусульманина к тому или иному виду посредничества в процессе приближения к Аллаху. При этом в качестве посредников могут выступать самые различные предметы и субъекты, такие как Прекрасные имена Аллаха, духовный наставник, заступничество святых и пророков имена Всевышнего Аллаха, Священный Коран, вера, благие деяния человека, молитва праведника и т. д. Критикуя принцип таввасуль салафиты ссылаются на следующие аяты: *«Не взывайте же ни к кому наряду с Аллахом»* (Сура «Джинны», аят 18); *«Те, к кому вы взываете наряду с Аллахом, являются рабами, подобными вам самим»* (Сура «Преграды», аят 194) На

основании данных цитат салафиты делают вывод о том, что Коран и Сунна однозначно запрещают таввасуль¹.

Один из авторитетов в области исследований тавассуля среди традиционных богословов Мухаммад аль-Кахиби приводит в подтверждение допустимости и необходимости таввасуля следующий хадис, взятый им из сборника хадисов Джамиат-Тирмизи: *«Слепой человек пришёл к Пророку (мир ему и благословение) и попросил: «Обратись к Аллаху, чтобы Он исцелил меня». Пророк ответил: «Если ты желаешь, я совершу мольбу за тебя, а если пожелаешь проявить терпение то это лучше для тебя». Слепой сказал: «Соверши мольбу».* Из данного достоверного хадиса следует, что для слепого было бы лучше претерпеть страдания для получения большей награды, однако и обращение к помощи молитвенного заступничества Пророка признаётся допустимым.

Вообще, в исламе признается особое положение Пророка, в частности особая действенность его молитв и просьб, обращённых к Аллаху. Подтверждением этому может служить следующий аят: *«Если бы они, поступив несправедливо по отношению к себе, пришли к тебе и попросили прощения у Аллаха, если бы Посланник попросил прощения за них, то они нашли бы Аллаха Принимающим покаяния и Милосердным».* (Сура «Женщины», аят 64). Из приведённого аята ясно следует богоугодность обращения к Аллаху через посредничество Пророка.²

Итак, обвинения традиционного ислама со стороны салафитов в допущении нововведений неправомерны в силу следующих обстоятельств:

Во-первых, нововведение и беда не тождественны, существуют полезные и вредные нововведения;

Во-вторых, примеры благих нововведений можно обнаружить в Коране и Сунне;

В-третьих, подлинно мусульманские нововведения не противоречат принципу единобожия, так как всегда ориентированы на приближение к Аллаху;

В-четвёртых, истоки всех мусульманских обычаев, признаваемых в салафизмом «нововведением», ересью можно обнаружить в Коране и Сунне.

Критика салафистского отрицания следования (таклида) религиозно-правовым школам (мазхабам).

Одной из особенностей салафизма, отличающей его от традиционного ислама служит отрицание таклида необходимости коллективного следования какой-либо религиозно-правовой школе (мазхабу). С точки зрения салафизма отрицание таклида представляет собой логическое продолжение таухидааль-улюхия, нацеленного на соблюдение принципа единобожия в

¹ Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Вост. лит., 2004. С. 228.

² Хрестоматия по исламу. Пер. с арабского, введ. и примеч. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 2014. С. 106.

поклонении. Согласно салафизму таклид есть форма ширка, поскольку между верующим и Аллахом устанавливается посредник знаток мусульманского права в рамках определённой школы муджтахид. Доверяясь ему в решении правовых культовых вопросах, верующий рассматривает его как духовный авторитет и тем самым ставит его рядом с Аллахом. Тем самым верующий совершает выход из ислама (куфр).

Опровергая салафитское отрицание таклида представители традиционного ислама соглашались с тем, что следование какому-либо иному авторитету кроме Корана и Сунны, приводит к выходу из ислама, но одновременно они подчеркивают наличие большого числа аятов и хадисов, понять которые вне сопоставления с другими аятами и хадисами, а также контекстуального анализа и интерпретации понять невозможно. Понимание неоднозначных аятов и хадисов требует:

- **Во-первых**, определённых правил интерпретации,
- **Во-вторых**, специально подготовленных ученых в совершенстве знающих арабский язык, свободно ориентирующихся в Коране и Сунне, а также знакомых с теорией и практикой мусульманского права.

Необходимость следования определённому мазхабу подтверждается и тем, что салафиты несмотря на своё отрицание таклида не могут обойтись без определённой богословско-правовой системы. В силу данного обстоятельства они вынуждены обращаться к собственным духовным авторитетам, которые разрешают богословские, правовые, социальные, бытовые и иные вопросы с помощью фетв (судебных постановлений) и теологических тактатов. При этом духовный авторитет салафитских богословов и правоведов оказывается не меньше духовного авторитета основателей и последователей мазхабов, что не мешает им избегать обвинений в ширке. Невозможность обходиться без духовных авторитетов, в сочетании с критикой муджтахидов-мутлак приводит салафитов к противоречию. Требуя следовать путём «праведных предков», они одновременно отказываются следовать мазхабам, тогда как основоположники религиозно-правовых школ принадлежат к последнему праведному поколению мусульман. Таким образом, отрицая таклид салафиты противоречат сами себе.

Критикуя следование таклиду салафиты:

- **Во-первых**, вступают в явное противоречие с Кораном и Сунной, в которых указывается на необходимость обращения неосведомлённых в религиозных вопросах людей к знающим богословские, культовые и правовые проблемы людям;
- **Во-вторых**, предлагают упразднить систему согласования и толкования аятов и хадисов, что наносит несомненный вред нормальному существованию уммы;
- **В-третьих**, отрицая мазхабы как еретическое нововведение, по сути, создают собственный мазхаб;

• **В-четвертых**, призыв к отказу от таклиду на самом деле продиктован стремлением салафитской секты заменить традиционные духовные авторитеты мусульманского мира, собственными авторитетами;

Критика салафитского отрицания светского государства.

Утверждение салафитов о возможности следования исламу только в мусульманском государстве не соответствует Корану и Сунне в которых нет прямых указаний на по данному вопросу. Салафиты настаивая на необходимости построения шариатского государства, указывают на то обстоятельство, что мусульманин может выполнять все требования религиозного закона только в условиях соблюдения действия шариата обществом, в котором он живёт. При этом они ссылаются на следующий аят: *«Разве вы станете веровать в одну часть писания и не будете веровать в другую? Нет воздаяния тому из вас, кто делает это, кроме позора в жизни ближайшей, а в день воскресения они будут преданы самому жестокому наказанию!»*¹ Однако существует и другой аят, указывающий на то, что выполнение религиозного закона связано с условиями в которых находится верующий: *«Аллах спрашивает с каждого только в меру его возможностей»* (Священный Коран, 2:286).

Один из исследователей рассматриваемого вопроса известный немецкий исламовед Ротраут В. обобщая социально-политический опыт мусульманской уммы отмечает: «По мнению части авторитетных мусульманских правоведов прошлого, ничто в принципе не препятствует приспособлению мусульман к условиям жизни в государстве, не имеющем специфически исламского устройства. Кроме того, в исторической реальности мусульманских стран никогда не складывалось такого положения, при котором политические структуры и действующее право во всех деталях определялись бы исключительно нормами Ислама. Отчасти под эгидой Ислама продолжали существовать различные по своему происхождению доисламские модели государственного устройства. Достаточно напомнить о восприятии мусульманами в ранний период развития Халифата существовавших до Ислама форм провинциального управления или о сохранении различных видов местного обычного права. Точность, с которой в мусульманской правовой традиции конкретизировались функции и сфера компетенции государственной власти по отношению к подданным, также позволяет выделить в них религиозные и светские элементы». Из сказанного следует, что светское государство для исламской цивилизации не есть нечто чужеродное, хотя оно и возникло в ней сравнительно недавно, но само его появление следует признать закономерным и не противоречащим Корану и Сунне.

Таким образом, борьба салафитов против светского государства не посягающего на свободу совести мусульман является избыточным требованием и свидетельствует о неподчинении воле Аллаха. В настоящее время,

¹ Коран / пер. с арабского И.Ю. Крачковского. М., 1990. Сура «Корова» 2: 79.

идея построения теократического государства как неотъемлемого элемента мусульманского образа жизни вызывает сомнения даже в среде салафитских богословов. Так, один из самых популярных салафитских богословов Раби ибн хади аль-Матхали утверждает, что мусульманин должен подчиняться любой, даже деспотической власти.

Критика нетерпимого отношения к инакомыслию (такфиризма).

Нетерпимое отношение салафизма к любого рода иномыслию является одной из его характерных черт и получило наименование такфиризма. Данный термин происходит от арабского слова «такфир» – обвинение в неверии. Нетерпимое отношение салафитов к инакомыслящим и прежде всего к не мусульманам опровергается следующими свидетельства Корана.

- **Во-первых**, если бы Аллах захотел то, Он сделал бы всех людей мусульманами, поэтому сохранение различных мировоззрений входит в Божественный замысел и потому настоящий мусульманин должен смириться с этим. Не изменяя своим религиозным убеждениям, мусульманин должен терпимо относиться к убеждениям других людей. По этой причине в суре аль-Мумтахине говорится: *«Аллах не запрещает вам благодетельствовать и поддерживать связи с теми неверующими, которые не сражались с вами и не изгоняли вас из родных жилищ. Поистине, Аллах любит благодетелей и тех, кто поддерживает взаимную связь»* (смысловой перевод 8 аята суры аль-Мумтахин).

- **Во-вторых**, только Аллах имеет право судить людей, только Он в силу своего всеведения знает кого и за что следует карать, а кого миловать. *«Это народ, который уже прошел; ему то, что он приобрел, и вам то, что вы приобрели, и вас не спросят о том, что делали они».*¹

- **В-третьих**, мусульманин должен быть милосердным, ненавидя грех он не должен ненавидеть людей, иначе он станет одержим гордыней и злобой, что неминуемо приведёт к помрачению его разума и невозможности следовать путём Аллаха. Поэтому в Сунне подчёркивается: *«Раб Божий не уверует до тех пор, пока не пожелает для своего соседа или брата того же, чего он желает для самого себя»*.²

- **В-четвертых**, мусульманину следует помнить, что гордыня, служащая основанием религиозного фанатизма, является причиной грехопадения Иблиса и потому, представляет собой одну из важнейших духовных угроз.

- **В-пятых**, ненависть не допустима не только по отношению к иноверам, но и к мусульманам. *«Оскорбление мусульманина является беспутством, а сражение с ним является неверием».*³

¹ Коран – Сура «Корова» 2: 128.

² Ибн Хаджар Аль-Аскалани. Булуг аль-Марам мин Адиллат аль-Ахкам / Пер. с араб. Э.Р. Кулиева [Электронный ресурс]. Хадис № 1458

³ Ибн Хаджар Аль-Аскалани. Булуг аль-Марам мин Адиллат аль-Ахкам / Пер. с араб. Э.Р. Кулиева [Электронный ресурс]. Хадис № 1258

• **Наконец, в шестых,** ненависть лежит в основании кровопролития. Тогда как кровопролитие является одним из страшнейших грехов, который нельзя будет оправдать благовидными предложениями, например участием в «джихаде»: *«Первым, о чем люди будут спрошены в день воскресения, будет пролитая кровь»*¹.

Таким образом, религиозный фанатизм не может являться составляющей духовной жизни мусульманина и его наличие наносит вред моральному и социальному престижу мусульманской общины уммы.

Критика салафистской интерпретации джихада.

Опровержение одной из важнейших черт идеологии радикального ислама джихадизма следует начать, что воинственный характер многих аятов Корана связан не с желанием Аллаха посредством мусульман покарать всех неверных, но Его стремлением поддержать Своего Посланника и его сподвижников в борьбе с агрессивным невежеством язычников. Таким образом, джихад изначально имел вынужденный характер.

Подтверждением данной точки зрения служит один из достоверных хадисов, в котором Пророк говорит своим сподвижникам, что, вернувшись из похода они вернулись с малого джихада на большой джихад. Под большим джихадом, Пророк недвусмысленно понимает духовную борьбу человека со своими грехами и недостатками. Обобщая понимание джихада в традиционном исламе историк и исламовед А.А. Остахов подчёркивает: «Главным является большой джихад духовная борьба, при которой мусульманин борется со злом и дьявольщиной в самом себе с помощью самодисциплины и преодоления своих пороков (гнева, жадности, ненависти, зависти, гордости, злости), что позволит ему следовать прямой воле Аллаха и стать истинным правоверным. При этом, большой джихад включает в себя несколько видов джихада:

- «джихад сердца» индивидуальная борьба со своими собственными недостатками и пороками, т.е. нравственное самоочищение личности;
- «джихад языка» поощрение праведных благородных дел и запрещение порочных действий;
- «джихад руки» наказание злодеев и правонарушителей.

На втором месте находится малый джихад («джихад меча» или «газават») вооруженная борьба, направленная на защиту мусульман от напавшего неприятеля».

В своём оправдании войны салафиты часто ссылаются на место в Коране в котором, указывается на то, что первые мусульмане не хотели воевать, но Аллах предписал им это. *«Почему же вы не сражаетесь за прямой путь Аллаха, хотя слабые из мужчин, женщин и детей призывают вас на помощь и взывают к Аллаху, говоря: "Господи наш! Выведи нас из этого*

¹ Ибн Хаджар Аль-Аскалани. Булуг аль-Марам мин Адиллат аль-Ахкам / Пер. с араб. Э.Р. Кулиева [Электронный ресурс]. Хадис № 1158

города (Мекки), где жители творят беззаконие, и помоги нам Своим могуществом и милостью быть под защитой уверовавших в Тебя людей, и пошли нам от Себя защитника и помощника"». (Смысловой перевод 75 аята суры ан-Ниса).

Данное место следует понимать не как оправдание войны, а как необходимость преодоления человеческой слабости ради исполнения религиозного долга. Главным здесь является не то, что сахабы должны вести войну, а то, что им на пути служения Аллаху предстоит преодолеть собственный страх, стремление к комфорту и безопасности. Таким образом, и в этом случае война рассматривается не как нечто самоценное, но как возможность проявить духовный подвиг. Отсюда следует, что главным в джихаде является его духовная, а не военная составляющая.

Но если главным в служении Богу является умение отказываться от своеволия и подчиняться предписанному Им закону, то война сама по себе не есть служение Аллаху. Поэтому рассмотрение джихада его милитаристской интерпретации, в качестве важнейшего принципа ислама не соответствует мирному и духовному характеру этой религии. Кроме того, при опровержении милитаристского понимания джихада, необходимо подчеркнуть, что далеко не все салафитские богословы признают допустимость экстремистской деятельности для победы своего течения. Но это связано не с признанием духовного характера джихада, а с неэффективностью методов экстремистской деятельности. Вместо этого, данные идеологи салафизма предлагают расширять духовную экспансию своей доктрины, т.е. завоёвывать как можно большее число сторонников, для того, чтобы создать прочную социальную базу своему движению. Такую тактику следует рассматривать не как отказ от идеи экстремистского извращения джихада, а как отсрочивание её воплощения. В связи с этим возникает потребность в последовательном отстаивании духовного понимания джихада.

Завершая краткий обзор, теологической составляющей идеологического противодействия экстремизму необходимо, подчеркнуть, что она далеко не всегда играет определяющее значение. Конечно, субъективно приверженец радикального ислама может полагать, что им движет чисто религиозное чувство, тогда как на самом деле его может направлять неприятие всего инородного или желание к улучшению своего социального положения. По этой причине теологическая составляющая противодействия радикальному исламу должна быть дополнена морально-психологической и социальной составляющей.

Третьяков Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ,
начальник Волгоградской академии МВД России

Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности

Организованная преступность, терроризм и коррупция по своим масштабам и социальным последствиям справедливо оцениваются в качестве наиболее значимых угроз национальной безопасности страны. В 90-е годы XX века организованная преступность в России стала активно развиваться, появились специализация преступной деятельности, преступная иерархия, собственные правила поведения. Были предприняты соответствующие меры для борьбы с организованной преступностью. Но, несмотря на это, общественная опасность организованной преступности на современном этапе существенно повысилась в силу способности к развитию и адаптивности, которая выражается в первую очередь в умении оказать сопротивление мерам, предпринимаемым государством. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности (п. 22 Стратегии)¹. Понимая всю многоплановость и многосторонность предупредительного воздействия на истоки и проявления организованной преступности, важно, с учетом объективной ресурсной ограниченности системы профилактики, определить некоторые приоритетные направления предупредительного воздействия, от реализации которых можно ожидать наибольшего позитивного эффекта.

Организованная преступность представляет собой сложное многоаспектное явление, неразрывно связанное с криминальным лидерством. Не вдаваясь в научную дискуссию о содержании понятия «организованная преступность», остановимся (в связи с недавними новеллами уголовного законодательства) на определении понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Данное понятие было введено в российское уголовное законодательство Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ (ч. 4 ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)).

В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683).

(ней)» отсутствуют точные разъяснения по содержанию признаков специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ. В п. 24 постановления в качестве критериев отнесения к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, названы авторитет и лидерство в преступном сообществе (преступной организации), а также наличие связей с экстремистскими либо террористическими организациями, или наличие коррупционных связей¹. Однако под данные критерии подпадает практически любой субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, регламентирующей ответственность за создание либо руководство преступным сообществом (преступной организацией), либо за координацию действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами. Практически невозможно совершить перечисленные действия при отсутствии авторитета, лидерства в преступном сообществе. Да и наличие коррупционных связей свойственно практически всем лицам, возглавляющим преступное сообщество (преступную организацию).

Согласно статистическим данным, за все время существования ч. 4 ст. 210 УК РФ (с 2009 года) зафиксирован лишь один факт применения указанной нормы. Так, в соответствии с приговором Алтайского краевого суда №2-1/2017 от 26 апреля 2017 года, М.А. Чкадуа признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ. Являясь так называемым «вором в законе» и занимая высшее положение в преступной иерархии, указанное лицо, используя своё высшее положение в преступной иерархии, придал Ш.К. Хатамову статус так называемого «положенца» в Алтайском крае (официальный и единственный «представитель» в крае «вора в законе» М.А. Чкадуа). Все лица уголовно-криминальной направленности в Алтайском крае, в том числе и не входившие в состав созданного преступного сообщества, обязаны были воспринимать все решения Ш.К. Хатамова для их исполнения. М.А. Чкадуа поддерживал с ним связь по телефону, обсуждал различные вопросы, в частности, о назначении «смотрящих» в различных городах края и другие, касающиеся неформальной среды обстоятельства².

Несмотря на практически не работающую норму, предусмотренную ч. 4 ст. 210 УК РФ, 1 апреля 2019 года в УК РФ введена статья 210.1, регламентирующая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Алтайского краевого суда №2-1/2017 от 26 апреля 2017 года.

Как отмечается в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности», наиболее опасные и тяжкие преступления совершаются организованными преступными сообществами. Лидеры преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность. Однако благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности. Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» впервые введено понятие и установлена уголовная ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, но только в случае если указанное лицо совершает общественно опасное деяние, предусмотренное ч.1 ст. 210 УК РФ. При этом уголовная ответственность за сам факт лидерства такого лица в преступной иерархии не предусмотрена¹.

Действительно, анализ 200 судебных решений по преступлениям, совершенным организованными формированиями, позволяет сделать вывод, что в 54% случаев лица, осуществляющие функции по созданию и руководству такими группами, в ходе предварительного расследования не установлены и не привлечены к ответственности. Однако принятая новелла порождает целый ряд новых проблем.

В отличие от нормы, предусмотренной ч. 4 ст. 210 УК РФ, ст. 210.1 УК РФ регламентирует ответственность за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии безотносительно к тому, связано ли это с совершением конкретных преступлений или нет. В ходе рассмотрения проекта к Федеральному закону № 46-ФЗ в первом чтении полномочный представитель Президента РФ в Государственной Думе Г.В. Минх указанную новеллу в уголовном законодательстве объяснил тем, что зафиксировать и доказать связь лидера с преступным сообществом (преступной организацией) и его роль в процессе подготовки конкретных преступлений достаточно сложно. В тоже время четкого ответа на вопросы о содержании термина «преступная иерархия» в ходе обсуждения проекта не поступило.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности): Проект № 645492-7 Федерального закона [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы.

Сразу после принятия рассматриваемой новеллы она стала предметом критики со стороны представителей как доктрины уголовного права, так и правоприменительной практики¹. И с данными критическими замечаниями можно согласиться, поскольку, в соответствии с основополагающими положениями доктрины уголовного права, состав преступления образует совокупность предусмотренных уголовным законодательством объективных и субъективных признаков, необходимых и достаточных для признания конкретное общественно опасное деяние преступлением. К таким признакам относятся объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Объективная сторона состава преступления заключается во внешнем выражении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, причиняющего или создающего условия причинения вреда и наличием причинной связи между общественно опасным деянием и общественно опасным последствиями². Соответственно, возникает вопрос, в каких конкретных действиях или бездействиях выражается объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ? Таким образом, рассматриваемое нововведение противоречит теории уголовного права.

Важнейшими требованиями, соблюдение которых способно обеспечить успешную борьбу с организованной преступностью, являются: единство, взаимосвязь и сбалансированность всех видов профилактики преступности; изменение их приоритетности в зависимости от изменений, происходящих в криминологической модели организованной преступности, разработанной ведущими специалистами; постановка реальных (по времени, ресурсам, силам и средствам) задач и выбор наиболее оптимальных путей их решения. Вряд ли можно признать удачными методами дополнение уголовного законодательства нормами, не в полной мере соответствующими институтам уголовного права.

¹ Кармановский М.С. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ / М.С. Кармановский, Е.В. Косьяненко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 147-152; Топильская Е.В. Новеллы уголовного законодательства о противодействии организованной преступности // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 6–7 июня 2019 года / под ред. Л.В. Готчиной, А.Г. Хлебушкина; Электрон. дан. (2,26 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 200-206.

² Российское уголовное право: Общая часть. Курс лекций: В 2-х томах. Т. 1 / А.В. Наумов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 2004. С. 171.

Шевелева Светлана Викторовна,
доктор юридических наук, доцент,
декан юридического факультета
Юго-Западного государственного университета, г. Курск;
Цуканов Алексей Николаевич,
прокурор Курской области

О новеллах уголовного законодательства в 2019 году

Казалось бы о бесконечности изменений, вносимых в уголовный закон, приводящих его в «лоскутное одеяло», говорили многие ученые. В то же время, допускаем, что в отдельных случаях изменения необходимы, когда они приводят к устранению неточностей и технико-юридических погрешностей.

В рамках настоящего исследования не представляется возможным дать развернутый анализ всех изменений уголовного закона, произошедших в 2019 г. Остановимся на наиболее существенных, на наш взгляд, документах.

1. 02.08.2019 г. в ст. 138.1 УК РФ внесены примечания, определяющие, что следует понимать под специальными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации. Следует отметить, что само установление уголовной ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ) в 2016 году вызвало сильнейший резонанс не только в научной среде, но и среди населения. Повышенный интерес вызвало несколько обстоятельств. Во-первых, ч.3 ст. 138 УК РФ до с 2008¹ до 2011 года предусматривала аналогичную норму, однако федеральным законом № 420-ФЗ от 07.12.2011 была декриминализована. Во-вторых, уголовному преследованию подвергались лица, например, заказавшие себе видео-, или фотокамеры, закамуфлированные под бытовые приборы, через AliExpress ради развлечения, что вряд ли объясняло общественную опасность. В правоприменительной практике довольно много случаев, когда виновные лица устанавливали скрытые технические средства для обеспечения безопасности имущества, например, для наблюдения за работниками склада, магазина. Так, А. приобрел камеру видеонаблюдения, закамуфлированную под датчик сигнализации для осуществления наблюдения за своим складом².

¹ Федеральный закон от 22.12.2008 № 272-ФЗ (ред. от 04.05.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6227.

² Апелляционное постановление № 22-19/2019 22-3980/2018 от 6 февраля 2019 г. по делу № 22-19/2019 / Забайкальский краевой суд (Забайкальский край // URL: <https://sudact.ru/regular/doc>

Норма представляла собой бланкетный характер, отсылая правоприменителя к Постановлению Правительства РФ от 10.03.2000 № 214 «Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации»¹, а также Перечню видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности². По мнению большинства ученых ст. 138.1 УК РФ нуждалась в примечании, разъясняющем фрагмент диспозиции, указывающий на специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации³.

Действительно, для определения предмета преступления, имеющего для данной нормы криминообразующий признак, суды ссылались на указанное выше Постановление Правительства РФ, и определенный в нем в п. 1.2 список видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежит лицензированию⁴. Однако, положения данного правового акта адресованы юридическим лицам, не уполномоченным на осуществление ОРД, а также не определяют признаки данных технических средств. Главной отличительной чертой технических средств, предназначенных для негласного получения информации, являлась их закамouflированность под бытовой предмет. В то же время, указанное Постановление Правительства, как впрочем ни

¹ Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: Постановление Правительства РФ от 10.03.2000 № 214 (ред. от 08.12.2010) // Собрание законодательства РФ. 2000. №12. Ст. 1292.

² Перечень видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности: Постановление Правительства РФ от 01.07.1996 № 770 (ред. от 15.07.2002) // Собрание законодательства РФ. 08.07.1996. № 28. Ст. 3382.

³ Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права // Lex russica. 2017. № 3. С. 106 – 122; Петроченков С.Д. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: законодательный подход и судебная практика // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnyy-oborot-spetsialnyh-tehnicheskikh-sredstv-prednaznachennyh-dlya-neglasnogo-polucheniya-informatsii-zakonodatelnyy-podhod-i> (дата обращения: 15.09.2019); Радченко О. В., Габеев С. В. Проблемы квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. №3 (70). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-nezakonno-go-oborota-spetsialnyh-tehnicheskikh-sredstv-prednaznachennyh-dlya-neglasnogo-polucheniya> (дата обращения: 16.09.2019).

⁴ См, например: Приговор № 1-617/2018 1-71/2019 от 7 февраля 2019 г. по делу № 1-617/2018 Ленинский районный суд г. Челябинска (Челябинская область) URL: <https://sudact.ru/regular/doc>

один другой нормативный акт, не содержали определения специальных технических средств, предназначенных для негласного наблюдения.

В пояснительной записке указано, что законопроект был подготовлен в рамках исполнения поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации по вопросу предупреждения правонарушений, связанных с оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации¹.

Попытаемся дать оценку насколько применимы, удобны для практики примечания к ст. 138.1 УК РФ.

В свое время Конституционный суд РФ, давая оценку конституционности положений ч.3 ст. 138 УК РФ указал: «...На основе федеральных законов Правительство РФ определяет перечни таких специальных средств, их свойства и признаки, что позволяет отличать их от обычных устройств, рассчитанных на бытовое применение. Одним из главных критериев при этом являются специально приданные спецсредствам нужные качества (проведена техническая доработка, камуфлирование) именно для тайного, неочевидного получения информации лицами, не имеющими на то законных оснований»². Авторы законопроекта, указали: «Предлагаемое значение термина «специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации» соответствует правовой позиции, изложенной в пункте 3.1 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 г. № 3-П, является исчерпывающим и позволяет дифференцировать СТС от технических средств (предметов, устройств), которые по своим техническим характеристикам, параметрам, свойствам или прямому функциональному назначению рассчитаны лишь на бытовое использование массовым потребителем, если только им намеренно не приданы нужные качества и свойства, в том числе путем специальной технической доработки, программирования именно для неочевидного, скрытного их применения»³.

Законодатель практически дословно воспроизвел в примечании позицию Конституционного Суда РФ. Тем не менее, посредством введения новых терминов «специальный инструмент» и «программное обеспечение» (в контексте рассматриваемой нормы) признаки предмета преступления, на наш взгляд расширены. В отзыве Верховного Суда РФ указано, что данные понятия нуждаются в правовом толковании как применительно к УК РФ,

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона "О внесении изменения в статью 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации" URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/641656-7>

² Решение Конституционного Суда РФ по жалобе С.В. Капорина, И.В. Коршуна, С.В. Миронова, Ц.И. Соловьева, А.Г. Трубина. URL: <http://www.ksrf.ru/News>

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона "О внесении изменения в статью 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации" URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/641656-7>

так и в целях определения случаев их законного производства и оборота¹. Введение термина «программное обеспечение» приводит к вопросу о разграничении ст. 138.1 УК РФ со ст. 272 либо 273 УК РФ.

В то же время положительным моментом является то, что в примечании 2 законодатель четко определил признаки специальных технических средств, предназначенных для скрытого получения информации в целях их отличия от иных технических средств, разрешенных к использованию: открыто расположенные органы управления, элементы индикации, отображающие режим использования, наличие маркировочных обозначений. ***Можно предположить, что в ближайшее время суды ждут пересмотр приговоров ввиду уточнения критериев, указывающих на скрытый характер получения информации техническим устройством.*** Например, К. был признан виновным по ст. 138.1 УК РФ за приобретение технического средства, предназначенного для негласного наблюдения – настольные часы с встроенной видеокамерой и микрофоном с датчиком движения, с инфракрасным приемником сигнала от пульта дистанционного управления². Учитывая, что устройство обладало индикатором, отображающим режим работы, полагаем дело К. подлежит пересмотру.

2. Еще на одно обстоятельство следует обратить внимание. Несмотря на то, что речь пойдет не об изменениях уголовного закона в 2019 г., тем не менее, кардинально меняется подход правоприменителя к практике ст. 199 УК РФ и иных фискальных статей УК РФ. 09.06.2019 Постановлением Конституционного Суда РФ определен конституционно-правовой смысл фискальных норм уголовного закона в единстве со ст. 10 УК РФ и ст. 54 Конституции РФ. В Постановлении указано, что для определения размера уклонения от уплаты налогов, сборов и иных платежей законодатель рассматривает уплату законно установленных налогов, сборов и страховых взносов как консолидированную обязанность публично-правового характера, неисполнение которой влечет публичную ответственность. Следовательно, в случае если до вступления изменений в 2017 г. в ст. 199 УК РФ неуплата страховых взносов преступлением не считалось, то теперь факт уплаты таких платежей необходимо учитывать при расчете обязательного криминалообразующего признака – размера неуплаченных обязательных платежей. Иными словами, если лицо не заплатило за предшествующий до 2017 г. период страховые взносы, суд не может их считать консолидировано с другими платежами в качестве недоимки, если же лицо заплатило страховые взносы, то суд должен учитывать данный факт при определении процента недоплаченной суммы по обязательным платежам. «В противном случае – т.е. при истолковании части первой статьи 10 УК Российской Федерации

¹ Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в статью 138.1 УК РФ» URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/641656-7>

² Приговор № 1-617/2018 1-71/2019 от 7 февраля 2018 г. по делу № 1-617/2018 Ленинский районный суд г. Барнаула URL: <https://sudact.ru/regular/>

как блокирующей придание обратной силы новой редакции статьи 199 УК Российской Федерации в части включения в состав подлежащих уплате платежей страховых взносов, поскольку их неуплата, предусмотренная Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 250-ФЗ, прежде не являлась признаком предусмотренного данной статьей состава преступления, – лица, подвергнутые уголовному преследованию за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов, совершенное до вступления в силу указанных изменений, но исполнившие при этом вытекающие из Налогового кодекса Российской Федерации либо других актов федерального законодательства обязанности по уплате страховых взносов, были бы поставлены в неравное положение с теми лицами, которые привлечены к уголовной ответственности за совершенные при тех же обстоятельствах, но после вступления в силу указанных изменений деяния, квалифицируемые с учетом исполнения обязанностей по уплате страховых взносов»¹.

Конституционный Суд РФ разъяснил каким образом следует поступить с теми лицами, которые заплатили страховые взносы до 2017 года. Однако, остается неясным вопрос что делать с теми, кто данные взносы не заплатил. Напомним, с принятием ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» из Налогового кодекса был изъят единый социальный налог. Однако корреспондирующие изменения в уголовный закон не были внесены. В результате страховые взносы в государственные внебюджетные фонды оказались исключенными с 1 января 2010 года из сферы регулирования ст. 199 УК РФ, а ответственность за их неуплату или неполную уплату стала отдельно регулироваться статьей 47 ФЗ № 212-ФЗ. С принятием поправок в УК РФ и НК РФ в 2017 г. данный закон утратил силу. В соответствии с конституционным требованием о невозможности применения закона, ухудшающего положение лица, положения ст. 199 УК РФ к лицам, не заплатившим до 2017 г. страховые взносы не применимы, равно как и ст. 47 ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования», которая устанавливала штраф в размере 20% неуплаченной суммы страховых взносов при неосторожных действиях и 40% при умышленном деянии. ***В итоге, лица, не заплатившие страховые взносы до 2017 г. ни к какой ответственности привлечены быть не могут.***

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2019 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 12.07.2019.

3. 25.04.2018 Конституционный Суд РФ установил примечание 2 к ст. 264 УК РФ противоречащей Конституции РФ в том смысле, что лица, скрывшиеся с места происшествия, находятся в более выгодном положении относительно тех, которые совершили ДТП в состоянии опьянения¹ с причинением соответствующего вреда, установленного уголовным законом. Действительно, довольно распространенными были случаи, когда лицо, совершая ДТП в состоянии опьянения с криминальными последствиями, скрывалось с места происшествия, и в течение последующих нескольких дней являлось с повинной. Как правило, в таких случаях факт управления ТС конкретным лицом был очевиден (что и являлось поводом для явки с повинной), тогда как доказать состояние опьянения в момент совершения преступления не представлялось возможным ввиду прошествия определенного времени.

Решение Конституционного Суда РФ послужило поводом к внесению изменений в ст. 264, 264.1 УК РФ. Законодатель установил равную ответственность для лиц, совершивших ДТП как в состоянии опьянения, так и скрывшихся с места его совершения². Однако, ответственность за повторное управление ТС в состоянии опьянения (ст. 264.1 УК РФ) законодатель предусматривает только при наличии судимости за преступление, предусмотренное ст. 264 УК РФ в состоянии опьянения³. ***Иными словами, выгода положения скрывшихся с места ДТП остается относительно не скрывшихся пьяных водителей.***

Итак, внесенные отдельные изменения в уголовный закон в 2019 г., а также Постановления Конституционного Суда РФ, меняющие практику реализации отдельных норм в целом можно оценить положительно. Однако «за скобками» все же остались отдельные нерешенные проблемы.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П "По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.04.2018.

² Федеральный закон от 23.04.2019 № 65-ФЗ «О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 24.04.2019.

³ Федеральный закон от 23.04.2019 № 65-ФЗ "О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 24.04.2019.

Абрамкин Алексей Дмитриевич,
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Уголовная ответственность в сфере прокьюремента в России и Канаде

Формированию теоретических и прикладных знаний относительно уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд во многом могут поспособствовать результаты компаративного исследования законодательства зарубежных стран в рассматриваемой сфере. В условиях новизны соответствующих норм отечественного уголовного закона и зарождающейся практики их применения актуальным представляется рассмотрение такого законодательного опыта в иностранных государствах, что позволит оценить имеющуюся российскую нормативную базу в анализируемой сфере и выработать потенциальные направления ее совершенствования.

Канада входит в десятку государств с наименьшим уровнем коррупции. Эффективные методы по противодействию коррупции в сфере госзакупок разработаны и постоянно реализуются на практике Министерством государственных работ и услуг Канады.

Министерство государственных работ и услуг Канады – крупнейший в стране покупатель товаров и услуг для государственных нужд: он обслуживает более 100 федеральных министерств и агентств. На долю Министерства приходится около 80% государственных закупок и 20% всех контрактов, заключаемых правительством Канады. Ежегодно Министерство заключает около 80 тыс. контрактов на сумму порядка 12 млрд долл¹. Объем закупок, в России, в соответствии с планом закупок на 2019 год, запланирован на общую сумму 1,64 млрд долл.².

Нормативная правовая база Канады для государственных закупок основана на ряде сводов правил, в том числе торговых соглашениях, статутах, положениях, прецедентном праве, политике и обычаях. Нормативная правовая база не распространяется единообразно по всей Канаде. Как федерация, Канада обладает двумя различными юрисдикциями политической власти: федеральным правительством по всей стране и 10 провинциальными правительствами.

¹ Колнооченко Е. Антикоррупционные меры при госзакупках: опыт Канады URL: <http://bujet.ru/article/51922.php>

² Аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд URL: <https://www.minfin.ru/ru/perfomance/contracts/purchases>

Правовые нормы, которые регламентируют государственные закупки на федеральном уровне, отличаются от тех, которые действуют в провинциях, а правила, применяемые к государственным органам на уровне провинций, отличаются в каждой из них.

На федеральном уровне центральным законодательным актом, регулирующим государственные закупки, являются «Положения о государственных контрактах» (Government Contracts Regulations (GCR), изданные в соответствии с Законом о финансовом управлении (Financial Administration Act (FAA)). Существуют также многочисленные директивы, которые применяются к закупкам федерального правительства. Служба государственных услуг и закупок Канады (Public Services and Procurement Canada (PSPC), являющаяся департаментом, отвечающим за внутреннее обслуживание и администрирование федерального правительства, разрабатывает, внедряет и поддерживает «Руководство по снабжению», которое определяет процедуры закупок и включает стандартные положения для процесса закупок. «Руководство по снабжению» не имеет юридической силы, в связи с чем закупающие органы юридически не обязаны включать стандартные положения, содержащиеся в нем. В дополнение к этим и другим законодательным актам, торговым соглашениям существует обширный объем прецедентного права, служащий для определения правил и принципов, применимых к закупкам федерального правительства.

В большинстве провинций Канады принято незначительное количество законов, касающихся государственных закупок, и государственные органы в значительной степени оставляют за собой право разрабатывать внутреннюю политику, посредством которой будут осуществляться государственные закупки. В некоторых провинциях принято более обширное законодательство. Например, Квебек принял Закон о соблюдении контрактов государственными органами.¹ Данный нормативный акт, предписывает конкретные правила, которые применяются к государственным закупкам всеми государственными учреждениями в Квебеке. Аналогично, Новая Шотландия, Нью-Брансуик, Саскачеван, Ньюфаундленд и Лабрадор приняли законодательство о государственных закупках широкого применения в провинциях.

На федеральном уровне правила государственных закупок обычно применяются к закупкам, осуществляемым федеральными правительственными ведомствами, корпорации, которые были зарегистрированы в соответствии с федеральным законом, корпорации, которые получают большую часть своего финансирования от федерального правительства и их агенты. Правила государственных закупок также применяются в целом ко всем государственным органам на уровне провинций. Несмотря на то, что детали

¹ См: Global Affairs Canada, Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP) URL:<https://international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/cptpp-ptpgp/text-texte/cptpp-ptpgp.aspx?lang=eng>

могут отличаться в разных провинциях, правила закупок, разработанные Верховным судом Канады, в целом применяются ко всем государственным органам в Канаде.

Субъекты федерального правительства в электронном виде объявляют о возможностях заключения контрактов в правительственной системе электронных торгов. Публичные провинциальные контракты могут быть объявлены в электронном виде на следующих веб-сайтах: «Alberta: Purchasing Connection and COOLNet»¹, «British Columbia: e-Procurement in B.C.» (BC Bid)², «Manitoba: Government Tenders» (MERX)³ и др. В Российской Федерации также существует веб-сайт «zakupki.gov.ru» на котором представлен исчерпывающий перечень торговых площадок.

Федеральное законодательство Канады имеет широкий спектр средств правовой защиты, представителей как государственных компаний, так и бизнеса.

Канадский международный торговый трибунал (Canadian International Trade Tribunal (CITT)) имеет право отложить присуждение контракта, заказать повторную закупку или возместить ущерб заявителю. Суды обладают более широкими полномочиями, в том числе правом предоставления судебных запретов, отмены контрактов, назначения повторных закупок и возмещения убытков заявителю.

Помимо гражданской ответственности, за нарушение правил государственных закупок, фальсификацию заявок предусмотрена уголовная ответственность согласно Закону о конкуренции Канады⁴. Фальсификацией заявок признается деяние, когда два или более лица соглашаются, что в ответ на запрос предложений один или несколько человек не будут подавать заявку или отзываться ее или подавать заявку, полученную по соглашению, а лицо, запрашивающее заявки, не информируется заранее о соглашении между сторонами. Сторонам, признанным виновными в подтасовке предложений, по усмотрению суда, могут быть назначены штраф, тюремное заключение на срок до 14 лет⁵.

Законом о конкуренции Канады, а именно ч. VI «Правонарушения связанные с конкуренцией», в разд. 45 определены такие преступления, как: «Заговоры, соглашения или договоренности между конкурентами»: «лицо,

¹ См: Government of Alberta, 'Alberta Purchasing Connection URL: www.purchasingconnection.ca; COOLNet Alberta, Construction Opportunities Online Network URL: www.coolnetalberta.com

² Government of British Columbia, 'e-Procurement in B.C.: BC Bid URL: www.bcbid.gov.bc.ca

³ Government of Manitoba, 'Government Tenders URL: www.gov.mb.ca/tenders

⁴ «Competition Act» R.S.C. 1985. URL: <https://www.canlii.org/en/ca/laws/stat/rsc-1985-c-c-34/latest/rsc-1985-c-c-34.html>

⁵ Тео Линг Даниэль Логан Рандип Ниджар URL: <https://thelawreviews.co.uk/edition/the-government-procurement-review-edition-6/1169987/canada>

совершившее преступление, предусмотренное частью первой, является виновным в совершении преступления, связанного с обвинением и подлежит осуждению к лишению свободы на срок не более 14 лет или штрафу в размере не более 25 млн долларов США, возможно применение с двух видов наказания и штраф и лишение свободы одновременно».

В разделе 47 рассматриваемого нормативного правового акта раскрывается термин «фальсификация ставок», под которым понимается соглашение или договоренность между двумя или более лицами, в соответствии с которыми одно или несколько из этих лиц соглашаются или обязуются не подавать заявку или тендер в ответ на запрос предложений или тендеров, или соглашаются или обязуются отозвать предложение или тендер, представленные в ответ на такой запрос; представление в ответ на запрос предложений тендеров, которые были получены по соглашению или договоренности между двумя или более участниками тендера. То есть участники закупок вступают в преступный сговор между собой и подают заведомо завышенные предложения по запросам организаций осуществляющих закупку. Итогом таких нарушений, как фальсификация ставок, становится значительное завышение стоимости закупки.

Помимо перечисленных преступлений, выделяют такой вид преступления, как сговор на торгах. Каждое лицо, являющееся участником фальсификации ставок, виновно в совершении преступления, по которому предъявлено обвинение по усмотрению суда несет ответственность в виде штрафа или тюремного заключения на срок не более 14 лет или обоим наказаниям одновременно.

Данные виды преступлений характеризуется очень жесткими санкциями, а именно до 14 лет лишения свободы. Если проводить аналогию с российским уголовным правом, то указанные виды преступлений должны относиться к категории особо тяжких преступлений.

В отечественном законодательстве предусмотрена уголовная ответственность за злоупотребления в сфере закупок, регламентированная ст. 200⁴ УК РФ. Максимальная санкция данной статьи предусматривает такой вид наказания, как лишение свободы на срок до семи лет.

Анализ ответственности за злоупотребления в сфере закупок Канады и России позволяет сделать вывод о том, что в уголовно-правовой доктрине двух государств имеется ряд общих черт. В уголовном законодательстве двух государств содержатся специальные статьи, в которых за нарушения законодательства в сфере закупок предусмотрен такой вид наказания, как лишение свободы или тюремное заключение.

В уголовном законодательстве Канады нарушения в сфере прокьюре-мента описаны более подробно и точно. Необходимо обратить внимание на то, что санкции за нарушения в сфере прокьюре-мента в уголовном законодательстве Канады более суровые, чем в России.

На наш взгляд, наличие в «Законе о конкуренции» Канады подробно описанных преступлений, а также высокие штрафы и большие сроки лишения свободы позволяют Канаде занимать лидирующее место по противодействию коррупции в сфере закупок и эффективно расходовать бюджетные средства.

Аведян Аркадий Аведикович,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Профессиональная культура и компетентность сотрудников ОВД как девиктимологический фактор

В зависимости от целей и задач, виктимологическая профилактика может осуществляться на трех уровнях: общесоциальном, специальном и индивидуальном¹. Виктимологическая профилактика на общесоциальном и специальных уровнях представляет собой деятельность широкого круга субъектов по реализации комплекса мер социально-экономического, социально-психологического, правового, организационного, медицинского, информационного, технического и иного характера, направленных на снижение уровня виктимности населения и недопущение его виктимизации. При этом значительную роль в обеспечении безопасности человека и человечества от криминальных угроз играет культура антикриминальной деятельности в целом и профессиональная культура субъектов данной деятельности в частности.

Специфика индивидуальной виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, обусловлена, в первую очередь, характеристиками контингента профилактируемых лиц. Изучение виктимологической характеристики личности сотрудника ОВД-жертвы преступлений, позволяет выявить различные объективные и субъективные факторы, связанные с их профессиональным статусом и служебной деятельностью, что указывает на обоснованность выделения конкретных направлений и мер виктимологической превенции. Учитывая специфику личности сотрудников ОВД, серьезным девиктимологическим фактором выступает обеспечение их надлежащей профессиональной культуры и компетентности.

¹ Ившин В. Г. Виктимология: учебное пособие / В.Г. Ившин, С.Ф. Идрисов, Л.Г. Татьяна. М.: Волтерс Клувер, 2011; Криминология: учеб. / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. СПб.: СПб. ун-т МВД России, 1999.

Профессиональная деятельность сотрудников ОВД имеет свои специфические отличительные характеристики. Так, выполнение функциональных служебных обязанностей сопряжено с повышенной ответственностью сотрудника за свои действия, а также повышенным риском, прежде всего, для жизни и здоровья сотрудника. Несение службы нередко происходит в экстремальных ситуациях с непредсказуемым исходом, психическими и физическими перегрузками, необходимостью постоянного общения с разнообразным контингентом лиц, имеющих устойчивые антисоциальные установки, опыт преступной деятельности и повышенную агрессивность, и требует от сотрудника решительных действий и способности пойти на риск¹. Указанные специфические особенности профессиональной деятельности оказывают значительное влияние на личностные характеристики ее представителей и могут приводить, с одной стороны, к развитию профессиональной деформации, а с другой стороны, обуславливать профессиональную виктимность и повышенный риск вкритимизации сотрудников ОВД.

Любая профессиональная культура, представляя собой интерес людей к определенной деятельности, ориентацию на предмет интереса, или, наоборот, безразличие, отсутствие его, является определенным фрагментом их сознания². Профессиональная культура как «социальный факт» характеризуется тем, что, во-первых, она является общей для сообщества профессионалов и составляет общую коллективную «собственность», во-вторых, ее не вырабатывают «здесь и сейчас», а получают от предыдущих поколений, а в-третьих, она оказывает на членов группы как бы принудительное воздействие, т.е. если субъект попадает в группу, то вынужден принимать установки, которые там приняты³.

Залогом успешного обеспечения ОВД надлежащим кадровым составом, способным обеспечить как безопасность личности, общества и государства от криминальных угроз, так и свою личную безопасность, является формирование всесторонне и гармонично развитой, а также профессиональной грамотной и компетентной личности, как на стадии профессионального обучения, так и среди практических сотрудников ОВД. Следует учитывать, что только при целенаправленном и систематическом влиянии на духовные

¹ Рожков О.А. Профессиональная деформация ценностно-мотивационной сферы сотрудников правоохранительных органов как фактор их криминализации // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 113.

² Лымарь А.Н. Профессиональная культура в системе культуры // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. № 17 (72). С. 252.

³ Иванова И.Н., Максимова Л.Н. Культура профессиональных сообществ: исторический контекст профессиональной культуры // Вопросы культурологии. 2011. № 5. С. 89-94.

потребности работников ОВД можно достичь формирование у них высокого уровня нравственной и эстетической культуры, личных качеств, необходимых для эффективного выполнения служебного долга¹.

Чрезвычайная роль профессиональной культуры и компетентности сотрудников ОВД в виктимологической профилактике преступных посягательств в отношении их связана, прежде всего, с возможностями формирование у сотрудников чувства моральной и юридической ответственности, усвоения корпоративной культуры и позитивных стереотипов поведения, выработки моральной обоснованности готовности выполнять служебный долг, необходимости соблюдения высоких стандартов служебных взаимоотношений, выработки культуры профессиональных действий и недопущения профессиональной деформации, выработки девицимнологических навыков и усвоения культуры профессиональной безопасности.

Отдельно следует отметить девицимогенный потенциал правовой культуры сотрудников ОВД. Являясь ядром профессиональной культуры сотрудников ОВД, правовая культура определяет уровень и характеристики правосознания сотрудника, такие его свойства, как знание и позитивное отношение к праву, уважение к закону, правовые установки (убеждения), руководство в своей деятельности правом, привычку к правомерному поведению и соблюдению запретов.

На основании имеющихся данных специализированных исследований можно выделить следующие приоритетные направления повышения уровня профессионального образования и подготовки сотрудников ОВД с целью формирования специалистов с соответствующим правовым сознанием и правовой и профессиональной культурой, служебной дисциплиной, правомерным поведением:

1) развитие деонтологического правосознания сотрудников ОВД: формирование убеждения в необходимости права для нормальной жизнедеятельности общества и установки на сознательный выбор правомерных моделей поведения; формирование непримиримого отношения к антиобщественным проявлениям, нарушение установленных правил поведения, правопорядка, принципиального осуждения поведения коллег, нарушающих моральные и правовые нормы, формирование на базе полученных профессиональных установок, знаний, умений и навыков позиции активной служебной деятельности; воспитание личного состава в духе элитарности и положительного корпоративизма, привитие необходимости поддержки и повышения авторитета органов внутренних дел с соответствующим воспитанием уважения ко всем органам государственной власти;

2) выработка умений навыков выполнять свои служебные обязанности на основании соблюдения высоких моральных и морально-этических

¹ Алтухов С.А. Преступления сотрудников милиции (понятие, виды, особенности профилактики). СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 229.

норм (особенно требований профессиональной этики), требований присяги, уставов, наставлений и других соответствующих ведомственных нормативных документов; формирование убеждения относительно исключительной важности, необходимости и ответственности труда сотрудника ОВД в обществе с соответствующим воспитанием уважительного, внимательного и вежливого отношения к гражданам;

3) предоставление высокого уровня правовых знаний, формирование соответствующих правовых убеждений и правовых чувств, выработка необходимого правового мышления, воли, умелого реагирования в сложных экстремальных ситуациях, содействие закреплению в сознании правовых установок, правовых навыков и умений;

4) расширение кругозора, совершенствование системы культурных ценностей, формирование правового мировоззрения человека с учетом норм международного права и достижений мировой юридической науки;

5) формирование у сотрудников высоких нравственных качеств, повышение общей и профессиональной культуры;

6) развитие способности качественно применять право (правовые знания) в процессе осуществления служебной деятельности на основе умений, приемов и навыков (применительно к стратегии, тактике, методике и технике);

7) содействие развитию выявленных дарований, способностей или склонностей в целях правоохранительной деятельности;

8) развитие коммуникативных умений сотрудников (умение эффективно пользоваться речью, мимикой, жестами, осуществлять ролевое поведение), формирование именно социально активных (ориентация на сотрудничество, коллективизм, ответственность за выполнение служебного долга в любой ситуации), творческих сотрудников ОВД (умение творчески и активно осуществлять свои функциональные обязанности);

9) широкое внедрение в обучение принципа приоритетности общечеловеческих ценностей, связанных с правами и свободами человека и гражданина (например, введение в учебные программы учебных заведений МВД России учебных курсов и лекций по служебной этике, правам человека, предупреждению правонарушений в служебной деятельности¹ и т. д.);

10) улучшение морально-психологической подготовки к устойчивости к неурядицам и трудностям, которые возникают в процессе служебной деятельности, различным элементам риска, максимальному приближению условий обучения к реальным ситуациям с целью повышения уровня стрессоустойчивости; формирование необходимых волевых качеств, умение противостоять агрессивной среде, умение преодоления негативных послед-

¹ Кондаков А.В. Предупреждение нарушений законности в правоохранительной деятельности милиции: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2006. С. 77.

ствий стрессов; формирование умений противостоять негативному влиянию со стороны сотрудников-правонарушителей и готовности оперативного реагирования с целью пресечения их противоправных действий;

11) повышение управленческой культуры руководителей всех уровней управления (обеспечение открытости и объективности в оценке служебной деятельности подчиненных, исключение возможности протекционизма либо преследования работников по личным мотивам или за критику недостатков деятельности руководителя; открытое профессиональное общение подчиненных с руководителем, установление отношений между подчиненными на основе здоровой конкуренции; воспитание у подчиненных правосознания, чувства ответственности за выполнение служебных обязанностей; недопущение пренебрежительного отношения к гражданам; обеспечение неизбежности ответственности за нарушение законности и объективности в применении дисциплинарной власти, обоснованности, справедливости, своевременности, соразмерности вине мер дисциплинарного воздействия и прочее¹.

Таким образом, обеспечение высокого уровня профессиональной культуры и компетентности сотрудников ОВД является одной из эффективных мер виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, как на общесоциальном и специальном, так и на индивидуальном уровне. Девиктимологический эффект данного фактора обусловлен в превентивном потенциале таких личностных качеств, как уровень профессиональных знаний, умений и навыков, правовой культуры, а также деонтологического правосознания сотрудников ОВД.

¹ Борисова С.Е. Профессиональная деформация сотрудников милиции и ее личностные детерминанты: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.06. М., 1998. С. 164–165; Игнатов А.Н. Меры по укреплению законности и противодействию нарушению прав человека в деятельности органов внутренних дел // В сборнике: Права и свободы человека в контексте развития современного государства: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 122-131; Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного насилия в органах внутренних дел: научно-практическое пособие. Краснодар, 2017. С. 44-49; Куманеев В.В. Правонарушения сотрудников органов внутренних дел в современной России. Проблемы теории и практики: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2000. С. 162; Северенков И.В. Профилактика нравственно-правовой девиации в поведении сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 13.00.01. СПб, 1997. С. 9.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как основа правоприменительной деятельности в процессе квалификации мошенничества: проблемы полноты и системности правовых предписаний

В соответствии с ч.1 ст. 159 УК России мошенничество определяется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Кажущаяся, на первый взгляд, простота и лаконичность данного определения, на самом деле таят в себе немало подводных камней, неоднозначные и часто противоречивые подходы в процессе уголовно-правой квалификации данного преступления и его отграничения от смежных и конкурирующих составов преступлений (как против собственности, так и преступлений, посягающих на иные охраняемые интересы личности, общества или государства).

Разрешению обозначенных проблем в немалой степени способствуют Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющие основания и алгоритм разграничения в процессе квалификации составов мошенничества и составов других преступлений, содержащие отдельные признаки хищения, совершенного путем обмана или злоупотребления доверием. К таковым, прежде всего, следует отнести Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹. Кроме того, вопросы квалификации мошенничества разъясняются в положениях Постановлений Пленума ВС РФ о судебной практике по делам об иных преступлениях, способы совершения которых нередко сопряжены с обманом или злоупотреблением доверием.

При этом представляется, что полнота и ясность законодательных предписаний и правовых определений, будучи призванными обеспечить единство судебной практики в процессе справедливого и законного уголовного судопроизводства, не в полном объеме решают обозначенную задачу ввиду сохраняющейся бессистемности уголовно-правового регулирования ответственности за мошенничество в российском уголовном праве. В данной работе мы хотели бы обратить внимание научной общественности на имеющую место бессистемность и даже казуистичность уголовно-правового регулирования ответственности за мошенничество при его отграничении от преступлений коррупционного характера, а также на размытость и

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // <http://base.consultant.ru>.

неточность уголовно-правового определения отдельных объективных признаков, составляющих основания квалификации мошенничества, сопряженного с коррупционным поведением виновного.

Об актуальности, а также теоретической и практической значимости данного вопроса свидетельствует содержание Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.12.2013 № 33)¹, в котором значительное внимание уделено вопросам квалификации мошенничества при наличии в поведении виновного признаков преступлений коррупционного характера. Пленум Верховного Суда РФ буквально указал на действительность проблемы разграничения мошенничества и преступлений коррупционного характера в преамбуле названного Постановления, обосновав необходимость его издания «вопросами, возникающими у судов при рассмотрении уголовных дел о взяточничестве (статьи 290, 291 и 291.1 УК РФ) и об иных связанных с ним преступлениях, в том числе коррупционных (в частности, предусмотренных статьями 159 (выделено автором), 160, 204, 292, 304 УК РФ), и в целях обеспечения единства судебной практики»².

Анализ судебной и следственной практики правоприменения норм о мошенничестве, сопряженном с коррупционным поведением виновного свидетельствует о том, что зачастую позиция стороны защиты в уголовном процессе преследует цель доказать суду, что действия должностного лица должны быть квалифицированы не как получение взятки, а как мошенничество, исходя из того, что должностное лицо, либо не обладало должностными полномочиями для осуществления действий по службе в интересах взяткодателя, либо вообще изначально не намеревалось их осуществлять. Кроме того, в связи с дополнением УК РФ составами мелкого взяточничества и мелкого коммерческого подкупа, зачастую встречается диаметрально противоположная ситуация, когда сторона защиты всячески старается уйти от квалификации тяжкого мошенничества с использованием служебного положения к судебной квалификации коррупционных преступлений небольшой тяжести. Логика подобного рода рассуждений представляется вполне понятной – добиться квалификации действий подзащитного по статье, предусматривающей наименее суровые меры уголовно-правового характера.

По общему правилу, регламентированному в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» «4. В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // <http://base.consultant.ru>.

² Там же, преамбула, абз.6.

при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него». При этом, перечисляя ряд обстоятельств, которые могут свидетельствовать о наличии у лица умысла на совершение мошенничества, в качестве одного из альтернативных доказательств Пленум ВС РФ указывает «заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора». Необходимо также отметить, что данное обстоятельство само по себе не расценивается верховным правоприменителем в качестве предрешающего судебную квалификацию действий подсудимого как мошенничества: «В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства»¹.

Таким образом, исходя из содержания п. 4 ППВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», отсутствие у виновного реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора является не обязательным объективным признаком мошенничества, а альтернативно возможным объективным проявлением его обязательного субъективного признака, характеризующего цель завладения имуществом именно мошенническим способом, т.е. путем обмана или злоупотребления доверием.

Такой подход при квалификации «коррупционно-мошеннического» поведения виновного представляется вполне справедливым, поскольку даже при объективном отсутствии у должностного лица служебных полномочий для исполнения договорных обязательств, принципиально нельзя исключить вопрос об использовании личных (неслужебных) отношений с иными должностными лицами, в компетенцию которых входит исполнение действий в интересах взяточдателя. Для правосудного разрешения дела по существу, с нашей точки зрения, исходя из принципов законности, справедливости и презумпции невиновности, необходимо исключить все иные возможные варианты квалификации действий виновного, которые могут состоять не только в получении взятки или в мошенничестве, но и в недоказанном посредничестве во взяточничестве или, к примеру, в недоказанном корыстном приготовлении виновного к подстрекательству другого должностного лица к совершению служебного преступления из личной заинтересованности.

Вместе с тем, представляется, что обозначенные общие правила о квалификации мошенничества едва ли применимы непосредственно к алгоритму квалификации мошенничества, сопряженного с коррупционным

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», п. 4, абз.3 // <http://base.consultant.ru>.

поведением виновного, поскольку регулированию рассматриваемых правоотношений посвящено специальное Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.12.2013 № 33).

С известной долей условности, следуя логике системного построения права, названные Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» и «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» следует воспринимать как общую и специальную нормы, при конкуренции которых предпочтение отдается норме специальной. В связи с этим, обратим внимание на то, в каких случаях и при каких условиях антикоррупционное ППВС РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предписывает вменять мошенничество, а не квалифицировать действия виновного как коррупционное преступление.

Так, в соответствии с абз. 2 п. 24 рассматриваемого антикоррупционного ППВС РФ регламентируется алгоритм безапелляционного вменения мошенничества с использованием служебного положения: «В том случае, если указанное лицо получило ценности за совершение действий (бездействие), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, такие действия при наличии умысла на приобретение ценностей следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения».

При этом анализируемое ППВС РФ не содержит каких-либо оговорок или пояснений о необходимости судебной оценки данного признака, аналогичных соответствующим положениям, изложенным в абз. 3 п. 4 ППВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: «Судам следует учитывать, что указанные обстоятельства сами по себе не могут предрешать выводы суда о виновности лица в совершении мошенничества. В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства».

Обозначенная в цитируемом положении ППВС РФ недопустимость предрешения квалификации мошенничества объективным отсутствием у лица возможности выполнить договорные обязательства регламентируется также ч.1 ст. 88 УПК РФ «Правила оценки доказательств», в соответствии с которой «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела». Кроме того,

в соответствии с ч.2 ст. 17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств» «Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы». Перечисленные принципиальные положения уголовно-процессуального законодательства, равно как и принцип вины в уголовном праве, с нашей точки зрения, исключают обоснованность рассматриваемого алгоритма квалификации «коррупционного мошенничества» лишь на основе отсутствия у должностного лица «служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение».

Помимо мошенничества, на наш взгляд, можно привести еще несколько вариантов возможной квалификации действий должностного лица, получившего подкуп при отсутствии у него служебных полномочий для осуществления интересов взяткодателя. Так, к примеру, действия «некомпетентного» должностного лица, намеревающегося передать предмет подкупа другому должностному лицу, в чьи служебные полномочия входит осуществление действий (бездействия) в интересах взяткодателя, безусловно, квалифицируются не как мошенничество, а как посредничество во взяточничестве. В случае, если в приведенном примере должностное лицо оставляет предмет подкупа себе и, используя исключительно личные (неслужебные) отношения, уговаривает «компетентное» должностное лицо осуществить действия (бездействия) в интересах взяткодателя, то, ни мошенничество, ни получение взятки вменены быть не могут, а речь можно вести лишь о квалификации подстрекательства к злоупотреблению должностными полномочиями. Возможен также и «промежуточный» вариант, когда часть предмета подкупа должностное лицо забирает себе за посредничество, а другую часть передает «компетентному» должностному лицу, что, порождая массу вариантов квалификации, тем не менее, также исключает возможность квалификации мошенничества. Таким образом, представляется очевидным, что объективное отсутствие у должностного лица служебных полномочий для осуществления действий (бездействия) в интересах взяткодателя не может само по себе однозначно свидетельствовать о наличии умысла на мошенничество, а для вынесения правосудного приговора должно подлежать оценке в совокупности с иными доказательствами по всесторонне и полно расследованному уголовному делу.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что абз. 2 п. 24 ППВС РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» нуждаются в редактировании в целях приведения в соответствие с уголовно-правовыми принципами законности, вины и справедливости и уголовно-процессуальными принципами свободы и правил оценки доказательств посредством исключения из его содержания категоричных выводов о квалификации мошенничества лишь на основе объективных признаков состава преступления.

Предлагаем изложить абз. 2 п. 24 ППВС РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных

коррупционных преступлениях» в следующей редакции: «В том случае, если указанное лицо получило ценности за совершение действий (бездействие), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, такие действия не образуют признаков получения взятки или коммерческого подкупа, а при наличии к тому оснований, могут быть квалифицированы как соучастие в должностном преступлении либо как мошенничество.

Считаем также необходимым заострить внимание на еще одном, на наш взгляд, излишне категоричном нормативе, содержащемся в абз. 1 п. 24 рассматриваемого Постановления Пленума ВС РФ. В п. 24 данного Постановления указывается, что «Получение должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, ценностей за совершение действий (бездействие), которые входят в его полномочия либо которые оно могло совершить с использованием служебного положения, следует квалифицировать как получение взятки либо коммерческий подкуп вне зависимости от намерения совершить указанные действия (бездействие)».

Столь безапелляционный подход к отказу от квалификации мошенничества, с нашей точки зрения, представляется не вполне оправданным, поскольку фактически игнорирует и исключает необходимость доказывания наличия или отсутствия в поведении лица одного из составообразующих признаков мошенничества – способа его совершения, заключающегося в обмане или злоупотреблении доверием. Кроме того, фактически предписываемое рассматриваемым ППВС РФ игнорирование в процессе доказывания способа совершения преступления, как его составообразующего признака, свидетельствует о межотраслевой бессистемности его положений, поскольку, помимо прочего, противоречит положениям п.1 ч.1 ст. 73 УПК России, регламентирующим способ совершения преступления в числе обстоятельств, подлежащих доказыванию.

С другой стороны, содержание п. 24 антикоррупционного ППВС РФ категорично не исключает возможности квалификации идеальной совокупности получения взятки и мошенничества: в нем лишь буквально регламентируется квалификация коррупционного преступления, не зависимо от намерений осуществить действия (бездействие) в интересах взяткодателя. К примеру в случаях, когда должностное лицо получает подкуп за действия (бездействие) по службе в интересах взяткодателя (чего достаточно для квалификации получения взятки, независимо от намерений совершить указанные действия) его действия, на наш взгляд, могут быть квалифицированы, в том числе, как мошенничество, если получая подкуп, должностное лицо заведомо не намеревалось исполнять договоренности со взяткодателем.

Обозначенный подход представляется, на наш взгляд, законным и справедливым, поскольку в наибольшей степени соответствует характеру и

степени общественной опасности поведения коррупционера-мошенника, причинившего своими действиями вред не только авторитету государственной власти, государственной службы или службы в органах местного самоуправления, но и праву собственности обманутого взяткодателя. Для его реализации и обеспечения единства судебной и следственной практики представляется необходимым изложить абз.1 п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в следующей редакции:

«24. Получение должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, ценностей за совершение действий (бездействие), которые входят в его полномочия либо которые оно могло совершить с использованием служебного положения, следует квалифицировать либо самостоятельно как получение взятки или коммерческий подкуп (если должностное лицо намеревалось осуществить указанные действия (бездействие) в интересах взяткодателя), либо по совокупности с мошенничеством (если должностное лицо заведомо не намеревалось осуществлять указанные действия (бездействие) в интересах взяткодателя)».

Обозначенное редактирование обеспечит реализацию принципов законности, вины и справедливости, а также системность в процессе уголовно-правового регулирования и квалификации «коррупционного мошенничества».

Алборов Роман Давидович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Реализация уголовной ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции в России: вопросы теории и правоприменительная практика

Нахождение человека в обществе невозможно без наличия такого института, как ответственность. Ответственность в социальном аспекте всегда сопровождала существование личности в составе общественных связей. Более того, свобода невозможна без принятия ответственности, ведь свободен в своем выборе лишь тот, кто способен принимать решения с учетом принятия ответственности за них¹. Между тем понимание «ответственности» мо-

¹ См.: Анисин А.Л. Концептуальные и реальные смыслы свободы // Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. 2010. № 31 (212) Философия. Социология. Культурология. Вып. 19. С. 45-47.

жет разниться в зависимости от сферы употребления: в философии, в психологии, в этике, в праве и других направлениях. Так, например, в философском понимании ответственность выражается в качестве отношений, складывающихся между личностью и обществом, основанных на праве взаимных требований, обусловленных конкретной ситуацией¹. В рамках социальных связей ответственность призвана упорядочить, скоординировать действия субъектов взаимоотношения в целях достижения как частных, так и общих целей взаимодействия без допущения ущемления прав участников такого взаимодействия. Как нам видится, именно социальная ответственность послужила предтечей для формирования отдельных ее видов: общественной, экономической, правовой (юридической) и др.²

Весьма интересна точка зрения В.А. Номокова, согласно которой юридическую ответственность, как составляющую правового статуса субъекта общества, следует воспринимать в двух аспектах. Первый связан с определением общего правового статуса гражданина, в котором выделяются конкретные права и обязанности субъекта (обязанность соблюдать закон, давать отчет в совершаемых действиях, нести определенные негативные последствия за нарушение установленных норм и пр.). Второй аспект раскрывается в рамках конкретных нарушений, влекущих ответственность субъекта, выражающуюся в изменении его общего правового статуса. Позиция В.А. Номокова в данном вопросе позволяет по-новому взглянуть на устоявшиеся понятия, однако, полагаем целесообразным в рамках нашего исследования придерживаться традиционных взглядов, в которых ответственность в юридическом понимании есть обязанность лица, нарушившего норму права, претерпеть со стороны общества, в лице государства, установленные законом лишения.

Одним из видов юридической ответственности выступает ответственность уголовная. Анализ понимания уголовной ответственности, проведенный Г.А. Севдимальевой, позволил выделить шесть направлений определения уголовной ответственности:

- «отождествление с наказанием» когда уголовная ответственность сводится лишь к тому, чтобы лицо, совершившее преступление, претерпело определенные санкции, установленные за него;
- «отождествление с уголовным правоотношением», в рамках которого уголовная ответственность рассматривается как длящийся процесс, возникающий с момента совершения преступления и оканчивающийся погашением судимости;
- «уголовная ответственность как порицание», устанавливаемое со стороны общества лицу, совершившему преступление;

¹ См.: Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1989. С. 115.

² См.: Там же. С. 117.

– «уголовная ответственность как составной элемент правоотношений», отражающийся в установлении обязанности лица претерпеть неблагоприятные последствия за совершенное им преступление;

– «уголовная ответственность как содержание уголовных правоотношений», исходя из которого, при допущении преступления, у гражданина возникают не только обязанность претерпеть наказание, но и право требовать законного наказания со стороны государства;

– «уголовная ответственность с точки зрения ее позитивной и негативной составляющей», где под негативной ответственностью понимается уже привычная для традиционных взглядов обязанность лица за совершенное преступление понести наказание, а под позитивной ответственностью предлагается понимать намерение лица воздерживаться от запрещенного поведения (совершения преступлений). Более того, к позитивной ответственности также предполагается отнесение случаев освобождения лица от уголовной ответственности или наказания¹.

Не смотря на многообразие понятий уголовной ответственности, можно выделить одно неоспоримое для всех обстоятельство, которое и является традиционным пониманием уголовной ответственности. Здесь и далее полагаем, что таким обстоятельством выступает ответственность как последствие для лица за совершенное ранее преступление, выраженное в применении к нему установленного соответствующей санкцией наказания (ограничения).

Уголовная политика последнего десятилетия все больше связана с процессами либерализации и смягчения уголовного наказания, что не всегда находит положительные результаты². Значительные шаги в этом направлении были осуществлены в 2016 году с принятием Федеральных законов №323-ФЗ и 326-ФЗ от 03 июля 2016 года, устанавливающих по отдельным видам преступлений уголовную ответственность только в случае предшествующего привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние. Продолжением такому подходу послужило принятие Федерального закона №203-ФЗ от 26 июля 2017 года, которым введена в действие статья 171.4 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции только при условии ее «неоднократности», то есть повторного совершения после применения за аналогичное действие административного наказания в период, когда лицо считается подвергнутым таковому.

Еще одним шагом по смягчению уголовной ответственности стало введение уже обозначенным Федеральным законом №323-ФЗ от 03 июля

¹ См.: Севдимальева Г.А. Понятие уголовной ответственности // Бизнес в законе. 2013. №3. С. 114-117.

² См., напр.: Бельский А.И. Уголовная ответственность // Наука, теория, практика. 2013. №2. С. 67-70; Дворецкий М.Ю. Реализация уголовной ответственности // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №5. С. 139-144.

2016 года такого института как судебный штраф, направленного, прежде всего, на уменьшение нагрузки на суды и облегчения процедуры судопроизводства по преступлениям небольшой и средней тяжести.

В настоящее время уголовная ответственность за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции в России закреплена следующими статьями Уголовного кодекса:

1. Частями 5 и 6 статьи 171.1 УК РФ (производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или продажа немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке). Санкцией статьи по части 5 определено наказание в виде штрафа в размере до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 2 лет, либо принудительными работами на срок до 3 лет, либо лишением свободы на срок до 3 лет со штрафом в размере до 120 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев. В случае совершения преступления в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы либо в особо крупном размере (часть 6 статьи), уголовная ответственность определена в виде штрафа в размере от 400 тыс. до 800 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет, либо принудительными работами на срок до 5 лет, либо лишением свободы на срок до 6 лет со штрафом в размере до 1 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового;

2. Статьей 171.3 УК РФ (незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции). Санкцией статьи по части 1 определено наказание в виде штрафа в размере от 2 млн. до 3 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет, либо принудительными работами на срок до 3 лет, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет либо без такового. В случае совершения преступления в составе организованной группы либо в особо крупном размере (часть 2 статьи), уголовная ответственность определена в виде штрафа в размере от 3 млн. до 4 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 2 до 4 лет, либо принудительными работами на срок до 5 лет, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет либо без такового;

3. Статьей 171.4 УК РФ (незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции). Санкцией статьи установлена уголовная ответственность в виде штрафа в размере от 50 тыс. до 80 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3 до 6 месяцев либо исправительными работами на срок до 1 года;

4. Статьей 200.2 УК РФ (незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза алкогольной продукции в крупном размере). Санкцией статьи по части 1 определено наказание в виде штрафа в размере от 300 тыс. рублей до 1 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет, либо принудительными работами на срок до 5 лет, либо лишением свободы на тот же срок. В случае совершения преступления в составе группы лиц по предварительному сговору либо должностным лицом с использованием своего служебного положения (часть 2 статьи), уголовная ответственность определена в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет со штрафом в размере до 1 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет или без такового. Разительно отличается мера наказания при совершении деяния в составе организованной группы (часть 3 статьи) – лишение свободы на срок от 7 до 12 лет со штрафом в размере до 2 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового.

Таким образом, за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Российской Федерации установлены следующие основные виды уголовной ответственности:

- штраф;
- исправительные работы;
- принудительные работы;
- лишение свободы.

В качестве факультативных видов наказания к основным наказаниям определены:

- штраф;
- лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- ограничение свободы.

Довольно странной видится позиция законодателя относительно распределения тяжести наказания за отдельные виды преступлений в рассматриваемой сфере правоотношений. Так за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза алкогольной продукции установлена наибольшая уголовная ответственность. Лишение свободы здесь может достигать 12 лет, тогда как по другим составам обозначенных преступлений оно не превышает 6 лет. Между тем, как правило, наибольший вред обществу наносится именно в результате совершения преступлений, предусмотренных ч.5 и 6 ст.171.1, ст.171.3, ст. 171.4 УК РФ, так как здесь распространены факты оборота продукции, потенциально опасной для жизни и здоровья людей. Действующие санкции по данным составам не способны упредить совершение таких преступлений, что требует их пересмотра.

Анализ приговоров судов по частям 5 и 6 статьи 171.1. УК РФ и статьи 171.3. УК РФ свидетельствует о назначении судами размера наказания, зачастую не превышающего 1 года 6 месяцев лишения свободы. Встречаются случаи и условного осуждения¹. Более того, санкция статьи 171.4. УК РФ вовсе не предусматривает назначение наказания в виде лишения свободы, однако именно данный вид деятельности зачастую непосредственно связан с реализацией контрафактной и поддельной алкогольной продукции. Субъекты, занимающиеся преступной деятельностью в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, рассчитывают в случае выявления их противоправной деятельности понести чрезвычайно мягкое наказание, несопоставимое с получаемыми ими противоправными доходами, а также потенциально возможным вредом здоровью, который может быть причинен недоброкачественной продукцией самим потребителям. Сложившаяся судебная практика и установленный размер санкции не позволяют в должной мере снизить уровень преступности в данной сфере.

Более того, до настоящего времени должным образом все еще не реализованы уголовно-правовые меры противодействия обороту фальсифицированной спиртосодержащей продукции медицинского назначения.

Совершенно очевидно, что предпринятые меры уголовной ответственности, направленные на охрану рынка алкогольной и спиртосодержащей продукции, не позволяют в полной мере предупредить уровень нелегального оборота данной продукции и упредить негативные этому процессу последствия.

Таким образом, считаем целесообразным продолжить уголовно-правовую политику путем дальнейшей криминализации и пенализации действий, связанных с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции в России путем:

1. Ужесточения уголовной ответственности за преступления, предусмотренные частями 5 и 6 статьи 171.1. УК РФ и статьей 171.3. УК РФ;
2. Введения за преступления, предусмотренные статьей 171.4. УК РФ, наказания в виде лишения свободы на определенный срок;
3. Введения в состав действующего Уголовного кодекса РФ статьи 171.5 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за оборот фальсифицированной спиртосодержащей продукции медицинского назначения.

¹ См.: Судебная практика по статьям 171.1., 171.3., 171.4. УК РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru> (дата доступа 14.10.2019 года).

Антонов Андрей Николаевич,
кандидат юридических наук,
начальник Дисциплинарного отдела
Миссии ООН в Косово

Следственная группа ООН по ИГИЛ (ДАИШ) как отражение современного подхода ООН к организации и проведению расследований международными специалистами¹

Мандат был нам предоставлен не для создания очередного пыльного архив [а для] сбора, сохранения и предоставления доказательств наилучшего качества. Уже начаты необходимые следственные действия для того, чтобы лица, совершившие эти ужасные преступления, ответили по всей строгости закона².

Карим А.А. Хан
Специальный советник
и Глава Следственной группы ООН

С июня 2014 года по декабрь 2017 года так называемое «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), известное также как «ДАИШ» (далее – ИГИЛ (ДАИШ)), контролировало значительные участки иракской территории. После их освобождения появилось множество сведений о совершенных ИГИЛ (ДАИШ) преступлениях в отношении местного населения, в том числе казней, пыток, нападений на этнической и религиозной почве, изнасилований. Тогда же были обнаружены более двухсот мест массовых захоронений.

Международным сообществом была подчеркнута исключительная важность привлечения руководителей ИГИЛ (ДАИШ) к ответственности за совершенные преступления. Подробное и основанное на фактах описание этих преступных деяний в ходе судебных процессов может сыграть важную роль в дискредитации идеологии ИГИЛ, позволив сдержать дальнейшее распространение воинствующего экстремизма.

В августе 2017 года правительство Ирака обратилось к международному сообществу с просьбой содействовать в привлечении членов ИГИЛ (ДАИШ) к уголовной ответственности. В частности, правительство просило об оказании практической и методической помощи в расследовании преступлений на иракской территории.

¹ Высказанные в данной статье мнения и оценки являются исключительно лично авторскими и не могут быть отнесены к Организации объединенных наций.

² См.: UN investigation delves into Daesh's crimes against Yazidis // Сайт Arabnews [электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.arabnews.com/node/1420426/middle-east> (дата обращения 05.09.2019).

После серьёзной подготовительной работы, летом 2018 года, Специальная Следственная группа по содействию привлечению ИГИЛ (ДАИШ) к ответственности, созданная Советом безопасности (далее – СБ) ООН (Резолюция СБ ООН № 2379(2017)) начала работать в Ираке¹. Из официального полного её названия (англ.: *United Nations Investigative Team to support domestic efforts to hold Islamic State in Iraq and the Levant ISIL/Da'esh; UNITAD*) прямо следует, что следственная группа (далее – ССГ) призвана в первую очередь поддерживать усилия национальных усилий, направленных на привлечение к ответственности членов этой террористической группировки. В её состав входят международные и иракские следователи, иракские следственные судьи, аналитики, специалисты по защите свидетелей, которые работают на равноправной основе под руководством Специального советника – руководителя ССГ.

Группа уполномочена собирать доказательства, касающиеся совершенных действий ИГИЛ (ДАИШ) в Ираке, которые могут быть квалифицированы как военные преступления, преступления против человечности и геноцид. Для этого она может проводить опросы, собирать показания очевидцев, получать информацию и документы и собирать материалы для криминалистических экспертиз. Следственная группа также уполномочена оценивать собранную информацию, исходя из её надёжности и доказательной ценности, выявлять пробелы в доказательственной базе и принимать возможные и целесообразные меры для устранения таких пробелов. Вся её деятельность должна производиться «с соблюдением высочайших стандартов»² и следующих обозначенных для неё принципов деятельности:

1. беспристрастность и независимость;
2. обеспечение поддержки её деятельности в Ираке;
3. соблюдение международных стандартов и применение передовых методов расследования;
4. сосредоточение внимания на лицах, вероятно несущих наибольшую ответственность.

Вопрос о том, где и в какой форме будут проходить в будущем суды над военными преступниками пока не разрешён. Основная решаемая задача в настоящее время – это оперативное получение и должная фиксация на необходимом качественном уровне как можно большего массива информации,

¹ См.: Первый доклад Специального советника и главы Следственной группы Организации Объединённых Наций по содействию привлечению ИГИЛ (ДАИШ) к ответственности Документ ООН S/2018/1031 // Сайт ООН [электронный ресурс] Режим доступа: https://www.un.org/sc/ctc/wp-content/uploads/2018/11/N1837466_RU.pdf (дата обращения 05.09.2019).

² См.: Компетенция Следственной группы... §§ 2 и далее. Документ ООН S/2018/118 // Сайт ООН [электронный ресурс] Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/2018/118> (дата обращения 10.09.2019).

которая в дальнейшем может быть использована в качестве доказательств в различных процессах против ИГИЛ (ДАИШ), как уголовных, так и иных.

Как уточнено в её мандате, ССГ может: 1) собирать доказательства самостоятельно или 2) осуществлять действия в дополнение к расследованиям, проводимым иракскими властями или расследованиям, проводимым по просьбе этих властей иными иными субъектами. Представляется, что своей деятельностью Группа сможет поднять проводимые расследования до уровня, как минимум удовлетворяющего требованиям международных стандартов прав человека в части расследования незаконного причинения смерти¹.

Деятельность эта может осуществляться как в Ираке, так и за его пределами. Собранные доказательства и иные материалы в первую очередь должны максимально широко применяться в национальных судах. Однако, не исключено их использование и в иных процессах а рамках правосудия переходного периода, как иракских национальных (например, комиссии по установлению фактов и/или по примирению), так и в судебных процессах в третьих странах, а также и международным органам правосудия (как, например, Международный уголовный суд).

Помимо общего документа, разграничивающего полномочия ССГ (англ.: *Terms of Reference, ToR*)², следственная группа должна разработать и утвердить для своих нужд процессуальные нормы по сбору, сохранению и обеспечению безопасности доказательств и иных собранных материалов и сведений. Эти нормы должны основываться на максимально высоких стандартах, согласующихся с Уставом ООН, передовом опыте, нормах международного права, включая международное право в области прав человека, а также соответствующей судебной практике в целях обеспечения возможности максимально широкого использования и допустимости таких доказательств и материалов в национальных следственных органах и национальных судах. При утверждении этих норм Следственная группа должна принимать во внимание иракское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, поскольку собранные доказательства предназначены прежде всего для их дальнейшего использования компетентными иракскими властями. По истечении срока действия мандата, ООН и правительство Ирака должны будут согласовать меры обеспечения сохранности оригиналов доказательств и иных материалов, собранных ССГ, а также иных материалов и аналитических выкладок, ею подготовленных³.

¹ См. напр.: Антонов А.Н. Требования проведения «эффективного расследования» преступлений и некоторые аспекты их реализации в связи с вооружёнными конфликтами // Международное правосудие. 2015. № 2(14). С. 99 – 113.

² См.: Компетенция Следственной группы... §§ 2 и далее. Документ ООН S/2018/118 // Сайт ООН [электронный ресурс] Режим доступа: <https://undocs.org/ru/S/2018/118> (дата обращения 10.09.2019).

³ См.: Там же, § 10.

Есть в положении о ССГ и отдельные моменты, никак не помогающие прояснить вопросы её компетенции и связанные с ней процессуальные моменты.

Так, ст. 20 говорит о том, что следственная группа будет прилагать усилия к получению у свидетелей и любых других информаторов осознанного согласия, позволяющего предоставлять имеющиеся доказательства в распоряжение иракских и других внутренних следственных, прокурорских и судебных органов, а также любых других компетентных органов, как это определено в соглашении с правительством Ирака. Однако, ст. 27 говорит о том, что ССГ будет обмениваться доказательствами с компетентными иракскими властями, руководствуясь своими процессуальными правилами. Статья же 45 опять говорит о необходимости координации с иракскими властями вопросов, связанных с порядком дальнейшего использования собранных ССГ и находящихся у неё на хранении в Ираке доказательств совершения преступлений при проведении справедливых и независимых уголовных процессов¹ в соответствии с положениями настоящего круга ведения.

Далее, в соответствии со ст. 26, собранные Группой доказательства, иные материалы и аналитические выкладки, предназначены «исключительно для использования в рамках справедливых и независимых уголовных процессов, проводимых компетентными национальными судами в Ираке и в третьих государствах». Однако уже ст. 27 подчёркивает, что оные «предназначаются прежде всего для компетентных иракских властей» (подчёркивание добавлено автором) и что действует ССГ «на основе полного уважения Конституции Ирака и соответствующих иракских законов и права Ирака на осуществление юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на его территории». Более того, ст. 32 говорит о том, что ССГ «имеет право заключать соглашения с любым государством или субъектом в интересах осуществления ее мандата».

Несмотря на определённые правовые неясности и практические трудности начального этапа работы, ССГ практически вышла на «проектную мощность». Как сказано в докладе Совету Безопасности ООН в июле 2019 года, группа уже массово собирает документы на бумажных и цифровых носителях, свидетельские показания и материалы криминалистических экспертиз. Начальные следственные действия концентрируются на трёх основных эпизодах: нападения ИГИЛ (ДАИШ) на население национальности язиди в регионе Синжар в августе 2014 года, преступления террористов в Мосуле с 2014 по 2016 годы, а также массовое убийство безоружных иракских кадетов академии ВВС Ирака в Тикрите, совершённое в июне 2014 года².

¹ Опять же неясно, кто и по каким критериям будет определять степень независимости и беспристрастности процессов. Можно ли назвать таковым иракский процесс над Саддамом Хусейном, закончившийся смертным приговором?

² См.: Investigative Team Making 'Significant Progress'... Доклад Председателя ССГ Совбезу ООН на его 8573 заседании 15 июля 2019 г. // Сайт ООН [электронный ресурс] режим доступа: <https://www.un.org/press/en/2019/sc13882.doc.htm> (дата обращения 12.09.2019).

Там же руководитель ССГ заявил, что «за последние две недели ССГ получила доступ к более чем 600000 видеозаписей, касающихся преступлений ИГИЛ (ДАИШ), имеющих прямое отношение к расследуемым преступлениям, а также к более чем 15000 страниц внутренних документов ИГИЛ, собранных в местах боевых столкновений в процессе журналистских исследований». Он также весьма положительно отзывался об уровне взаимодействия с властями Ирака и с Региональным правительством Курдистана, результатом чего явились успешные криминалистические исследования и сбор необходимых материалов в нескольких местах массовых захоронений. Он подчеркнул важность того, что работа ССГ должна дополнять расследования, проводимые иракскими властями¹.

В заключение скажем, что создание ССГ произошло на фоне проходящей значительной реформы ООН, как по форме, так и по существу, а также достаточно серьёзного финансового кризиса самой Организации. Ещё в 2000 году группа специалистов, разработавших под руководством г-на Ладхара Брахими, представила ряд рекомендаций по повышению эффективности деятельности Организации². Среди прочего, было рекомендовано воздерживаться от создания мандатов структурных подразделений Департамента миротворческих операций ООН – Миротворческих миссий ООН, которые возлагали бы на них властные функции каких-либо ветвей государственной власти или управления (англ.: *executive mandates*).

Международные следственные подразделения, несомненно, оставили много положительного «наследия» в регионах, где они работали, как например в Восточном Тиморе, Камбодже и Сьерра Леоне, Косово и других. Однако, реализация этого материала местными структурами, к сожалению, зачастую затруднено впоследствии различия процессуальных стандартов. В той же Боснии специальному Офису прокурора по военным преступлениям приходилось заново передопрашивать свидетелей и проводить другие следственные действия, чтобы реализовать информацию и облечь в надлежащую форму полученные из Гаагского трибунала материалы, которые там считались доказательствами.

Нередко дела против задержанных обвиняемых в военных преступлениях впоследствии разваливаются на глазах. Так в марте 2008 г. на территории Восточного Тимора «международниками» был задержан лидер незаконного вооруженного формирования Матернус Бере, которому инкриминировались массовое убийство мирного населения и другие преступления против человечности, совершенные в 1999 г. Он был передан властям Индонезии по личному распоряжению действующего президента Тимора. Однако,

¹ Там же.

² См.: Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира (известен как «Доклад Брахими»), 21 августа 2000 г. Документ ООН № A/55/305//S/2000/809, §§ 19-20 // Сайт ООН [электронный ресурс] режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/55/305> (дата обращения 08.09.2019).

дело против него было закрыто и вместо десятка лет тюремного заключения он «отделался легким испугом», и это несмотря на массовые протесты и жалобы жертв преступлений¹. Несмотря на то, что все кажется политизированным, никто не задумывается о том, имелись ли против него доказательства, собранные по правилам индонезийского уголовного процесса. Такие же обвинения нередко выдвигались в отношении Гаагского трибунала, в связи с процессами против Рамуша Харадиная и Фатмира Лимая².

Однако, как бы хороши и профессиональны не были иностранцы, если их работа не сопровождается, во-первых, подготовкой местных кадров (их «подтягиванием» до своего уровня), а во-вторых, должным контролем за продолжением начатых процессов после их ухода, то все подобные мероприятия грозят остаться только массивной тратой денег без каких-либо серьёзных положительных последствий для государств и граждан на постконфликтных территориях. Хочется верить, что цели ССГ по ИГИЛ (ДАИШ), обозначенные её руководителем, будут достигнуты и собранные доказательства не будут просто заполнять полки в пыльных архивах.

Кратко рассмотренные особенности международной следственной группы в Ираке полностью «встраиваются» в обозначенную автором в прошлых работах общую теорию расследования преступлений на постконфликтных территориях, имеет общие правовые и практические предпосылки приглашения иностранных специалистов, а также отражает практические особенности деятельности³. Поэтому, можно заключить, что закономерности в организации и процессах проведения такого рода расследований международными специалистами имеют место.

¹ См.: Maternus Bere indicted for Crimes Against Humanity in Suai Church Massacre and other Laksaur Militia activities (updated May 2010) // Вебсайт Тиморского института развития, наблюдения и анализа исследований [электронный ресурс] Режим доступа <https://www.laohamutuk.org/Justice/99/bere/09MaternusBere.htm> (дата обращения 17.09.2019).

² См. напр.: Экс-премьер Косово Харадинай освобожден до вынесения приговора МТБЮ // Лента.RU [электронный ресурс] Режим доступа <https://lenta.ru/articles/2017/12/07/mtbubgeroi/> (дата обращения 19.09.2019); Дважды прощенный косовар // Газета.RU [электронный ресурс] Режим доступа https://www.gazeta.ru/politics/2012/11/29_a_4872885.shtml?updated (дата обращения 19.09.2019).

³ См. напр.: Антонов А.Н. Григорьев В.Н. К вопросу о частной методике расследования преступлений, совершенных в зоне международного вооруженного конфликта // Пробелы в российском законодательстве: Юридический журнал. 2008. № 1. С. 329-332; Антонов А.Н. Некоторые особенности организации работы международных следственных подразделений на постконфликтных территориях // Теоретико-прикладные направления развития правовой системы общества. Сборник научных статей в 3 ч., ч. 2. Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь, 2016, С. 3-13.

Ациева Эллада Александровна,
магистр юридических наук,
старший преподаватель
Казахско-Русского Международного Университета,
г. Актобе, Казахстан

Международные модели правового регулирования заемного труда

Научно-техническое развитие, необходимость гибкого управления, вейания и опыт стран Европы стимулирует быстрое развитие различных форм занятости. В частности, это способствует росту интереса к заемного труда, в последнее время приобретает все большее распространение, но не имеет достаточно четкого определения в действующих нормативных актах, что и обуславливает актуальность рассмотрения вопросов и введения новых подходов к заемному труду.

Следует отметить, что вопросы совершенствования правового регулирования правоотношений при применении различных форм занятости находятся в центре внимания как отечественных, так и зарубежных ученых. Им посвящены труды Д.А. Аширова, Н.Б. Болотиной, В.С. Васильченко, В.В. Жернакова, М.И. Иншина, А. Каплин, Д.А. Карпенко, В. Л. Костюка, Л.И. Лазор, В.В. Лазора, Т.Н. Матрусова, П.Д. Пилипенко, С. Салтицкого, Н.М. Хуторян, И. Чанышев, Л.П. Червинской, И.И. Шамшин, А.Н. Ярошенко и многих других ученых. Однако, несмотря на достаточное внимание исследователей по указанному вопросу, до сих пор нет однозначного понимания юридической природы и особенностей трудовых отношений при заемном труде.

Показателем востребованности услуги заемного труда служат ежегодно растущие темпы ее развития как в Казахстане, так в международном пространстве. По данным ЕС, в большинстве стран Западной Европы на сегодня в секторе заемного труда работают от 1% до 2,5% всего занятого населения. Исследование национального рынка труда свидетельствует, что в последнее время получили широкое распространение различные альтернативные формы занятости, получили название «заемный труд», к которым относят аутсорсинг, аутстаффинг, лизинг персонала. Современные типы занятости (аутстаффинг, аутсорсинг, подбор временного персонала) часто проникают на рынок труда через неформальный сектор. Поэтому реакции основных участников рынка труда приводят к результатам, которые мало прогнозируемые и неожиданные, в то время как усиление конкуренции, необходи-

мость стимулировать производительность труда и экономическую реструктуризацию требуют гибкого рынка, который мог бы оперативно адаптироваться к потребностям экономики быстро меняется¹.

Сегодня существует несколько схем лизинга персонала, наиболее распространенными из которых являются аутстаффинг (outstaffing) и аутсорсинг (outsourcing).

Аутстаффинг – это «выведение персонала за штат» (компания выводит часть своих работников за пределы штата и передает их кадровому агентству, в этом случае агентство формально выполняет для них функции работодателя, но фактически они продолжают работать в прежней компании)².

При аутсорсинге работник заключает трудовой договор с кадровым агентством, беря на себя обязанности лично выполнять определенную трудовую функцию, соблюдать действующие в организации правила внутреннего трудового распорядка и тому подобное. Таким образом, при лизинге рабочей силы возникают трудовые отношения, которые не вписываются в привычные рамки правового регулирования труда. Главное же отличие аутсорсинга от приобретения разовой услуги в наружной компании заключается в долгосрочном и устойчивом характере отношений предприятия-пользователя и внешней компании. Заемный работник при этом остается в относительно стабильных трудовых отношениях с частным агентством занятости.

Необходимо отметить, что общие показатели рынка аутсорсинга в Казахстане характеризуются динамичностью, а в течение последних 3 лет, по некоторым неофициальным источникам, прирост объемов рынка аутсорсинга составлял 200-300% в год. Наибольшее распространение в Казахстане получил ИТ-аутсорсинг, в который вовлечены более 40 000 работников. Кроме того, в предпринимательской практике на аутсорсинг чаще всего передаются такие функции как обеспечение функционирования офиса, ведение бухгалтерского учета, логистические и транспортные услуги переводчика, рекламные услуги и т. д.³.

Одной из причин роста популярности аутсорсинга является отсутствие прямого юридического контакта с работником. К услугам аутсорсинга прибегают в тех случаях, когда: 1) необходимость в найме персонала на сезонные работы; 2) появились вакантные места на короткий промежуток времени (отпуска, больничные, декретные отпуска, праздники, командировки);

¹ Пищулина А. Относительно институционального обеспечения функционирования рынка труда в Украине. По материалам официального сайта Национального института стратегических исследований. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.niss.gov.ua / Monitor / April 2017 / 5.htm>.

² Лизинг рабочей силы [Электронный ресурс] режим доступа: <http://www.leasinginfo.ru / news / content / 1131959498.html>.

³ Сайт Ассоциации предприятий информационных технологий // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://apitu.org.ua>.

3) необходимость реализовать проект при отсутствии квалифицированных со-рабочих или недостаточной численности штата (разработка ИТ, бухгалтерский учет, маркетинговые исследования и т.д.); 4) необходимо минимизировать налоговые потери и расходы на заработную плату.

Представляется, что в Казахстане, как и в большинстве стран мира, в последние годы значительно распространилась сфера и объемы использования альтернативных форм занятости. Основными причинами их распространения являются: потребность в трудоустройстве отдельных категорий работников, для которых полная занятость по любым причинам невозможна или нежелательна (матери с маленькими детьми, безработная молодежь без профессиональных навыков, люди с особыми потребностями и др.) потребность рынка труда в мобильной рабочей силе. Соответственно, усиление конкуренции между работниками за наиболее престижные и высокооплачиваемые должности способствует распространению труда, использованию гибких режимов занятости и других видов альтернативной занятости.

В то же время, по мнению В. Бойко, использование и развитие альтернативных форм трудовых отношений сдерживается рядом факторов: – недостаточно изучены механизмы взаимодействия участников заемного труда, их права и обязанности; – проблемными остаются вопросы урегулирования деятельности агентств занятости, способы их включения в осуществление политики занятости; – трудовое законодательство Казахстана не предусматривает использование заемного труда, хотя и не запрещает практику его применения; – недостаточная эффективность применения заемного труда в силу экономических, политических и психологических факторов¹. С этим трудно не согласиться. Однако, считаем, что наиболее влиятельным фактором, приостанавливает распространение заемного труда является отсутствие надлежащих механизмов защиты прав, свобод и законных интересов участников нестандартных трудовых отношений. Вопрос ответственности работодателя и защиты заимствованных работников является темой бесконечных дискуссий со стороны профсоюзов. Поэтому считаем, что сегодня остро стоит вопрос создания нового трудового законодательства, урегулировали бы применение заемного труда и правовой статус субъектов трехсторонних трудовых отношений.

Сегодня кризисные явления вынуждают работодателей искать уменьшения финансовой нагрузки на бизнес, поэтому такая форма найма работников распространяется. Учитывая, что для казахстанских предприятий заемный труд постепенно приобретает все большую «популярность» среди работодателей, проблема предоставления социально-трудовых прав и гарантий лицам, работающим на условиях, являющихся предметом пристального внимания.

¹ Мельник С.В. Осторожно: заимствована труд [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.psv.org.ua/search/1331820373-1.html>

Заинтересованность казахстанских предпринимателей в заемном труде объясняется возможностью: – сокращение затрат на рабочую силу, которые были бы неизбежны при стандартных систем занятости, а теперь переводятся на частные агентства: на поиск кандидатов, выплату зарплаты, отпускных, оплату листков нетрудоспособности, отчислений в пенсионный фонд и фонд социального страхования; – гибкого использования рабочей силы, например, быстрой замены временно отсутствующих работников (отпуск, командировка, болезнь и т.п.), изменения количественного состава рабочей силы во время колебаний экономической конъюнктуры, наем работников в том или ином регионе без открытия представительства предприятия, для реализации временных проектов (срочных заказов, сезонных работ), сокращение численности персонала без потери квалифицированных кадров; – уменьшение рисков, связанных с трудовой поведением сотрудников: увольнений, забастовок, трудовых конфликтов, несчастных случаев на производстве и тому подобное.

Использование заемного труда может быть полезным и работникам. Не имея необходимого опыта работы, работник рассчитывает не на высокую зарплату, как обучение в процессе работы и шанс получить постоянную работу на предприятии, куда его направляет кадровое лизинговое агентство. Также заемный труд позволяет совмещать работу с участием в общественной жизни, поддержкой и т.п., и это касается также заемный труд позволяет совмещать работу с участием в общественной жизни, поддержкой и т.п., и это касается отдельных категорий работников, для которых стандартная полная занятость может быть невозможной или затруднена.

Для работника в случае нарушения его прав и гарантий возникает и вопрос их защиты в судебном порядке. Прежде всего это касается ситуации, когда работник не может определиться, к кому предъявить иски требования. И бесспорным представляется факт, что отсутствие механизмов правового регулирования вызывает проблемы и в правоприменительной практике. Так в большинстве индивидуальных трудовых споров у работника возникает не один, а два процессуальных противники (например, ответчиком является агентство занятости, а предприятие-пользователь – третьим лицом, не заявляющего самостоятельные требования со стороны ответчика)¹.

С точки зрения традиционного национального трудового права в Республике Казахстан нет отдельного специализированного закона, регулирующего деятельность частных агентств занятости. Поэтому основным законом, под действие которого попадает сфера частного трудового посредничества, является Закон Республики Казахстан «О занятости населения» который регулирует правовые, экономические и организационные отношения

¹ Трошина Т. Нетипичные формы занятости: риски для работников и необходимость правового регулирования [Электронный ресурс] Режим доступа: http://nspp-lugansk.ucoz.ua/publ/netipovi_formi_zajnjatosti_riziki_dlja_pracivnikov_ta_neobkhdnist_pravovogo_reguljuvannja / 1-1-0 -20

в сфере занятости населения, которые недостаточны для утверждения и введения обсуждаемой формы занятости.

Таким образом, учитывая приведенные проблемы, очевидна невозможность разрешения на использование заемного труда в Казахстане общими нормами и институтами традиционного трудового права. И важно понимать, что особые правоотношения нуждаются в особом, специальном правовом регулировании.

Считаем, что сегодня применение заемного труда в Казахстане может выступать альтернативой безработице. Но этот шаг невозможен без учета и разработки национальных норм правового регулирования этой сферы в соответствии с общими тенденциями развития европейского трудового законодательства.

Бадалов Артур Эдуардович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы полноты и системности положений постановления Пленума Верховного Суда России «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях»

«В связи с вопросами, возникающими у судов при рассмотрении уголовных дел о взяточничестве (статьи 290, 291 и 291.1 УК РФ) и об иных связанных с ним преступлениях, в том числе коррупционных (в частности, предусмотренных статьями 159, 160, 204, 292, 304 УК РФ), и в целях обеспечения единства судебной практики»¹ 09.07.2013 Пленумом ВС РФ было принято Постановление № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Вместе с тем, не смотря на тщательное и всестороннее обсуждение Проекта Постановления от 09.07.2013г. №24, последнее, с нашей точки зрения, содержит ряд существенных недостатков. Некоторые из положений рассматриваемого ППВС РФ не отвечают принципам лаконичности, недопустимости дублирования и избыточного регулирования; другие – напротив, предписывают алгоритм неполной квалификации, которая не соответствует характеру и степени опасности описанного в Постановлении примера преступного поведения.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», Преамбула // <http://base.consultant.ru>.

Говоря об избыточном регулировании, нельзя не отметить ту часть Преамбулы, в которой говорится о том, что «Правосудие по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях должно осуществляться на основе соблюдения принципов независимости судебной власти, состязательности и равноправия сторон, соблюдения прав и свобод человека, в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства». Такое разъяснение представляется явно излишним и позволяет предположить, что нижестоящие суды нуждаются в разъяснениях относительно принципов осуществления правосудия, что, безусловно, не так и представляет собой пример избыточного регулирования.

Аналогичного рода недостаток содержится в абз. 3 п. 18 рассматриваемого Постановления Пленума ВС РФ, в котором указывается, что «Если в процессе вымогательства взятки либо предмета коммерческого подкупа должностное лицо (...) совершило действия (бездействие), повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, содеянное при наличии к тому оснований должно быть дополнительно квалифицировано по статье 285, 286 или 201 УК РФ». С нашей точки зрения, алгоритм дополнительной квалификации по статье 285, 286 или 201 УК РФ распространяется не только на случаи вымогательства, но и на любые иные виды получения взятки или коммерческого подкупа, независимо от содержания коррупционных действий и стадии совершения преступления, на которой причинен вред гражданам или организациям. Кроме того, п. 22 Постановления разъясняет аналогичный алгоритм необходимости дополнительной квалификации не только по отношению к вымогательству взятки или коммерческого подкупа, но и по отношению к иным видам коррупционных преступлений, не связанным с вымогательством. Таким образом, приведенные в п. 18 и п. 22 ППВС РФ рекомендации свидетельствуют о дублировании и излишнем правовом регулировании, по сути, одного и того же вопроса в Постановлении Пленума ВС РФ, что свидетельствует о необходимости исключения п. 18 из содержания рассматриваемого ППВС РФ.

Одной из объективных причин, по которым рассматриваемое Постановление Пленума Верховного Суда России не отвечает предъявляемым к нему требованиям, является то, что после его принятия в июле 2013г., а также после его редактирования в декабре того же года¹, в УК РФ был внесен ряд изменений и дополнений, что не могло не вызвать необходимости редактирования соответствующих положений Постановления.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.12.2013 № 33 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 года № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета, № 279, 11.12.2013; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.12.2013 № 33 (ред. от 22.12.2015) // <http://base.consultant.ru>.

Так, в частности, абзац 6 Преамбулы ППВС РФ, определяющий предмет правового регулирования, конкретизирует его, перечисляя в статьи УК РФ, подлежащие разъяснению. Представляется, что дополнение УК РФ новыми составами коррупционных преступлений (ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество», 204.1 УК РФ «Посредничество в коммерческом подкупе», 204.2 УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп» вызывает необходимость их упоминания в разъяснениях верховного правоприменителя, поскольку последние касаются их в не меньшей степени, чем основных (традиционных) составов коррупционных преступлений. Сказанное в одинаковой степени справедливо и для состава, предусмотренного ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса», по сути, представляющего собой специальный вид коммерческого подкупа.

Отсутствие названных уголовно-правовых норм в конкретизации предмета правового регулирования ППВС РФ создает формальные предпосылки для иного толкования признаков их составов, нежели в составах, перечисленных при конкретизации в преамбуле Постановления. Это, в свою очередь, противоречит целям «обеспечения единства судебной практики», а также разъясняющей задаче анализируемого ППВС РФ

Необходимо также отметить, что в соответствии с положениями Федерального закона Российской Федерации от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст. 204 УК РФ претерпела весьма значительные изменения и дополнения. В частности, ее структура, ранее состоявшая из четырех частей, была расширена до восьми частей. В связи с этим, разъяснения ППВС РФ о квалификации коммерческого подкупа, утратили практическую значимость, поскольку в большинстве случаев Постановление не называет буквально тот или иной вид коммерческого подкупа, а лишь указывает пункт и часть (с первой по четвертую) статьи 204 УК РФ, которая на сегодняшний день состоит не из четырех, а из восьми частей.

Отдельные разъяснения ППВС РФ, содержательно призванные реализовать идеи справедливого уголовно-правового воздействия, противоречат уголовно-правовым и конституционным принципам. В частности, возвращаясь к абз. 3 п. 30 ППВС РФ, напомним, что в нем указывается: «Не образуют состав преступления, предусмотренный статьей 291 либо частями 1 и 2 статьи 204, действия лица, в отношении которого были заявлены требования о даче взятки или коммерческом подкупе, если до передачи ценностей оно добровольно заявило об этом органу, имеющему право возбуждать уголовное дело либо осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и передача имущества, предоставление имущественных прав, оказание услуг имущественного характера производились под контролем с целью задержания с поличным лица, заявившего такие требования».

Представляется, что ППВС РФ не вполне обоснованно в данном случае говорит об отсутствии состава преступления. В приведенном примере, с нашей точки зрения, общественно полезное поведение лица не может образовывать самого события преступления, а не только не содержит отдельных признаков его состава, в связи с чем, лицо должно не освобождаться от уголовной ответственности, а вообще не подлежать таковой. Если до передачи ценностей или до оказания услуг имущественного характера лицо добровольно сообщило о готовящемся преступлении в органы власти, то его действия необходимо квалифицировать как добровольный отказ от совершения преступления в соответствии с положениями ст. 31 УК РФ. При этом, представляется весьма существенной разница в правовых последствиях добровольного отказа и деятельного раскаяния. Столь же существенной представляется разница в процессуальных формулировках освобождения лица от уголовной ответственности в связи с отсутствием события преступления и в связи с отсутствием какого-либо из элементов состава преступления.

Учитывая изложенное, предлагаем в абз.3 п.30 ППВС РФ от 09 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» слова «состав преступления, предусмотренный» заменить словами «события преступления, предусмотренного».

Анализируя п. 30 рассматриваемого ППВС РФ, отметим, что буквальная регламентация оснований освобождения от уголовной ответственности отсутствует не только во втором абзаце, но и в первом абзаце п. 30 ППВС РФ, где ведется речь об освобождении от уголовной ответственности «взяткодателя либо лица, совершившего коммерческий подкуп, которые активно способствовали раскрытию и (или) расследованию преступления и в отношении которых имело место вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа». Рекомендации верховного правоприменителя сводятся лишь к констатации факта, что обозначенная ситуация не означает отсутствия действия таких лиц состава преступления, а также того, что такие лица не могут признаваться потерпевшими и не вправе претендовать на возвращение им ценностей, переданных в виде взятки или предмета коммерческого подкупа.

С нашей точки зрения, в целях обеспечения полноты уголовно-правового регулирования и выработки единообразного применения закона абз. 1 п. 30 ППВС РФ необходимо дополнить рекомендациями по квалификации оснований освобождения от уголовной ответственности при активном способствовании раскрытию и (или) расследованию преступления со стороны лиц, в отношении которых имело место вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа. Учитывая, что такие лица все-таки совершили деяние, содержащее все признаки состава преступления, и после его совершения активно способствовали его раскрытию и (или) расследованию, то реабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности

к таким лицам неприменимы, в связи с чем, представляется возможным вести речь только лишь о нереабилитирующих основаниях, в частности, об освобождении их от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. С уголовно-правовой точки зрения, алгоритм такого освобождения регламентируется положениями ст. 75 УК РФ, а с уголовно-процессуальной – положениями ст. 28 УПК России.

В связи с этим предлагаем абзац 1 пункта 30 ППВС РФ от 9 июля 2013г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. ППВС РФ от 03.12.2013 № 33) дополнить ссылкой на деятельное раскаяние, как основание освобождения лица от уголовной ответственности и изложить его в следующей редакции:

«30. Освобождение от уголовной ответственности взяткодателя либо лица, совершившего коммерческий подкуп, которые активно способствовали раскрытию и (или) расследованию преступления и в отношении которых имело место вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа, не означает отсутствия в их действиях состава преступления и осуществляется в связи с их деятельным раскаянием, т.е. на основании статьи 75 УК РФ и статьи 28 УПК РФ» (Далее – по тексту без изменений).

Анализируя п. 31 рассматриваемого ППВС РФ об особом порядке привлечения к уголовной ответственности в соответствии с п. 2 и 3 примечания к ст. 201 УК РФ, несложно заметить, что положения ППВС РФ не соответствуют действующей редакции ст. 201 УК РФ. Данная норма утратила примечания 2 и 3 в связи с принятием ФЗ РФ от 02.11.2013 № 302-ФЗ, которые регламентировали особый порядок привлечения к уголовной ответственности за все преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, предусмотренные главой 23 УК РФ, в том числе, за общий и специальные виды коммерческого подкупа. В связи с этим, рассматриваемые положения ППВС РФ нуждаются в редактировании.

Некоторые разъяснения ППВС РФ представляют собой дублирование ранее описанных разъяснений. Так, в частности, примером дублирования является содержание абз. 3 п. 24 ППВС РФ и абз. 3 п. 26 ППВС РФ. Так, в абз. 3 п. 24 ППВС РФ указано: «Как мошенничество следует квалифицировать действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу». Аналогичный алгоритм квалификации повторяется в абз. 3 п. 26 ППВС РФ: «В случае, когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, заведомо не намеревалось передавать ценности в качестве взятки должностному лицу либо посреднику и, получив указанные ценности, обратило их в свою пользу, содеянное следует квалифицировать как мошенничество без совокупности с преступлением, предусмотренным частью 5 статьи 291.1 УК РФ».

Поскольку в обоих рассматриваемых положениях ППВС РФ описываются одни и те же алгоритмы квалификации преступных действий, совершаемых мнимым посредником, то, с нашей точки зрения, для устранения дублирования целесообразно было бы исключить повторяющиеся положения из абз. 3 п. 24 ППВС РФ. Кроме того, представляется необходимым внести в данный пункт соответствующие правки, касающиеся квалификации обмана под видом совершения коммерческого подкупа и оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса.

Примером противоречивой оценки одних и тех же обстоятельств Пленумом и Президиумом ВС РФ являются рекомендации, касающиеся вменения квалифицированных и особо квалифицированных видов взяточничества или коммерческого подкупа, изложенные в п. 20 рассматриваемого ППВС РФ и в разъяснениях Президиума ВС РФ¹. Так, в соответствии с п. 20 ППВС РФ «Квалифицирующие признаки, характеризующие повышенную общественную опасность взяточничества или коммерческого подкупа (...), следует учитывать при юридической оценке действий соучастников соответствующих преступлений, если эти обстоятельства охватывались их умыслом». Вместе с тем Президиум Верховного Суда Российской Федерации пояснил, что «коммерческий подкуп на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, получение взятки, дача взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, влекут ответственность по ч.1 ст. 204.2 либо по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ независимо от того, (...) за какие действия (законные или незаконные) они совершены, в каком составе участников (единолично или группой лиц), а также наличия или отсутствия других квалифицирующих признаков коммерческого подкупа и взяточничества».

Учитывая, что анализируемое ППВС РФ было принято и подлежало редактированию до принятия Федерального закона РФ от 3 июля 2016 года № 324-ФЗ, в соответствии с которым УК был дополнен нормами об ответственности за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество, а Президиум ВС РФ дал соответствующие разъяснения 15.07.2016, т.е. уже после обозначенных дополнений УК РФ, то, с нашей точки зрения, рассматриваемые разъяснения Постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 03.12.2013 № 33), ставшие в связи с изменениями УК РФ неполными и противоречащими действующему законодательству,

¹ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года) Утверждены Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 сентября 2016 года // http://www.vsrfl.ru/Show_pdf.php?Id=11051

нуждаются в редактировании в соответствии с разъяснениями тех же вопросов Президиумом ВС РФ.

Таким образом, анализ Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» позволяет сделать вывод, что масштабное редактирование антикоррупционных положений УК РФ, предпринятое законодателем в последние годы, не сопровождалось внесением соответствующих поправок в содержание рассматриваемого Постановления, что существенно снижает (а в отдельных случаях – полностью исключает) правовую и процессуальную значимость положений названного Постановления Пленума ВС РФ.

Балмагамбетова Венера Максатовна,
докторант по специальности «Юриспруденция»
Казахско-Русского Международного
университета, г.Актобе, Казахстан

Правовая политика стран Европейского пространства высшего образования в условиях мирового образовательного рынка

Роль системы образования в социально-экономическом, технико-технологическом, культурном и политическом развитии общества общеизвестна. Именно образовательный потенциал обеспечивает достойный имидж страны и ее место в мировом сообществе, определяет статус человека в обществе и статус нации в мире. Высшая школа является главным носителем интеллектуального, научного и кадрового потенциалов общества. Ее состояние и уровень развития определяют степень конкурентоспособности страны¹.

Сближение, совершенствование, гармонизация, развитие высшего образования – все это подтолкнуло министров образования Европы в марте 2010 года создать Европейское пространство высшего образования (далее – ЕПВО). Так, Болонский процесс стал ступенью в новое образовательное пространство, стран его участниц.

Однозначно ЕПВО стало образовательным реформатором, целью которого выступает как свободный доступ к получению образования, мобильность студентов и преподавательского состава, так и повышение уровня трудоустройства выпускников высших школ.

¹ Нармбаев К.Н. Проблемы реформирования высшего образования в Казахстане в условиях глобализации (научный доклад). Алматы: Институт экономики МОН РК, 2007.

Ежегодные доклады ЕПВО, встречи министров, разработка коммюнике показывает их плодотворную деятельность, высокий уровень, поддерживаемой политики, для устойчивого механизма высшего образования.

Рассматривая доклад о ходе осуществления Болонского процесса 2018 года, можно заметить настолько точно раскрыты все параметры Болонского процесса, какие произошли сдвиги, а где наоборот идет процесс торможения. Доклад всесторонне отражает образовательную политику стран-участниц процесса. Республика Казахстан не исключение.

Отечественное законодательство в области образования стремительно набирает темпы, разрабатывая образовательные хабы, направленные на соответствие всем требованиям Болонского процесса.

Группа Bologna Follow Up определила три ключевых обязательства, лежащие в основе ЕПВО. Эти обязательства касаются реализации трехуровневой структуры степени, признания квалификаций и обеспечения качества. Их можно рассматривать как основу ЕПВО: если эти фонды не созданы, дальнейшее европейское сотрудничество в области высшего образования подорвано¹.

Анализируя каждую из них, то картина происходящего в мире изрисовывается следующим образом. Многие страны начали широко использовать процедуру применения болонского инструмента – общеевропейскую систему учёта учебной работы студентов при освоении образовательной программы или курса (далее – ECTS). Однако наряду с этим не многие страны мира, включая Казахстан полномерно не выдают соответствующее стандартам Приложение к диплому.

Второй аспект, лежащий в основе ЕПВО, также требует максимального внимания и нормативно-правовой доработки.

Как говорится в Докладе: «...еще предстоит проделать работу по обеспечению того, чтобы были установлены и соблюдались соответствующие процедуры для признания квалификаций беженцев, перемещенных лиц и лиц в ситуации, подобной беженцам...»¹.

Последнее основание, лежащее в основе ЕПВО, по-моему, мнению, является самым шатким и пока не совсем устойчивым индикатором Болонского процесса. Однако борьба с его преодолением носит постоянный характер.

Государствами, на национальном уровне, производятся мониторинг и надзор за обеспечением качества. Если же рассматривать этот вопрос на международном уровне, то Европейский регистр обеспечения качества для высшего образования (далее – EQAR), выступает ядром в борьбе за обеспечение качества мирового образовательного рынка.

¹ The European Higher Education Area in 2018 Bologna Process Implementation Report/Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 26, 28 p

В течение нескольких лет EQAR поддерживает базу знаний о внешних системах обеспечения качества и национальных правовых рамках по всему ЕНЕА. В течение 2018 года EQAR расширил информационный профиль, предоставляемый для каждой страны ЕНЕА, и обновил информацию на основе отчета о реализации ЕНЕА и собственных исследований¹.

Для каждой страны ЕНЕА база знаний содержит информацию о:

- требования внешней гарантии качества с разбивкой по различным типам вузов, где это применимо;
- признание внешней гарантии качества другими агентствами, зарегистрированными в EQAR;
- наличие европейского подхода к обеспечению качества совместных программ;
- зарегистрированные в EQAR агентства по обеспечению качества, работающие в стране;
- ссылки на их отчеты по обеспечению качества в DEQAR¹.

Из выше изложенного можно увидеть, какой вклад вносит EQAR в развитие ЕПВО, облегчая им работу, проводя анализы и составляя отчеты по исследуемым странам мира.

Конечным результатом деятельности министров образования стран ЕПВО выступает высокий уровень качества образования. Страны-участницы Болонского процесса планомерно двигаются в сторону признания их дипломов на европейских просторах. Это достаточно кропотливая работа, так как на развитие образования влияют множество других факторов, как на государственном, так и на местных уровнях. Считаю, что достичь больших результатов и побед можно прибегнув к следующим изменениям. Так, например, все требования Болонского процесса носят рекомендательный характер, однако, если изменить на обязательный, то тогда у стран-участниц не будет повода для неисполнения. Возможно, что при таком раскладе, страны Европейского пространства высшего образования будут «идти» в одну ногу и достигать лучших результатов в развитии высшего образования.

Так и все коммюнике (Берлинское, Ереванское, Парижское и т.д.), принимаемые министрами образования стран-участниц Болонского процесса, на законодательном уровне, не имеют целью строгого исполнения.

Несомненно, принципы концепции обеспечения качества образования стран ЕПВО отражают широкий спектр направлений на образовательном поле, делая охват и на интересы студентов, преподавателей, работодателей, при этом придерживаясь политики прозрачности, мобильности, трансграничности.

В настоящее время ЕПВО, в частности Европейский союз студентов (далее – ESU) с целью качественных изменений в студенте, как основного

¹ <https://www.eqar.eu/about/annual-reports/2018-2/contributing-to-the-development-of-the-eha/>

субъекта образовательного пространства, разработали проект, направленный на студентоцентрированное обучение (далее – СЦО).

СЦО требует сдвига парадигмы на всех уровнях, так что его определение – это не просто «упражнение с боксерской подушкой», выполняемое исключительно для выполнения требований, таких как обеспечение качества. Переход к СЦО влечет за собой как смещение фокуса с того, чему учат на то, как и почему учат, а также сдвиг фокуса с преподавателя на обучение студентов. Такой сдвиг в обучении и определении обучения требует не только изменения мышления преподавателей, студентов и органов управления в высшем образовании, но также зависит от ряда условий, которые могут потребоваться для успешного применения подхода СЦО¹.

В системе образования, ориентированной на потребности обучающегося («студентоцентрированной»), ключевой ценностью любой университетской программы является ее релевантность в отношении потребностей самих студентов и общества в целом. Программа должна быть не только основана на академическом (интеллектуальном), профессиональном и социальном развитии обучающегося, но и направлена на получение работы и на полноценную жизнь в европейском контексте².

Для успешного перехода к СЦО, считаю необходимо постепенно давать больше возможно студентам как в поиске, анализе нового материала, так и в оценивании самих себя, других. Умения выявлять ошибки и самому поставить себе оценку с дальнейшим плановым устранением недостатков и совершенствованием своих знаний, умений и навыков. С другой стороны, нужно подпитать преподавательский состав сдержанностью и «передачи» власти обучающемуся и оказание моральной поддержки на новом образовательном поприще. Считаю возможным, что в комплексе вышеизложенных мер система высшего образования плавно перейдет к новой методике, направленной на глубокую свободу студента высшей школы. Данные изменения должны носить правовой характер и отражаться в Законе «Об образовании», что будет способствовать развитию системы образования и улучшению ее качества.

В СЦО делается упор на такие навыки и компетенции, которые демонстрируют у студентов ответственность за свое собственное обучение, независимость и сотрудничество, понимание, способность решать проблемы³.

¹ Студентоцентрированное обучение. Глубинное понимание теории и практики / Анжеле Аттард, Эмма Ди Иорио, Коем Гевен, Роберт Санта. Астана: НКАОКО – IQAA, 2017. С. 17

² https://studme.org/36674/pedagogika/kontseptsiya_obespecheniya_kachestva_obrazovaniya_epvo

³ Студентоцентрированное обучение. Инструментарий для студентов и профессорско-преподавательского состава вузов / Анжеле Аттард, Эмма Ди Иорио, Коем Гевен, Роберт Санта. Астана: НКАОКО – IQAA, 2017. С. 28.

Высшее образование – динамичный сектор. Страны и агентства должны адаптироваться к новым вызовам, новым способам преподавания и обучения и новым способам обеспечения качества. Поэтому важно постоянно обновлять информацию о системах обеспечения качества¹.

Барабанов Николай Борисович,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России

Вопросы производства отдельных оперативно-розыскных мероприятий в контексте уголовно-процессуального законодательства

На сегодняшний день бытует большое множество взглядов, мнений и идей, касающихся закрепления таких следственных действий как контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в контексте с соотношением их с ОРМ подобного вида.

Так, предусмотренное ст. 186 УПК РФ следственное действие «контроль и запись телефонных и иных переговоров фиксируется как «прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм»².

Статья 186 УПК РФ выделяет в качестве предмета следственного действия – переговоры:

- а) которые производятся по телефону;
- б) иные, которые осуществляются с помощью использования средств коммуникации.

Так, сформулированные законодателем дефиниции «переговоры», «средства коммуникации» используются в более широком общепринятом значении, однако, в УПК РФ данные понятия не конкретизированы, в силу чего закономерно возникает вопрос, как же все-таки следует их интерпретировать в процессе применения ст. 186 УПК РФ, если адаптировать их к производству ОРМ?

С целью конкретизации предмета рассматриваемого оперативно-розыскного действия возникает необходимость в раскрытии смысла понятий «переговоры» и «средства коммуникации». Толковый словарь

¹ <https://www.eqar.eu/about/annual-reports/2018-2/foreword/>

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

определяет переговоры как «обмен мнениями с деловой целью»¹, то есть понимает под ними общение официального характера. Таким образом, под переговорами следует понимать ситуации, в которых происходит словесное общения людей по любому поводу и кругу вопросов.

Предметом следственного действия, предусмотренного ст. 186 УПК РФ, выступают не любые переговоры, а производимые лишь с использованием средств коммуникации. Термину «коммуникация» в широком смысле слова придается очень расширенное (абстрактное) значение, и при его буквальном толковании к «средствам коммуникации» можно отнести любые средства, используемые при общении.

Наиболее существенной проблемой все-таки выступает неясность в определении значения «иных переговоров». Среди ученых, обсуждающих вопрос о содержании указанного термина, сформировалось три подхода.

Так, представители первой точки зрения под «иными переговорами» понимают любые «связи», ведущиеся путем непосредственного общения, то есть относят к переговорам устную речь, передаваемую без помощи телефонной связи, в личном непосредственном контакте или вблизи средств связи. Данный подход разделяют и некоторые авторы, сопоставляющие контроль и запись переговоров с таким оперативно-розыскным мероприятием, как прослушивание телефонных и иных переговоров, которое с технической стороны практически полностью совпадает с рассматриваемым следственным действием².

Сторонники второй позиции считают, что к «иным переговорам» относятся лишь ведущиеся по средствам электросвязи, и при этом ограничивают их исключительно аудиальными, то есть устными разговорами. Так, по мнению этих авторов, в предмет контроля и записи переговоров не могут включаться сообщения текстового и мультимедийного характера, которые представляют собой не «переговоры», а «переписку»³.

Последователи третьего подхода также считают, что «иные переговоры» включают в себя только производимые по средствам электросвязи, однако понимают термин «переговоры» расширительно, распространяя его не только на устные голосовые сообщения, но и на иные, передаваемые по современным средствам электросвязи, обладающие возможностью технической фиксации.

¹ Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 2016.

² Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: некоторые проблемы взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции (Уфа, Институт права БашГУ, 17-18 апреля 2013 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 8.

³ Там же. С. 9.

Особенно важно, что исключительно различие между следственным действием и оперативно-розыскными мероприятиями заключается лишь только в правовом режиме их производства и доказательственном значении результатов.

Средствами коммуникации при применении ст. 186 УПК РФ необходимо считать только средства связи. При этом к ним не следует относить аппараты, обеспечивающие только усиление голоса (рупоры, мегафоны и т.п.), принцип действия которых базируется на распространении звука в сплошных средах (например, в воздухе).

Также очевидно, что контроль и запись переговоров не распространяется на сообщения, направляемые средствами почтовой связи. Во-первых, характер сообщений, передаваемых почтовой связью, не дает возможность определить их как «переговоры». Такие сообщения зачастую представляют собой материальные предметы (посылки и бандероли), которые вообще не представляют и не могут представлять собой факта речевого общения. Если же предметом почтового отправления является письменное сообщение, то такой способ общения нельзя отнести к переговорам, поскольку личное восприятие собеседников в данном случае отсутствует. Во-вторых, для фиксации подобных сообщений существует самостоятельное следственное действие (наложение ареста на почтово-телеграфные отправления), введенное в закон гораздо раньше контроля и записи переговоров и имеющее более узкий предмет.

В юридической литературе справедливо отмечено, что фиксация разговоров лиц, ведущихся без использования средств электросвязи, включая и те случаи, когда лицо имитирует разговор по телефону, но фактически общается с рядом стоящим человеком, будет представлять собой не прослушивание телефонных переговоров и не снятие информации с технических каналов связи, а разновидность наблюдения (электронное наблюдение)¹.

Необходимо учитывать, что контроль и запись переговоров, как и любое следственное действие, может быть назначено только при наличии фактических оснований. Очевидно, что по подавляющему большинству преступлений небольшой тяжести таких оснований не будет иметься, и, следовательно, по подобным делам не будет производиться контроль и запись переговоров. Вместе с тем в тех случаях, когда проведение рассматриваемого следственного действия по делам небольшой тяжести объективно необходимо в соответствии с конкретными обстоятельствами дела, следователь должен иметь возможность произвести это следственное действие, как и все остальные. Второе условие заключается в том, что срок производства указанного следственного действия ограничен и не может превышать 6 месяцев.

¹ Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 58.

Длительность данного срока вызвала нарекания в научной литературе. Ученые отмечают как его излишнюю, по их мнению, продолжительность, так и несоответствие срока предварительного следствия (3-кратное превышение изначального срока следствия). Думается, однако, что указанная критика не вполне обоснована. Учитывая, что контроль и запись переговоров назначается в большинстве случаев для установления полного состава участников совершения преступления, а также для розыска скрывшихся обвиняемых (подозреваемых), ограничение его продолжительности более короткими сроками может отрицательно повлиять на эффективность и результативность данного следственного действия.

Контроль и запись переговоров может быть назначен только в отношении конкретных лиц. В отличие от получения информации о соединениях между абонентами его нельзя назначать, например, для фиксации всех переговоров, обслуживаемых конкретной базовой станцией. Этот вывод следует из системного анализа положений ч. 1 ст. 186 и ч. 1 ст. 186¹ УПК РФ. В ч. 1 ст. 186¹ УПК РФ говорится о возможности получения в ходе предусмотренного данной нормой следственного действия информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами. Таким образом, в данной норме установлена возможность проведения следственного действия как в отношении конкретных лиц, так и технических устройств, без предварительного установления того, кто этим устройством пользуется. Вместе с тем требование о назначении контроля и записи переговоров в отношении конкретного лица не означает, что должны быть обязательно установлены его полные анкетные данные. Вполне возможна ситуация, при которой в ходе расследования становится известным идентификационный номер средства электросвязи, которым пользуются лица, причастные к совершению преступления, однако анкетные данные этих лиц не установлены. Думается, что контроль и запись переговоров может быть назначен и в этом случае.

Назначение контроля и записи переговоров в порядке ч. 1 ст. 186 УПК РФ имеет практический смысл при наличии сведений о том, что:

- а) преступная деятельность продолжается оставшимися на свободе соучастниками;
- б) некоторые обвиняемые (подозреваемые) скрылись от расследования;
- в) лица, не привлеченные в настоящий момент к уголовной ответственности, пытаются оказать давление на граждан, осведомленных об обстоятельствах преступного деяния (пусть и не имеющих статуса участников судопроизводства);
- г) лица, участвовавшие в совершении преступления, вырабатывают тактику защиты для ухода от ответственности или ее минимизации¹.

¹Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

Представляет интерес вопрос о допустимости назначения контроля и записи переговоров для получения образцов голоса того или иного лица. Думается, что такое возможно, но только при условии, если соответствующее лицо по объективным причинам не может быть вызвано к следователю для получения образцов для сравнительного исследования в порядке ст. 202 УПК РФ.

Рассмотрим группы фактических оснований производства контроля и записи переговоров. Первая группа оснований включает в себя обоснованные предположения о том, что в своих переговорах по средствам электро-связи обвиняемый, подозреваемый и другие лица могут сообщать сведения, касающиеся обстоятельств совершения преступления, подлежащих установлению в процессе предварительного расследования по уголовному делу. В науке давно отмечено, что было бы более правильно признавать у лица процессуальный статус подозреваемого не по формальным основаниям, а по фактическим, то есть когда следственными органами ведется деятельность, реально направленная на подтверждение причастности лица к совершению преступления¹.

Контроль и запись переговоров осуществляется только в период нахождения лица в определенном процессуальном статусе. Это требование нужно особо учитывать в тех случаях, когда рассматриваемое следственное действие назначается в отношении подозреваемого.

Наглядным примером может являться преступная деятельность, которая осуществлялась оставшимися на свободе соучастниками, которые были не осведомлены о задержании части виновных. Так, следственной частью ГСУ ГУ МВД России по Свердловской области расследовалось уголовное дело по обвинению А. в совершении контрабандного ввоза наркотических средств из Китайской Народной Республики в Российскую Федерацию и последующего их незаконного сбыта на территории Свердловской области.

Как установило следствие, А. примерно за год до начала действий, непосредственно составляющих объективную сторону состава преступления, познакомился с неустановленным гражданином КНР, который предложил А. приобретать наркотические средства, оборот которых в КНР не запрещен, и сбывать их в Российской Федерации. А. принял данное предложение, после чего неустановленный гражданин КНР неоднократно отправлял А. по почте посылки, в которых находилось наркотическое средство. А. получал данные посылки в специализированных центрах, после чего сбывал поступившие наркотики. При этом А. регулярно поддерживал связь с гражданином КНР с помощью программы Skype, договариваясь о приобретении новых партий наркотических средств и о направлении денег за поступившие

¹ Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 120.

и реализованные наркотики. В начале 2010 года А. был задержан в Екатеринбурге, о чем неустановленный гражданин КНР не знал. А. дал согласие на сотрудничество со следственными органами, обязуясь в том числе и содействовать изобличению гражданина КНР. После этого А. несколько раз под контролем сотрудников правоохранительных органов общался с гражданином КНР с помощью программы Skype, обсуждая вопросы якобы дальнейшего приобретения наркотиков¹.

Таким образом, использование потенциала оперативно-розыскных и следственных действий, направленных на получение сведений, передаваемых по средствам связи, должны обеспечивать более эффективную практическую реализацию для раскрытия и расследования преступлений и защиты граждан от преступных посягательств

Баранчикова Марина Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
уголовного права, криминологии и психологии
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова

Особенности объекта неосторожных преступлений, совершаемых несовершеннолетними

Преступления, совершаемые несовершеннолетними, выделяются в самостоятельную криминальную группу, их доля в общей структуре преступности ежегодно отражается в официальных статистических данных и составляет около 10 %. Однако разграничение между их умышленными и неосторожными видами не проводится, что осложняет оценку их состояния и общественной опасности, требует дополнительного анализа.

В России наблюдается возрастание числа и опасности «детских» преступлений» при использовании источников повышенной опасности, а также в области компьютерной безопасности. Современная сфера жизнедеятельности нуждается в защите от криминальных угроз, исходящих от неосторожных преступлений, которые по своим тяжким последствиям масштабны и нередко превосходят ущерб от умышленных посягательств.

Согласно исследованиям на фоне общего снижения криминальной активности несовершеннолетних, а также численности лиц в возрасте 16-17 лет, с их стороны наблюдается стабильно высокий уровень неосторожных деяний, особенно в дорожно-транспортной сфере.

¹ Уголовное дело № 111036007 // Архив ГСУ ГУ МВД России по Свердловской области. 2011 г.

За последние семь лет произошел существенный рост количества преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, совершенных несовершеннолетними¹. Данные преступления составляют около 40 % неосторожных криминальных деяний данной возрастной группы субъектов.

При этом «несмотря на наличие в дорожно-транспортной преступности несовершеннолетних определенной «технически-автомобильной» специфики, она имеет общие признаки и тенденции развития с более широким родовым понятием «преступность несовершеннолетних»². Неосторожные преступления, совершаемые несовершеннолетними, представляют собой специфические уголовно наказуемые деяния. Они отличаются от схожих деяний взрослых лиц по ряду объективных и субъективных признаков.

Особенностью несовершеннолетнего возраста является невозможность возложения на детей целого ряда профессиональных обязанностей, нарушение которых составляет суть большинства неосторожных составов с бланкетными диспозициями. Несовершеннолетние, как правило, не относятся к специальным субъектам, то есть лицам, на которые возлагается соблюдение определенных правил и требований и выполнение обязательств. Они не имеют юридического права заниматься многими видами высокорискованной деятельности и соответственно не несут ответственности по специальным нормам. Исключением являются деяния, предусмотренные ст. 264 и ст. 268 УК РФ, где несовершеннолетний может выступать субъектом криминальной технической неосторожности.

Нормативными актами на несовершеннолетних в редких случаях возлагаются обязанности по соблюдению требований безопасности. Это приводит к преобладанию у них неосторожной вины в форме легкомыслия, а также ограниченности круга сфер, на которые посягает несовершеннолетнее лицо, совершая преступление. Объективный критерий небрежности в виде должностования у них чаще всего отсутствует. Это влияет на объект посягательства, выбор способов его совершения, характер вреда, причиняемого со стороны лиц подросткового и юношеского возраста в результате неосторожного преступления.

Очевидно, что общий объект един для всех неосторожных преступлений, поскольку любое общественно опасное деяние, причиняя вред той или иной группе общественных отношений, наносит ущерб всей системе общественных отношений, составляющих предмет уголовно-правовой охраны.

¹Добренков А.И. Предупреждение дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2019. С. 5.

² Колесников Р.В. Состояние, особенности и основные показатели дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 152.

Для несовершеннолетних лиц характерны неосторожные преступления против личности и собственности, преступления, связанные с эксплуатацией источников повышенной опасности, транспортных средств, предметов индивидуально-бытового характера¹. Все эти преступления обладают повышенной общественной опасностью, обусловленной значимостью и ценностью объекта их посягательства, видом и тяжестью наступивших тяжких последствий.

Составы неосторожных преступлений расположены в разных главах уголовного закона. Соответственно их родовые и видовые объекты не совпадают, охватывают различные сферы охраняемых общественных отношений: от интересов личности, экономики до общественной безопасности.

Законодатель, криминализируя то или иное деяние определяет его объект в качестве обязательного признака состава преступления, при этом он исходит из установленного перечня объектов уголовно правовой охраны².

Верным является мнение В.В. Мальцева о том, что объект уголовно-правовой охраны и объект преступления – понятия идентичные, что объект преступления (охраны) есть общественные отношения по своему содержанию³.

Правильное определение объекта в неосторожном преступлении несовершеннолетнего имеет важное квалификационное значение. Оно состоит в том, что объект, будучи обязательной составной частью преступления, позволяет определить его опасность, отграничить преступления друг от друга и от административных правонарушений. Ценность объекта преступления и опасность посягательства на него закреплена законодателем в видах и размерах наказаний за совершенное деяние⁴.

Непосредственным объектом большинства неосторожных преступлений несовершеннолетних являются жизнь и здоровье человека. Они выступают основным непосредственным объектом в преступлениях шестнадцатой главы уголовного закона, содержащей преступные деяния против жизни и здоровья. В отдельных случаях, связанных с нарушением различных специальных правил, уничтожением и повреждением чужого имущества, жизнь и здоровье как объекты преступного воздействия переходят в категорию дополнительного непосредственного объекта.

¹ Зорькина А.А. Неосторожные преступления несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Автореф. дис. ... канд. юрид наук. Сургут, 2016. С. 5.

² Карабанова Е.Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 69-77.

³ Мальцев В.В. Учение об объекте преступления: в 3 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. Волгоград, 2010. С. 128.

⁴ Кузнецова Н.И. Объект преступления: некоторые размышления о понятии, значении, видах и отличии от предмета преступления // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 8. С. 139.

Такой дополнительный объект по своей социальной ценности может превосходить основной объект. Например, при преступном нарушении правил дорожного движения виновный воздействует на два объекта – безопасность движения и эксплуатации транспорта и жизнь человека. В этой ситуации жизнь человека как дополнительный объект имеет большую ценность.

Однако оценка жизни и здоровья людей как фактически вторичного объекта в ст. 167, 264, 268 УК РФ справедливо ставится под сомнение рядом ученых. Данные неотъемлемые, часто невосполнимые блага представляют собой могут выступать составной частью непосредственного основного объекта, который уже включает их как необходимый элемент.

По справедливому утверждению В.Н. Винокурова «смысл выделения непосредственного объекта преступления состоит в том, чтобы конкретизировать степень общественной опасности деяния и определить пределы преступного поведения»¹.

В пункте 1 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» судам рекомендовано при учете характера общественной опасности преступления иметь в виду направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред². В зависимости от этого осуществляется квалификация схожих по объективным признакам преступлений и осуществляется выбор справедливого наказания виновному.

Поскольку распространенными преступлениями детей являются неосторожные причинение смерти, тяжкого вреда здоровью, транспортные преступления, то к числу наиболее важных охраняемых законом ценностей относится жизнь человека и его здоровье. Именно с причинением как минимум тяжкого вреда здоровью потерпевшим российский уголовный закон часто связывает криминальность причиненного неосторожного вреда.

Очевидно, что чем выше ценность объекта преступления, тем строже предусмотренное в санкции статьи наказание. При этом характерным для неосторожных преступлений является и то, что в определенной мере их объект, а также «характер причиняемого вреда определяется сферой деятельности субъекта, характером используемых им орудий и средств, ситуацией, в которой совершается деяние, а также многими другими обстоятельствами, которые могут быть случайными для субъекта»³.

¹ Винокуров В.Н. Непосредственный объект преступления и его место в классификации объектов преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 2 (6). С. 99.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

³ Дагель П.С. Неосторожность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 8 - 9.

В силу несовершеннолетнего возраста для субъектов преступной неосторожности нехарактерно выполнение профессиональных функций. Однако их преступные нарушения могут затрагивать сферу безопасности на транспорте, причинять неосторожный вред в результате дорожно-транспортных преступлений. В основном они совершают криминальные нарушения правил дорожного движения, будучи водителями автомобилей, мотоциклов, мопедов, велосипедов. В ряде случаев они причиняют уголовно наказуемые последствия в результате неосторожного обращения с оружием, найденным или используемым при их обучении стрельбе.

Сферой, подвергающейся повышенной опасности со стороны подростков, является обращение с огнем, легковоспламеняющимися, взрывчатыми веществами. При обращении с петардами, хлопушками, средствами пиротехники несовершеннолетние могут не соблюдать правил безопасного их использования, что приводит к трагическим последствиям как для них самих, так и окружающих. Здесь наблюдается сочетание повышенной криминогенности и виктимности подростков, где последние могут выступать жертвами собственной неосторожности.

Потерпевшими от бытовых неосторожных преступлений несовершеннолетних часто оказываются лица из их близкого окружения. Соответственно особенностью таких преступлений является причинение физического и материального вреда в результате нарушении общих мер предосторожности, ситуационность подвергшегося опасности объекта.

Несовершеннолетний возраст накладывает определенный отпечаток на способ, мотивацию преступлений, вид неосторожности. Недостаток жизненного опыта у 16-17 летних граждан приводит к их неумению прогнозировать последствия своих активных действий, отсутствию навыков оперативного и логичного предотвращения последствий.

Часто грань между неосторожными преступлениями и правонарушениями оказывается размыта, зависит от тяжести причиняемого вреда, являющегося следствием комплекса случайных событий. Здоровье потерпевшего при причинении ему тяжкого вреда оказывается объектом уголовно-правовой охраны, а в случае последствий в виде вреда здоровью средней и меньшей степени тяжести, последнее охраняется административными и иными мерами.

Преступления и административные правонарушения в схожих областях по своей социальной природе однородны, границы ответственности за их совершение динамичны. По степени опасности отличаются не только криминальные и непроступные деяния, но и одни группы преступлений отличаются от других. Их общественная опасность зависит от важности и ценности объекта посягательства, величины причиненного по неосторожности ущерба.

В современном мире криминализация неосторожных деяний обусловлена потребностью в уголовно-правовой защите новых общественных отношений. К числу актуальных сфер, на которую воздействуют несовершеннолетние субъекты относится сфера компьютерной безопасности.

Неправомерное (негативное) воздействие на компьютерную информацию может быть неосторожным, возникшим в результате небрежного выполнения операций с массивами информации, системами защиты информации, программными и аппаратными средствами компьютерных систем. Неосторожные негативные воздействия приводят, как правило, к блокировке или уничтожению информации¹.

В настоящее время киберсреда стала привлекательной для лиц, не обладающих особыми знаниями в сфере компьютерных технологий, в том числе подростков². Особую распространенность преступления в сфере компьютерной информации, совершаемые по неосторожности, приобретают у лиц 14-15 летнего возраста, что порождает их латентность, и обосновывает целесообразность снижения возраста уголовной ответственности за их совершение с шестнадцати до четырнадцати лет.

Сегодня преступления несовершеннолетних, совершаемые по неосторожности, представляют собой часть общей несовершеннолетней преступности. Они выступают в качестве самостоятельного элемента ее структуры, являются достаточно распространенными и опасными. Специфика объектов их воздействия обусловлена правовым статусом несовершеннолетних, установленным законом шестнадцатилетним возрастом привлечения к уголовной ответственности, а также распространенностью определенных форм поведения и вины подростков. Значительная часть рассматриваемого вида преступности оказывается латентной, модифицируется, что требует дальнейшего изучения ее специфики, объектов воздействия и уголовно-правового противодействия, адекватного современным реалиям.

¹ Шляпникова О.В., Семенов К.П., Семенова Т.В. Неосторожные компьютерные преступления: причины, последствия, профилактика // Информационная безопасность регионов. 2010. № 2 (7). С. 65.

² Михайлова Е.В. Криминологическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых несовершеннолетними // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 1. С. 22.

Бархатова Екатерина Николаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

Предмет преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ: коллизии уголовно-правовых и гражданско-правовых норм

Драгоценные камни и драгоценные металлы являются стратегически важными товарами, обеспечивающими экономическую стабильность государства. Этим обусловлен повышенный интерес к ним представителей преступной среды, существовавший во все времена.

Невысокое число преступлений, предусмотренных ст. 191 УК РФ в общей массе преступлений ее не свидетельствует о низкой степени их общественной опасности, поскольку и предмет посягательства специфичен в силу своего ограниченного объема.

В 2018 году в России зарегистрировано 28 фактов незаконного оборота драгоценных камней, драгоценных металлов и жемчуга (+3,7% по сравнению с 2017 г.). Почти половина из зарегистрированных преступлений (16 из 28) совершена в крупном и особо крупном размерах. Два преступления совершены организованной преступной группой. Установлено и привлечено к уголовной ответственности 44 лица (+29,4% по сравнению с 2017 г.). Наибольшее число преступлений рассматриваемого вида совершено в Дальневосточном федеральном округе (9 из 28). Лидирует по числу преступлений Магаданская область, Амурская область, Республика Саха (Якутия), Красноярский край (в каждом из регионов выявлено по 3 факта)¹. В указанных регионах находятся основные запасы драгоценных металлов и драгоценных камней².

Регулирование сделок и операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями осуществляется Федеральным законом от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» и Законом Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах».

Спорные вопросы определения предмета преступления в ст. 191 УК РФ обсуждаются в юридической литературе³.

¹ См.: Статистические данные ЦСИ ГИАЦ МВД России.

² Байгускаров И.Р., Загидуллина Л.У. Способы совершения преступлений в сфере промышленности, незаконного оборота драгоценных камней и металлов // Отечественная юриспруденция. 2017. № 6. С. 89.

³ См.: Рутковская О.А. Вопросы правового регулирования внешнеэкономической деятельности в области оборота драгоценных металлов и драгоценных камней // Современные гуманитарные исследования. 2015. № 6. С. 114-119; Жамбалов Д.Б. Об основах методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов 20 междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. С. 321-325.

Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» определяет драгоценные камни и драгоценные металлы через их перечисление, не вдаваясь в физико-химические характеристики.

В соответствии с предложенным определением к драгоценным металлам относятся золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий). Драгоценные металлы могут находиться в любом состоянии, виде, в том числе в самородном и аффинированном виде, а также в сырье, сплавах, полуфабрикатах, промышленных продуктах, химических соединениях, ювелирных и других изделиях, монетах, ломе и отходах производства и потребления.

К драгоценным камням относятся природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, а также природный жемчуг в сыром (естественном) и обработанном виде. Кроме того, закон предполагает отнесение к драгоценным камням уникальных янтарных образований, которые признаны таковыми в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Рассуждая о драгоценных металлах, необходимо отметить, что подход к пониманию гражданско-правового и уголовно-правового термина «драгоценные металлы» существенно отличается, что обусловлено изменением статуса металла в процессе его обработки. Несмотря на то, что федеральный закон содержит указание на драгоценный металл как на составную часть ювелирных изделий, бытовой техники, монет, нормы УК РФ придают драгоценным металлам иное значение. Применительно к ст. 191 УК РФ драгоценным металлом признается лишь металл, находящийся в самородном и аффинированном виде, в сплавах. Что касается ювелирных изделий, бытовых изделий, а также лома таких изделий, они в предмет преступления не включены. Как уже было отмечено, данное обстоятельство обусловлено статусом находящегося в них драгоценного металла. С точки зрения гражданского права в данном случае драгоценный металл стал частью конкретной вещи, которая принадлежит конкретному владельцу – физическому или юридическому лицу. А это значит, что отношения по поводу пользования, владения и распоряжения данными металлами в составе конкретной вещи лежат в сфере регулирования собственности.

Так Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» предлагает более широкое определение понятия, включая в него помимо самородного и аффинированного металла также ювелирные изделия, лом металла и бытовые изделия. Уголовный закон относит к драгоценным металлам применительно к ст. 191 УК РФ исключительно не прошедший производственную обработку металл в чистом и аффинированном виде. Такое несоответствие не оказывает существенного влияния на правоприменительную практику, исходя именно из различного статуса металла на разных этапах обработки.

Особого внимания заслуживают природные драгоценные камни и жемчуг как предмет преступного посягательства, ответственность за которое предусмотрена ст. 191 УК РФ.

В соответствии с федеральным законом «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» к драгоценным камням относятся алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, жемчуг. Кроме того, в законе указано, что к драгоценному камню приравнивается уникальное янтарное образование при условии его соответствия требованиям, перечисленным в постановлении Правительства РФ от 5 янв. 1999 г. № 8 «Об утверждении порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням». Согласно постановлению для того, чтобы быть приравненным к драгоценному камню, янтарное образование должно быть уникальным, т.е. обладать следующими признаками: массой более 1 кг; целостностью не менее 80%; без трещин и сквозных раковин; хорошо сохранившиеся включения флоры и фауны размером более 10 мм¹.

Обращаясь к ст. 191 УК РФ, мы видим, что законодатель выделил в качестве самостоятельного предмета жемчуг, входящий по умолчанию в категорию драгоценные камни, при этом оставив без внимания уникальные янтарные образования, либо включив их в разряд драгоценных камней, либо же не приняв их во внимание. Исходя из отсутствия судебной практики о незаконном обороте уникальных янтарных образований, можно сделать вывод о том, что законодатель, руководствуясь тем, что янтарь отнесен к полудрагоценным камням, решил исключить его из предмета регулирования ст. 191 УК РФ. Вместе с тем, поскольку Правительством РФ янтарь отнесен к стратегически важным ресурсам², уголовным законом предусмотрена ответственность за его контрабанду (ст. 226¹ УК РФ), не охватывающую иные действия по незаконному обороту.

Подобное решение законодателя представляется необоснованным и противоречащим федеральному закону «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», а также фактическому значению уникальных янтарных образований для резервного валютного фонда государства. На сегодняшний день уникальные янтарные образования оставлены вне уголовно-правовой защиты.

Кроме того, излишним представляется указание в диспозиции статьи на термин «природных» применительно к драгоценным камням, поскольку

¹ Об утверждении порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням: постановление Правительства Российской Федерации от 5 янв. 1999 г. № 8 (в ред. от 16 дек. 2014 г.) // Рос. газета. 1999. 22 янв. № 12.

² Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей: постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 (в ред. от 5 апреля 2019 г.) // Рос. газета. 2012. 21 сент. № 218.

в ст. 1 Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» указано, что камни искусственного происхождения, обладающие свойствами драгоценных камней, к таковым не относятся. Хотя в последнее время синтетические монокристаллы получили широкое распространение. Их производство носит массовый характер, вследствие чего у них отсутствуют индивидуальные признаки, что делает стоимость монокристаллов ничтожной, по сравнению с натуральными алмазами.

Справедливо утверждение о том, что не следует признавать предмет преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ также камни, которые по своим физико-химическим свойствам соответствуют драгоценным, однако, в установленном законом порядке признаны непригодными для изготовления ювелирных изделий и использования в бытовых целях¹. В данном случае утрачивается их ценность по критерию полезности, в отличие от искусственно выращенных кристаллов, ценность которых утрачивается по причине отсутствия уникальности.

1 марта 2019 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект федерального закона о внесении изменений в УК РФ в части установления ответственности за незаконную добычу янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней (сопроводительное письмо № 1871п-П9). Предложение обосновано тем, что на территории Российской Федерации находится 90% мировых запасов янтаря и значительная часть запасов нефрита, а также производственной ценностью других полудрагоценных камней. Полагаем, изложенная авторами законопроекта точка зрения должна быть поддержана.

Резюмируя изложенное, подчеркиваем обозначенные выше несогласованность отдельных норм федерального законодательства, регулирующих оборот драгоценных металлов и и драгоценных камней, и предлагаем изложить название ст. 191 УК РФ в следующей редакции:

Статья 191. Незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных камней, а также уникальных янтарных образований, приравненных к драгоценным камням, янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней

Как можно заметить, из названия исключен такой предмет как жемчуг, поскольку входит в понятие драгоценных камней, а также слово «природные», поскольку указание на то, что искусственно полученные камни не относятся к драгоценным, присутствует в федеральном законе, а потому подчеркивать данный факт излишне.

С учетом предложенного, полагаем, что названия следует также скорректировать диспозицию статьи, указав в ней соответствующий предмет преступления.

¹ Гладких В. И. Уголовно-правовая квалификация незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2015. № 3. С. 113.

Бачурин Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, ассоции-
рованный профессор (доцент),
профессор кафедры юриспруденции
Казахско-Русского Международного
университета, г.Актобе, Казахстан

**Краткий обзор действующего законодательства Республики
Казахстан по вопросам возмещения вреда,
причиненного в результате
незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс,
и потерпевшим от преступлений**

Начать краткий обзор действующего законодательства Республики Казахстан по вопросам возмещения вреда, причиненного в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс и потерпевшим от преступлений автор настоящей научной статьи посчитал необходимым с указания Закона Республики Казахстан от 10 января 2018 года № 131-VI ЗРК «О Фонде компенсации потерпевшим»¹.

Принятие указанного, на мой взгляд, очень значимого и знакового для Республики Казахстан Закона произошло в рамках завершающей свое функционирование Концепции правовой политики Республики Казахстан на период времени с 2010 до 2020 года, которая определяла важные направления развития всех отраслей права в рассматриваемый период. К ним относятся и совершенствование норм, касающиеся в целом соблюдению прав потерпевших, их законных представителей.

Так, в частности, в ней указывается, что приоритетом развития уголовно-процессуального права остается дальнейшая последовательная реализация основополагающих принципов уголовного судопроизводства, направленных *на защиту прав и свобод человека* (выделено С.Б.), установленный законом порядок производства по уголовным делам должен неукоснительно обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, *от незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного – незамедлительную и полную его реабилитацию* (выделено С.Б.), способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению преступлений, формированию уважительного отношения к праву, а *также дальнейшем совершенствовании механизмов предоставления квалифицированной юридической помощи*

¹ Закон Республики Казахстан от 10 января 2018 года № 131-VI ЗРК «О Фонде компенсации потерпевшим» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000131>;

*по уголовным делам не только обвиняемым и подозреваемым, но и потерпевшим, свидетелям (выделено С.Б.)*¹.

Почему этот вышеуказанный Закон является важным и знаковым для Казахстана? По одной лишь простой причине.

В мире, Казахстан является второй страной, после США, которая приняла подобный Закон, где имеется такой Фонд. Несмотря на серьезные различия между ними, в любом случае, это огромный шаг Казахстана в стремлении соблюдения в Казахстане Конституционных прав человека и гражданина. В данном Законе четко закреплены случаи, когда потерпевший или его близкие родственники, в случае смерти самого потерпевшего, могут рассчитывать на определенную незамедлительную денежную выплату за счет государства.

Об этом четко говорится и в нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 20 апреля 2018 года № 8 «О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству».

Так, в п. 5-1, который был введен вышеуказанным нормативным постановлением, соответственно, в Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О практике применения законодательства, регламентирующего права и обязанности лиц, потерпевших от преступлений» от 24 апреля 1992 года № 2 (с изменениями и дополнениями, внесенными Нормативными постановлениями Верховного Суда Республики Казахстан от 22 декабря 2008 года № 3, от 25 июня 2010 года № 5, от 21 апреля 2011 года № 1), оговаривается, что вред, причиненный в результате совершения уголовного правонарушения потерпевшему, имеющему право на получение компенсации из фонда, возмещается в случаях в порядке и размере, установленном Законом Республики Казахстан от 10 января 2018 года № 131-VI «О Фонде компенсации потерпевшим». Право на получение компенсации у лица возникает непосредственно сразу после признания его потерпевшим и реализуется путем подачи им или его представителем заявления в государственный орган, осуществляющий функции уголовного преследования (вводится в действие с 1 июля 2020 года)².

И, хотя спорных вопросов в нем остается немало, указанный Закон внес достаточный вклад в охрану имущественных и личных неимущественных прав граждан Республики Казахстан.

¹ Концепция правовой политики Республики Казахстан на период времени с 2010 до 2020 года, одобренная Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 // Казахстанская правда от 27.08.2009 г/

² Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 20 апреля 2018 года № 8 «О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P180000008S#z523>

Закон реализовал те теоретические разработки ученых, которые четко спрогнозировали его появление и являлись инициаторами его принятия в Казахстане и России¹, а также по-прежнему предлагающие пути совершенствования законодательных положений в данном направлении².

Уверен, всех интересующихся данной проблемой, заинтересуют те авторские предложения, которые существуют на сегодняшний день.

В частности, большой срез проблем предстоит решить в неоднократно поднимаемой мной ситуации, связанной с понятийным аппаратом, относящимся к возмещению вреда и реализацией в этой части прав близких родственников потерпевших.

В этой части указанный Закон имеет немалый потенциал для дальнейшего развития.

Следующий законодательный, причем кодифицированный, акт Республики Казахстан, который регламентирует большую часть вопросов в части возмещения вреда, является обновленный УПК Республики Казахстан.

В нем, как и предположили читатели настоящей статьи, также имеются очень важные изменения в части регулирования вопросов возмещения вреда лицам как пострадавшим в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, так и потерпевших от преступлений.

Наконец то, законодатель закрепил право супруга (супруги) на возмещение вреда, в случае смерти потерпевшего, наравне с правами близких родственников. Однако, не решенным остался вопрос о реальной возможности денежной компенсации другим членам семьи, применительно не только со стороны потерпевшего, но и реабилитированных граждан.

Например, на наличие указанной проблемы указывают и решения судов высшей инстанции в Республике Казахстан.

¹ Бачурин С.Н., Ханов Т.А. Проблема создания Специального Государственного Фонда для компенсационных выплат реабилитированным гражданам и потерпевшим от преступлений // Вестник КазНУ. Серия юридическая. Алматы, 2005. С. 13 – 18; Бачурин С.Н. Компенсация морального вреда реабилитированным гражданам и потерпевшим от преступлений по законодательству Республики Казахстан: Монография. Караганда: Карагандинский юридический институт МВД РК им. Б. Бейсенова, 2008; Азаров В.А. Возмещение материального ущерба от преступлений из специального государственного фонда // Специфика правового регулирования в период социально – экономических отношений. Сб. науч. Трудов. Омск, 1996. С. 131; Вавилова Л.В. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 32; Щерба С.П. Реализация прав потерпевших в уголовном процессе // Проблемы усиления гарантий прав участников уголовного процесса: Материалы международной научно-практической конференции. Алматы: Фирма Кіик, 2003. С. 83-84 и др.

² Бачурин С.Н. Проблема реализации прав близких родственников потерпевших и реабилитированных в институте возмещения вреда (уголовно – процессуальный и гражданско-правовой аспекты компенсации морального вреда) // Ылым. 2019. № 3. С. 15-21.

Так, несмотря на доказанность факта причинения вреда близким родственникам реабилитированного, в конечном итоге, вступившим в законную силу судебным решением, выплачена денежная компенсация лишь самому реабилитированному, ни близкие родственники, ни члены его семьи никакой компенсации не получили¹.

Это проблема, если заметил наблюдательный читатель, характерна и аналогична вышерассмотренному Закону Республики Казахстан «О Фонде компенсации потерпевшим», а также присутствует в нормативных документах страны, которые будут рассмотрены ниже.

Кроме того, в УПК также присутствует серьезная проблема унификации дефиниций, связанная с рассматриваемым направлением в части возмещения вреда. Законодатель в этом вопросе, по-прежнему, занимает флегматичную позицию, которая с геометрической прогрессией распространяется и на другие нормативные документы.

Решение проблемы видится в том, чтобы произвести ревизию всех законодательных актов, на предмет оперирования юридической терминологией. Хотя предлагаемые изменения в законодательство учеными подготовлены, стоит лишь обратить на них законодателю свое внимание. Апробации результатов исследований хватает с большим запасом.

Достаточный интерес вызовет и тот объем законодательных предложений в части четкого закрепления в нормативных документах страны оснований для возмещения вреда, в случае доказанности фактов незаконности проведения негласных следственных действий, процессуальных механизмов по возмещению вреда в рассмотренном случае, а также перспектив развития законодательства в части расширения процессуальных оснований для возмещения вреда в случае признания незаконности проведения других следственных действий² и др.

Наконец, следующими документами, регламентирующими вопросы возмещения вреда реабилитированным гражданам и потерпевшим от преступлений, являются следующие Нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан:

¹ Минфин РК выплатит 1 млн. тенге незаконно привлеченному к уголовной ответственности мужчине// <https://news.mail.ru/society/38502847/?frommail=1>

² Бачурин С.Н., Сейтжанұлы Ғ. Проведение негласного следственного действия, последствия признанное незаконным в судебном порядке – как самостоятельное основание для возмещения вреда, причинённого незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс: структурные элементы и влияние на общую структуру возмещения вреда // Научно-теоретический журнал Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 2 (78) апрель – июнь 2018 г. Scientific-theoretical magazine Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia № 2 (78) April – June, 2018. С. 110 – 114.

– Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 31 марта 2017 года № 3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно – процессуальному законодательству»¹;

– Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 25 июня 2010 года № 10 «О внесении изменений и дополнений в нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан № 1 от 20 июня 2005 года «О рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе»²;

– Нормативное постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 20 апреля 2018 года № 8 «О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству»³;

- Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 7 «О применении судами законодательства о возмещении морального вреда» (с изменениями от 31.03.2017 г.) (взамен утратившего законную силу Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 г. № 3 «О применении судами законодательства о возмещении морального вреда») прим. С.Б.)⁴.

Так, первым из указанных Нормативных постановлений внесены изменения и дополнения, собственно, в основное действующее Постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О практике применения законодательства по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов, ведущих уголовный процесс» от 09 июля 1999 года № 7 (с изменениями, внесенными Нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 25 июня 2010 года № 6), а именно:

¹ Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 31 марта 2017 года № 3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству» // <http://sud.gov.kz/rus/content/2017-god>

² Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 25 июня 2010 года № 10 «О внесении изменений и дополнений в нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан № 1 от 20 июня 2005 года «О рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе» // http://adilet.zan.kz/rus/docs/P10000010S_#z3

³ Нормативное постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 20 апреля 2018 года № 8 «О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P180000008S#z523>

⁴ Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 7 «О применении судами законодательства о возмещении морального вреда» // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39217526#pos=4;-137; Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 г. № 3 «О применении судами законодательства о возмещении морального вреда» // https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1023819#pos=2;-45).

– приведена частично в соответствие с учетом и требованиями обновленного УПК Республики Казахстан, других законодательных актов и нормативных актов, в том числе Постановления Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2014 года № 1218 «Об утверждении Правил выплаты имущественного вреда, причиненного лицу, оправданному по суду, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, в отношении которых вынесено постановлением суда, органа уголовного преследования о прекращении уголовного дела, в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс» применяемая терминология, номера статей, уточнен порядок выплат и соответствующих госорганов, ответственных за его выплаты. Каких-либо кардинальных или существенных изменений, по факту, не произошло.

Между тем, не нашли своего отражения как раз таки произошедшие в 2017 году изменения в УПК Республики Казахстан, в части формулирования процессуальных оснований для возмещения вреда в случаях признания судом незаконности проведения негласных следственных действий. А также не освещены и вопросы возмещения вреда, при доказанности случаев незаконности других следственных действий. Например, таких, которые максимально ограничивают Конституционные права и свободы граждан: обыск, осмотр жилых помещений, личный обыск.

Такая ситуация возникла в связи с тем, что само указанное Нормативное постановление было принято в марте 2017 года, а изменения в УПК Республики Казахстан в части возмещения вреда при незаконности проведения негласных следственных действий произошли в ноябре 2017 года.

В отличие от законодателя, нами оперативно были разработаны соответствующие основания для возмещения вреда в рассматриваемых случаях, опубликованы и апробированы основные результаты и, в купе с уже новыми подготовленными предложениями, несомненно, будут направлены в соответствующие структурные подразделения Верховного Суда Республики Казахстан для решения вопроса внедрения их в его нормотворческую деятельность.

Далее. В Нормативном постановлении Верховного суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 7 «О применении судами законодательства о возмещении морального вреда» (с изменениями от 31.03.2017 г.) взамен Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 г. № 3 «О применении судами законодательства о возмещении морального вреда», внесены изменения в п. 4, 10, 16, 19, 20, 21, 23.

Так, по истечении очень длительно времени, изменения все же затронули вопросы возмещения вреда по делам частного обвинения, где закреплено правило о том, что «вынесение оправдательного приговора, а также прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным подпунктом 5) части первой статьи 35 УПК, само по себе не может служить основанием для возложения на частного обвинителя обязанности возместить

оправданному лицу компенсацию морального вреда, так как в данном случае имеет место реализация конституционного права на обращение в органы, к компетенции которых относится рассмотрение этих жалоб. Требование оправданного лица по делу частного обвинения о взыскании компенсации морального вреда может быть удовлетворено лишь при условии, если частная жалоба не имела под собой никаких правовых оснований, и обращение в суд было направлено исключительно на причинение вреда другому лицу (злоупотребление правом). При этом истец должен доказать факт злоупотребления правом со стороны обвинителя».

Изменения коснулись и вопросов закрепления ответственности при наличии морального вреда, причиненного потерпевшему совместными противоправными действиями нескольких юридических или физических лиц, что ранее отсутствовало; вопросов ответственности за действия малолетних или несовершеннолетних детей, а также введены госпошлины, которых ранее не было.

Так, требования граждан о возмещении морального вреда подлежат оплате государственной пошлиной в соответствии с требованиями ГПК и Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)», если истец в соответствии с законодательством не освобожден от уплаты государственной пошлины. При предъявлении истцом в одном исковом заявлении требований имущественного характера и о возмещении морального вреда каждое из заявленных требований подлежит оплате государственной пошлиной самостоятельно.

Далее. Нормативным постановлением Верховного Суда Республики Казахстан от 20 апреля 2018 года № 8 «О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству» внесены изменения и дополнения в следующие Нормативные Постановления Верховного суда Республики Казахстан, применительно к рассматриваемому в настоящей статье вопросу о возмещении вреда:

– «О практике применения законодательства, регламентирующего права и обязанности лиц, потерпевших от преступлений» от 24 апреля 1992 года № 2 (с изменениями и дополнениями, внесенными нормативными постановлениями Верховного Суда Республики Казахстан от 22 декабря 2008 года № 3, от 25 июня 2010 года № 5, от 21 апреля 2011 года № 1). В которое, добавлен, как мы указывали выше п. 5-1, которым установлена корреляция норм между самим Нормативным Постановлением и Законом Республики Казахстан от 10 января 2018 года № 131-VI «О Фонде компенсации потерпевшим», приведена в соответствие терминология, в соответствии с обновленным УПК Республики Казахстан, а также введены наравне с близкими родственниками равные права на возмещение вреда и супруги (супруга), в случае смерти самого потерпевшего и др. изменения.

– «О рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе» от 20 июня 2005 года № 1 (с изменениями и дополнениями, внесенными нормативными постановлениями Верховного Суда Республики Казахстан от 25 июня 2010 года № 10, от 21 апреля 2011 года № 1, от 4 апреля 2013 года № 2).

Поскольку данное Нормативное постановление является самостоятельным объектом для рассмотрения, то и в заключении своей статьи рассмотрим его ниже отдельно.

В данном Нормативном Постановлении Верховного Суда Республики Казахстан:

– терминология приведена в соответствии с обновленным УПК Республики Казахстан;

– введено право подачи гражданского иска в любое время с момента начала досудебного расследования, но до окончания судебного следствия как при окончанном, так и при неоконченном уголовном правонарушении, либо общественно опасном деянии невменяемого, а также когда подозреваемый не установлен;

– введено право подачи гражданского иска и его предъявление в письменной форме либо в форме электронного документа в соответствии с требованиями, предъявляемыми к искам, рассматриваемым в порядке гражданского судопроизводства;

– дополнено отдельными правами и обязанностями участников уголовного процесса. В частности, на основании поданного гражданским истцом заявления о возвращении искового заявления орган, ведущий уголовный процесс, выносит постановление о возвращении иска на любой стадии уголовного процесса. В случае, если такое заявление поступит во время проведения судебных прений, судья возобновляет судебное следствие для его рассмотрения и принятия процессуального решения;

– расширены процессуальные решения судьи по результатам рассмотрения гражданского иска: о полном или частичном удовлетворении гражданского иска; об отказе в удовлетворении гражданского иска; о признании за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска и передаче вопроса о его размерах на рассмотрение судом в порядке гражданского судопроизводства; о принятии отказа от гражданского иска и прекращении производства по нему; об утверждении мирового соглашения либо соглашения об урегулировании спора в порядке медиации по гражданскому иску и прекращении производства по нему; об оставлении гражданского иска без рассмотрения;

– введена обязанность суда разъяснять потерпевшему, гражданскому истцу, их представителям право ознакомиться с протоколом главного судебного разбирательства, аудио-, видеозаписью главного судебного разбирательства и подать на них свои замечания, что должно быть отражено в

протоколе судебного заседания. Замечания на протокол судебного заседания подаются в письменной форме или форме электронного документа, удостоверенного электронной цифровой подписью. О дате подписания протокола, оформленного с нарушением установленных сроков, указанные лица должны быть извещены.

В завершении статьи укажем, что, несмотря на большую проделанную работу со стороны законодателя Республики Казахстан и ученых страны, в части регулирования законодательства в вопросах возмещения вреда, впереди, в связи с предстоящими законодательными изменениями по вопросу усиления уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, предстоит кропотливая работа по очередному совершенствованию национального законодательства в рассматриваемом вопросе.

Бикмашев Виталий Абдулхаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Кубани,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Уголовно-правовой аспект нарушения правил безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта

«Если виноватых нет, их назначают».
Александр Лебедь¹

5 мая 2019 г. из аэропорта Шереметьево вылетел Super Jet-100 авиакомпании «Аэрофлот», выполнявший рейс по маршруту Москва – Мурманск. Через некоторое время экипаж сообщил о неполадках на борту, что вызвало необходимость авиалайнеру вернуться в пункт вылета. При посадке на взлетно-посадочную полосу произошла нештатная ситуация, в результате которой из 78 авиапассажиров погибли 41 человек, 10 – получили телесные повреждения.

Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело по части 3 статьи 263 УК РФ «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена». Часть 3 данной статьи предусматривает ответственность за наступление смерти двух или более лиц по неосторожности. Цель данной статьи – объективно разобраться в

¹ Лебедь Александр Иванович (1950 – 2002) – Российский государственный и военный деятель.

произошедшем, доктринально прокомментировать содержание объективных и субъективных признаков статьи 263 УК и соотнести их с теми версиями, которые выдвигаются компетентными органами и мулсируются в средствах массовой информации. А версий ЧП несколько: в самолет попала молния, что привело к отказу антенны радиолокатора; техническое несовершенство самолета; недостаточная квалификация пилотов, диспетчеров, техперсонала; ошибки пилотирования; неблагоприятные метеоусловия, неверные действия представителей МЧС и т. д. и т.п.

Родовым объектом IX раздела УК выступает общественная безопасность и общественный порядок. Видовым объектом в соответствии с содержанием главы 27 УК – безопасность движения и эксплуатации транспорта. Непосредственным объектом является безаварийность полетов и эксплуатации воздушных судов. Дополнительным объектом – здоровье потерпевшего и правоотношения собственности, которым причиняется ущерб.

Предметом преступления выступает воздушный транспорт, к которому традиционно принято относить всю гражданскую авиацию и средства гражданского воздухоплавания. Таким образом, по данной норме не могут выступать в качестве предмета военные летательные аппараты, статус которых охватывается содержанием статьи 351 УК РФ «Нарушение правил полетов или подготовки к ним».

Объективная сторона преступления характеризуется альтернативностью действий: деяние в форме действия и деяние в форме бездействия.

Действие предполагает нарушение правил безопасности и эксплуатации воздушного транспорта лицом, в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязанным соблюдать эти правила.

Бездействие проявляется в отказе указанного лица от исполнения своих трудовых обязанностей в случае, когда такой отказ запрещен законом.

По законодательной конструкции описания диспозиция статьи относится к материальному составу, т. е. объективная сторона преступления в качестве обязательных признаков предусматривает:

а) нарушение правил безопасности полета и эксплуатации воздушного транспорта;

б) наступление вредных последствий (причинение тяжкого вреда здоровью, крупный ущерб);

в) причинную связь между нарушением правил и наступившими вредными последствиями.

Раскрывая объективную сторону преступления, закон использует собирательный термин «нарушение правил безопасности и эксплуатации», т. е. по виду диспозиция относится к бланкетной.

Для того, чтобы понять, были ли нарушены правила, нам необходимо проанализировать правовые и нормативные акты, которые регламентируют широкий спектр обеспечения авиационной безопасности. На сегодняшний день таких актов насчитывается ровно 84. Среди них следует выделить:

- Международные правовые акты по авиационной безопасности – 12;
- Законодательные акты Российской Федерации – 11;
- Указы Президента Российской Федерации – 4;
- Постановления Правительства Российской Федерации – 15;
- Ведомственные и межведомственные документы – 30;
- Отраслевые документы – 12.

Для того, чтобы выяснить, устанавливает тот или иной нормативный акт правило безопасности полета и эксплуатации воздушного транспорта, надо исходить, на наш взгляд, из его правового содержания. Поэтому сделаем акцент на том, что ближе к теме дискуссии.

Правила безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта в ведомственных нормативных актах (на сегодняшний день, как было уже отмечено ранее, их насчитывается 30 (!)) сформулированы по-разному. В одних содержатся категорические предписания, в других – категорические запреты. В третьих нормативных актах наряду с предписаниями и запретами даются рекомендации. Так как эти рекомендации не являются обязательными, то их невыполнение не может, по нашему убеждению, образовывать состав преступления, предусмотренный статьей 263 УК РФ.

На наш взгляд, по факту ЧП в аэропорту Шереметьево должно быть точно установлено:

- 1) какое из правил было нарушено;
- 2) в чем конкретно выразилось нарушение;
- 3) лежала ли на экипаже авиалайнера обязанность выполнять эти правила;
- 4) не усматривается ли в действиях экипажа ситуация, подпадающая под крайнюю необходимость;
- 5) отрабатывались ли экипажем навыки приземления воздушного судна на данной серии авиалайнеров;
- 6) предусмотрен ли конструкторами авиалайнера запас прочности при экстренной посадке при полных баках с топливом;
- 7) какой алгоритм первоначальных и последующих действий экипажа в подобной экстремальной ситуации предусмотрен.

Бесспорно, что данный перечень вопросов не является исчерпывающим.

Деяния, нарушающие правила безопасности полета и эксплуатации воздушного судна, являются преступными тогда, когда они влекут либо причинение тяжкого вреда здоровью, либо причинение крупного ущерба.

Понятие тяжкого вреда раскрывается в статье 111 УК РФ. Критерий крупного ущерба закреплен в примечании к статье 263 УК РФ.

Субъектом преступления нарушения правил безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта может быть вменяемое физическое лицо (статья 19 УК), достигшее 18 летнего возраста и наделенное специальным признаком – лицо, в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязанное соблюдать правила либо отказывающееся от исполнения своих трудовых обязанностей в случаях, когда такой отказ запрещен законом (часть 1 статьи 263 УК РФ). Определить круг лиц, предусмотренных анализируемой статьей, можно по содержанию 30 ведомственных актов, в которых раскрываются должностные функции работников воздушного транспорта.

Субъективная сторона преступления характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия либо в виде небрежности. При легкомыслии субъект предвидит, что совершенное им действие является нарушением правил и может привести к тяжким последствиям, но самонадеянно, без достаточно к тому оснований рассчитывает на предотвращение последствий. При небрежности лицо не предвидит возможности наступления тяжких последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть их.

В качестве квалифицирующего признака части 2 статьи 263 УК РФ предусматривает наступление смерти потерпевшего. Таким образом, дополнительным объектом выступает жизнь. Субъективная сторона преступления характеризуется неосторожной формой вины.

Особо квалифицирующий признак части 3 статьи 263 УК предусматривает в качестве последствий наступление смерти двух и более лиц при неосторожной форме вины, что говорит о более высоком характере и степени общественной опасности нарушения правил и эксплуатации, чем идет речь в частях 1 и 2, хотя анализ санкций данной статьи свидетельствует о том, что часть 1 подпадает под категорию преступления небольшой тяжести, а части 2 и 3 – под категорию средней тяжести.

На наш взгляд, выводы относительно виновности пока делать преждевременно, поскольку компетентные органы еще не сделали своего заключения. Но так или иначе все говорит о том, что имело место совокупность казусов, которые привели к трагическим последствиям.

Содержание данной статьи не претендует на оригинальность. Статья является частью диалога о том, насколько нормативно-правовая база,

описывающая авиационную безопасность, соответствует требованиям современного авиапарка и соотносится с содержанием объективных и субъективных признаков статьи 263 УК РФ, которые были рассмотрены нами выше.

Спустя несколько месяцев после катастрофы Следственный комитет РФ предъявил обвинение командиру самолета Sukhoi Superjet-100 Денису Евдокимову по части 3 статьи 263 УК РФ. В соответствии с законом, ему может быть назначено наказание в виде лишения свободы до семи лет.

На данный момент расследование уголовного дела не окончено, поскольку не получено заключение экспертной комиссии. Специалисты Межгосударственного авиационного комитета продолжают анализировать техническое состояние самолета, особенности его конструкции и проводить назначенные Следственным комитетом экспертизы. Среди основных версий катастрофы предварительно называются недостаточная квалификация летчиков и плохая погода, а также техническая неисправность и конструктивные недостатки самолета.

На наш взгляд, данное предварительное решение Следственного комитета не соответствует содержанию объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 263 УК РФ.

Таким образом, при рассмотрении вопроса о том, кто виновен в данной трагедии, необходимо объективно руководствоваться нормативно-правовой базой, которая регламентирует ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, а не только уголовной ответственностью пилота, пытавшегося спасти самолет и его пассажиров в условиях внезапно возникшей экстремальной ситуации.

Бимбинов Арсений Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Понятие медицинских преступлений¹

Для большинства представителей отечественной уголовно-правовой науки термин «медицинские преступления» является непривычным, если не сказать незнакомым. Преступления медицинских работников, связанные с

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по соглашению № 19-011-00818\19.

осуществлением ими профессиональной деятельности, часто именуют врачебными преступлениями¹, врачебными ошибками², ятрогенией³, преступлениями в сфере здравоохранения⁴ или медицинской деятельности⁵, преступлениями медицинских работников⁶. Указанные наименования, безусловно, отражают суть исследуемой проблематики, но только в определенной части.

Так, В.Ю. Голубовский и Е.В. Кунц пишут, что под врачебными преступлениями принято понимать профессиональные или должностные деяния врачей, рассматриваемые уголовным законодательством как преступление⁷. Из этого следует, что рассматриваемое понятие не охватывает общественно опасные деяния, совершенные самостоятельно (без соучастия с врачом) медицинскими работниками, не имеющими высшего медицинского образования. Медицинская сестра, оказывая доврачебную медицинскую помощь, осуществляя забор биологических материалов или стерилизацию медицинских инструментов, также способна допустить причинение вреда здоровью или наступление иных общественно опасных последствий, что может расцениваться как преступление.

Понятие «врачебные ошибки» не подходит для совокупного наименования исследуемой группы преступлений, хотя бы потому что воспринимается научным сообществом неоднозначно. А.А. Мохов и И.Н. Мохова понимают под врачебными ошибками невиновное причинение вреда в связи с проведением диагностических, лечебных или профилактических мероприятий⁸. А.В. Кудakov, напротив, определяет врачебную ошибку как избрание

¹ См., напр.: Флоря В.Н. Следственно-судебная практика по делам о врачебных преступлениях // Медицинское право. 2007. № 4. С. 49-51.

² См., напр.: Трунов И.Л. Врачебная ошибка, преступление, проступок // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1 (68). С. 34-41.

³ См., напр.: Огнерубов Н.А. Ятрогении в медицинской деятельности: уголовно-правовой аспект. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2010.

⁴ См., напр.: Мамонтов Д.Ю. Предупреждение преступлений в сфере здравоохранения // Право и практика. 2012. № 2. С. 45-49.

⁵ См., напр.: Кабанец Е.А. Преступления в сфере медицинской деятельности: к вопросу о причинах, способствующих оказанию медицинской помощи с «дефектами» // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения – 2016. Сборник научных трудов по материалам Ежегодной международной научно-практической конференции. 2016. С. 195-197.

⁶ См., напр.: Гирько С.И. Принципиальные проблемы организации досудебного производства по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершаемых медицинскими работниками // Российский следователь. 2018. № 7. С. 15-19.

⁷ См.: Голубовский В.Ю., Кунц Е.В. Врачебные преступления: проблемы привлечения к уголовной ответственности и их расследование // Российский следователь. 2018. № 11. С. 37-41.

⁸ См.: Мохов А.А., Мохова И.Н. Врачебная ошибка (социально-правовой аспект). Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2004. С. 57.

медицинским работником опасных для жизни или здоровья пациента методов и средств диагностики и лечения, вызванное незнанием или самонадеянным игнорированием специальных правил¹.

Кроме того, врачебная ошибка по своему смыслу предполагает лишь неосторожную форму вины, в связи с чем умышленные преступления именовать таким образом не представляется возможным.

Относительно ятрогении в науке, как медицинской, так и юридической, также отсутствует единое понимание. Однако, большинство исследователей все же определяют ее как любое нежелательное или неблагоприятное последствие медицинских вмешательств, развившееся в результате как ошибочных, так и правильных действий².

Следует иметь в виду, что ятрогения при таком подходе охватывает, в том числе, осложнения медицинских мероприятий, которые не повлекли вреда здоровью человека в результате последующих лечебных процедур. С учетом того, что степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека действием (бездействием) медицинского работника, в случаях наступления благоприятного исхода при лечении не устанавливается даже при наличии недостатков оказания медицинской помощи³, ятрогению нельзя использовать для обозначения какой-либо группы преступлений.

Преступления в сфере здравоохранения или медицинской деятельности – это широкая категория, под определение которой попадают не только деяния, состоящие в ненадлежащем осуществлении медицинской деятельности, но и любые другие посягательства, прямо или косвенно связанные с ней. А.И. Рарог пишет, что использование термина «в сфере здравоохранения» для определения исследуемых преступлений является некорректным, так как он имеет пространственное значение и охватывает некую область социальной действительности. В таком смысле под преступлениями в сфере здравоохранения можно понимать любое преступление, совершенное представителем медицинской профессии, пусть даже с использованием служеб-

¹ См.: Кудakov А.В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 7.

² См., напр.: Гецманова И.В. Актуальные вопросы правовой оценки и расследования преступлений, связанных с дефектами оказания медицинской помощи // Медицинское право. 2007. № 2; Божченко А.П. Ятрогения: содержание понятия в медицине и юриспруденции // Медицинское право. 2016. № 5. С. 8-12; Кравченко Р.М. К вопросу об уголовно-правовой оценке некачественного медицинского вмешательства // Российский следователь. 2017. № 13. С. 27-31.

³ См.: Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации (утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017) // СПС КонсультантПлюс.

ного положения (изнасилование фельдшером больной, находящейся в бессознательном состоянии; хищение врачом лекарств, содержащих наркотические средства, и т.д.)¹.

Выше указанные недостатки характерны и для понятия «преступления медицинских работников». Медицинские работники могут быть субъектами большого количества преступлений. Еще до масштабных преобразований УК РФ В.Л. Попов относил к преступлениям медицинских работников 29 составов, подразделяя их в соответствии с объектом посягательства на преступления против жизни и здоровья (статьи 105, 109, 111, 112, 115, 118, 121-125), преступления против здоровья населения и общественной нравственности (статьи 229, 233, 235-237, 244), экологические преступления (статьи 247-251) и преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (статьи 285, 286, 289-293)².

Определенно не все из перечисленных или существующих ныне деяний, совершаемых медицинскими работниками, представляют собой посягательства, когда вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям причиняется субъектом при непосредственном осуществлении им медицинской деятельности.

Для обозначения указанной группы посягательств более верным решением видится использование оборота «медицинские преступления». Эта категория, как и устоявшиеся «экономические преступления», «экологические преступления», «половые преступления», одновременно характеризует объект рассматриваемых посягательств и их объективную сторону. Дополнительно (в отличие от экономических, экологических и так далее преступлений) понятие «медицинские преступления» указывает на субъект правонарушения. Таким образом под медицинскими преступлениями надлежит понимать общественно опасные деяния медицинских работников, совершенные ими в связи с оказанием медицинской помощи или ее организацией, проведением медицинских экспертиз, осмотров, освидетельствований, санитарно-противоэпидемических мероприятий или деятельностью по трансплантации органов или тканей и обращению крови и ее компонентов.

Представляется, что к медицинским преступлениям следует относить: причинение смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 2 ст. 118 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ), незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ),

¹ См.: Рарог А.И., Понятовская Т.Г. Объект и система медицинского уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5. С. 818.

² Попов В.Л., Попова Н.П. Правовые основы медицинской деятельности. СПб.: Деан, 1999. С. 154.

нарушение неприкосновенности частной жизни (ч. 2 ст. 137 УК РФ), нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228² УК РФ), склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230¹ УК РФ), использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230² УК РФ), незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ), незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ (ч. 4 ст. 234 УК РФ), незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности (ст. 235 УК РФ), незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235¹ УК РФ), нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ), производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238¹ УК РФ) и халатность (ст. 293 УК РФ).

Указанные составы образуют группу медицинских преступлений при совершении перечисленных деяний медицинским работником в связи с осуществлением им медицинской деятельности.

Буданова Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России;
Польшиков Александр Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России

Уголовно-правовые меры борьбы с уклонением от административного надзора

В научном сообществе и среди сотрудников правоохранительных органов, судов и общественности является общепризнанным фактом то обстоятельство, что значительная часть граждан в Российской Федерации, освобождаемых из учреждений системы исполнения наказаний Федеральной службы исполнения наказания (далее – ФСИН России), а также те, кому

назначены наказания, не связанные с реальным лишением свободы, не исправляются; они либо совершают преступления повторно, либо в большей степени склонны к их совершению под влиянием различных социально-негативных, правовых, нравственно-духовных и экономических факторов окружающей нас действительности¹.

При этом на протяжении всей истории в нормах уголовного законодательства декларируется принципиальный подход к указанной проблеме, согласно которого интересы личности, общества и государства, нуждающиеся в защите от противоправных посягательств ранее судимых лиц, требуют усиления контроля и надзора за такой категорией лиц. Не случайно современные исследователи проблем совершенствования уголовно-правовых мер противодействия уклонению от административного надзора настаивают на том, что «...исходя из сущности и социального предназначения рассматриваемого института обосновано изменение его названия на превентивный надзор»². Именно с целью защиты интересов общества от противоправных посягательств ранее судимых лиц, российский законодатель разработал и принял Федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»³. Данный нормативный акт закрепил основы механизма надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также подчеркнул особую значимость реализации правовых мер обеспечения соблюдения физическим лицом, в отношении которого избран административный надзор, административных ограничения или ограничений, установленных судом в соответствии с федеральным законом с целью недопущения совершения данным лицом как административных правонарушений (так называемых «предкриминальных» противоправных действий), так и различных уголовно-наказуемых деяний. В связи с принятием указанного федерального закона Особенная часть Уголовного кодекса (далее – УК РФ) была дополнена ст. 314.1, устанавливающей ответственность за уклонение от административного надзора поднадзорных лиц⁴.

¹ См.: Смирнов К.Н. Основы теоретико-правового анализа исторического развития административного надзора в современной России: монография. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 8.

² См.: Астахова А.О. Уголовно-правовая характеристика уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ст. 314.1 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2017. С. 17.

³ См., подробнее: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (текст в действующей редакции) // Официальный сайт Справочно-правовой системы «Консультант Плюс», 2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112702/ (дата обращения: 18.08.2019).

⁴ См.: Журавлев М.П., Наумов А.В., Никулин С.И., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Янеленко Б.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. 10-е изд., доп. и перераб. Проспект, 2018. С. 355.

Одновременно с этим, как обеспечительная мера по отношению к рассматриваемой ст. 314.1 УК РФ, норма ст. 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) законодателем была изложена в новой редакции, устанавливающей ответственность за несоблюдение и невыполнение судом ограничений или обязанностей¹. Однако, несмотря на принимаемые меры профилактического характера в период с 2011 по 2013 гг., число поднадзорных лиц, совершивших повторно новые преступления, увеличивалось в нашей стране, а имеющиеся на тот момент рычаги уголовно-правового воздействия на поведение поднадзорных не были достаточно эффективными, поскольку лица, которым установлены ограничения и особые требования к поведению, в этот период времени совершали различные правонарушения, игнорировали запреты (налицо пробельность данной сферы уголовно-правового регулирования принятой в 2011 г. новой ст. 314.1 УК РФ). В этой связи, федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 514-ФЗ ст. 314.1 УК РФ была дополнена новой ч. 2, устанавливающей основания и пределы уголовной ответственности за «неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений». Следующая попытка оптимизировать норму ст. 314.1 УК РФ отечественным законодателем была предпринята на основании принятия федерального закона от 18 июля 2017 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие нормативно-правовые акты Российской Федерации».

К сожалению, до сих пор при применении данной уголовно-правовой нормы у практических работников возникает ряд проблем, прежде всего, связанных с наличием спорных вопросов квалификации и отграничения данного состава преступления от смежных преступных деяний². Большинство опрошенных нами респондентов (84,5%) из числа сотрудников органов внутренних дел связывает наличие вышеуказанных проблем с отсутствием единообразного толкования содержания терминов, которые используются законодателем при описании объективных и субъективных признаков состава преступления (всего опрошено 77 сотрудников из 14 субъектов РФ, из них 29 участковых уполномоченных полиции, 25 следователей и 23 дознавателя, в том числе проходивших обучение и повышение квалификации в Воронежском институте МВД России с 2018 по 2019 гг.). Результатом этого явилось отсутствие единообразного применения на практике ст. 314.1 УК

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 878–896.

² См.: Методические рекомендации ГУОООП МВД России по сбору и документированию материалов, необходимых для рассмотрении вопроса о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 314.1 УК РФ // Официальный веб-сайт УМВД России по Смоленской области [Электронный ресурс]. URL: <https://67.мвд.рф/document/6315839> (дата обращения: 18.08.2019).

РФ, что в ряде случаев приводит к судебным ошибкам¹. Как негативный результат, мы наблюдаем усложнение криминогенной ситуации с рецидивной преступностью в отдельных регионах Российской Федерации².

Анализ вопросов уголовно-правовой регламентации мер противодействия уклонению от административного надзора позволяет сформулировать следующие основные выводы и предложения:

Во-первых, современная модель российского административного надзора во многом сохраняет преемственность от данного правового института, существовавшего в советский период, при этом уголовно-правовые меры противодействия уклонения от исполнения требований и ограничений административного надзора существенным образом ужесточилась. Родовым объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие соблюдение интересов государственной власти, поскольку деяние, предусмотренное ст. 314.1 УК РФ, структурно закреплено в Разделе X «Преступления против государственной власти». Видовым объектом преступных посягательств, объединенных в Главе 31 «Преступления против правосудия» УК РФ являются общественные отношения, охраняющие интересы правосудия. Факультативный объект преступления, предусмотренного ч.ч. 1–2 ст. 314.1 УК РФ, составляют государственные и общественные интересы, поскольку именно они страдают в тех случаях, когда поднадзорное лицо не выполняет требований административного надзора. К уголовной ответственности по ч.ч. 1–2 ст. 314.1 УК РФ поднадзорное лицо не может быть привлечено при отсутствии реальной возможности выполнить возложенную обязанность, при наличии серьезных препятствий для этого. Обязательным условием привлечения лица к ответственности по ч.ч. 1–2 ст. 314.1 УК РФ является неоднократность несоблюдения установленных решением суда ограничения или ограничений (однократное несоблюдение установленных ему ограничений не является основанием для привлечения его к ответственности по данной статье). Состав преступления формальный, поскольку последствия совершения преступления не указаны в диспозиции исследуемой нормы в качестве обязательного признака состава преступления (деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, следует признавать оконченным с момента совершения двух и более в течение одного года административных правонарушений, предусмотренных ч.ч. 1 и 3 ст. 19.24 КоАП РФ). Неисполнение поднадзорным лицом незаконно установленных

¹ См.: Зябликова М.В. Применение административной преюдиции и сопряжённости при несоблюдении административных ограничений, установленных в рамках административного надзора / М.В. Зябликова, В.Б. Иващенко // Законность. 2017. № 2 (988). С. 41–45.

² См.: Вишнякова Н.В. Действия и решения дознавателя в случае незаконности установления административного надзора в отношении подозреваемого по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ / Н.В. Вишнякова, И.П. Пилюшин // Законодательство и практика. 2017. № 1 (38). С. 36–38.

судом административных ограничений и требований законодательства России об установленном административном надзоре исключает саму возможность привлечения его к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

Во-вторых, субъект преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, «специальный» – совершеннолетнее лицо, в отношении которого установлен административный надзор. Категории поднадзорных лиц перечислены в пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017), поэтому для того, чтобы поднадзорное лицо было субъектом преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, оно должно состоять на учете в ОВД и в отношении него должна проводиться соответствующая индивидуальная профилактическая работа. Говоря о субъекте преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, необходимо отметить факт невозможности установления административного надзора в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы условно-досрочно, если срок не отбытой части наказания не истек. Кроме специальной цели – «желание уклониться от административного надзора», другие факультативные признаки субъективной стороны состава преступления, мотив и эмоциональное состояние лица, не влияют на квалификацию деяния, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, но без их учета и анализа невозможно дать объективную оценку содеянному; форма вины – только прямой умысел, предполагающий наличие специальной цели (уклонение от административного надзора).

В-третьих, одна из основных проблем судебно-следственной практики – это уяснение объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ в части толкования обязательного элемента «неприбытие без уважительных причин лица». Напомним, что уголовная ответственность по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ может наступить лишь в том случае, когда поднадзорное лицо «не прибыло» (по отношению к лицам, которые обязаны встать на учет после освобождения из мест лишения свободы – специализированных органов и учреждений территориальных подразделений ФСИН России) или же «самовольно оставило» (по отношению к лицам, которым уже установлены судом специальные ограничения и требования при административном надзоре, осуществляемом полицией) место своего жительства или пребывания (официально подтвержденного по месту регистрационного учета в территориальном органе внутренних дел) с целью «уклонения от административного надзора». Указанные типичные ситуации должны рассматриваться как осознанное нарушение административных ограничений, влекущие негативные последствия, предусмотренные ст. 314.1 УК РФ. Для устранения данного пробела предлагаем дополнить текст пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 г. № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Рос-

сийской Федерации» новым абзацем 5 следующего содержания: Сотрудникам правоохранительных органов и судам необходимо учитывать, что в случаях, когда поднадзорное лицо, которому по решению суда предписано явиться на конкретное установленное место фактического проживания согласно указаниям должностного лица органа или учреждения УФСИН России на основании ч. 5 и 6 ст. 173.1 УИК РФ, не успело и (или) не захотело регистрироваться в территориальном ОВД (в том числе в случаях, когда лицо прибыло на установленное место и фактически там проживало, но не явилось в срок для постановки на соответствующий профилактический учет) в установленном законом порядке, и одновременно с этим отсутствуют уважительные причины такого бездействия, то такие ситуации должны трактоваться как прямое нарушение положений и требований положений ст. 3 Федерального закона об административном надзоре от 6 апреля 2011 г. и рассматриваться как системообразующий признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. С данным предложением согласилось подавляющее большинство опрошенных нами респондентов (92,5%).

В-четвертых, исследование Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 показало, что в нем не раскрыт еще один проблемный аспект – спорный вопрос определения сроков давности по преступлению, предусмотренному ст. 314.1 УК РФ при наличии в тексте данной уголовно-правовой нормы административной преюдиции. В настоящее время в пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 от 24 мая 2016 г. указано, что сроки давности за самовольное преступное оставление лицом места жительства или пребывания необходимо исчислять «со дня задержания поднадзорного лица или дня явки его с повинной», без указания на сроки давности по преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, когда речь идет о неприбытии лица до места проживания после отбытия уголовного наказания в виде лишения свободы в учреждении ФСИН России. Для устранения данной спорной ситуации необходимо дополнить пункт 7 новым абзацем 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в новой редакции следующего содержания: Сроки давности по преступлению, предусмотренному по ч. 1 ст. 314.1 составляют два года и исчисляются со дня задержания лица, которое не прибыло в установленный в рамках административного надзора срок, либо явилось с повинным, а также абзацем 3 следующего содержания: Сроки, когда поднадзорное лицо считается подвергнутым административному наказанию по ст. 4.6 КоАП РФ на течение сроков давности по преступлению, предусмотренному ч. 2 ст. 314 УК РФ, не влияют. На течение сроков давности не влияют случаи совершения в период уклонения нового административного правонарушения и (или) преступления поднадзорным лицом, которые должны получать соответствующую самостоятельную юридическую оценку по действующей

щему на момент совершения противоправного деяния закону. При этом отдельные суды при рассмотрении уголовного дела в особом порядке и вынесении обвинительного приговора описывая инкриминируемое деяние не всегда дают ссылку на вступившие в законную силу решения компетентных органов о привлечении лица к административной ответственности (постановления начальника ОВД, мирового судьи), при этом административные протоколы, которые перечислены в обвинительном акте, а затем и в приговоре такими решениями не являются.

В-пятых, некоторые приговоры судов характеризуются многочисленными ссылками на многочисленные факты привлечения лица к административной ответственности, которые не относятся к факту уклонения от административного надзора и поэтому не влияют на квалификацию (например, перечисляются административные правонарушения за рамками срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, то есть 1 год на основании ст. 4.6 КоАП РФ). Это приводит к незаконности вынесенного судом приговора в связи с отсутствием состава преступления, так как диспозиция ч. 2 ст. 314.1 УК РФ (объективные признаки преступления) не должна толковаться правоприменителем как «простой набор определенных административных правонарушений» – одновременно должны быть признаки «неоднократности» и «сопряженности» преступного уклонения. Во избежание подобных судебно-следственных ошибок в пункт 6 Постановления Пленума от 24 мая 2016 г. № 21 следует включить новый абзац 3 следующего содержания: Необходимо учитывать, что несоблюдение административного ограничения поднадзорным лицом должно сопровождаться совершением административного правонарушения, то есть в каждом конкретном случае одновременно должны сочетаться признаки «неоднократности» и «сопряженности» преступного уклонения.

Буз Стелла Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Особенности корыстной мотивации преступлений в сфере экономики

Трансформация общественного строя за последние два десятилетия, негативные последствия введенных против России экономических и политических ограничений в настоящее время (в связи с присоединением Крыма к России и вооруженным конфликтом на востоке Украины), независимо от грамотно расставленных руководством страны приоритетов во внешней и

внутренней политике, не позволяют полностью стабилизировать социальную, а также экономическую сферы жизни нашего общества. Данные обстоятельства создали определенные условия, в первую очередь экономические, для распространения ряда негативных явлений, выразившихся в проявлении неуважения законам, в стремлении к личному обогащению противоправными способами, отсутствии у значительной части населения возможности обеспечить элементарную жизнедеятельность, что в конечном счете влияет на уровень преступности.

В.В. Лунеев и Н.Ф. Кузнецова формулируют понятие преступления следующим образом: «это исторически изменчивое социальное и уголовно-правовое негативное явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных на определенной территории в тот или иной период времени»¹. Преступность рассматривается нами как «массовое негативное социально-правовое явление», которое существует в обществе и находится с ним в неразрывной связи². В свою очередь, общество является той средой, которая оказывает влияние на формирование структуры преступности, личности преступника, целенаправленности его деятельности. По мнению А.Н. Леонтьева, деятельность человека, как отдельного субъекта, непосредственно связана с деятельностью окружающих его людей, жизнью всего общества, с общественными отношениями³. Как отмечал С.Л. Рубинштейн, «в ней и через нее человек реализует свои цели, объективирует замыслы и идеи в преобразуемой им действительности»⁴. Преступление – разновидность человеческой деятельности, главной особенностью которой является ее антиобщественная направленность.

Противоправная деятельность проявляется в объективной реальности посредством преступного поведения, основным направлением реализации которого в настоящее время являются посягательства в сфере экономики. Так, в 2018 г. за период январь-декабрь было зарегистрировано 109,5 тыс. преступлений экономической направленности, что на 4,2% превышает уровень аналогичных показателей за 2017 г. Половину всех зарегистрированных преступлений в структуре преступлений в сфере экономики (51,7 %) составляют хищения чужого имущества (несмотря на тенденцию их снижения по сравнению с предыдущим аналогичным периодом): совершенные путем кражи – 756,4 тыс. (-4,1%), мошенничества – 215,0 тыс. (-3,5%), грабежа – 50,1 тыс. (-11,9%), разбоя – 7,5 тыс. (-17,9%)⁵. Рассматриваемые общественно опасные деяния причиняют существенный вред экономике страны в целом и, в частности, имущественным отношениям, экономическим

¹ Криминология: Учебник/ под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 790.

² [www:// https://ru.m.wikipedia.org](https://ru.m.wikipedia.org).

³ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 82.

⁴ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 8.

⁵ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 год. М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», 2018. С. 5-6.

правам граждан, юридических лиц, муниципальных и государственных образований. Значительная часть таких преступлений совершается из корыстных побуждений, состоящих в стремлении к наживе и обогащению преступным путем.

Составляющей человеческого поведения является обдуманый и осознанный поступок (действие или бездействие), сущность которого заключается в выражении отношения индивида к другим представителям общества, действующим законам в данном обществе, а также общепринятым нормам морали. Преступления в сфере экономики совершаются путем действия и сопровождаются активным поведением, направленным на достижение поставленной цели. Основными движущими силами человеческих поступков и, следовательно, главным компонентом противоправного поведения корыстного преступника являются потребности и интересы. На основе потребности личности формируются интересы, которые «в свою очередь являются выражением необходимости удовлетворения той или иной потребности»¹.

Какие же потребности и интересы базируются в сознании корыстного преступника и вынуждают его совершать противоправные действия? Как отмечает Кузнецова Н.Ф., основополагающими побудителями личности корыстного преступника является несовершенство экономической, а также трудовой психологии личности. По мнению Кудрявцева В.Н. на мотивацию личности корыстного преступника влияет деформация досугово-бытовых потребностей². Первоочередной и наиболее животрепещущей является необходимость удовлетворения насущных жизненных потребностей, на втором месте, конечно же, стремление к обеспеченной жизни, присущей лицам, занимающим более высокое социальное положение, далее следует приобретение дорогих вещей и потребность, связанная с употреблением наркотиков, спиртных напитков и др. По нашему мнению, одним из экономических мотивов корыстной мотивации в современных условиях может выступать также и стремление к получению прибыли и сверхприбыли в ряде преступлений в сфере экономики, связанное с нарушением действующего законодательства.

Необходимо отметить, что не каждый индивид общества, имеющий сходные потребности, решит их реализовать через преступное поведение, т. е. для противоправного поступка помимо экономических и политических предпосылок необходимы также социальные и психологические. Немаловажную роль в формировании личности преступника занимают его взгляды, стремление, ценностные ориентации, убеждения, которые начинают зарождаться еще в семье. На данный момент исчезла грань между законопослуш-

¹ Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех. О философии поступка. Л., 1990.

² См.: Гончаров М.В., Подволоцкий И.Н. Мотивация преступного поведения корыстных преступников // Юридические науки Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (57). С. 122-125.

ными семьями и семьями неблагополучными. В обществе укореняется тенденция к нелегальному зарабатыванию материальных средств для обеспечения себя и своей семьи. Причиной этого является как несоответствие заработной платы ценам на потребительские товары и услуги, так и несвоевременная выплата таковой. Немаловажную роль играют и убеждения: «надо жить не хуже других», «жить бедно – это стыдно», «воруют все». Выбранная таким образом жизненная позиция является важной предпосылкой для формирования активного поведения, направленного на использование криминальных средств приобретения материальных благ. Если ранее значительная часть населения не решалась на совершение преступлений в силу своих моральных качеств либо своей патриотичности, боязни быть осужденным и понести наказание, то в настоящее время отсутствует не только боязнь уголовного наказания, но и в отдельных случаях уважение к закону.

Взаимодействие внутреннего мира личности (ее взглядов, стремлений, убеждений, ценностных ориентации) и реальной действительности жизни в окружающей ее среде создает установку на готовность к определенной линии поведения (законопослушной или же противоправной). Устойчивость данной готовности находится в прямой зависимости от длительности противоправной деятельности корыстного преступника, т. е. чем больше «профессиональный стаж», тем больше степень решимости совершить преступление. В структуре личности установка выполняет немаловажную роль, так как от степени ее выраженности и направленности зависит, насколько интенсивно и каким способом реализуется та или иная потребность. Именно потребность в синтезе с установкой на готовность совершения противоправных действий порождает активное поведение, направляющее деятельность человека, и является ее мотивом. По мнению А.Н. Леонтьева, «деятельность без мотива не бывает; немотивированная деятельность – это деятельность, не лишенная мотива, а деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом»¹.

Таким образом, изучение личности корыстного преступника показало, что некоторые психологические качества виновных, способствовавшие совершению преступления, основываются на социальных факторах (материальной обеспеченности, стремлении к престижному потреблению в досуге и др.). Вместе с тем социально-психологический внутренний мир личности, хотя и подвержен воздействию внешних условий, но не детерминирует сам по себе преступное поведение.

¹ Леонтьев А.Н. Указ. соч. С. 82.

Воронин Вячеслав Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Социальная обусловленность уголовно-правового запрета на незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности (ст. 245 УК РФ)¹

В настоящее время медицинская и фармацевтическая деятельность представляют собой сложный процесс осуществления профессиональных функций, связанный с соблюдением установленных стандартов и требований к его организации. Большинство медицинских обследований и манипуляций, имеющих профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную или реабилитационную направленность, регламентированы формальными рамками протокола, который может в одной ситуации не позволить компетентному врачу спасти жизнь, а в другой – причинить вынужденный вред здоровью пациента

Можно утверждать, что и имеющаяся в действующем УК РФ статья 235 является «правопреемником» уголовно-правового запрета на незаконное врачевание. Однако законодатель несколько отклонился от избранного ранее курса в установлении криминообразующих признаков. В УК РСФСР 1960 г. существовала статья 221 «Незаконное врачевание», которая предусматривала уголовную ответственность за занятие врачеванием как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования. Данный состав преступления был сконструирован как формальный, а основным его криминообразующим признаком являлось отсутствие медицинского образования у лица, которое занимается врачеванием. Изначально он предусматривал уголовную ответственность за незаконное осуществление частной медицинской практики и частной фармацевтической деятельности, выведя из сферы уголовно-правового регулирования государственные и муниципальные учреждения и иные организации, занимающиеся подобной деятельностью. Частные медицинская и фармацевтическая виды деятельности предусматривали осуществление их в организациях, функционирующих вне государственного сектора экономики, и было необходимо установить возмездный и регулярный характер такой деятельности.

Ст. 235 УК содержит два уголовно-правовых запрета: во-первых, на занятие медицинской деятельностью без лицензии, во-вторых, запрет на занятие фармацевтической деятельностью также без лицензии. Фактически

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по соглашению № 19-011-00818.

это состав преступления с альтернативно предусмотренной деятельностью: медицинской или фармацевтической.

Исследуемая норма уголовного закона в ее предыдущей редакции подвергалась серьезному анализу со стороны представителей науки уголовного права. В частности М.М. Малахова под основным объектом состава преступления, предусмотренного статьей 235 УК, понимает общественное отношение, устанавливающее порядок лицензирования частной медицинской практики и частной фармацевтической деятельности в целях обеспечения абсолютного естественного права человека на здоровье¹. Указанная позиция критиковалась А.Ю. Сичкаренко, который утверждает, что возникающие в данной области отношения должны касаться не установленного порядка лицензирования, а установленной необходимости и обязательности лицензирования. Иначе высказывание М.М. Малаховой можно толковать неоднозначно. Так, может сложиться мнение, что нарушается не сама обязанность лицензирования, а всего лишь установленный порядок, то есть установленная поэтапность получения в конечном итоге лицензии на осуществление частной медицинской практики либо фармацевтической деятельности². Названный автор представляет собственное видение непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного статьей 235 УК, коим являются общественные отношения, связанные с получением неопределенным кругом лиц доброкачественных и квалифицированных медицинских и фармацевтических услуг, предоставляемых частной системой здравоохранения, а в качестве дополнительного объекта выступают общественные отношения в сфере установленного порядка организации и оказания медицинской и фармацевтической помощи населению в частной системе здравоохранения, а также здоровье конкретного человека³.

Поскольку редакция нормы претерпела существенное изменение в части наименования статьи и содержания диспозиции, сегодня рассмотренное выше понимание объекта данного преступления неприменимо. Законодатель пересмотрел подход к набору криминообразующих признаков: ранее диспозиция содержала указание на незаконность осуществления медицинской или фармацевтической деятельности, теперь речь идет об осуществлении названных видов деятельности без лицензии. Объем преступного деяния стал несколько уже, поскольку осуществление деятельности без лицензии является частным случаем незаконности такой деятельности. Помимо отсутствия лицензии к незаконным действиям в соответствии с предыдущей редакцией статьи можно было отнести, например, осуществление фармацевтической деятельности лицом, не имеющим необходимого фармацевти-

¹ Малахова М.М. Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 8-9.

² Там же. С. 9.

³ Сичкаренко А.Ю. Объект незаконного занятия частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью (ст. 235 УК РФ) // Бизнес в законе. 2009. №3.

ческого образования и квалификации, теперь же подобное поведение является наказуемым только в случае аннулирования лицензии в связи с несоблюдением лицензионных требований по причине отсутствия необходимой квалификации у сотрудников фармацевтической организации. Следовательно, основой криминализации подобного поведения в настоящее время является отсутствие лицензии, а также последствия в виде причинения вреда здоровью.

Бланкетный вид диспозиции нормы уголовного права, содержащейся в статье 235 УК, позволяет начать анализ признаков объективной стороны данного состава с обращения к позитивному законодательству, регулирующему основания и порядок лицензирования медицинской и фармацевтической деятельности. И.В. Ершова утверждает, что лицензирование представляет собой прямое, административное воздействие на экономическую деятельность, осуществляемое с применением императивных правил. И его принято рассматривать в числе основных требований, предъявляемых к экономической, в том числе предпринимательской медицинской или фармацевтической деятельности, а лицензионный контроль – в качестве одного из направлений контроля предпринимательской и иной экономической деятельности. Лицензионный (разрешительный) режим является традиционным для рассматриваемой сферы общественных отношений¹. Специалисты отмечают, что система лицензирования дает единственно эффективную возможность воздействия на фармацевтическую организацию. Деятельность органов лицензирования оказывает не только стимулирующее и дисциплинирующее влияние на работу лицензиатов, но и нацеливает их на постоянное повышение уровня профессиональной деятельности как государственных, так и частных фарморганизаций². Генеральной целью лицензирования как формы административно-правового регулирования выступает упорядочивание и контроль деятельности в сфере оптовой и розничной торговли лекарственными средствами, их хранения, перевозки и изготовления лекарственных препаратов, обеспечивающие эффективное функционирование фармацевтического бизнеса в соответствии с установленными государством требованиями, недопущение проникновения на фармацевтический рынок структур, осуществляющих незаконную неквалифицированную и опасную для граждан деятельность³.

¹ Ершова И.В. Лицензирование медицинской и фармацевтической деятельности: правовые нормы, доктрина, судебная практика // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. №1. С. 130.

² Афанасьева Т.Г., Акиньшина Н.И., Махинова Е.Н. Лицензирование фармацевтической деятельности: Учебно-методическое пособие. Воронеж, 2008. С. 3.

³ Довлатбекян А.В. Организация контроля соблюдения правил лицензирования фармацевтической деятельности // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2015. №1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-kontrolya-soblyudeniya-pravil-litsenzirovaniya-farmatsevticheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 12.10.2018).

Галым Фаиз Галымович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры юриспруденции
Казахско-русского международного университета
г. Актобе, Казахстан

О некоторых проблемах соблюдения сроков давности привлечения лиц к административной ответственности в деятельности местной полицейской службы

В соответствии с 30 шагом «Плана нации – сто конкретных шагов»¹ и Постановлением Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2015 года №1142, с 1 января 2016 года в стране функционирует местная полицейская служба (далее – МПС). Вместе с тем, анализируя судебную практику специализированных административных судов вынуждены констатировать, что, к сожалению, в настоящее время в деятельности местной полицейской службы складывается негативная тенденция, связанная с многочисленными нарушениями сроков давности привлечения правонарушителей к административной ответственности, что, соответственно, приводит к уходу виновных лиц от предусмотренного законом административного наказания. Кроме того, здесь необходимо указать, что в соответствии с требованиями Закона РК «О государственной службе» по каждому факту процессуального нарушения полицейские привлекаются к строгой дисциплинарной ответственности, при этом, повторное совершение в течение года аналогичного дисциплинарного проступка влечет за собой увольнение с занимаемой государственной должности².

Практика показывает, что в большинстве случаев данные нарушения допускаются сотрудниками службы участковых инспекторов полиции МПС, чей стаж работы в должности не превышает трех лет, что говорит об отсутствии должного контроля со стороны руководства среднего звена территориальных подразделений МПС и низкой теоретической подготовке самих полицейских.

В контексте рассматриваемой темы следует отметить, что Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КРКоАП) наравне с видами и размерами административных наказаний устанавливает также и сроки привлечения к административной ответственности. В настоящее время в законе отчетливо определены сроки давности привлечения правонарушителя к административной ответственности. Так, в со-

¹ План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Назарбаева Н.А.

² Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V «О государственной службе Республики Казахстан», ст. 44 п. 6; ст. 50 п. 1 пп. 4.

ответствии со статьей 62 КРКоАП лицо не подлежит привлечению к административной ответственности по истечении двух месяцев со дня совершения административного правонарушения, кроме случаев, предусмотренных КРКоАП. При делящемся административном правонарушении лицо не подлежит привлечению к административной ответственности по истечении двух месяцев со дня обнаружения административного правонарушения. Вместе с тем, течение срока наложения взыскания за административное правонарушение прерывается, если до истечения сроков, предусмотренных в частях 1 и 3 статьи 62 КРКоАП, лицо совершит новое административное правонарушение. Исчисление срока в этих случаях начинается с момента обнаружения нового административного правонарушения. В случае же прекращения уголовного дела при наличии в действиях нарушителя признаков административного правонарушения лицо может быть привлечено к административной ответственности не позднее трех месяцев со дня поступления решения о его прекращении.

Наряду с этим, помимо общего двухмесячного срока, определенного законом для привлечения правонарушителя к административной ответственности, в КРКоАП предусмотрены и другие, более длительные, сроки. При этом, законодатель предусматривает, что течение срока наложения административного взыскания за административное правонарушение приостанавливается с момента назначения экспертизы, вынесения определения о приводе лица, в отношении которого ведется производство по делу, а также направления дела в суд или должностному лицу государственного органа, уполномоченному рассматривать дела об административных правонарушениях. Исчисление этих сроков возобновляется с момента получения результатов экспертизы, дела об административном правонарушении судом или должностным лицом государственного органа, уполномоченным его рассматривать в соответствии с КРКоАП, а также фактического доставления лица, привлекаемого к административной ответственности, в орган, исполняющий определение о приводе. Общий срок привода не может превышать более одного месяца¹.

Под сроком давности привлечения лица к административной ответственности понимается период времени, исчисляемый со дня совершения или дня выявления административного правонарушения, и до дня вступления постановления о привлечении лица к административной ответственности в законную силу. С истечением срока давности привлечения лица к административной ответственности исключается общественная опасность административного правонарушения, а назначение лицу административного наказания становится просто нецелесообразно².

¹ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.02.2019 г.), статья 62.

² Мамонтов Н.И., Мамонтов В.Н. Сроки давности привлечения лица к административной ответственности <https://www.zakon.kz/4889454-sroki-davnosti-privlecheniya-litsa-k.html>, 2017 г.

Отметим, что рассматриваемому вопросу в своё время уделено достаточно внимание со стороны учёных, тем не менее проблема в применении закона на практике продолжает иметь место.

Анализ судебных постановлений о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности, а также частных постановлений о принятии мер по устранению нарушения законности, позволяет сделать выводы, что наиболее распространенной причиной нарушения процессуальных сроков является незнание сотрудниками местной полицейской службы порядка действий при отсутствии либо неявки лица, подлежащего привлечению к административной ответственности.

Так, например, 07 февраля 2017 года участковым инспектором полиции МПС УВД города Актобе возбуждено административное производство по статье 434 части 1 КРКоАП (Мелкое хулиганство) в отношении гр. Ш. Однако постановлением суда от 17 мая 2017 года административное дело в отношении гр. Ш. по ч. 1 ст. 434 КРКоАП прекращено в связи с истечением срока давности привлечения его к административной ответственности. Из протокола об административном правонарушении следует, что правонарушение гр. Ш. совершено 07 февраля 2017 года. Однако, должностным лицом дело в отношении гр. Ш. в суд направлено лишь 17 мая 2017 года, т.е. по истечении двух месяцев. Данное нарушение явилось основанием ухода гр. Ш. от административной ответственности¹.

28 мая 2017 года участковым инспектором полиции МПС УВД города Актобе возбуждено административное производство по статье 434 части 1 КРКоАП в отношении гр. М. Вместе с тем, постановлением Актюбинского специализированного административного суда от 22 августа 2017 года административное дело в отношении гр. М. по части 1 статьи 434 КРКоАП прекращено в связи с истечением срока давности привлечения его к административной ответственности. Из протокола об административном правонарушении от 28 мая 2017 года следует, что правонарушение гр. М. совершено 27 мая 2017 года. Однако, должностным лицом дело в отношении гр. М. в суд направлено 22 августа 2017 года, т. е. по истечению двух месяцев. В результате, данное нарушение явилось основанием ухода гр. М. от административной ответственности².

29 июня 2017 года участковым инспектором полиции МПС УВД города Актобе возбуждено административное дело по статье 440 части 4 КРКоАП (Распитие алкогольных напитков или появление в общественных местах в состоянии опьянения) в отношении гр. Р. Вместе с тем, данное административное дело в специализированный административный суд города

¹ Частное постановление судьи специализированного административного суда города Актобе от 17 мая 2017 года // Дело №3-5732.

² Частное постановление судьи специализированного административного суда города Актобе от 22 августа 2017 года // Дело №3-9290.

Актобе поступило только 04 сентября 2017 года, соответственно со дня совершения административного правонарушения прошло более двух месяцев. В результате, нарушение процессуальных сроков послужило основанием для ухода гр. Р. от административной ответственности.¹

31 июля 2017 года участковым инспектором полиции МПС УВД города Актобе возбуждено административное производство по статье 434 части 1 КРКоАП в отношении гр. Д. По результатам судебного разбирательства производство по данному делу прекращено в связи с истечением срока давности привлечения гр. Д. к административной ответственности. В связи с тем, что санкция части 1 статьи 434 КРКоАП предусматривает возможность применения меры взыскания в виде административного ареста, дело подлежало немедленному направлению для рассмотрения в суд. Между тем, протокол, составленный в день обнаружения правонарушения, первоначально был направлен в суд только 05 марта 2018 года. Таким образом, в результате нарушения процессуальных сроков направления дела в суд пропущен срок привлечения лица к ответственности, что явилось основанием к прекращению производства по делу и, как следствие, ухода гр. Д. от административной ответственности за совершенное правонарушение.²

Приведенный нами список примеров можно продолжать долго, так как, только в 2017 году количество подобных нарушений сроков давности привлечения правонарушителей к административной ответственности исчисляется десятками, и это в рамках одного региона.

На наш взгляд, нарушения процессуальных сроков в данном конкретном случае порождает две наиболее серьезные проблемы, во-первых, правонарушители по вине должностных лиц остаются безнаказанными, а, во-вторых, неопытные, не обладающие достаточными знаниями и навыками молодые сотрудники МПС за допущенные нарушения подвергаются увольнению из органов внутренних дел.

При таких обстоятельствах, наиболее актуальной становится необходимость выявления причин и условий, способствующих допущению полицейскими нарушений процессуальных сроков. Вместе с тем, детально разбираясь в причинах, мы пришли к выводу, что единственной таковой причиной является банальное незнание участковыми инспекторами полиции процессуального порядка направления протокола об административном правонарушении для рассмотрения в суд, где физическое лицо, подлежащее привлечению к административной ответственности, скрывается от должностных лиц МПС.

¹ Постановление судьи специализированного административного суда города Актобе от 04 сентября 2017 года // Дело №1512-17-00-3/9705.

² Частное постановление судьи специализированного административного суда города Актобе от 05 марта 2018 года // Дело №1512-18-00-3/3344.

Например, практически в каждом случае прекращения судом административного производства по причине истечения сроков давности привлечения к административной ответственности, правонарушители согласились с фактом совершения административного правонарушения, ознакомлены с протоколом под роспись, однако, сразу после подписания протокола скрывались под различными предлогами в неизвестном направлении, отсутствовали длительное время по месту жительства и появлялись, как правило, по истечении двухмесячного срока.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство полицейских, в попытке оправдать себя, указывают на якобы сложившуюся позицию суда – не принимать к рассмотрению дела об административных правонарушениях без лиц, подлежащих привлечению к административной ответственности, что также указывает на слабое знание участковыми инспекторами полиции МПС законодательства, регламентирующего порядок направления протокола об административном правонарушении для рассмотрения в суд.

Вместе с тем, следует отметить, что в соответствии со статьей 808 КРКоАП протокол об административном правонарушении в течение трех суток с момента составления направляется для рассмотрения в суд либо орган, уполномоченный рассматривать дело об административном правонарушении. В случае не установления лица, совершившего административное правонарушение, протокол об административном правонарушении, направляется в течение трех суток в суд либо орган, уполномоченный рассматривать дело об административном правонарушении после установления лица, совершившего административное правонарушение. Протокол об административном правонарушении, ответственность, за совершение которого может повлечь применение административного ареста, административного выдворения иностранца или лица без гражданства за пределы Республики Казахстан, направляется судье немедленно после его составления.

Здесь, необходимо особо подчеркнуть, что протокол об административном правонарушении может быть направлен судье, как в письменном виде, так и в форме электронного документа, удостоверенного электронной цифровой подписью¹, где категорически исключается возможность отказа в принятии судами подобных материалов.

Подводя итог, следует отметить, что на данном этапе становления местной полицейской службы еще необходимо осуществлять мероприятия, направленные на разработку практических пособий и памяток в помощь молодым участковым инспекторам полиции МПС, с изложением пошагового алгоритма процессуальных действий, предусмотренных КРКоАП. Таким образом, это будет содействовать улучшению качества работы сотрудников местной полицейской службы и повысит доверие общества к сотрудникам полиции Республики Казахстан.

¹ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.02.2019 г.), статья 808.

Горбач Владимир Николаевич,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

**Особенности отдельных обстоятельств,
подлежащих установлению при расследовании
необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного
увольнения лица, достигшего предпенсионного возраста**

Статья 37 Конституции РФ относит к числу основных прав и свобод человека и гражданина, право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Это право относится к общепризнанным принципам и нормам международного права¹.

Проходящая в стране пенсионная реформа, предусматривает повышение возраста выхода работников на пенсию. В качестве дополнительных социальных гарантий и опасности нарушений отдельных трудовых прав граждан, которые к выходу на пенсию, необходимо было разработать и принять новые законодательные нормы.

Федеральным законом от 3 ноября 2018 года № 352-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»² (далее – УК РФ), указанный кодекс дополнен статьей 144.1, предусматривающей уголовную ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста. Указанная статья вступила в действие 14 ноября 2018 года.

В условиях внешних санкций и отсутствия существенного роста в промышленности и сельском хозяйстве, у Правительства РФ отсутствуют экономические ресурсы, которых было бы достаточно для полноценной социальной защиты граждан, которые в этом нуждаются, введение уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста, является оправданной мерой.

Предварительное расследование по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 144.1 УК РФ, осуществляется в форме предварительного следствия следователями Следственного комитета РФ. Однако это не означает, что сотрудникам органов внутренних дел РФ, не нужны знания о

¹ См.: Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.base/garant.ru>.

² См.: Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 352-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс РФ» // Российская газета – Федеральный выпуск № 7686 (223) от 5 октября 2018 г.

методике расследования данного преступления. Граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, имеют право обращаться в любой правоохранительный орган РФ, в том числе и органы внутренних дел, с любым сообщением (заявлением) о преступлении. После этого, сотрудники органов внутренних дел обязаны проверить сообщение о преступлении и в пределах своей компетенции принять по нему решение.

На момент написания статьи, автор не нашел официальных и неофициальных данных о выявлении (регистрации) преступлений по ст.144.1 УК РФ. Не думаем, что законодатели ошиблись, внося изменения в УК РФ, и вышеуказанная статья лишняя в нашем законодательстве. Отсутствие следственной и судебной практики, разработанной криминалистической методики, вот истинные причины и сложности в выявлении этих преступлений. Кроме того, как показал опрос 60 следователей органов внутренних дел и Следственного комитета Краснодарского края и Республики Адыгея, 63 % опрошенных не знают об изменениях законодательства.

В ходе расследования уголовного дела о необоснованном отказе в приеме на работу или необоснованном увольнении лица, достигшего предпенсионного возраста, должны быть установлены все обстоятельства, имеющие значение для защиты прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, уголовного преследования и назначения виновному справедливого наказания.

По мнению профессора Филиппова А.Г., «круг обстоятельств подлежащих установлению по каждому виду преступлений, определяется соответствующей статьей УК РФ, устанавливающей ответственность за преступления данного вида, а также ст. 73 и некоторыми другими статьями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ (далее – УПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ подлежат установлению следующие общие обстоятельства:

- само событие преступления, прежде всего время, место, способ и другие обстоятельства его совершения;
- виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;
- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

¹ Криминалистика. Углубленный курс: Учебник // Под общей редакцией профессора А.Г. Филиппова. М. 2012. С. 392.

– обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

В соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ, подлежат установлению также обстоятельства, способствующие совершению преступления.

Однако для установления предмета доказывания Садыков А.У. и Душенко М.М. рекомендуют применять такое понятие как «обстоятельства, подлежащие установлению», которое является более широким, потому что оно включает в себя и «обстоятельства, подлежащие доказыванию»¹

Кроме того, в процессе расследования уголовного дела о необоснованном отказе в приеме на работу или необоснованном увольнении лица, достигшего предпенсионного возраста, необходимо установить, что:

- имел место необоснованный отказ в приеме на работу;
- имело место необоснованное увольнение с работы;
- преступление совершено в отношении предпенсионера.

При расследовании конкретного уголовного дела могут появиться и иные обстоятельства, подлежащие установлению.

Рассмотрим наиболее характерные элементы для рассматриваемого состава преступления.

Для установления обстоятельств, характеризующих личность потерпевшего, необходимо знание пенсионного права. Впервые в уголовном законодательстве вводится новое понятие – предпенсионер. Согласно примечанию к ст. 144.1 УК РФ, для целей указанной статьи под предпенсионным возрастом понимается возрастной период продолжительностью до пяти лет, предшествующий назначению лицу страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством Российской Федерации².

В настоящее время получить информацию о заявителе как лице достигшего предпенсионного возраста, возможно в Пенсионном фонде РФ, в электронной форме по каналам системы межведомственного электронного взаимодействия, через единую государственную информационную систему социального обеспечения. Заявитель может сам получить справку, подтвер-

¹ См.: Садыков А.У., Душенко М.М. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о нарушении авторских и смежных прав // Российский следователь. 2012. № 7. С. 6-9.

² См.: Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 352-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс РФ» // Российская газета – Федеральный выпуск № 7686 (223) от 5 октября 2018 г.

ждающую статус гражданина в качестве предпенсионера, через личный кабинет на сайте Пенсионного фонда и в территориальных органах ПФ РФ. Однако согласно ч. 2 ст. 17 УПК РФ, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Следователь или дознаватель имеют право свободы оценки доказательств. Они, руководствуясь законом и совестью, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению. Обстоятельство, что потерпевший является предпенсионером, требует доказывания.

Рассмотрим этот вопрос лишь на примере общих правил назначения страховой пенсии, без льготников и иных категорий граждан. И так для 2018 года это женщины старше 50 лет и мужчины старше 55 лет. Для 2019 года женщины старше 51 года, мужчины старше 56 лет. 2020 года женщины старше 52 лет, мужчин старше 57 лет. Для 2021 года женщины старше 53 лет, мужчины старше 58 лет. 2022 года это женщины старше 54 лет, а мужчины старше 59 лет. Для 2023 года и последующих годов женщины старше 55 лет, а мужчины старше 60 лет.

При установлении обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, необходимы знания трудового права. Так, в частности, обвиняемым будет являться лицо, в компетенцию которого входит право приема на работу или увольнения с работы. Как правило, это представитель администрации, собственника или сам собственник, наделенные правом приема на работу или увольнения с работы, разных форм собственности предприятия или организации. Кроме того, обвиняемым может быть индивидуальный предприниматель и лица, чья деятельность подлежит лицензированию и (или) государственной регистрации или лица, уполномоченные ими в законном порядке. Что касается заключения физическими лицами с гражданами гражданско-правовых договоров, например об оказании услуг, то здесь будут отсутствовать трудовые отношения. Таким образом, физическое лицо в данном случае не будет субъектом рассматриваемого преступления, так как отсутствуют трудовые правоотношения, а присутствуют гражданско-правовые. Физическое лицо, как правило, получая услугу, не извлекает из нее прибыль.

Согласно ст. 64 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) «запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора»¹. Необоснованный отказ в приеме на работу по мотиву достижения предпенсионного возраста, будет в случае немотивированного отказа, то есть без объяснения каких-либо причин. В трудовом праве такой отказ называют немотивированным. Кроме того, необоснованным отказ будет и в том случае, если к предпенсионеру будут предъявлены требования, не предусмотренные законом в качестве обязательных. В трудовом праве такой отказ называют неправо-

¹ См.: Трудовой кодекс РФ: от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: (редакция от 1 апреля 2019 г.) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL:<http://www.base/garant.ru>.

мерным. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года № 2, в редакции от 24 ноября 2015 года, «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» указывается, что «под деловыми качествами работника следует, в частности, понимать способности физического лица выполнять трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли)». «Кроме того, работодатель вправе предъявить к лицу, претендующему на вакантную должность или работу, и иные требования, обязательные для заключения трудового договора в силу прямого предписания федерального закона, либо которые необходимы в дополнение к типовым или типичным профессионально-квалификационным требованиям в силу специфики той или иной работы (например, владение одним или несколькими иностранными языками, способностью работать на компьютере)»¹.

Если работодатель уклоняется от приема на работу физического лица, по мотиву достижения им предпенсионного возраста, то будет пассивный отказ. Рассматривая заявление предпенсионера о приеме на работу, работодатель не направляет заявителю положительного ответа, в установленное законом время. Это будет считаться отказом в приеме на работу. Еще необоснованный отказ в приеме на работу, может быть основанный на обстоятельствах, которые законодатель признает дискриминационными. Это пол, раса, цвет кожи, национальность, язык, происхождение, имущественное и должностное положение, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам. В трудовом праве такой отказ в приеме на работу называется явно незаконным.

Необоснованное увольнение с работы по мотиву достижения предпенсионного возраста, будет в случае немотивированного увольнения, то есть без объяснения каких-либо причин. Кроме того, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 46 от 25 декабря 2018 года «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)», «в случае если трудовой договор с работником был расторгнут по его инициативе, однако по делу имеются доказательства того, что работодатель

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ: от 17 марта 2004 г. № 2: (редакция от 24 ноября 2015 г.) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL:<http://www.base/garant.ru>.

вынудил работника подать заявление об увольнение по собственному желанию именно в связи с его предпенсионным возрастом, такие действия также образуют состав преступления, предусмотренного статьей 144.1 УК РФ».¹

Кроме рассмотренных и указанных обстоятельств, подлежат установлению обстоятельства исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие и отягчающие наказание, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

С появлением следственной и судебной практики, теме частной методики расследования необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения лица, достигшего предпенсионного возраста, еще посветят свои работы ученые-криминалисты.

Грибанов Евгений Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Технологии предупреждения преступлений в малых социальных группах

Технологии предупреждения преступлений в малых социальных группах являются составной частью концепции технологий предупреждения преступлений, сформированной на основе теории криминологических технологий². В широком смысле технологии предупреждения преступлений представляют собой совокупность приемов, методов и решений, применяемых для достижения прогнозируемого результата по недопущению совершения преступлений путем выявления, устранения или минимизации криминогенных факторов, посредством опредмечивания криминологических знаний в антикриминальной практике. В узком смысле технологии предупреждения преступлений образуют совокупность различного рода приемов, способов, средств, методов и форм применения криминологических теорий и учений в практике предупреждения преступности³. Значимое место среди них занимают технологии предупреждения преступлений в малых социальных группах. Остановимся на их описании подробнее.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 от 25 декабря 2018 г. // Российская газета – Федеральный выпуск № 7759 (1) от 9 января 2019 г.

² См.: Симоненко А.В. Перспективы развития культуры противодействия преступности // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 11-12.

³ Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Криминологические технологии: теория и методология // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 8.

Одним из уровней предупреждения преступлений является осуществление воздействия на конкретные социальные группы населения, т.е. на микросреду, в которой происходит социализация личности, а в ряде случаев складываются конфликтные ситуации и формируются отрицательные явления (совершаются правонарушения, антиобщественные действия, формируются причины и условия преступлений).

Малые социальные группы являются объектом изучения социальной психологии, конфликтологии, социологии. Применительно к криминологической проблематике под малыми группами следует понимать относительно немногочисленные по составу социальные группы, члены которых объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов¹. Малой группой называют небольшое число людей, которые достаточно хорошо знают друг друга и постоянно взаимодействуют между собой (школьный класс, спортивная команда, семья, производственный, служебный коллектив). Именно эти особенности выделяют малые социальные группы в самостоятельный и специфичный объект профилактического воздействия.

Как ни странно в криминологической литературе вопросы профилактического воздействия на малые социальные группы не получили должного освещения. В классической советской криминологии можно встретить положения о необходимости профилактического воздействия на социальную микросреду лиц, в поведении которых проявляются антиобщественные установки². Вместе с тем, каких-либо прикладных подходов, рекомендаций и, наконец, технологий этой работы в научной литературе в должной мере не представлено.

Заметим, что профилактическая работа с малыми социальными группами не ограничивается социальной микросредой лиц допускающих правонарушающее поведение. Диапазон такой работы намного шире. Помимо воздействия на социальную микросреду лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, сюда включается виктимологическая профилактика, правовое воспитание и просвещение, профилактическое воздействие на правонарушителей, работа по адаптации, реабилитации, ресоциализации, оказание помощи.

Малую группу следует рассматривать как субъект деятельности и субъект общения. В процессе и на основании совместной коллективной деятельности у участников группы рождается психологическое единство, благодаря которому группа становится реальной социально-психологической общностью.

К признакам таких социальных групп следует относить:

¹ См.: Социология управления: учебное пособие / Т.М. Полушкина, Е.Г. Коваленко, О.Ю. Якимова. М: Издательский дом Академия Естествознания, 2013. С. 63.

² См.: Аванесов Г.А. Криминология. М.: Академия МВД СССР, 1984. С. 403.

1. Ограниченность и немногочисленность состава. Для целей предупреждения преступлений интерес представляют группы численностью от 4-5 до 30-40 человек. Заметим, что работа с группой в 2-3 человека строиться преимущественно по принципам индивидуальной профилактической работы, а работа с числом лиц, превышающим 30-40 человек, фактически перетекает в массовое коммуникативное воздействие и выходит за рамки технологий работы с малыми группами.

2. Общая социальная деятельность и личное общение – совместное (групповое) обучение, работа, служба, отдых и досуг, отбывание наказания, совместное проживание, лечение и прочее.

3. Пространственно-территориальная и организационная обособленность. Этот признак выделяется для целей организации предупреждения преступлений и означает возможность без проведения специальных организационных мероприятий собрать членов такой социальной группы для проведения профилактической работы.

4. Схожесть ряда свойств личности. Члены малой социальной группы должны иметь ряд общих социально-демографических, нравственно-психологических, культурно-духовных, правовых характеристик, имеющих значение для организации профилактической деятельности (возраст, пол, социальный и правовой статус, поведенческие стереотипы, нормы поведения, особенности досуговой деятельности и другие).

5. Относительная стабильность состава малой социальной группы. Состав таких групп, как правило, неизменный или меняется постепенно и незначительно.

К видам малых групп, которые могут выступать целевыми группами для работы по предупреждению преступлений относятся:

1. Коллектив дошкольников (группа детского сада). Целевой группой здесь могут выступать дошкольники старших возрастов. Спектр мероприятий по предупреждению преступлений в таких группах ограничен и, как правило, может быть представлен информацией о государственных символах, правилах обеспечения личной безопасности, в т.ч. как участников дорожного движения. Работа с данной категорией лиц требует специальной подготовки и выбора игровых и творческих форм и методов воздействия.

2. Школьный коллектив (класс). Для этой целевой группы спектр предупредительного воздействия существенно шире. Это и вопросы обеспечения личной и имущественной безопасности, профилактика наркопотребления и иных антисоциальных явлений, привитие необходимых ребенку правоохранительных навыков, профилактика экстремизма, формирование правовых знаний в области обеспечения безопасности дорожного движения. Разнообразны здесь и формы профилактической работы: лекции, беседы, правовые и интеллектуальные игры, мастер-классы, квесты, экскурсии и другие. При проведении работы со школьниками следует учитывать

возрастные особенности детей при подготовке соответствующих мероприятий, а также степень криминальных угроз, актуальных для отдельных возрастных групп школьников.

3. Родители школьников (родительское собрание конкретного класса). Родительское собрание зачастую является единственной формой, используя которую субъект профилактики может провести организованную работу с родителями школьников. С этой целевой группой возможно затронуть массу правоохранительных проблем, решение которых во многом зависит от семьи. Среди них: организация досуга ребенка, обеспечение его безопасности на улице, дома и в школе, профилактика наркопотребления, безнадзорности и беспризорности, вовлечения в экстремистскую деятельность и многие другие вопросы.

4. Коллективы педагогов образовательных организаций. Педагоги общеобразовательных школ, иных образовательных организаций выступают субъектами не только образовательного, но и воспитательного процесса. Коллективы педагогических работников могут выступать и в качестве целевой группы для повышения уровня осведомлённости педагогов в вопросах обеспечения безопасности от преступных посягательств обучающихся, профилактики насилия. Соответствующие криминологические знания и умения педагоги способны эффективно транслировать обучающимся.

5. Студенческие группы. Студенты образовательных организаций высшего и профессионального образования представляют собой наиболее активную часть молодежи. Эта активность может приобретать как правомерные так и противоправные формы поведения. Субъекты профилактики способны здесь оказать на студентов должное правовоспитательное и профилактическое воздействие. Это, прежде всего, вопросы профилактики вовлечения в экстремистскую деятельность, обеспечения личной, имущественной и общественной безопасности, профилактики наркопотребления и коррупции, участия в охране общественного порядка и профилактике правонарушений, оказания содействия полиции и иным правоохранительным органам.

6. Трудовой или служебный коллектив. По сравнению с советским опытом профилактический потенциал таких коллективов значительно снизился. Вместе с тем, в трудовых и служебных коллективах и сегодня с успехом можно проводить работу по профилактике коррупции и должностных преступлений, профилактике общеуголовных преступлений и обеспечению безопасности от преступных посягательств в различного рода сферах трудовой и служебной деятельности (например, в сфере оказания медицинских

услуг, жилищно-коммунального хозяйства и т.п.). Сегодня активное развитие получают технологии комплаенса – соблюдения требований норм деловой этики и законодательства в рамках корпоративных отношений¹.

7. Жильцы многоквартирного дома, члены ТСЖ представляют собой особый объект предупредительного воздействия. Большинство криминальных процессов протекает в местах жительства граждан и не может быть купировано без их активного участия. Обеспечение безопасности жилища, придомовых и дворовых территорий, а также имущества граждан невозможно без участия самих жильцов. Субъекты профилактики способны транслировать такой малой группе широкий спектр правовой и криминологической информации, направленной на обеспечение их безопасности от преступных посягательств: обеспечение безопасности жилища, собственности, общественного порядка на придомовой территории и многие другие вопросы, от решения которых во многом и зависит качество правоохранительной деятельности. Здесь открываются и широкие возможности по осуществлению контроля и надзора за лицами, от которых можно ожидать совершения преступлений, профилактики семейного насилия и неблагополучия.

8. Воспитанники специализированных учреждений для несовершеннолетних (группа, отряд). В данном случае речь идет о профилактической работе с тремя разными группами несовершеннолетних: имеющих ограниченные возможности здоровья, находящимися в социально опасном положении, правонарушителями.

Работа с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, требует дополнительной специальной подготовки. Вместе с тем, с ними необходимо проводить предупредительную работу по привитию знаний по обеспечению личной и имущественной безопасности от преступных посягательств. Это категория несовершеннолетних отличается повышенной виктимностью и уязвимостью перед правонарушителями. Такие несовершеннолетние, как правило, обучаются и воспитываются в специализированных образовательных организациях и организациях социальной защиты населения.

Дети, находящиеся в социально опасном положении, образуют малые группы в случаях их помещения в специализированные учреждения органов социальной защиты населения (центры помощи детям, социальные приюты, реабилитационные центры и т.п.). Такие несовершеннолетние подвержены риску как стать жертвой преступления, так и преступником. Здесь необходимо проведение профилактической работы, направленной на формирование их способностей обеспечивать свою безопасность от преступных пося-

¹ См.: Черепанова В.А. Комплаенс - программа организации: практическое пособие. 4-е изд., доп. М.: ИНФРА-М, 2019; Филиппович А.А. Комплаенс в предпринимательской деятельности: история становления, общие положения, проблемы формирования в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. №3 (43). С. 225-233.

гательств, а также понимать последствия антиобщественного и правонарушающего поведения. Такие дети в большей степени нуждаются в социальной помощи со стороны субъектов профилактики.

Несовершеннолетние правонарушители объединены в малые группы в Центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ОВД, в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типа, воспитательных колониях. В рамках предупредительной работы с ними должен проводиться широкий спектр профилактических мероприятий. Их содержание будет существенно варьироваться в зависимости от характеристик несовершеннолетних, образующих соответствующие малые группы: возраст, пол, криминальный опыт.

Этот перечень объектов профилактического воздействия в разрезе малых социальных групп не является исчерпывающим и может включать иные малые группы, работа с которыми позволит субъектам профилактики достичь правоохранительные цели (члены общественной или иной некоммерческой организации, сельский сход, неформальные группы и прочие).

Профилактическая работа с малыми группами имеет ряд преимуществ по сравнению с воздействием на неопределенный круг лиц и индивидуальной работой. Предупредительное воздействие, в отличие от использования средств массовой коммуникации, оказывается значительно более акцентированным и целевым, присутствует необходимая обратная связь с аудиторией. В отличие от индивидуальной работы одним мероприятием здесь можно охватить до нескольких десятков человек.

Проведение такого рода мероприятий требует от субъектов предупредительной деятельности специальной подготовки по освоению современных технологий предупреждения преступлений в малых социальных группах. От ее качества во многом зависит эффективность проведенного мероприятия и деятельности субъектов предупреждения преступлений.

Содержанием технологий предупреждения преступлений в малых социальных группах являются конкретные формы и методы правоохранительной деятельности, обеспечивающие трансляцию теоретических наработок в практику предупредительной деятельности.

Форм работы в малых группах множество. Субъекты профилактики, отталкиваясь от характеристик целевой аудитории, тематики мероприятий и собственных возможностей, избирает форму работы с помощью которой можно оказать максимально эффективное предупредительное воздействие на аудиторию.

Следует учитывать, что работа с малой группой не должна занимать значительного объема времени. Как правило, возможности восприятия правовой и криминологической информации целевой аудиторией значительно ограничены. Это необходимо учитывать при выборе форм работы с аудиторией.

Формами профилактической работы с малыми группами могут быть: лекция, беседа, игра (квест, викторина), тренинг, мастер-класс, творческий конкурс, демонстрация и обсуждение видеоматериала, урок, использование общественных ресурсов, разработка проекта, метод кейсов и иные формы (акции, флешмобы, брифинг, вебинары и прочее). Рассмотрим особенности некоторых из них подробнее.

1. Лекция. Наиболее распространенная и традиционная форма работы в малых группах. Она представляет собой устное системное и последовательное изложение материала по какой-либо проблеме или теме. Преимуществом лекции является возможность одному субъекту транслировать информацию группе людей. В качестве недостатков данной формы следует отметить отсутствие обратной связи членов малой группы, разная степень включённости слушателей лекции.

Заметим, что лекция как форма правового воспитания и просвещения населения должна применяться лишь в тех случаях, когда до аудитории следует донести значительный объем информации. Здесь встает и вопрос качественной подготовки к ее проведению, использования современных мультимедийных технологий, методов активизации познавательной активности аудитории. При ненадлежащей подготовки лекция может превратиться в скучное и неинтересное мероприятие, иметь негативный имиджевый эффект для субъекта профилактики или вовсе не достичь своей цели.

2. Беседа представляет собой диагностическую форму предупредительной деятельности. Она позволяет субъекту профилактики с помощью постановки продуманных вопросов подводить аудиторию малой группы к осознанию новой правовой и криминологической информации, проверять осведомленность аудитории в тех или иных правоохранных вопросах. Фактически речь идет о групповой беседе, которую организывает субъект профилактики. Она предполагает совместное обсуждение и анализ проблемной ситуации или вопроса. Групповая дискуссия может быть структурированной (ее течение регулируется субъектом профилактики с помощью поставленных вопросов или тем для обсуждения) или неструктурированной (ее развитие зависит от участников группового обсуждения).

Беседа выступает в качестве вопросно-ответной формы взаимодействия субъекта профилактики и представителей малой группы, свободного диалога между указанными лицами. В отличие от лекции эта форма значительно более вариативна, позволяет фиксировать обратную связь с аудиторией, помогает выявить пробелы в правовой и криминологической осведомленности граждан. В зависимости от избранной специалистом правоохранительной проблемы, беседа будет иметь свою специфику и свои особенности.

Проведение мероприятия в форме беседы позволяет каждому участнику включиться в обсуждение поставленной проблемы. Все участники мероприятия стремятся совместно раскрыть содержание вопроса, разъясняют друг другу те или иные проблемные вопросы, каждый из них вносит свою

лепту в общую работу. В результате общими усилиями все участники мероприятия постепенно улучшают свои правовые и криминологические знания.

Нередко в том или ином вопросе один участник беседы осведомлен лучше, чем другие, сталкивался с конкретными правоохранительными проблемами (например, становился очевидцем или жертвой преступления). Как следствие, участники мероприятия способны помочь друг другу, поделиться своим личным опытом. В ходе беседы ее участники имеют возможность озвучить свои проблемы, опыт, предложения, получить информацию от других участников и от специалиста, проводящего беседу.

Проведение беседы предполагает относительно непринужденную обстановку, исключение лишних формальностей, допустимую степень свободы общения.

Успех беседы зависит от качества ее подготовки субъектом профилактики, от правильного определения темы ее проведения и конечно от степени активности самого организатора мероприятия во время беседы, его умения заинтересовать аудиторию, включить всех ее участников в работу, направить активность по пути решения поставленной правоохранительной проблемы.

3. Игра, квест, викторина и иные игровые формы работы используются для работы с детьми и подростками. В игровой форме передача правовых и криминологических знаний и умений несовершеннолетним проходит интереснее, содержательнее и эффективнее иных форм работы. Включенность в игровую деятельность обеспечивает активность, заинтересованность и мотивированность детей и подростков. Здесь правовые и криминологические знания транслируются субъектом профилактики, будучи встроенными в ткань игры. Игра способствует познавательной деятельности несовершеннолетних, расширяет кругозор подростков и способствует укреплению их желания в получении новых правовых и криминологических знаний.

Игра как форма организации предупредительной работы значительно повышает эффективность образовательного и воспитательного воздействия при условии обеспечения качественной подготовки мероприятия. Благодаря игровой деятельности специалисты могут решить ряд профессиональных задач и способствовать формированию позитивных личностных качеств подростка.

4. Тренинг представляет собой форму активного обучения, основу которой составляет выполнение комплекса упражнений, направленных на развитие умений и социальных установок. Приобретение знаний здесь обязательно связаны с практикой их использования. Тренинг является одной из самых популярных форм интенсивного обучения. Тренинг предполагает взаимодействие участников группы друг с другом и выполнение различных заданий. Главная особенность этой формы работы заключается в высокой

интенсивности занятий и использовании разнообразных способов достижения итогового результата прямо в ходе самого тренинга.

5. Мастер-класс предполагает проведение с аудиторией занятия по совершенствованию практического мастерства специалистом в определённой области правоохранительной деятельности (обеспечение личной безопасности, противодействие экстремизму, обеспечение кибербезопасности, разрешение конфликтов и прочее) для лиц, которые заинтересованы в совершенствовании своих компетенций в этой сфере. Мастер-классы могут заключаться в совершенствовании навыков граждан по обеспечению своей личной безопасности от криминального насилия, безопасности своего транспортного средства, действий в состоянии необходимой обороны или при задержании лица, совершившего преступление и по другим направлениям. Мастер-классы проводятся специалистами, которые на высоком профессиональном уровне владеют соответствующими навыками.

6. Творческий конкурс представляет собой состязание нескольких участников в области права и правоохранительной деятельности с целью определить лучших из них. Конкурсы часто проводятся в несколько этапов. Участие в конкурсе и выполнение конкурсных заданий предполагает освоение участником конкурса определенных знаний и приобретение навыков, без наличия которых невозможно успешное выполнение конкурсного задания. Вместе с тем, участник конкурса может самостоятельно выбрать вариант решения стоящей перед ним задачи, проявляя свои креативные способности.

7. Использование общественных ресурсов предполагает проведение в различных формах мероприятий в малой группе субъектом профилактики с привлечением специалистов. Это могут быть спортсмены, медицинские работники, священнослужители, члены общественных организаций, творческие коллективы.

8. Разработка и реализация проекта. Это процесс создания и реализации членами малой социальной группы идеи совершенствования правоохранительной практики посредством постановки конкретных целей и задач по их достижению, а также описания необходимых мероприятий и ресурсов для практической реализации идеи в поставленные сроки. В качестве объектов социального проектирования могут избираться социальные явления, имеющие значение для организации правоохранительной практики: преступность, алкоголизм, наркомания, проституция, экстремизм, беспризорность и безнадзорность несовершеннолетних, бродяжничество, попрошайничество, семейное и школьное насилие и т.п.

Как и любая другая деятельность, социальное проектирование не может быть освоено обучающимся одномоментно. Поэтапная реализация позволяет за счет осуществления предшествующей деятельности сформировать профессиональные компетенции, необходимые для выполнения последующих этапов.

Технологии предупреждения преступлений в малых социальных группах представляют собой ряд последовательных этапов предупредительной деятельности.

1. Выбор и постановка конкретной правоохранительной проблемы, разрешение или минимизация которой возможна посредством предупредительной деятельности в малой социальной группе. Здесь субъекту профилактики следует оценить возможную эффективность планируемого мероприятия, а также преимущества работы в малой группе по сравнению с использованием возможностей средств массовых коммуникаций или индивидуальной работы.

2. Определение малой социальной группы, выступающей в качестве целевой аудитории. Здесь необходимо оценить возможность минимизации правоохранительной проблемы за счет работы с конкретной малой группой, а также заинтересованность ее представителей в решении этой проблемы. Для определения целевой группы следует сопоставить правоохранительную проблему и характеристики лиц, которые определяют ее содержание. При этом саму правоохранительную проблему следует максимально сузить. Например, проблема детского дорожно-транспортного травматизма может быть минимизирована посредством организации работы с малыми группами несовершеннолетних (группы детских садов, классы общеобразовательных школ, иные организованные коллективы несовершеннолетних) и их родителей (родительские собрания в образовательных организациях).

Далее специалисту следует оценить возможность проведения соответствующих мероприятий на обслуживаемой им территории, установить необходимые организационные контакты с руководителями соответствующих организаций, согласовать возможность проведения мероприятий, определить время и место их проведения, возможности использования технических средств.

3. Разработка, согласование плана и сценария мероприятия. Успех мероприятия во многом зависит от качества разработки его плана и сценария. План мероприятия включает в себя информацию о времени, месте и основных этапах его проведения, использования технических средств и иных ресурсов, финансирования и т.п. Сценарий мероприятия предполагает подробное изложение его хода, распределение ролей между его участниками, использование раздаточного материала, технических средств и прочее. Сценарий должен представлять собой полностью продуманную программу, которая включает в себя необходимое количество пунктов, подробно отражающих весь ход мероприятия.

Порядок согласования и утверждения материалов необходимых для использования в предупредительной деятельности не урегулирован нормативными правовыми актами. Отталкиваясь от общего смысла норм, регламентирующих деятельность в области профилактики правонарушений, отметим, что планы и сценарии предупредительной деятельности должны

быть утверждены руководителем подразделения, ответственным за соответствующее направление деятельности органа профилактики. Указанные документы должны быть согласованы с руководителями организаций на базе которых планируется проведение мероприятий или которые организуют деятельность малых групп.

4. Реализация плана и сценария запланированного мероприятия. Ответственный специалист обеспечивает проведение мероприятия, контролирует и управляет его ходом. Само мероприятие в самом общем виде можно разделить на три основных части.

В первой, вступительной, части специалисту следует представиться аудитории, обозначить цель проведения мероприятия, его значимость для аудитории, раскрыть план предполагаемой работы.

Вторая часть мероприятия предполагает реализацию конкретной формы предупредительной работы, взаимодействие с аудиторией, передачу правовых и криминологических знаний, умений и навыков.

В заключительной части подводится итог мероприятия, формулируются необходимые выводы.

5. Анализ эффективности реализованного мероприятия. По итогам проведенного мероприятия с помощью различных методов следует оценить его возможную эффективность, ошибки и недочеты, которые проявились в ходе мероприятия. Например, эффективность мероприятия можно оценить путем короткого опроса аудитории, как в устной, так и в письменной анонимной форме. По итогам оценки эффективности проведенного мероприятия следует распространить опыт его проведения на другие малые группы, в т.ч с учетом внесения корректив в план и сценарий проведения мероприятий или отказаться от проведения мероприятия в виду его низкой эффективности.

6. Коррекция плана и сценария мероприятия. Выявленные недостатки в организации и содержании мероприятия следует устранить, творчески переработав его план и сценарий.

Рамки статьи не позволяют раскрыть весь объем содержания технологий предупреждения преступлений в малых социальных группах. Здесь рассмотрены лишь основные реперные точки, на которых основывается рассмотренный вид технологий предупреждения преступлений.

Густова Элла Владимировна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя;
Хисматова Анжелика Рустамовна,
курсант Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Установление уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием искусственного интеллекта

С каждым годом все более актуальной становится проблема установления правового статуса в целом и уголовной ответственности в частности для искусственного интеллекта, выраженного в форме робототехники.

Стремительное развитие робототехники порождает много спорных и дискуссионных вопросов, касающихся понятия «робот». В энциклопедии под роботом понимается машина с антропоморфным (человекоподобным) поведением, которая частично или полностью выполняет функции человека (иногда животного) при взаимодействии с окружающим миром¹. По мнению Т.В. Сафоновой, робот – это автоматическое устройство, выполняющее задачи, заложенные в него программой, предназначенное для осуществления операций (задач, функций), выполняемых человеком². В действующем законодательстве Российской Федерации термин «робот» не закреплен, не смотря на его широкое применение во все сферах жизни общества.

В 2017 г. Европейским парламентом была одобрена инициатива о введении искусственного интеллекта в правовое поле и придании ему статуса юридического лица³, что дает основание предполагать, что роботы, как представители искусственного интеллекта смогут самостоятельно представлять свои интересы в суде – являться истцом и ответчиком.

¹ Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bse> (дата обращения: 11.11.2019)

² Сафонова Т.В. К вопросу определения понятия «робот» и целесообразности закрепления правового статуса роботов в законодательстве Республики Беларусь // Наука – образованию, производству, экономике: материалы региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов: в 2-х томах. Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2018. С. 275–276

³ Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 11.11.2019)

Но ни ученые, ни простые обыватели не могут дать объективную оценку возможным последствиям данных действий, что и является основной проблемой данной темы.

В настоящее время в Российской Федерации абсолютно отсутствуют нормативно-правовые акты, регулирующие область искусственного интеллекта, что несомненно является колоссальной проблемой современности. Ведь научно-технический прогресс в нашей стране не стоит на месте. Так, в марте 2019 года корпорацией Microsoft Российская Федерация была признана лидером по внедрению новейших технологий в искусственный интеллект. В то же время Президентом РФ Федеральному собранию была поручена разработка программы по развитию искусственного интеллекта в нашей стране в перспективе до 2022 года. Однако, область юридической ответственности в данном вопросе все еще остается не затронутой, в то время, как в некоторых зарубежных странах процесс законодательного закрепления данной сферы идет «полным ходом». К примеру, Южная Корея уже создала закон о робототехнике и подготавливает проект закона, регулирующего ответственность «умных роботов»¹. Аналогично, странами Европы была принята резолюция «О робототехнике», предусматривающая принцип развития искусственного интеллекта без причинения вреда жизни и здоровью человека, что свидетельствует, хоть и о небольших, но все же шагах по законодательному урегулированию ответственности роботов².

Очевиден тот факт, что Уголовный кодекс РФ охраняет общественные отношения в различных сферах жизни, в связи с чем появляется вопрос о возможности включения искусственного интеллекта в существующее сейчас область общественных отношений, охраняемых Уголовным кодексом.

Чтобы получить ответ на данный вопрос, в первую очередь, необходимо дать точное определение самому понятию: «искусственный интеллект» – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система, обладающая свойствами субстантивности, автономности, а также возможностями воспринимать и анализировать данные³. На сегодняшний момент данной системой в самом точном плане обладают роботы.

Необходимо осознавать, что с включением в правоотношения роботов, появиться необходимость в точном определении их правового статуса.

¹ Закон «О содействии развитию и распространению умных роботов в Южной Корее». № 9014 от 28 марта 2008 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://robopravo.ru> (дата обращения: 11.11.2019)

² Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 11.11.2019)

³ Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. № 1. 2018. С. 91–109.

Ведь очевидно, что даже по самым схожим с человеком внешне-физиологическим и интеллектуальным способностям робот все равно будет оставаться лишь запрограммированной машиной, а значит, не может быть уравнен с ним в правах.

До недавнего времени роботы находились в своеобразном «нормативном и правовом вакууме», ведь лишь в ряде стран их участие хоть каким-либо образом закреплено законодательно. А реальная судебная практика по делам, где робот выступает одним из участников судопроизводства – однозначна. В подающем большинстве случаев, как обладатель, так и компания-изготовитель признаются невиновными. На примере с беспилотным автомобилем, сбившим человека, где аварии можно было избежать пешеходом.

На наш взгляд, продолжать развитие законодательства о робототехнике в России необходимо с определением поля ответственности лиц, обладающих и управляющих роботами, и также их изготавливающих. Возможными опорными точками данного нормативно-правового акта может стать общепринятая позиция в теории уголовного права о признании использования животных, компьютерной техники и иных предметов орудиями или средствами совершения преступления.

Предположительно, к уголовной ответственности будут привлекаться лица:

- сконструировавшие робота, одной из функций которого является убийство;
- специально отключившие программы и функции, которые блокируют возможность доставления неудобств и вреда человеку;
- эксплуатирующие заведомо опасного робота (к примеру, беспилотник со сломанной тормозной системой).

Интересное решение данной проблемы предлагает правительство Великобритании, дифференцирующее ответственность на уголовную и гражданскую, то есть в случае, если на автомобиль не оформлена страховка – ответственность за ДТП несет владелец беспилотника, а если ДТП произошло ввиду сбоя в программе, обеспечивающей работу робота, то ответственность должна нести компания-изготовитель.

Одним из самых обсуждаемых вопросов является вопрос именно об уголовной ответственности роботов, если ими был причинен тяжкий вред здоровью или смерть человеку. В данном случае спорными являются данные аспекты: 1) возможно ли установить уголовно-правовую ответственность для людей, занимающихся разработкой программного обеспечения или все же правильным будет говорить об установлении ответственности к лицам, осуществляющим обслуживание данных роботов? С одной стороны, некоторые из функций, способных принести вред здоровью человека могут быть заложены в самом программном коде робота, но имеют место быть ситуации, где общественно-опасное деяние совершено в связи с выходом программного обеспечения из строя, то есть ошибкой не производителя, а лица

осуществляющего техническую профилактику; 2) существует ли реальная возможность установления причинно-следственной связи между деяниями, совершенными роботами и наступившими общественно-опасными последствиями. В данном случае, считаем необходимым обратиться к теории причинной связи, а точнее, к теории необходимого условия, в которой говорится о том, что именно данное деяние лица может быть причиной данного последствия, если это действие/бездействие являлось необходимым условием его наступления. К примеру, реально установить причинно-следственную связь между ошибкой в проектировке тормозной системы беспилотника и возможными наступившими общественно-опасными последствиями. Очевидно, что при выяснении причинно-следственной связи необходимым условием является проведение технико-технологической или компьютерной экспертизы.

Полагаем, при разработке законодательства, регулирующего ответственность за противоправные деяния роботов, важно предусмотреть наступление уголовной ответственности за ненадлежащую разработку, ошибки в создании и внедрении программного кода, ошибки в обслуживании, а также неправомерное использование роботов, которые могут причинить крупный материальный ущерб, создать угрозу или причинить тяжкий вред здоровью либо смерть. В настоящее время необходимость внесения поправок целесообразна для ряда статей Уголовного кодекса РФ, расположенных в главах 16 «Преступления против жизни и здоровья» (ст. ст. 105, 109, 111, 112, 115, 118), 21 «Преступления против собственности» (ст. ст. 158, 167, 168), а также некоторых статей других глав – 143 «Нарушение требований охраны труда», 266 «Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями» (в случае с беспилотными автомобилями), 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», 293 «Халатность» и др., а также имеет смысл говорить о криминализации новых видов деяний.

Конечно на данный момент в РФ еще рано говорить об искусственном интеллекте, как о субъекте преступления, но тем не менее считаем, что ответственность за преступления, совершенные роботами в зависимости от причины ситуации, в которой было совершено деяние может возлагаться на три группы лиц: разработчиков, лиц, обеспечивающих эксплуатацию и лиц, эксплуатирующих роботов.

Следовательно, с дальнейшей разработкой законодательства все более остро будет ощущаться необходимость в создании Постановления Пленума Верховного Суда, в котором будут разъяснены вопросы разграничения ответственности между тремя вышеупомянутыми группами лиц, в процессе взаимодействия с представителями искусственного интеллекта.

Данилов Данил Борисович,
преподаватель кафедры оперативно-разыскной
деятельности в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

Особенности преодоления конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений в сфере охраны имущественных прав на недвижимое имущество

Одна из юридических проблем возникающая при применении уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану имущественных прав на недвижимое имущество, заключается в избыточном использовании общих понятий, которые требуют легального толкования. Так, в отсутствии законодательных разъяснений сущности сформулированных в ст. 200³ УК РФ положений и терминов, вполне вероятным является их неоднозначное понимание правоприменителем.

В норме ст. 200³ УК РФ, устанавливается уголовная ответственность за действия, содержащие признаки привлечения денежных средств граждан, участвующих в долевом строительстве, в нарушение установленного законодательством России, при условии, что объем привлекаемых средств является крупным (3 млн рублей), либо особо крупным (5 млн рублей), а равно если указанные действия совершены группой лиц по предварительному сговору. При этом норма закона не содержит прямого указания на характер нарушений, допущенных застройщиком в процессе привлечения денежных средств граждан.

Относительно рассматриваемого состава, Верховный Суд РФ отмечал, что состав преступления, предусмотренный ст. 200³ УК РФ, сконструирован как формальный¹, то есть преступление, для квалификации которого не имеет значения причиненный деянием ущерб, а также отсутствует необходимость в установлении причинно-следственной связи между деянием и ущербом. Данные преступления считаются оконченными в момент совершения самого деяния (действия или бездействия).

¹ См.: Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 6 марта 2013 г. №2-ВС-899/13 на проект федерального закона №469182-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и нецелевое использование денежных средств, уплачиваемых участниками долевого строительства по договору участия в долевом строительстве» [Электронный ресурс] // [http://ivo.garant.ru/#/document/57710452/paragraph/ 1:0](http://ivo.garant.ru/#/document/57710452/paragraph/1:0) (дата обращения 17.08.2019г.)

Особенности юридической конструкции ст. 200³ УК РФ указывают на то, что для возбуждения уголовного дела достаточно самого факта получения денежных средств от гражданина в размере 3 млн. руб. и более, при наличии какого-либо нарушения требований законодательства об участии в долевом строительстве.

Ввиду изложенных обстоятельств, установление уголовной ответственности за неправомерные действия застройщика, является своевременной и необходимой мерой, обладающей достаточным потенциалом для обеспечения охраны общественных отношений в сфере строительного рынка многоквартирного жилья.

Изложенные суждения позволяют утверждать, что неправомерные действия застройщика, связанные с нарушением установленного порядка привлечения денежных средств дольщиков, наряду с прямым имущественным ущербом, способны причинять и моральный вред, который, в свою очередь, в формате искового требования образует вполне конкретное денежное выражение.

Несмотря на достаточно сложный порядок правового регулирования различных сфер имущественных отношений, развитие института собственности, как основной формы вещного права, а также связанных с ней рыночных правоотношений, на протяжении последних десятилетий, демонстрирует устойчивое развитие. При всем многообразии сфер имущественных отношений, долевое строительство является одним из наиболее выгодных и перспективных вариантов приобретения недвижимого имущества, сочетающего в себе эффективное средство инвестирования финансовых средств.

Активное развитие жилищного рынка, во многом обусловлено широким участием государства в реализации различных социальных программ, направленных на оказание помощи отдельным категориям граждан в приобретении жилья. На законодательном уровне непрерывно ведется разработка и внедрение программ господдержки, направленные на обеспечение граждан РФ необходимой жилищной площадью. Государственные социальные программы приобретения жилья, представляют собой целый комплекс качественных мероприятий, призванных улучшить жилищное состояние одиноких граждан и российских семей путем покупки или строительства жилой недвижимости.

Изложенные обстоятельства, наряду с растущим потребительским спросом объектов недвижимого имущества, обуславливают постоянный рост стоимости квадратных метров, стимулируя солидный приток денежных средств. Как и всякая иная сфера экономических отношений, долевое строительство жилья и иных объектов недвижимости не лишена рисков финансовых потерь. Которые многократно возрастают в связи с притоком в строительную сферу недобросовестных застройщиков, стремящихся извлечь сверхприбыль из осуществляемой ими предпринимательской деятельности, тем более что данная сфера экономики отличается высокой степенью

конкуренции. Противоправной деятельности, в сфере долевого строительства недвижимого имущества, способствует несовершенство законодательства регулирующего прозрачность сделок по приобретению в собственность недвижимого имущества.

С целью защиты прав граждан, приобретающих недвижимость на стадии строительства, был принят Федеральный закон № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее Закон о долевом строительстве). Введение указанного закона было обусловлено необходимостью пресечь деятельность финансово-строительных пирамид. Однако принятый закон, неоднократные поправки в него, а также соответствующие ему поправки к Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² не смогли обеспечить эффективной защиты прав участников долевого строительства, о чем явно свидетельствует статистика: в настоящее время насчитывается 888 проблемных жилых объектов в 69 субъектах РФ и 114 214 обманутых дольщиков (в 2015 г. – 684 объекта и 70 915 пострадавших)³. По данным Минстроя России, на 1 января 2016 г. в стране насчитывалось 510 проблемных объектов и 42 тыс. понесших убытки дольщиков.

Участившиеся в последнее время случаи нарушения договорных обязательств застройщиками многоэтажных жилых домов, перед гражданами, внесшими денежные средства для участия в долевом строительстве соответствующего объекта недвижимости, являются подтверждением необходимости криминализации действий недобросовестных застройщиков, ставящих под угрозу безопасность всего сектора долевого строительства.

Рассматривая собственность, как социально-экономическую категорию, не сложно заметить, что она, являясь предметом отношений в сферах производства или потребления материальных благ, одновременно выступает в качестве предмета распределительной сферы материальных благ. Таким образом, обладание, пользование и распоряжение данным материальным благом, именуемым в правовых нормах как «имущество», представляет собой определенные гарантии экономических свобод и благосостояния граждан.

¹ Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2004г. № 214-ФЗ (в ред. ФЗ от 31 декабря 2017 г. № 506-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2005. №1 (часть I). Ст. 40.

² О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002г. № 127-ФЗ (в ред. ФЗ от 29 декабря 2017 г. № 470-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. №43 (часть I). Ст. 4190.

³ Там же.

Имущественные отношения, реализуемые в жилищной сфере, зачастую являются предметом гражданского или жилищного правового регулирования. Однако, договорные обязательства не всегда являются достаточной гарантией защиты интересов граждан, желающих приобрести в собственность объект недвижимости, путем заключения договора об участии в долевом строительстве, в том числе многоэтажного дома.

Установление уголовной ответственности за неправомерные действия застройщика, связанные с нарушением порядка привлечения денежных средств граждан для участия в долевом строительстве многоквартирных домов либо иных объектов недвижимости, призвано оказать превентивную функцию в сфере «злоупотреблений» на рынке долевого строительства.

Особенности объекта уголовно-правовой охраны рассматриваемого преступления обуславливают специфику предмета и метода уголовно-правового регулирования, содержание которого находит множество межотраслевых связей с основными положениями гражданско-правового законодательства, а также иных правовых норм регулирующих отношения в сфере оборота недвижимости.

Несмотря на достаточно распространенную судебную практику правового регулирования имущественных отношений, в том числе и активную вовлеченность Конституционного Суда РФ, принявшего не мало решений и вынесшего множество определений¹, до настоящего времени не удалость окончательно решить вопрос с признанием помещения жилым.

Результаты нормативного и доктринального анализа вопросов правового регулирования имущественных отношений, позволяют относить к недвижимости в жилищной сфере помещения, предназначенные для постоянного или временного проживания человека, принадлежащие физическим или юридическим лицам на праве собственности или аренды и зарегистрированные в установленном порядке.

Полагаем, что установление уголовной ответственности за недобросовестные действия застройщика, при исполнении им обязательств по строительству многоэтажных домов, обусловлена постановкой под угрозу причинения имущественного вреда физическим лицам, участвующим в долевом строительстве. Вероятно, риски возникновения таких угроз напрямую связаны с нарушениями установленных правил ведения финансово-экономической деятельности.

¹ Определение КС РФ от 20.12.2005 № 533-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова Алексея Ильича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и примечанием к статье 139 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение КС РФ от 20.12.2005 № 533-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Потапова Алексея Ильича на нарушение его конституционных прав пунктом 10 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и примечанием к статье 139 Уголовного кодекса Российской Федерации» и др.

Очевидным является то, что лица участвующие в долевом строительстве, с момента заключения соответствующих договоров и внесения денежных средств на счет подрядчика, очень пристально следят за исполнением последним своих договорных обязательств, а не исполнение или ненадлежащее их исполнение застройщиком, может привести дольщика в состояние стресса, посеяв чувство страха за возможную утрату внесенных денежных средств и ожидаемого объекта недвижимости.

Данное обстоятельство, на первый взгляд, воспринимаемое как вполне естественное, составляющее элемент риска, зачастую кажется неотъемлемой частью отношений в сфере долевого строительства. Тем не менее, негативные эмоциональные переживания, испытываемые участниками долевого строительства, в достаточной степени образуют основные признаки, характеризующие такую правовую категорию, как «моральный вред», поскольку испытываемые дольщиком нравственные страдания, во многом, обусловлены виновным бездействием застройщика.

Подводя итог изложенному, отметим, что само по себе установление уголовной ответственности за противоправные действия застройщика, связанные с привлечением денежных средств граждан для участия в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, не может в полной мере гарантировать защиту дольщиков.

Данильян Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России;
Башинская Инна Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

Проблемы практики применения норм уголовного законодательства в части освобождения от ответственности за незаконный оборот наркотиков

Эффективным механизмом противодействия незаконному обороту наркотиков можно считать институт освобождения от уголовной ответственности за данные противоправные деяния. Он стимулирует лиц, совершивших подобные преступления, к прекращению противоправной деятельности, способствует изобличению виновных субъектов, обнаружению вещей, добытых преступным путем. Нельзя решать вопросы борьбы с преступностью, как в целом, так и с рассматриваемой категорией преступлений, одними только уголовными репрессиями. В ст. 228 УК РФ существует

примечание, в котором зафиксировано, что гражданин, который совершил противоправное деяние, регламентированное указанной статьей, который добровольно выдал указанные в примечании предметы, активно содействующий раскрытию либо пресечению противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков, выявлению субъектов, их совершивших, обнаружению предметов, полученных преступным путем, освобождается от уголовной ответственности.

По сути, в этих ситуациях налицо индивидуальный случай деятельного раскаяния, который наделен некоторыми особенностями. Добровольная сдача наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений или их частей, которые содержат такие средства или вещества, активное содействие раскрытию либо пресечению деяний в данной сфере, обнаружению предметов, полученных преступным образом, можно считать внешним формальным проявлением раскаяния.

Данные обязательные условия означают некую совокупность, которую в реальной жизни выполнить достаточно сложно. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»¹ определено, что освобождение от уголовной ответственности допустимо, когда налицо совокупность двух условий (п. 19). Эта совокупность выражается в следующем: во-первых, добровольная выдача названных средств и веществ; во-вторых, активное содействие раскрытию либо пресечению противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков, изобличению субъектов, которые их совершили, выявлению предметов, полученных преступным.

Возникают ситуации, когда лицу удалось сбыть наркотические средства, но одновременно оно готово изобличить других участников. Напрашивается вопрос: возможно ли в этом случае освобождение от ответственности? Ответ на него содержится во втором абзаце п. 19 указанного постановления Пленума, где разъясняется, что ст. 75 УК РФ не содержит запрета относительно освобождения лица от уголовной ответственности за впервые совершенное противоправное деяние, установленное ч. 1 ст. 228 УК РФ, тех субъектов, которые хотя и не выдали наркотиков, но явились с повинной, активно содействовали раскрытию либо пресечению преступных деяний. Видим, что Пленум Верховного Суда РФ в порядке исключения ставит возможность освобождения от ответственности в зависимость от того впервые

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 (в ред. от 16 мая 2017 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.

гражданин совершил преступление или нет. Полагаем, что подобное исключение «сводит на нет» поощрительную меру, регламентированную в примечании 1 к ст. 228 УК РФ.

При этом отдельные условия законодателем не раскрываются, в частности, что следует понимать под «активным способствованием» выявлению преступлений исследуемой категории дел. Как правило, в следственно-судебной практике в качестве такой деятельности рассматриваются: установление соучастников, оказание помощи правоохранительным органам в поиске имущества, полученного преступным путем и добровольную выдачу наркотических средств и психотропных веществ.

Здесь можно обратить внимание на положения ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», где регламентировано, что субъект, который входил в преступную группу, и совершил преступное деяние, не повлекшее тяжких последствий и, которое было привлечено к сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-розыскные мероприятия, активно способствовал выявлению общественно опасного деяния, компенсировал ущерб, другим образом возместил причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности.

Стоит учитывать, что нормы уголовного закона, регулирующие освобождение от уголовной ответственности содержатся лишь в УК РФ, где приводится перечень оснований для этого, а не в Федеральном законе об оперативно-розыскной деятельности. Судебные инстанции для решения названной проблемы достаточно часто используют нормы об условном осуждении. В ч. 2 ст. 73 УК РФ закреплено, что в случаях назначения условного осуждения суд должен учитывать характер и степень общественной опасности противоправного деяния, личность преступника, смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. В составе преступления, регламентированного ст. 228 УК РФ, который считается формальным, вредные последствия обычно отсутствуют, а причиненный вред компенсируется пресечением других преступных деяний или наступлением иного полезного результата, например, изъятием из незаконного оборота наркотических и денежных средств или иных материальных ценностей, полученных преступным путем¹.

Существенное значение в характеристике личности преступника служит признание собственной вины, активное содействие раскрытию общественно опасного деяния. Это демонстрирует возможность его исправления без реального отбывания лишения свободы. При этом суд устанавливает испытательный срок, в течение которого субъект может доказать свое исправление, соответственно, наказание в виде лишения свободы будет нецелесообразным.

¹ Бочарникова Л.Н., Демченко Н.В. Использование института освобождения от уголовной ответственности в борьбе с наркопреступностью // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4 (50). С. 120.

Так, решением суда Л.Л.В. и Т.А.П. были осуждены по ч. 1 ст. 228 УК РФ к лишению свободы, но в соответствии со ст. 73 УК РФ наказание условное¹.

По другому уголовному делу П.К.А. совершила пособничество в незаконном приобретении без цели сбыта психотропных веществ в значительном размере. Имея умысел на совершение данного преступления, находясь на территории «...», действуя в интересах Ф.И.О., выступающего в качестве покупателя психотропного вещества в оперативно – розыском мероприятии «Проверочная закупка», проводимом сотрудниками уголовного розыска, умышленно с целью оказания содействия в незаконном приобретении без цели сбыта психотропных веществ в значительном размере, незаконно приобрела у неустановленного следствием лица вещество массами «...» и «...», общей массой «...», содержащее в своем составе психотропное вещество амфетамин, что составляет значительный размер.

Обстоятельствами, смягчающими наказание П.К.А., суд признал явку с повинной, полное признание вины и раскаяние в содеянном, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, принесение публичных извинений, а также ее молодой возраст. Суд пришел к выводу, что исправление подсудимой возможно без реального отбывания наказания, а поэтому назначил ей наказание в виде лишения свободы на 1 год, с применением ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком 1 год².

Поэтому формально сегодня есть возможность освобождения от уголовной ответственности субъектов, совершивших противоправные деяния в сфере незаконного оборота наркотиков, при соблюдении регламентированных оснований подобного освобождения. Однако фактически выполнить полностью все указанные в примечании 1 ст. 228 УК РФ основания очень сложно.

Заметим, что юридической литературе обращается внимание на громоздкую формулировку примечания 1 к ст. 228 УК РФ. Отсутствие лаконичности в изложении правового предписания, в свою очередь, влечет отсутствие его ясности. В связи с этим, предлагается, в примечании отдельно изложить понятие «предмет преступления», тем самым избежав многократного использования отдельных видов наркотиков³, что, на наш взгляд, представляется разумным. Можно вместо понятия «предмет преступления» использовать один обобщенный термин – «наркотики».

¹ Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 13 мая 2016 года по делу № 22-1915/ 2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Fuj2VGvQ91Lp/> (дата обращения: 05.09.2019).

² Приговор Апатитского городского суда Мурманской области от 10 мая 2016 года по делу № 1-72/ 2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CFYGapHuPGxm/> (дата обращения: 05.09.2019).

³ Галушкова В.В. Проблемы правовой регламентации специального условия освобождения от уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 130.

Вторая часть примечания 1 гласит о том, что нельзя считать добровольной сдачу наркотиков в ходе задержания лица, а также в процессе осуществления следственных действий по их обнаружению и изъятию. Пленум Верховного Суда РФ в указанном выше постановлении № 14 указывает, что добровольная сдача наркотических средств и психотропных веществ, возможна лишь в случаях существования у субъекта реальной возможности распорядиться этими предметами. В процессе задержания преступника и осуществлении следственных действий выдача наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, по предложению должностного лица, осуществляющего эти действия, не может являться основанием для применения примечания 1 к ст. 228 УК РФ (п. 19).

Существуют трудности с решением вопроса о том, будет ли иметь место добровольная сдача, если субъект осуществляет эти действия по предложению должностного лица правоохранительного органа до момента начала проведения процессуальных действий по выявлению и изъятию наркотических средств и психотропных веществ.

Считаем, что информация, предоставленная должностному лицу о том, где находятся наркотические средства и психотропные вещества можно считать их добровольной сдачей, при наличии некоторых условий. Во-первых, требуется, чтобы присутствовал конкретный результат – изъятие наркотических средств и психотропных веществ.

Во-вторых, добровольность в поведении субъекта проявляется в наличии реальной возможности последующего хранения или распоряжения этими предметами. Презюмируется, что у правоохранительных органов отсутствовала информация о том, где находятся наркотические средства и психотропные вещества до получения таких сведений от виновного лица.

Возникает необходимость обратиться к положениям УПК РФ. В ч. 5 ст. 182 УПК РФ, которая регламентирует процедуру осуществления обыска, определено, что следователь до момента его проведения предлагает лицу добровольно выдать подлежащие изъятию наркотические средства и психотропные вещества. При добровольной выдаче в протоколе фиксируются место, обстоятельства обнаружения этих средств и веществ, а также добровольность поведения участника (ч. 13 ст. 182 УПК РФ). Аналогичные положения действуют и относительно выемки (ч. 5 ст. 183 УПК РФ).

Однако на этот счет в отечественной доктрине возникают серьезные дискуссии. Часть ученых полагает, что добровольная выдача наркотических средств и психотропных веществ по правилам, предусмотренным статьями 182 и 183 УПК РФ, отождествляется с той, о которой говорится в примечании к статье 228 УК РФ, т.е. она имеет уголовно-правовое значение для освобождения субъекта от уголовной ответственности¹.

¹ Корнуков В.М., Валиев Р.Ш. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании. Саратов, 2007. С. 171.

Заметим, что ранее Пленум Верховного Суда РФ разъяснял, что как добровольную сдачу наркотических средств и психотропных веществ следует считать их выдачу гражданином по предложению следователя перед началом осуществления выемки либо обыска. Однако, в дальнейшем эта позиция изменилась в постановлении № 14 от 15 июня 2006 г.

Противоположная позиция той, о которой говорилось выше, основывается на том, что добровольная сдача наркотических средств и психотропных веществ по правилам ст.ст. 182, 183 УПК РФ имеет лишь процессуальное значение, которое не взаимосвязано с положениями ст. 228 УК РФ. В этих ситуациях наблюдается лишь оказание уголовно-процессуальной помощи расследованию. Здесь признак добровольности наделяется процессуальным характером, поскольку с учетом специфики подобные процессуальные действия по своему содержанию считаются принудительными¹.

И.В. Кобзева считает, что субъект, задержанный по подозрению в совершении преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, и хранящее наркотические средства в жилище, перед началом личного досмотра либо обыска уже фактически лишен реальной возможности распорядиться ими, и понимает возможность обнаружения и изъятия у него этих средств и веществ. Для применения института освобождения от уголовной ответственности субъект не должен существовать в безвыходном положении².

По мнению отдельных авторов при определенных условиях добровольная выдача субъектом подлежащих изъятию наркотических средств и психотропных веществ может рассматриваться как обстоятельство, которое смягчает наказание, а не считается условием для освобождения этого лица от уголовной ответственности. Выдачу наркотиков подозреваемым (обвиняемым) по предложению должностного лица до начала их поиска, необходимо рассматривать как выдачу в процессе уже начавшегося процессуального действия. В этом контексте добровольной выдачей следует считать активное (инициативное) поведение виновного лица³.

Полагаем, что нормы уголовного закона не имеют императивного запрета на оценку в качестве добровольной выдачи наркотических средств и психотропных веществ их передачу виновным лицом следователю (дознавателю) до начала осуществления обыска или выемки. Здесь предполагается и высказывание следователем фраза о выдаче наркотических средств и психотропных веществ. В отечественной доктрине высказано суждение, что по-

¹ Антонов А.Г. Категория «добровольность» в уголовном праве России // Сибирский Юридический Вестник. 2002. № 2. С. 37.

² Кобзева И.В. Профилактика наркотизма несовершеннолетних в образовательных учреждениях: криминологический и правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 142.

³ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Б.Т. Безлепкина // СПС КонсультантПлюс.

добная ситуация может иметь место, если должностное лицо при осуществлении процессуального действия располагает недостоверной информацией о месте нахождения искомых средств и веществ, а субъект, у которого они находятся, сообщает, что они сокрыты в другом месте¹.

Можно отметить и положительную тенденцию относительно разъяснения, которое дается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 14. Ранее следователь (дознатель) не мог противодействовать формально юридически правильной деятельности подозреваемых (обвиняемых), которые при их задержании или в ходе осуществления процессуальных действий по выявлению и изъятию наркотических средств и психотропных веществ освобождались от уголовной ответственности благодаря институту добровольной выдачи.

Полагаем, что к вопросу освобождения от уголовной ответственности в сфере незаконного оборота наркотиков требуется подходить индивидуально.

В результате изложенного можно констатировать, что в для оценки добровольности в правоприменительной практике требуется учитывать субъективный критерий, т.е. виновный должен по собственному желанию, без какого-либо давления на него сдать наркотические средства и психотропные вещества, понимая, что у него существует возможность последующего беспрепятственного владения этими предметами но, тем не менее, осуществляет их выдачу должностному лицу правоохранительных органов.

Подводя итог, можно сделать следующие обобщающие выводы: добровольная сдача лицом, совершившим преступление, предусмотренное статьей 228 УК РФ, наркотических средств и психотропных веществ производится путем их непосредственной передачи должностному лицу правоохранительных органов или путем предоставления информации о том, где они находятся, если данными сведениями правоохранительные органы не располагали. Результатом инициативного поведения субъекта можно считать изъятие наркотических средств и психотропных веществ, при понимании фактической возможности последующего их хранения или распоряжения ими. Регламентация правил в примечание 1 к ст.228 УК РФ о том, что нельзя считать добровольной сдачу наркотических средств и психотропных веществ, их изъятие в процессе задержания подозреваемого (обвиняемого) и осуществления процессуальных действий, является излишним, т.к. эти вопросы должны оцениваться непосредственно судом, исходя из конкретных обстоятельств дела.

¹ Суркова О.Г. Добровольная сдача предметов, находящихся в незаконном владении лица, совершившего преступление, и ее уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. С.45.

Догузова Оксана Руслановна,
старший преподаватель кафедры
конституционного права
юридического факультета
Горского государственного аграрного
университета, г. Владикавказ

Дифференциация уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное в отношении критически важного объекта

Современное государство и составляющее его население общество, во многих сферах своей жизни и деятельности зависимы от нормальной работы основных служб и систем производства, дезорганизация деятельности которых может обернуться серьезными последствиями для поставки социально-значимых ресурсов, осуществления деятельности специальных служб, а также обеспечения общественной безопасности.

Уголовно-правовая охрана объектов, обеспечивающих нормальную деятельность критически значимых для государства и общества служб и систем, является необходимой мерой, обеспечивающей общественную безопасность.

Говоря о современных угрозах нормальной деятельности критически значимых объектов инфраструктуры, следует отметить террористическую деятельность, участники которой стремятся посягнуть на наиболее значимые сферы общественных отношений.

Так, вторая половина 2017 года ознаменовалась резким увеличением числа ложных сообщений об угрозе совершения взрывов в различных регионах России. Данные факты имели место в 22 российских городах применительно к 205 объектам, в которых предполагалось одномоментное нахождение большого количества людей (вокзалы, торговые центры и т.п.)¹.

Так, только в Ставропольском крае в период с 9 по 15 сентября 2017 года было зафиксировано 54 телефонных звонка содержащих ложные сообщения о заложенных взрывных устройствах на 64 объектах различной инфраструктуры, в том числе в органах государственной власти и органах местного самоуправления. В результате проведенных мероприятий было эвакуировано около 5 тыс. человек. Несмотря на то, что и ранее объекты социальной инфраструктуры подвергались атакам «телефонных террористов» (в 2015 году на территории Ставропольского края зарегистрировано

¹ Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации» подготовленного Думой Ставропольского края [Электронный ресурс] // <http://www.dumask.ru/component/k2/item/18494.html> (дата обращения 11.08.2019 г.)

23 преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 207 УК РФ, в 2016 году их количество практически не изменилось, составив 24 факта), произошедшие события продемонстрировали их беспрецедентный рост, как по количеству одновременно поступивших ложных сообщений, так и по численности населенных пунктов, подвергшихся указанным преступным деяниям.

Эффективность избранной тактики продемонстрированной преступниками в сентябре – октябре 2017 г., когда фактически во всех регионах: в Москве, Екатеринбурге, Челябинске, Перми, Ставрополе, Новосибирске, во Владивостоке и многих других, – всего в 180 городах имели место массовые факты телефонного терроризма, была доказана существенными финансовыми потерями, понесенными практически всеми субъектами экономических отношений. Кроме материальных убытков заведомо ложные сообщения об акте терроризма дезорганизовали деятельность правоохранительных органов, а также специализированных служб, привлекаемых к участию в мероприятиях по нейтрализации террористической угрозы. По каждому факту правоохранительные органы осуществляли комплексные мероприятия по эвакуации граждан, находящихся на конкретных объектах. В общей сложности из различных объектов социальной инфраструктуры (торговых центров, кинотеатров, школ, больниц, административных зданий, транспортных объектов, аэропортов) было эвакуировано почти 2,5 млн человек.

Данное обстоятельство, потребовало от государства принятие комплекса мер, обеспечивающих безопасность критически значимых объектов инфраструктуры. Одной из таких мер явились законодательные поправки, внесенные в уголовно-правовую норму ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее УК РФ). Данная законодательная инициатива демонстрирует признание того, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма вышло за пределы угрозы общественной безопасности, его современные формы позволяют оказывать серьёзное негативное воздействие на сферу экономических отношений².

Существенно изменив редакцию ст. 207 УК РФ, законодатель дополнил её содержание рядом, ранее ей не известных, объективных и субъективных признаков, толкование которых является предметом самостоятельных научных исследований, одновременно с этим требующее уяснение их содержания правоприменителем.

¹ О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 2018 г. № 1 (часть I) ст. 85

² Степанков Д.В. Реализация федеральной службой по финансовому мониторингу функций по противодействию легализации (отмывания) преступных доходов по финансированию терроризма // Банковское право. 2006. № 6.

Предпринятая законодателем дифференциация уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, обусловила выделение квалифицированного состава ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающего ответственность за заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенного в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшие причинение крупного ущерба (ч. 2 ст. 207 УК РФ).

Следует признать вариативность степени общественной опасности заведомо ложного сообщения об акте терроризма, которое может иметь различные формы, начиная от банального хулиганства, заканчивая дестабилизацией деятельности органов власти или международных организаций.

Рассуждая о содержании характера и степени общественной опасности заведомо ложного сообщения об акте терроризма, следует вспомнить о непостоянстве данных качественно-количественных категорий и их тесной зависимости от объективных обстоятельств, характеризующих текущую социальную, политическую либо экономическую ситуацию внутри государства.

На данное обстоятельство обращалось внимание представителей уголовно-правовой доктрины, по мнению которых, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, обладает потенциалом обеспечивающим возможность достижение целей террористического акта, реализуемого в форме угрозы (ст. 205 УК РФ), а именно дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций и оказание воздействия на принятие ими решений¹.

В этой связи установление более строгой ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, повлекшего причинение крупного ущерба, является вполне оправданной мерой на пути дифференциации уголовной ответственности за данное преступление.

Если установление крупного ущерба при заведомо ложном сообщении об акте терроризма не вызывает сколь-нибудь серьезных затруднений – его размер определен примечанием к ст. 207 УК РФ, как сумма понесенных убытков превышающая один миллион рублей², то уяснение юридической сущности объекта социальной инфраструктуры, являющегося признаком состава преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, оставляет место для дискуссии и требует самостоятельного рассмотрения.

¹ Агапов П.В., Михайлов К.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики. Саратов, 2007. С. 76.

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016. № 41) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

В соответствии с примечанием 2 к ст. 207 УК РФ, к объектам социальной инфраструктуры законодатель относят организации систем здравоохранения, образования, дошкольного воспитания, различные предприятия и организации, обеспечивающие отдых и досуг населения, осуществляющие пассажирские перевозки, относящиеся к спортивно-оздоровительному комплексу, учреждения оказывающие услуги правового и финансово-кредитного характера, а также иные объекты социальной инфраструктуры.

Полагаем, что определение объектов социальной инфраструктуры, закрепляющее их расширительное понимание, весьма вероятно, может способствовать возникновению проблем в уяснении объема данного понятия, и может служить предметом самостоятельного научного анализа.

В рассматриваемом аспекте, нас интересует уголовно-правовой характер критически значимого объекта, который по своему назначению и специфике осуществляемой деятельности, не может относиться к объектам социальной инфраструктуры и, как следствие, образовывать специального признака объективной стороны заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

Признавая тот или иной объект критически важным, следует исходить из того насколько его нарушение или прекращение функционирования способно привести к сбоям в управлении экономикой Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, необратимому негативному изменению или разрушению экономики Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования либо существенному снижению безопасности жизнедеятельности населения, проживающего на этих территориях, на длительный период.

Поскольку, сама по себе, дезорганизация деятельности критически важных объектов социальной инфраструктуры в совокупности с деятельностью правоохранительных органов предполагает причинение материального вреда, считаем обоснованным признание такой дезорганизации признаком, характеризующим общественно опасное последствие.

Принимая во внимание тот факт, что дезорганизация деятельности критически важного объекта обладает большей степенью общественной опасности, нежели чем объекта социальной инфраструктуры, и способно причинить более серьезный вред, считаем целесообразным установление более строгой ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма в отношении критически важного объекта.

Полученный вывод обуславливает необходимость изменения редакции ч. 4 ст. 207 УК РФ следующим образом: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные в отношении критически важных объектов, либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия».

Полагаем, что материальный характер такого особо квалифицированного вида заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ч. 4 ст. 207 УК РФ) может образовывать прямую зависимость между нарушением критически важного объекта и тяжкими последствиями.

Евтушенко Инна Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Вопросы квалификаций хищений электронных денежных средств и хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа

Количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (статьи 159 – 159.6 УК РФ) в 2018 г., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года снизилось на 3,5 % и составило 215 036 преступлений, из них раскрыто – 57,4 тыс. (20%). Число предварительно расследованных преступлений данного вида увеличилось на 2,8 %, составив 53 208 деяний, из которых по 42 684 (+1,2 %) преступлениям уголовные дела направлены в суд. Доля мошенничества не изменилась и составила 10,8 % в общей структуре преступности. Доля преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий составила – 174 674 (+92,8 %), из них раскрыто – 43 362 преступлений (25%).

По итогам 11 мес. 2018 г. наибольший рост мошенничеств наблюдается в Ленинградской области (на 437; +47,4 %), Республике Крым (на 842; +45,3 %), Новосибирской области (на 1 808; +44,8 %).¹

Общественная опасность и распространенность мошенничеств очень велика, особенно с развитием науки и техники, повышением образовательного уровня криминально активной части населения. Официальными органами отмечается многократный рост как фактов несанкционированных банковских операций (за 2015 г. – 6,7 раз),² так и количества мошенничеств.

Однако распространение и совершенствование новых средств безналичных расчетов и платежей, появление электронных денег,

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года // [Интернет-ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения 15.05.2019)

² Пояснительная записка к проекту ФЗ «О внесении изменений в УК РФ (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств) // [Интернет-ресурс] СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req159733# 034043780500899923>

ежегодный рост Интернет-торговли вынудило законодателя выделить такой вид мошенничества по ст. 159³ УК РФ как «с использованием электронных средств платежа».

Кроме того, в ч. 3 ст. 158 УК РФ введен новый квалифицирующий признак, п. «г» – кража с банковского счета, в отношении электронных денежных средств.

Сходство названных выше составов преступлений в виду внесения изменений в УК РФ федеральным законом № 111-ФЗ от 23.04.2018 г. породило как у правоприменителей, так и у ученых больше вопросов, чем ответов.

Анализ приговоров, вынесенных по данным преступлениям, совершенным после 4 мая 2018 г., показал, что основная масса деяний квалифицируется органами следствия и судами по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Видимо этим и объясняется незначительное снижение доли мошенничеств в общей структуре преступности по итогам 2018 г.

Рассмотрим более подробно именно вопросы квалификации совершаемых дистанционных хищений денежных средств и разграничения составов преступлений против собственности, имеющих схожие квалифицирующие признаки – с банковского счета, в отношении электронных денежных средств, с использованием электронных средств платежей.

Статья 158 ч. 3 п. «г» – кража, «совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

Данное преступление должно обладать как общими характерными признаками кражи, так и специфическими, квалифицирующими. Рассмотрим такие признаки кражи, которые отличают ее от мошенничества.

Определяющими признаками объекта кражи является ее предмет. Им может быть только чужое имущество, обладающее как физическими, так и юридическими признаками имущества. Деньги как вид имущества в РФ могут иметь как наличную форму, так и безналичную согласно ФЗ от 27.11.2011 г. № 161 «О национальной платежной системе».¹

Безналичные денежные средства появляются через посредничество наличных денег. При этом предметом кражи не могут быть имущественные права, в том числе и криптовалюты. Так осуществляется хищение безналичных денег с банковского счета.

Другой разновидностью предмета в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ являются электронные денежные средства. Они так же используются при осуществлении безналичных расчетов.

Электронные денежные средства – «это безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте, учитываемые кредитными организациями без открытия банковского счета и переводимые с использованием

¹ Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ в ред. от 28.11.2018 // [Интернет-ресурс] СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 15.05.2019)

электронных средств платежа» в соответствии с Федеральным законом № 161-ФЗ. Данные средства отображаются на особом консолидированном счете, который используется различными платежными системами (PayPal, WebMoney, QIWI, Яндекс-Деньги и другие) и электронными средствами платежа (кредитными, дебетовыми, предоплаченными картами телефонии, электронными проездными картами, подарочными картами). Электронные денежные средства могут формироваться за счет: наличных или безналичных средств физического лица; перечислений от юридического лица; аванса за услуги связи.

То есть, и электронные деньги, хоть и опосредованно, но обладают физическим признаком вещи как предмета хищения и могут быть предметом кражи.

Второй отличительной особенностью кражи с объективной стороны преступления, отличающей ее от мошенничества, является способ – тайное изъятие чужого имущества.

Тайным признается хищение в отсутствие потерпевшего, или хоть и в присутствии потерпевшего или иных лиц, но которые не осознают факта незаконного противоправного безвозмездного изъятия чужого имущества.

Если банковская карта предъявляется уполномоченному сотруднику банковской или торговой организации, после чего производится идентификация владельца карты, который вводит указанного сотрудника в заблуждение относительно правообладания данной картой и денежными средствами на ее счету, то такие действия должны быть квалифицированы как мошенничество. Если же злоумышленник использует заранее похищенную или поддельную банковскую карту для снятия наличных денег в банкомате, то такое деяние является кражей, так как обмануть можно только человека, но не машину¹.

Именно поэтому квалифицирующий признак совершения кражи с банковского счета может иметь место только при хищении безналичных и электронных денежных средств путем их перевода в рамках применяемых форм безналичных расчетов в порядке ст. 5 ФЗ от 27.11.2011 г. № 161 «О национальной платежной системе». Таким образом, кража денежных средств посредством банкомата должна рассматриваться как обычное хищение денег, наделенных физическим признаком, а не квалифицированное. Если же данные действия были совершены в телекоммуникационном пространстве и перевод данных денежных средств, связанных с их изъятием и присвоением виновному, осуществлялось с помощью перевода денежных

¹ Например, Приговор Ефремовского районного суда (Тульская область) № 1-112/2018 от 24 сентября 2018 г. по делу № 1-112/2018 // [Интернет-ресурс] ГАС «Правосудие» (дата обращения: 15.05.2019)

средств с одного счета на другой, то тогда следует квалифицировать действия виновного по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.¹

Таким образом, анализ имеющихся приговоров, вынесенных после внесения п. «г» в ч. 3 ст. 158 УК РФ показал, что по данному пункту суды чаще всего квалифицируют безналичные хищения денежных средств с помощью сервиса «Мобильный банк».

Так же большое распространение получили такие способы хищения с использованием бесконтактной оплаты банковскими картами на кассах магазинов, АЗС, которые судами так же квалифицируются как кражи с банковского счета.

Статья 159³ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа».

Не смотря на изменившуюся формулировку ст. 159³ УК РФ, традиционно органы следствия и суды квалифицируют оплату товаров на кассе магазина чужой банковской картой, в том числе с функцией бесконтактной оплаты как мошенничество, совершенное путем обмана уполномоченного сотрудника торговой организации по ст. 159³ УК РФ в соответствии с уже морально и юридически устаревшей рекомендацией Пленума ВС РФ.

Упрощение описания признаков объективной стороны ч. 1 ст. 159³ УК РФ, с одной стороны, позволило законодателю расширить диапазон случаев применения данной нормы. Но, с другой стороны, создало конкуренцию с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в котором предметом преступления выступают электронные и безналичные денежные средства, которые выводятся со счетов собственника и обналичиваются с использованием электронных средств платежа (банковских карт, электронных платежных систем). Такой дуализм норм на практике привел к тому, что органы следствия и суды стали квалифицировать такие деяния как кражи, а не мошенничества. И этому есть вполне логичное объяснение.

Разберем почему. Электронное средство платежа выступает в ст. 159³ УК РФ как средство изъятия денежных средств, а предметом являются те же безналичные денежные средства, находящиеся на банковском или консолидированном счете держателя карты.

К электронным средствам платежа относятся: электронные кошельки и prepaid банковские карты. Электронные средства платежа могут быть: персонифицированными, когда клиент прошел процедуру идентификации, и неперсонифицированными. Для неперсонифицированных электронных средств платежа установлены ограничения по остатку электронных денеж-

¹ См. подробнее: Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 08.11.2018 №22-6651/2018// [Интернет-ресурс] СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.156&893n>; Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти (Самарская область) № 1-365/2018 от 26 сентября 2018 г. по делу № 1-365/201// [Интернет-ресурс] ГАС «Правосудие» и др. (дата обращения: 18.02.2019)

ных средств – не более 15 тыс. руб., при этом общая сумма переводимых клиентом средств не должна превышать 40 тыс. руб. в месяц. При этом возможна идентификация клиента в упрощенном порядке (проверка только Ф.И.О.).

Более того, использование банковских карт с электронным чипом позволяет осуществлять транзакции бесконтактным способом с банковского счета клиента вообще без какой-либо идентификации. Таким образом, при использовании неперсонифицированных электронных средств платежа или при использовании упрощенной идентификации никакого обмана уполномоченных сотрудников банковской или торговой организации не происходит. Это верификация, которая подтверждает ваши полномочия на совершение операции, но не удостоверяет вашу личность. Поэтому нарушение будет отсутствовать и транзакция будет проведена, если владелец карты передал ее другому лицу и добровольно сообщил ему пин-код.

Для более очевидного понимания роли электронных средств платежа и средств их верификации в механизме совершения притупления рассмотрим классический пример завладения ключом от квартиры, в которой деньги лежат. Сам по себе факт завладения ключом тайно или путем обмана не влияет на способ последующего изъятия денежных средств, именно по которому осуществляется квалификация.

Но нужно четко понимать, что форма хищения чужого имущества определяется на момент его изъятия. И если преступник, получивший от потерпевшего добровольно путем обмана пин-код и знающий номер карты или телефон, к ней привязанный, в последующем тайно с помощью этих электронных «ключей» производит перечисление денежных средств со счета потерпевшего, то такое хищение в момент завладения имуществом совершается тайно, без ведома и согласия потерпевшего, а значит должно быть квалифицировано как кража по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

В таком случае возникает закономерный вопрос: а в каких же случаях действия преступника должны квалифицироваться по ст. 159.3 УК РФ?

Исходя из действующей редакции статьи, полагаем, что как мошенничество с использованием электронных средств платежа должны квалифицироваться такие ситуации, когда потерпевший под влиянием обмана добровольно именно сам перечисляет денежные средства в безналичном виде со своего банковского счета или электронные денежные средства на счет злоумышленника. Или такой вид мошенничества как общение с целителями и экстрасенсами.

Так же некоторое распространение получили мошенничества с электронными средствами платежа при предоставлении кредитов или при продаже дорогостоящего имущества (чаще бытовой техники) в кредит в магазинах. При этом банки-партнеры устанавливают специальное программное обеспечение типа «Банк-клиент», доступ к которому имеют только уполномоченные сотрудники кредитной организации или магазина по паролю. И такие сотрудники, имея доступ к банковской базе данных клиентов или ис-

пользуя свою базу персональных данных, фальсифицируют заполнение анкеты от имени покупателя (физического лица), оформляют на его имя кредитные карты или заключают кредитные договоры. В результате, путем обмана уполномоченного сотрудника кредитной организации, санкционирующего выдачу кредита гражданину, на имя последнего оформляется кредит, а денежными средствами завладевает преступник. В такой ситуации непосредственный имущественный ущерб причиняется как банку – собственнику денежных средств в пределах лимита кредитной карты, так и гражданину, который ничего не оформляя, неожиданно для него, становится должником кредитной организации.

Полагаем, что уголовно-правовое воздействие на регулируемые отношения должно отличаться эффективностью и достигать поставленных целей – устранение или нейтрализация угроз как внутренней, так и внешней национальной безопасности, снижение уровня преступности в обществе, повышения уровня защищенности личности, общества и государства от преступлений. И при внесении изменений в законодательство инициаторам поправок просто необходимо использовать системный подход. В противном случае предполагаемый эффект либо вообще не достигается (совершаемые преступные деяния просто «переходят» из одной строки статистического отчета в другую, либо приводит к обратному эффекту – не зная, как правильно квалифицировать посягательства, органы следствия стараются вообще не принимать такие заявления или давать им заведомо неверную оценку. Такие несовершенства законодателя периодически пытается «поправить» Верховный Суд РФ. Однако план внесения изменений в уже принятые рекомендации совершенно не совпадает с частотой и количеством вносимых изменений в УК РФ.

Жеребченко Аркадий Викторович,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Завьялов Иван Александрович,

кандидат юридических наук, доцент,

заместитель начальника кафедры

оперативно-разыскной деятельности и специальной техники

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Развратные действия (ст. 135 УК РФ): отдельные проблемы правового определения и профилактики

В юридической литературе эволюция российского законодательства об уголовной ответственности за совершение развратных действий представлена тремя основными этапами: 1) возникновение предпосылок крими-

нализации развратных действий (XVIII-XIX века) посредством формулирования отдельных норм, ограждающих нравственность несовершеннолетнего в половой сфере (предписания о недопустимости распространения материалов, негативно влияющих на нравственное развитие несовершеннолетних, о запрете попустительства и способствования нравственной распущенности несовершеннолетних, в том числе в половой сфере); 2) появление норм, непосредственно запрещающих развратные действия в отношении несовершеннолетних, их окончательное оформление и закрепление в российском уголовном законодательстве (XX век); 3) реформирование уголовно-правового запрета на совершение развратных действий, главным образом, за счет расширения дифференциации ответственности за данное преступление (начало XXI века)¹.

Действительно следует согласиться с учеными-криминалистами, отмечающими недопустимость несвоевременного знакомства несовершеннолетних с действиями, материалами и продукцией сексуального характера, оказывающего едва ли не самое негативное влияние на формирование подрастающего поколения².

В настоящее время российское уголовное законодательство в целом соответствует объективной необходимости защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних с учетом бурного «всплеска» информационных технологий, а также доступности соответствующих ресурсов для их восприятия. Тем не менее, как справедливо отмечается, отдельные международно-правовые предписания, определяющие пределы криминализации посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних, до настоящего времени не выполнены³.

В частности, на наш взгляд, можно выделить некоторые дискуссионные аспекты, которые заключаются в следующем:

а) корреспондирующие предписания ч. 2 ст. 30 и ч. 1 ст. 135 УК РФ не позволяют привлечь к ответственности за так называемое «домогательство в отношении детей с сексуальными целями», как например, умышленные предложения взрослого о встречах с ребенком и иное создание условий для

¹ См.: Оберемченко А.Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2014. С.22.

² См., например: Осокин Р.Б. Порнография как признак составов преступлений против нравственности в сфере сексуальных отношений: вопросы легального и судебного толкования // Значение уголовного закона для подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие преступности: сборник научных статей. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. С. 39.

³ См.: Пестерева Ю.С. Уголовно-правовая характеристика ненасильственных половых преступлений против несовершеннолетних [Электронный ресурс]: учебно-практическое пособие/ Пестерева Ю.С., Шагланова А.Н., Симиненко А.Н. Электрон.текстовые данные. Омск: Омская юридическая академия, 2012. С. 3. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/18478>. ЭБС «IPRbooks» (дата обращения 25.09.2019 г.).

проведения таких встреч с целью совершения против ребенка преступлений сексуального характера;

б) правильное применение норм об ответственности за развратные действия требует уточнения содержания объективной стороны данных деяний для разграничения со смежными составами преступлений;

в) посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетнего, совершенное членом семьи и лицом, живущим с ребенком, или лицом, злоупотребившим властью, не влечет повышенной ответственности по ст. 135 УК РФ, как этого требуют нормы международного права.

Отличительной чертой развратных действий является широкий спектр причиняемых ими негативных социальных последствий. Не вызывает сомнений, что, посягая на половую неприкосновенность (основной непосредственный объект), развратные действия тем самым нарушают нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетнего, а также общественную нравственность (дополнительный непосредственный объект). Учитывая столь масштабный разлагающий эффект развратных действий, их отнесение к категории преступлений небольшой тяжести (ч. 1 ст. 135 УК РФ) представляется неоправданным. Мы предлагаем отнести это деяние к преступлениям средней тяжести или даже к категории тяжких преступлений, что, на наш взгляд, станет более адекватным характеру и степени общественной опасности развратных действий.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации к развратным действиям в статье 135 УК РФ предлагает относить любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. Сюда же нужно относить и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет и иных информационно-телекоммуникационных сетей¹.

Это разъяснение является, несомненно, новым и ценным для правоприменителя, поскольку предыдущее постановление Пленума Верховного Суда РФ², утратившее силу изодержавшее разъяснения относительно отдельных преступлений противполовой неприкосновенности и половой свободы личности, данные вопросы игнорировало.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС КонсультантПлюс 2019.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

В качестве проблемы уголовной ответственности за развратные действия, исходя из сложившейся судебной практики, можно выделить то обстоятельство, что статья 135 УК РФ выступает в качестве так сказать «факкультативной», поскольку применяется по остаточному принципу для квалификации посягательств на половую неприкосновенность, не охватываемых ст. 134 УК РФ.

Следовательно, при определении содержания объективной стороны состава развратных действий необходимо учитывать признаки, предусмотренные составами в ст. 134 УК РФ. Буквально учитывая эту специфику, под развратными действиями с объективной стороны необходимо понимать акт поведения лица, не являющийся половым сношением, мужеложством или лесбиянством, направленный на сексуальное удовлетворение виновного и (или) потерпевшего, который осознает фактический характер совершаемых действий. Однако в части содержания действий, образующих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ, существует коллизия, исключающая возможность привлечения к уголовной ответственности за добровольные извращенные формы имитации полового акта, такие как, например, оральные или анальные и другие контакты лица, не достигшего 16-летнего возраста, с взрослым человеком (что кстатис учетом применения насилия потребует квалификации по ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера»). При этом также следует указать на несоответствие названию преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ («Половое сношение **и иные действия сексуального характера** с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста»), ограниченности действий в виде лишь только полового сношения, мужеложства, лесбиянства. Поэтому невозможно представить отнесение крайних проявлений сексуальной распущенности в отношении лиц в возрасте от 12 до 16 лет со стороны совершеннолетних к развратным действиям, тем более к преступлению небольшой или средней тяжести.

Обязательными субъективными признаками состава развратных действий необходимо признать: а) сексуальный мотив, т.е. половое влечение, либидо; б) их цель, которая заключается в стремлении получить сексуальное удовлетворение или вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего, на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям.

Поведение, содержащее объективные признаки развратных действий, но субъективно обусловленное иными целями и мотивами (например, обнажение половых органов с целью мочеиспускания, прикосновение к ним в медицинских целях), не дает, по нашему мнению, оснований для применения ст. 135 УК РФ.

Дифференциация уголовной ответственности за развратные действия обладает определенным простором для совершенствования, поскольку в системе квалифицирующих признаков этого преступления (ч. 2-5 ст. 135 УК

РФ) не получили отражения отдельные обстоятельства, по нашему убеждению, существенно повышающие общественную опасность содеянного.

Так, к числу таких обстоятельств целесообразно было бы отнести совершение развратных действий родителем или иным лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинского учреждения, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанной осуществлять надзор за несовершеннолетним. Учитывая повышенную общественную опасность таких деяний, это обстоятельство имеет смысл предусмотреть в ч. 3 ст. 135 УК РФ в качестве особо квалифицирующего признака, что позволит не только учесть повышенную общественную опасность развратных действий, совершенных указанными лицами, но и привести ст. 135 УК РФ в соответствие с международными стандартами уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Анализ правоприменительной практики показывает, что чаще всего рассматриваемые преступления выявляются либо медицинскими организациями, которые в порядке, установленном приказом Минздрава России от 17.05.2012 № 565н¹ обязаны передавать сведения в территориальные органы МВД России по месту нахождения медицинской организации о поступлении (обращении) пациентов, в том числе в случаях наличия у них признаков изнасилования и (или) иных насильственных действий сексуального характера, либо подразделения органов внутренних дел, работающие с социально неблагополучными семьями или в результате инициативной работы в сети Интернет, либо прокуроры, при проведении надзорных проверок деятельности органов здравоохранения.

На практике по характеру выражения выделяют две разновидности развратных действий: физические и интеллектуальные. Физические развратные действия могут выражаться в обнажении половых органов потерпевшего (потерпевшей), самого виновного лица, прикосновения к ним, мастурбировании и т.д. Развратные действия интеллектуального характера направлены на формирование у лиц, не достигших 16-летнего возраста, стандартов безнравственного, непристойного поведения. Они выражаются в демонстрации порнографических предметов и изданий, в воспроизведении аудио- и видеозаписей аналогичного характера, ведении сексуально циничных разговоров на сексуальные темы в присутствии малолетних и т.д.²

¹ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 мая 2012 г. № 565н «Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел о поступлении пациентов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред и здоровью причинен в результате противоправных действий». base.garant.ru Дата обращения 9.10.2019 г.

² Радченко В.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2009. С. 219.

Совершение развратных действий осуществляется только в форме активного поведения, то есть действия. Об этом свидетельствует и терминология, а именно использование в тексте статьи 135 слова «действия». При этом, в случае перерастания этих действий в половое сношение или иное ненасильственное действие сексуального характера содеянное следует квалифицировать по ст. 134, а не по ст. 135 УК.

Подобного рода преступления совершаются, как правило, мужчинами с неустойчивой психикой и неустойчивой волевой деятельностью, неуверенностью в себе и пониженной адаптацией, а также лицами с органическим поражением мозга, умственно отсталыми; лицами с психическими и невротическими расстройствами; и теми, кто не может достичь удовлетворения другим образом.

Рассмотренный и проанализированный нами состав относится к числу наиболее опасных преступлений против личности и именно поэтому важное значение в последнее время приобретают вопросы предупреждения и профилактики данных посягательств.

На сегодняшний день проблема нарушения половой неприкосновенности несовершеннолетних стоит очень остро, почти 50% всех совершаемых преступлений сексуального характера направлены именно против несовершеннолетних. Ежегодно только в РФ регистрируется от 6 до 8 тыс. случаев совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних. Однако официальная статистика правоохранительных органов не отражает полную картину половых посягательств, совершенных в отношении детей, в реальности эти показатели значительно выше. Данное предположение основывается на анализе обращений по телефону доверия для лиц, подвергшихся половым посягательствам¹. Родители и дети часто скрывают подобные преступления.

Ребёнок, прошедший через насилие, уже никогда об этом не забудет. Порой дети рассказывают такие вещи, в которые трудно поверить, тем не менее в наше время может быть практически всё. Не все дети, прошедшие через сексуальные преступления способны вернуться к нормальной жизни. И только после серьёзной и грамотной работы специалистов по реабилитации. У остальных психическая травма остаётся на всю жизнь.

Согласно результатам проведенных исследований существенная часть половых преступлений против несовершеннолетних совершается лицами, ранее не судимыми, что свидетельствует об аномальном состоянии представления членов общества о нормах половой морали и этики, падения морально-нравственной составляющей личности, правосознания. Поэтому борьбу с указанными преступлениями необходимо вести не только путем

¹Догадина М.А. Сексуальное насилие над детьми. Выявление, профилактика, реабилитация потерпевших // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 4. С. 10.

ужесточения наказаний (например, введения наказания в виде пожизненного лишения свободы), а повышением эффективности предупредительно-профилактической работы правоохранительных органов, соответствующих государственных и общественных организаций, в том числе среди несовершеннолетних и соответствующего криминального контингента (в местах лишения свободы, по месту проживания освободившихся из мест лишения свободы и т.п.).

Под предупредительно-профилактическими мерами понимается система мер, воздействующих на причины и условия, способствующие совершению преступлений, и лиц, их совершивших¹.

В частности, применительно к данной группе посягательств, такая предупредительно-профилактическая деятельность должна включать в себя целый комплекс мер. Во-первых, информационно-разъяснительная, культурно-просветительская работа с населением, несовершеннолетними и жертвами сексуального насилия (распространение письменной информации и разъяснений). Во-вторых, регулярные встречи с учащимися школ, учреждений среднего и высшего образования и т.п., направленные на повышение уровня половой просвещенности подростков и предупреждение совершения (ими и в отношении них) аморально-сексуальных поступков. В-третьих, выявление педофильных наклонностей, агрессивно-сексуальных намерений у лиц, работающих с детьми (например, учителей, спортивных тренеров, инструкторов и т.п.). В-четвертых, контроль и работа с «трудными» подростками и их семьями.

Следует принимать исчерпывающие меры по каждому случаю совершения подобных преступлений, чтобы никто из лиц их совершающих не мог избежать наказания. Так, неразоблаченные преступники, уверовав в безнаказанность, зачастую совершают повторные преступления и даже, как правило, переходят к совершению еще более тяжких преступлений. Кроме того, необходимо комплексное изучение причин и факторов, порождающих или обуславливающих преступное сексуальное насилие в обществе, в том числе в отношении детей, а также разработка системы предупредительно-профилактических мер, направленных на нейтрализацию указанных криминогенных факторов.

Основная задача в профилактической работе применительно к половым преступлениям в отношении несовершеннолетних состоит в повышении сознательности общества, осознании источника насилия, проведении просветительских и образовательных программ, а также в защите прав уязвимых членов семьи – детей и непосредственной помощи в кризисных ситуациях.

¹Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 35.

К важнейшим профилактическим мерам по предупреждению половых преступлений в отношении несовершеннолетних относится укрепление института семьи. Нередко родители не выполняют возложенные на них функции по воспитанию несовершеннолетних и контролю за их поведением, обрекая тем самым последних на беспризорность, что является одной из предпосылок совершения рассматриваемой группы посягательств.

В последнее время большое распространение получили так называемые «сетевые педофилы», которые заполнили Интернет. На своих сайтах, чатах они объединяются, организуют сообщества, пропагандирующие педофилию, общаются с себе подобными, делятся с «новичками» своим опытом, а также свободно обмениваются порнографическими материалами, тем самым, практически готовят высокопрофессиональную и юридически подкованную «армию педофилов». Поэтому необходимо разработать систему мер по пресечению распространения «информационной педофилии» в сети Интернет, а именно предусмотреть ответственность лиц, публикующих и распространяющих в сети любые материалы, пропагандирующие и оправдывающие педофилию, лиц, являющихся создателями и участниками сообществ, чатов и форумов педофилов, а также ответственность владельцев Интернет-ресурсов, на которых была обнаружена подобная информация. Кроме того, провайдеры должны блокировать доступ к сайтам, которые содержат любую информацию, пропагандирующую и одобряющую педофилию.

Как показывает практика, более половины осужденных педофилов после освобождения в течение 5 лет вновь совершают преступления сексуального характера против несовершеннолетних. По данным института им. Сербского, независимо от отсутствия или наличия принудительного лечения, повторное совершение преступления в области педофилии происходит в интервале от двух лет после освобождения, что указывает на бессилие психиатрии в этой области¹. К схожим результатам пришли и американские психиатры. Поэтому необходимо осуществлять жесткий контроль со стороны правоохранительных органов за лицами, ранее осужденными за сексуальные преступления против детей, после освобождения их из мест лишения свободы, что также в свою очередь будет способствовать сокращению подобных посягательств.

Кроме того, необходимо обратить внимание на предупредительно-профилактическую роль судебных процессов по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Некоторые материалы о подобных судебных процессах могут при непосредственном взаимодействии со СМИ публиковаться в печати, но без таких подробностей,

¹Асанова Н.К. Руководство по предупреждению насилия над детьми. М.: Владос, 1997. С. 111.

которые способны исказить главный смысл подобных публикаций – извлечение нравственного урока¹. Профилактика половых преступлений в отношении несовершеннолетних, невозможна без участия СМИ. Именно в работе СМИ (в т.ч. и при участии телевидения) необходимо проводить политику борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, чтобы она носила упреждающий характер, необходимо разъяснять населению, кто и как, скорее всего, может совершить такие преступления.

Только напряжением всех без исключения сил общества можно будет побороть такое негативное явление как сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. В целом, указанная статья имеет значительный потенциал для дальнейшего улучшения.

Зайцев Алексей Андреевич,
преподаватель кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России;
Смолин Алексей Владимирович,
преподаватель кафедры криминалистики
Нижегородской академии МВД России

Проблемы взаимодействия со средствами массовой информации при раскрытии и расследовании преступлений

В настоящее время в условиях глобализации преступности любые проявления терроризма являются основной угрозой не только каждому государству в отдельности, но и всему мировому сообществу в целом. При этом необходимо отметить, что, не смотря на все предпринимаемые усилия, данная угроза только растет. Местные террористические группировки образуют региональные, которые в свою очередь объединяются в межрегиональные, а последние создают международные террористические организации, так сказать транснациональные, ярким примером которых является «Исламское государство» (ИГИЛ). В целом на сегодняшний день деятельность данных организаций характеризуется тщательной подготовкой, организованностью, высокой вооруженностью, применением современных технологий, обширным использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в том числе и для популяризации своей идеологии, и для вербовки новых участников, используя то обстоятельство, что общество стало более открытым и свободным.

¹ Антонян Ю.М. Изнасилования: причины и предупреждение / Ю.М. Антонян, В.П. Голубев, Ю.Н. Кудряков. М., 1990. С. 175.

Приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов являются предупреждение, выявление, раскрытие и расследование преступлений, поскольку их совершение, в том числе, значительным образом подрывает экономическую стабильность государства¹. Не вызывает сомнений, что успешная борьба с любыми проявлениями террористической деятельности возможна только при тесном международном сотрудничестве, а также при поддержке населения и во взаимодействии со средствами массовой информации, которые не только участвуют в социальном контроле за деятельностью государственных органов, но и играют главную роль в формировании общественного сознания и мировоззрения.

Однозначно, при расследовании указанной категории уголовных дел необходима поддержка населения и его помощь, то есть действия различных лиц, которые способствуют благоприятному течению расследования. Соответственно, помощь населения может быть предоставлена в форме информации о совершенном преступлении и причастных к нему лицах, в том числе и через средства массовой информации.

Проблема взаимодействия правоохранительных органов со средствами массовой информации изучалась Лозовским Д.Н., который указывал, что правоохранительные органы и средства массовой информации испытывают тяготение к взаимодействию, которое проявляется в том, что первые стремятся использовать СМИ для поднятия своего престижа, а также получения поддержки населения, для розыска преступников, повышения уровня правовой грамотности граждан, а вторые видят в правоохранительных органах источник надежной и интересной информации².

Крылов А.В. указывал, что следователь может и должен получать от населения важную информацию, касающуюся расследуемого им преступления, о лицах, причастных к его совершению, и других важных обстоятельствах. Для обращения к населению с просьбой об оказании содействия следователю целесообразно использовать средства массовой информации: печать, радио, телевидение³.

Ст. 2 закона РФ №2124-1 «О средствах массовой информации» от 25.11.2017 года содержит понятие средства массовой информации, согласно которому под последним понимается периодическое печатное издание, се-

¹ См. Зайцев А.А., Смолин А.В. Проблемы взаимодействия следователя с органом дознания при раскрытии, расследовании преступлений экономической направленности и доказывании по уголовным делам // Сборник: Тактико-методические особенности расследования экономических и иных преступлений. Казань, 2018. С. 146.

² Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами в процессе расследования преступлений // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 194.

³ Крылов А.В. Проблемы использования возможностей средств массовой информации при расследовании преступлений // Российский следователь. 2003. № 3. С. 3–6

товое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием).¹

Необходимость во взаимодействии следователя со средствами массовой информации при расследовании уголовных дел по преступлениям террористической направленности возникает в случае отсутствия или неполноты имеющейся информации о событии преступления, лицах, имеющих отношение к расследуемому преступлению и т.п. Кроме того средства массовой информации, будь то печатные издания, телевидение или информационные ресурсы информационно-телекоммуникационной сети «интернет», обладают специфическими возможностями, а именно распространяют информацию на неограниченной территории неограниченному кругу лиц, с которых также могут получить информацию. Благодаря вышеуказанным возможностям, могут быть получены сведения, которые иным путем получить иногда не представляется возможным, в частности: сведения о потерпевшем; об очевидцах; о свидетелях преступления; о лице, совершившем преступление; о месте нахождения предметов и документов, которые будут признаны вещественными доказательствами; об обстоятельствах, причинах и условиях, которые способствовали совершению преступления и т.п. Кроме того необходимо отметить, что средства массовой информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» обладают преимуществом, поскольку любую информацию на интернет-сайте можно получить и изучить неоднократно. В связи с вышеизложенным, можно сказать, что и на практике эффективное использование возможностей средств массовой информации осуществляется в тех же направлениях, а именно: в установлении личностей и розыске лиц, имеющих отношение к преступлению террористической направленности; в задержании лиц, причастных к совершению преступлений рассматриваемой категории; в установлении местонахождения вышеуказанных лиц и их имущества, предметов и документов, имеющих отношение к уголовному делу; в установлении всех обстоятельств, которые могут иметь значение; в предупреждении и профилактике преступлений; в установлении и устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления; в формировании законопослушного поведения граждан.

Лозовский Д.Н. указывал, что взаимодействие со средствами массовой информации строится с соблюдением следующих принципов: приоритетностью (действительной или мнимой) и привлекательностью темы для

¹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2019) // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/285787630b41d4963964c4c89fada1196a65cf3e/ (дата обращения 06.05.2019)

граждан; неординарностью фактов; новизной фактов; высоким общественным статусом действующих лиц¹.

Таким образом, в условиях ограниченного срока расследования и недостатка информации о событии преступления, лиц, которые могут быть к нему причастны, а также при невозможности получения этой информации иным способом, следственные органы порой вынуждены обращаться в средства массовой информации, получая возможность в довольно короткие сроки установить лиц, причастных к совершению преступления, установить данные о погибших и пропавших без вести, сформировать у общества положительное мнение о своей деятельности и ходе расследования, осуществить профилактическое влияние на некоторые категории лиц, устранить влияние ложной информации, используя высокую скорость доведения информации средствами массовой информации и возможностью ее быстрого корректирования, а также наличия обратной связи с населением.

Необходимо отметить, что главным образом взаимодействие следственного органа со средствами массовой информации осуществляется путем обращения за содействием при расследовании преступлений. Таким образом, можно сказать, что взаимодействие чаще бывает разовым, в виде различных обращений через пресс-службу, на основании выполнения поручений либо личного обращения следователя. После чего, в случае использования возможностей средств массовой информации представителям следственного органа целесообразно озвучить итоги расследования.

Условно можно выделить четыре этапа взаимодействия: в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении; в ходе расследования; после окончания производства расследования; после вынесения приговора и его вступления в законную силу.

Что же касается форм взаимодействия со средствами массовой информации, то в независимости от этапа можно выделить следующие формы: непосредственно ознакомление журналистов с материалами предварительной проверки и материалами уголовного дела; составление органами предварительного следствия очерков, заметок и статей; личные контакты следователей с журналистами; интервьюирование следователя журналистом по той или иной тематике. При этом, в независимости от формы взаимодействия, органы предварительного следствия могут предоставлять материалы, достоверность которых не вызывает никаких сомнений, с целью достижения вышеуказанных результатов.

Однако, Нечевин Д.К., Кирдяшова Е.В. и Коневская О.Ю. указывали, что не существует криминалистических методик, процессуальных и криминалистических рекомендаций, технологий поиска и реализации материалов,

¹ Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации с правоохранительными органами в процессе расследования преступлений // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 196.

находящихся в распоряжении средств массовой информации, в случаях, когда данные материалы находятся у журналиста. Последний, обладающий информацией, имеющей значение для расследования уголовного дела, не в состоянии ее использовать по назначению в своей профессиональной деятельности, в том числе для раскрытия и расследования преступлений¹. То есть любые сведения, полученные журналистами в ходе проведения независимых расследований, не являются доказательствами сами по себе, пока не проверены следствием в установленном законом порядке и им не дана соответствующая юридическая оценка.

Вместе с тем, как указывал В.Т. Томин, взаимодействие – это не всегда сотрудничество, и его результаты по отношению к выполнению задач органов предварительного расследования могут быть как положительными, так и отрицательными².

Зорин Р.Г. и Клименко А.Г. рассматривали следующие ситуации, при которых возникают конфликтные взаимоотношения между следственными органами и средствами массовой информации: когда критика работы следователей объективна, и изложенные факты подтверждаются результатами служебных проверок; когда критика следователей необъективна. В первом случае к виновным лицам принимаются меры воздействия, о чем сообщается в средствах массовой информации. Во втором же случае опровержение направляется в критикующие средства массовой информации для опубликования³.

Закон РФ №2124-1 «О средствах массовой информации» от 25.11.2017 года устанавливает прямые ограничения на использование средств массовой информации, даже в интересах следственных органов, устанавливая запрет на: разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну; распространение материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов; распространение информации об общественном объединении или иной организации, включенных в перечень организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экс-

¹ Нечевин Д.К., Кирдяшова Е.В., Коневская О.Ю. Свобода слова и печати: российская и зарубежная практика // Евразийский юридический журнал. 2013. № 3 (58). С. 131–136.

² Томин В.Т. Следственные подразделения и учреждения массовой информации: взаимооценка, как детерминанта организации взаимодействия. Горький. 1988. С. 19.

³ Зорин Р.Г., Клименко А.Г. Принципы и формы взаимодействия следователя со средствами массовой информации при расследовании уголовных дел // Евразийская адвокатура. 2014. № 4 (11). С. 54.

тремистской деятельности»; распространение материалов, содержащих инструкции по самодельному изготовлению взрывчатых веществ и взрывных устройств¹.

Несмотря на вышеуказанное, необходимо указать, что содержание следственной тайны, тот объем информации, входящий в нее, который может быть предоставлен для ознакомления средствами массовой информации, определяет следственный орган, ведущий расследование. Право разглашения той или иной информации, образующей следственную тайну, и ответственность за разглашение другой информации, входящей в следственную тайну, разъясняется следственным органом представителям средств массовой информации в письменном виде в установленной законом процессуальной форме.

Для устранения возможных противоречий между следственным органом и средствами массовой информации, требования к содержанию публикаций на основе информации об уголовных делах и материалах доследственных проверок могут находиться в общем доступе, например отражены на интернет-сайте следственного органа. К данным требованиям, размещенным, например, на официальном интернет-сайте Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Амурской области, относятся: запрет на разглашение данных предварительного расследования до его завершения без разрешения следователя; запрет на разглашение в публикациях сведений, прямо или косвенно указывающих на личность несовершеннолетнего, совершившего преступление либо подозреваемого в его совершении, без согласия самого несовершеннолетнего и его законного представителя; запрет на разглашение в публикациях сведений, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, признанного потерпевшим, без согласия самого несовершеннолетнего и (или) его законного представителя; запрет на право именовать лицо преступником до вступления приговора в законную силу; необходимость подчеркивания предварительного характера оглашения данных в формулировках публикации; недопустимость приведения сведений о способах и механизме совершения преступления, способах сокрытия преступления в публикациях; недопустимость давления на органы предварительного следствия и суда; запрет на пропаганду насилия, жестокости, расовой или социальной неприязни в публикациях, а также последние не должны способствовать нагнетанию страхов, тревоги, ощущения беспомощности².

¹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2019) // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/285787630b41d4963964c4c89fada1196a65cf3e/ (дата обращения 06.05.2019)

² Организация взаимодействия со СМИ // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Амурской области [Электронный ресурс]. URL: http://amur.sledcom.ru/press/Organizacija_vzaimodejstvija_so_SMI (дата обращения 30.04.2019)

Учитывая вышеизложенное, не вызывает сомнений, что взаимодействие со средствами массовой информации правоохранительных органов и следственных органов, в частности, при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений террористической направленности, повышает эффективность и качество работы последних, а также оказывает положительное влияние на предупреждение преступлений указанной категории.

Закаляпина Лейла Александровна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Экономическая преступность в городах-курортах России: криминологический анализ в новых геополитических условиях

Существенную угрозу безопасности городов-курортов России в новых геополитических условиях создаёт экономическая преступность, имеющая, по мнению ряда криминологов, следующие признаки: совершается в процессе профессиональной деятельности; совершается в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности; носит корыстный характер; имеет длящееся систематическое развитие; наносит ущерб экономическим интересам государства, частного предпринимательства и граждан; совершается юридическими и физическими лицами, действующими от имени и в интересах предприятия¹. Т.В. Пинкевич рассматривает экономическую преступность как совокупность преступлений, посягающих на экономические отношения, охраняемые уголовным законом, совершаемых лицами в процессе их экономической деятельности из корыстных побуждений в целях получения экономической выгоды². Исходя из вышеупомянутых перечня признаков и определения экономической преступности, проведём криминологический анализ рассматриваемого вида преступности как перманентной составляющей курортной преступности.

¹ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. II. Особенная часть. М.: Юрайт, 2011. С. 431-432; Дементьева Е. Е. Проблемы борьбы с экономической преступностью в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 30.

² Пинкевич Т.В. Экономическая преступность // Криминология: учебник / под ред. Я.И. Гилинского и В.Н. Орлова. М., 2019. Г. 9. С. 233.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в последние годы в России наблюдается интенсивное развитие туристского бизнеса, ставшего самостоятельной отраслью экономики. После принятия ряда нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в данной сфере¹, влияние туристской индустрии стало значительнее. Кроме того, 20 сентября 2019 года Правительство России утвердило «Стратегию развития внутреннего и въездного туризма в России на период до 2035 года»². Она разработана в целях создания условий для формирования и продвижения качественного и конкурентоспособного туристского продукта на внутреннем и международном рынках, усиления социальной роли туризма и обеспечения доступности туристских услуг, отдыха и оздоровления для граждан России. Так, до 2035 года планируется увеличить в пять раз объём туристской индустрии, в три раза – инвестиции в сферу туризма. Как известно, где инвестиции, там и злоупотребления в целях получения экономической выгоды.

Предваряя криминологический анализ экономической преступности в городах-курортах, обратимся к общероссийской статистике зарегистрированных в 2014-2018 гг. преступлений экономической направленности³, наглядно представленной в виде диаграмм (рисунки 1, 2).

¹ Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 - 2025 годы)»: Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2018 № 872-р (ред. от 11.07.2019) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения 12.07.2019); Стратегия развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 26.11.2018 № 2581-р // Собрание законодательства РФ, 03.12.2018, № 49 (часть VI), ст. 7670.

² О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения 20.09.2019).

³ По России используются данные, размещённые на официальном сайте МВД России (<https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>) и официальном портале правовой статистики Генеральной Прокуратуры России (<http://crimestat.ru/>).

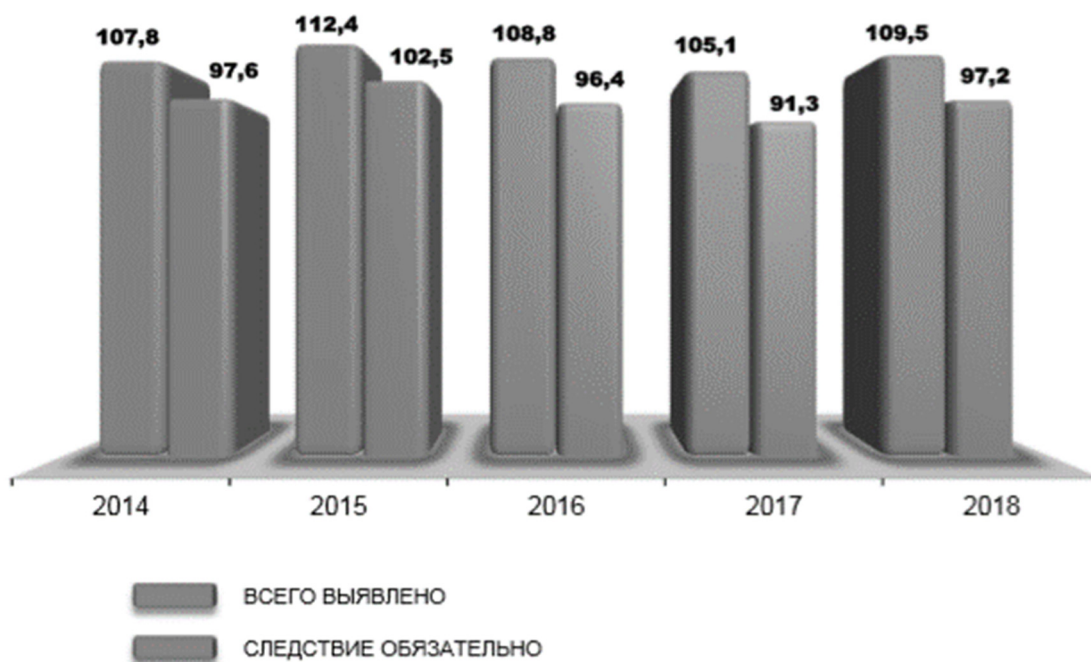

Рисунок 1. Общее число зарегистрированных в России преступлений экономической направленности с 2014 по 2018 гг., в том числе следствие по которым обязательно (тыс.).

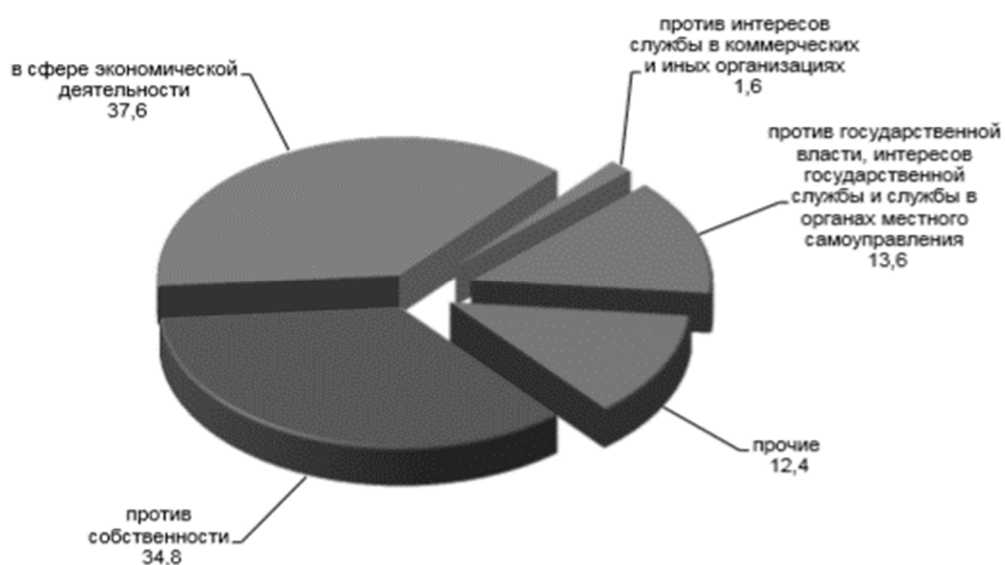

Рисунок 2. Структура зарегистрированной экономической преступности в России в 2018 году (%).

В таблице 1 представлены статистические сведения¹ об общем числе преступлений экономической направленности, зарегистрированных в 2014-2018 гг. в субъектах России, на территории которых расположены наиболее популярные города-курорты.

Субъект РФ / годы	Объем экономической преступности				
	2014	2015	2016	2017	2018
Краснодарский край	3642	3946	4461	4098	4048
Ставропольский край	2598	3313	3250	2587	2214
Республика Крым	384	845	856	1066	1037
Карачаево-Черкесская Республика	526	561	404	524	493
Кабардино-Балкарская Республика	686	1311	1000	659	697

Таблица 1. Общее число зарегистрированных в 2014-2018 гг. в субъектах России преступлений экономической направленности.

В таблице 2 представлены статистические сведения об общем числе преступлений экономической направленности, зарегистрированных в 2014-2018 гг. в ряде городов-курортов России.

Город-курорт / годы	Объем преступлений экономической направленности				
	2014	2015	2016	2017	2018
Сочи	430	497	656	658	686
Кисловодск	77	75	49	62	18
Ялта	23	64	33	80	92
Севастополь	86	328	268	362	240
Нальчик	243	388	387	247	140

Таблица 2. Общее число зарегистрированных в 2014-2018 гг. в городах-курортах России преступлений экономической направленности.

Анализ качественных и количественных показателей преступлений экономической направленности, зарегистрированных в городах-курортах России, субъектах России и в целом по стране за пятилетний период (с 2014 по 2018 гг.), показал, что состояние, динамика и тенденции экономической преступности зависели от множества факторов глобального, общероссий-

¹ Статистические данные по Ставропольскому краю и г.г. Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки и Железноводск предоставлены ИЦ ГУ МВД России по Ставропольскому краю, по Краснодарскому краю и г.г. Анапа, Сочи, Геленджик и Туапсе. ИЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю (исх. №23/91-910 от 18.02.2019), по Республике Крым и г.г. Ялта, Керчь, Феодосия, Судак, Евпатория, Алушта - МВД по Республике Крым, по городу федерального значения Севастополь – Управлением МВД России по городу Севастополю (исх. № 1/747 от 19.02.2019), по Кабардино-Балкарской Республике, г. Нальчику и по Эльбрусскому району – МВД по КБР, по Карачаево-Черкесской Республике и горным курортам Теберда и Домбай – МВД по КЧР (исх. 1/9-1045 от 27.02.2019).

ского, регионального и местного характера. В новых геополитических условиях также играют весомую роль усиление санкционного давления на нашу страну и социально-политическая изоляция России во взаимоотношениях с рядом зарубежных стран.

Сфера туризма включает в себя различные виды деятельности (размещение, питание, трансфер, рекламу, сбытовые и информационные услуги, услуги по удовлетворению культурных, деловых, досуговых интересов и пр.), в каждом из которых недобросовестными участниками рынка допускаются нарушения. В некоторой степени данному обстоятельству способствовала отмена лицензирования туроператорской и турагентской деятельности с 1 января 2007 г., а также сертификации туристского продукта с 14 мая 2002 г. Если в советский период отечественной истории для городов-курортов была характерна монополия трёх организаций («Интурист», «Спутник» и Центральный совет по туризму и экскурсиям), то в новых геополитических условиях число частных туристских фирм порой превышает спрос на такие услуги, что нередко подталкивает их в целях извлечения прибыли к нарушениям в экономической сфере.

Анализ выявленных преступлений экономической направленности в сфере туризма показывает, что среди них в городах-курортах России преобладают преступные посягательства, связанные с хищениями или нецелевым использованием денежных средств, присвоением либо растратой вверенного имущества, мошенничеством, превышением должностных полномочий, незаконным предпринимательством, уклонением от уплаты налогов, легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и пр. Чаще всего в мошеннических целях совершается обман потребителя путём заключения договоров с клиентами без выдачи им путевок и сопроводительных документов, путём предоставления экскурсионных услуг по заведомо завышенной цене, путём оказания услуг по размещению туристов в гостинице, класс которой ниже оговоренного, путём реализации фальсифицированной продукции и пр. Кроме того, в последние годы в городах-курортах России наблюдается тенденция к криминализации сферы социального туризма, чему в немалой степени способствует доступ в эту сферу коррумпированных чиновников, совершающих правонарушения, связанные с нецелевым использованием бюджетных средств, выделяемых на организацию отдыха для социально незащищённых слоёв населения (путём предоставления фиктивных списков отдохнувших детей, продажи оплаченных из бюджета путёвок в детские оздоровительные лагеря и санатории и т.д.).

Согласно статистическим данным, востребованность курортов растёт. Если в 2010 году в отечественных санаторно-курортных организациях лечились и отдыхали 6049 тыс. человек, в 2015 году – 6476 тыс. человек, то в

2017 году – 6527 тыс. человек¹. Причем основная масса туристов, прибывающих, например, в города-курорты черноморской зоны Краснодарского края или Республики Крым, размещается для временного проживания и отдыха в частном, «неорганизованном» секторе. При этом общий объем налоговых поступлений от деятельности индивидуальных предпринимателей и физических лиц, оказывающих услуги по временному размещению отдыхающих, в разы ниже аналогичных поступлений от организованного сектора (гостиниц, пансионатов, санаториев, центров восстановительной медицины и реабилитации и пр.), поскольку первая категория плательщиков, как правило, использует упрощенную схему налогообложения и единый налог на вмененный доход либо не уплачивает налоги вообще, фактически осуществляя незаконную предпринимательскую деятельность. Такая ситуация стала типичной для городов-курортов России, в том числе и по причине длительного отсутствия в российском законодательстве обязательного требования о присвоении средствам размещения соответствующей категории при оказании гостиничных услуг.

Федеральным законом от 5 февраля 2018 г. № 16-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в целях совершенствования правового регулирования предоставления гостиничных услуг и классификации объектов туристской индустрии»² этот пробел устранён – введены нормы об обязательности классификации гостиниц, горнолыжных трасс и пляжей аккредитованными организациями, а также об административной ответственности за предоставление гостиничных услуг без свидетельства о присвоении гостинице определённой категории, установленной положением о классификации гостиниц, либо за использование в рекламе, названии гостиницы или деятельности, связанной с использованием гостиницы, категории, не соответствующей категории, указанной в таком свидетельстве. Указанные нормы вступают в силу с 1 июля 2019 года в отношении предоставления гостиничных услуг в гостиницах с номерным фондом более 50 гостиничных номеров, с 1 января 2020 года – в гостиницах с номерным фондом более 15 гостиничных номеров, с 1 января 2021 года – во всех гостиницах.

¹ Стратегия развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 26.11.2018 № 2581-р // Собрание законодательства РФ, 03.12.2018, № 49 (часть VI), ст. 7670.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в целях совершенствования правового регулирования предоставления гостиничных услуг и классификации объектов туристской индустрии: Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 16-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения 20.09.2019).

Анализ практики выявления и раскрытия подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции отделов МВД России (далее – подразделения ЭБиПК) преступлений, совершаемых в городах-курортах России в сфере туризма, показал, что выявляется незначительное число таких деяний, при этом производство по уголовным делам в основном приостанавливается в связи с невозможностью установления виновного лица либо прекращается по нереабилитирующим основаниям. Следует отметить, что выявление экономических преступлений в городах-курортах России затруднено рядом факторов: узким кругом лиц, способных освещать оперативную обстановку в данной сфере и негласно сотрудничать с органами дознания; отсутствием явных признаков преступного поведения при совершении таких деяний; недостаточной эффективностью взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов при выявлении, пресечении, раскрытии и предупреждении преступлений, при расследовании уголовных дел; коррупцией в правоохранительных и надзорных органах и т.д. Кроме того, во многих подразделениях ЭБиПК линия туризма либо не обслуживается вообще, либо ведётся сотрудниками, функционально задействованными по нескольким направлениям работы (здравоохранение, социальное обеспечение, банковская сфера, образование и т.д.).

Складывающаяся криминогенная ситуация в городах-курортах требует от подразделений ЭБиПК более эффективной работы по обеспечению оперативной осведомлённости в отношении деятельности не только участников рынка туристских услуг, а также должностных лиц, осуществляющих обеспечение и контроль за использованием материальных средств, выделяемых на реализацию принимаемых федеральных и региональных профильных программ и на развитие туризма. Проведённый криминологический анализ свидетельствует о распространённости правонарушений последних¹.

Сложность выявления и раскрытия преступлений экономической направленности, а также привлечения к уголовной ответственности высокопоставленных чиновников обуславливают ситуацию, при которой действия подразделений ЭБиПК не носят наступательного характера и сводятся к раскрытию очевидных преступлений, а не к их своевременному выявлению на стадии подготовки или покушения, что минимизировало бы материальный ущерб от их совершения. Очевидно, что для реального противодействия негативным тенденциям, происходящим в экономической жизни городов-курортов, необходимы политическая воля, преодоление коррупции и активизация взаимодействия правоохранительных органов как между собой, так и с иными участниками предупредительной деятельности: Федеральной антимонопольной службой России, Счетной палатой России, Федеральным агентством по туризму общественными организациями в области защиты прав потребителей, а также налоговыми и таможенными органами.

¹ Закаляпина Л.А. Предупреждение преступности в городах-курортах России: монография. Ставрополь, 2015. С. 15-25.

Зинеева Ирина Николаевна,
соискатель кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Преступления, связанные с нарушением правил охраны водных биологических ресурсов: классификация и меры предупреждения

Криминологическая характеристика экологического преступления – нарушения правил охраны водных биологических ресурсов, позволяет изучить преступление, рассмотреть его со всех ракурсов и не упустить важные аспекты, которые представляются важными для анализа.

Экологические преступления в целом по праву считаются одними из самых опасных преступлений, которые совершает человек. Благодаря достижениям научно-технического прогресса человек получил возможность использования мощных технологий и орудий труда, которые порой негативно воздействуют на природу и состояние окружающей среды в целом. Эта проблема давно уже стала объектом пристального внимания специалистов разнообразнейших отраслей человеческого знания. В результате чего было сформировано новое «междисциплинарного направления «экологическая криминология», которое можно определить, как учение об экологическом преступлении, его причинах и условиях, закономерностях и факторах, а также последствиях такого вида преступности»¹.

Такая дисциплина как экологическая криминология послужила основой для развития более углубленного и специфичного направления как экологическое криминологическое планирование. Согласно Б. Тангиеву данное направление представляет собой поэтапную отечественную и/или международную разработку на основе прогноза преступности, целей и задач борьбы с экопреступностью, направлений, путей и средств их решения с приоритетным использованием результатов объективного и независимого экокриминологического прогнозирования².

Однако, необходимо признать, что несмотря на существующие научные знания и выработанный правовой инструментарий, это является недостаточным для того, чтобы предотвратить экологические преступления и экокриминогенные ситуации в целом.

Не подлежит сомнению, что наиболее эффективным способом улучшения состояния окружающей среды будет предупреждение совершения

¹ См.: Тангиев Б. Б. Экологическая криминология: вопросы методологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. №22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-kriminologiya-voprosy-metodologii> (дата обращения: 07.05.2019).

² См.: Тангиев Б. Криминология. Контроль и противодействие экологической преступности. Litres, 2017.

нарушения правил охраны водных биологических ресурсов, а не выявление и пресечение уже совершившихся преступлений. Наказание за данное преступление никак не отразится и не способствует восстановлению окружающей среды. При совершении такого рода преступлений происходит негативное вмешательство в процессы, происходящие в природной среде, а также отражается не только на природе в данной местности, но и на окружающей среде в окрестностях. По мнению О.Г. Станкевича, экологический вред имеет свойство приобретать потенциальный (накапливаемый) характер, который будет проявляться спустя определенное время¹.

В криминологической науке ученые выдвигают различные классификации мер по целенаправленному искоренению преступлений. Наиболее часто основаниями для классификации служат: социальный уровень предупредительной деятельности; объем (массовость охвата); территориальный масштаб; этап воздействия на объект² и другие. Меры предупреждения преступлений классифицируются и по субъектам осуществления предупредительной деятельности³. Так, некоторые ученые выделяют в отдельную категорию меры, которые осуществляются правоохранительными органами, проводящих оперативно-розыскную деятельность и дознание.

По направленности и видам выделяют такие меры профилактики, как: социально-экономические, организационно-управленческие, технические, правовые⁴. По мнению Г.М. Миньковского, правовые меры профилактики включают:

- пересмотр некоторых статей УК, ГК, АК, ТК с целью улучшения и совершенствования российского законодательства;
- установление и закрепление санкций, запретов и ограничений на деятельность, которая способствует предупреждению и пресечению возникновения условия для нарушений охраны, в том числе, и водных биологических ресурсов;
- введение и совершенствование административно-правовых норм, направленных на то, чтобы мерами взысканий за правонарушения пресечь формирование привычек и стереотипов поведения, которые могут привести к преступлениям⁵ и др.

¹ См.: Вегера И.В., Станкевич О.Г., Ремнева Т.И. Общественная опасность как основополагающий признак экологической преступности. 2013.

² См.: См., например: Криминология: учебник / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. Г.М. Миньковского. М.: Бек, 1998. С. 184.

³ См.: Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит-М, 1998.

⁴ См.: Криминология: учебник / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. Г.М. Миньковского. М.: Бек, 1998.

⁵ См.: Галимов И.Г., Корнилов Г.А., Сардак И.Г. Взаимодействие при выявлении правонарушений в сфере промысла водных биоресурсов. М. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2004. С 131 – 165.

А.И. Алексеев упоминает о реализации юридических норм, составляющих правовую основу предупреждения преступности, в частности административно-правовых санкций, проявляющихся в частной и общей превенции, а также в воздействии на конкретные криминогенные ситуации, создания и обстановки, исключающей фактическую возможность продолжения противоправной деятельности¹.

Среди правовых мер предупреждения можно выделить:

- непосредственно правовые меры, функция которых заключается в подготовке и/ или усовершенствовании нормативно-правовых актов для ликвидации неточности, противоречий, а также для исключения правовых обязательств, способствующих совершению преступлений;

- организационно-правовые меры, которые включают в себя мониторинг за соблюдением законодательства, проведение государственной экспертизы, издание актуальных соглашений и актов на различном государственном уровне;

- административно-правовые меры, которые представляют собой предупредительную меру для предотвращения подобных и/ или более тяжких нарушений.

Эффективность выше представленных мер в значительной степени зависит от их правильной классификации и группирования.

Как справедливо отмечает С.Н. Русин, современные проблемы малой эффективности государственного управления в сфере охраны водных биологических ресурсов и среды их обитания обусловлены:

- недостаточным вниманием со стороны государства проблемам экологии;

- отсутствием четкого закрепления сфер ответственности государственных органов и должностных лиц за организацию использования водных биологических ресурсов, малой эффективностью контроля в этой сфере².

Практика применения ст. 257 УК РФ показывает, что в Российской Федерации борьба с данным преступлением ведется недостаточно эффективно. Учитывая положения действующего уголовного закона, предусматривающего достаточно мягкие санкции за совершение данного преступления и то, что судами принимаются во внимание различные обстоятельства (наличие у подсудимого детей, тяжелое материальное положение, совершение преступления впервые и др.), такую практику следует считать обоснованной. Однако прогрессирующее негативное воздействие на водные биологические ресурсы и, в особенности, нарушение их охраны в масштабах

¹ См.: Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит-М, 1998.

² См.: Проблемы экологического, земельного права и законодательства в современных условиях: Материалы научно-практической конференции // Государство и право. 2001. №6.

всей страны, значительный материальный ущерб, ежегодно наносимый экономическим и экологическим интересам государства, а также последствия от таких преступных деяний, которые отражаются на экологической обстановке на достаточно большой территории, требует введения более жестких уголовно-правовых санкций.

Следует отметить, что органы прокуратуры, призванные обеспечить законность реализации мер юридической ответственности, ведут активную работу, направленную на предупреждение и устранение неправомерной «подмены» уголовной ответственности применением административных наказаний.

Таким образом, анализ российских нормативно-правовых актов, законов, которые направлены на искоренение в сфере охраны водных биологических ресурсов позволяет сформулировать основные направления, по которым должно осуществляться совершенствование правовых средств. Представляется, что оно должно осуществляться в следующих направлениях:

- в сфере правового регулирования;
- в организационно-правовой сфере;
- в сфере правового воспитания.

Во-первых, необходимым представляется разработка нормативных документов, которые бы активизировали и способствовали деятельности правоохранительных органов, а также выработка механизма, обеспечивающего возможность установления контроля над взысканием наложенных на нарушителей штрафов в соответствии с законодательством. Наказание должно быть соразмерным нанесенному ущербу, в связи с тем, что экологические нарушения представляют большую опасность, а для восстановления экобаланса требуется слишком много времени. Поэтому для предотвращения и искоренения преступлений данного типа, необходимы жесткий контроль и соответствующие санкции.

Также необходимым условием, требующем отражения в законодательстве РФ является определение органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ, которые будут осуществлять контроль и предотвращать нарушения правил охраны водных биологических ресурсов. Представляется, что для решения данной задачи необходимо проведение единой государственной и законодательной политики в этой области, которая должна осуществляться по основным направлениям:

- наделение определенных органов полномочиями лишать права занимать определенные должности и владеть лицензией и/ или разрешением на ведение деятельности, связанной со сплавом древесины, строительством дамб, мостов и др.;
- решение вопроса о направлении группы наблюдателей – экспертов от определенных органов для осуществления контроля над осуществлением охраны водных биологических ресурсов в определенной местности. Такая

практика должна носить перманентный характер и осуществляться с регулярной периодичностью.

Правовое воспитание должны организовывать и проводить средства массовой информации, воспитательный эффект которых заключается в информативном содержании публикаций о правонарушениях в сфере охраны водных биологических ресурсов. Это будет способствовать формированию у населения уверенности в недопустимости посягательства на водные биологические ресурсы и неотвратимости наказания.

Оглавление

Андреев В.Л. Состояние преступности в Краснодарском крае и меры по ее предупреждению.....	3
Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика России: кризис или становление новой модели.....	8
Кузнецов А.П. Обязательные работы в международном уголовном праве.....	25
Наумов А.В. Почему из международного уголовного права «исчезли» предмет и метод его науки?	34
Рарог А.И. Перспективы обособления медицинского уголовного права.....	40
Иван Д. Милич. Где отбывают тюремное заключение самые опасные заключенные в Республике Сербия?	44
Сретен Югович, Дане Субошич. Организация полиции в Республике Сербия.....	50
Бавсун М.В., Попов Д.В. Поиск концепции уголовного закона в условиях реализации принципа гиперопределенности как основного критерия его развития.....	63
Безручко Е.В. К вопросу об уголовной ответственности за торговлю людьми.....	69
Вишневецкий К.В. Моделирование детерминации виктимности.....	72
Воронин М.Ю. Высокотехнологичная преступность: вызов обществу и государству.....	87
Гаврилов Б.Я. Влияние «административного» фактора регулирования преступности на формирование уголовной политики и меры по его преодолению.....	94
Генрих Н.В. Криминализация общественно опасных деяний как фактор формирования культуры.....	105
Григорьев В.Н. Оптимальность нагрузки на судебную систему как элемент культуры противодействия преступности.....	113
Гришко А.Я. Противодействие экстремизму: уголовно-исполнительный аспект.....	118
Иванцов С.В. Предупреждение преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, как система.....	121
Игнатов А.Н. Симулякры антикриминальной деятельности... ..	127
Иногамова-Хегай Л.В. Современный международный терроризм.....	132
Карнаушенко Л.В. Проблема репрезентации уголовного права в правосознании россиян.....	137

Козаев Н.Ш. Некоторые вопросы обеспечения информационной безопасности уголовно-правовыми средствами...	143
Комаров И.М. Современные представления о «цифровой» криминалистике и некоторые тенденции ее развития.....	149
Лозовский Д.Н. К вопросу о криминалистической профилактике преступлений, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств.....	155
Пихов А. Х.-А. Подготовка сотрудников полиции для противодействия транснациональной преступности.....	158
Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Репрессивная уголовная политика: содержание и пределы.....	162
Руденко А.В., Балугина Т.С. Способ совершения как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота земельных участков.....	177
Румянцев Н.В. Некоторые вопросы современного состояния деятельности органов МВД России и уголовно-исполнительной системы по противодействию экстремизму и терроризму.....	182
Самойлов С.Ф. Опровержение идеологии радикальных направлений ислама в деятельности сотрудников полиции по профилактике проявлений экстремизма среди верующих мусульман.....	188
Третьяков В.И. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности.....	198
Шевелева С.В., Цуканов А.Н. О новеллах уголовного законодательства в 2019 году.....	202
Абрамкин А.Д. Уголовная ответственность в сфере прокьюремента в России и Канаде.....	208
Аведян А.А. Профессиональная культура и компетентность сотрудников ОВД как девикутимологический фактор.....	212
Акопов С.М. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как основа правоприменительной деятельности в процессе квалификации мошенничества: проблемы полноты и системности правовых предписаний.....	217
Алборов Р.Д. Реализация уголовной ответственности за незаконный оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции в России: вопросы теории и правоприменительная практика.....	223
Антонов А.Н. Следственная группа ООН по ИГИЛ (ДАИШ) как отражение современного подхода ООН к организации и проведению расследований международными специалистами.....	229

Ациева Э.А. Международные модели правового регулирования заемного труда.....	235
Бадалов А.Э. Проблемы полноты и системности положений постановления Пленума Верховного Суда России «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях».....	239
Балмагамбетова В.М. Правовая политика стран Европейского пространства высшего образования в условиях мирового образовательного рынка.....	245
Барабанов Н.Б. Вопросы производства отдельных оперативно-розыскных мероприятий в контексте уголовно-процессуального законодательства	249
Баранчикова М.В. Особенности объекта неосторожных преступлений, совершаемых несовершеннолетними.....	254
Бархатова Е.Н. Предмет преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ: коллизии уголовно-правовых и гражданско-правовых норм.....	260
Бачурин С.Н. Краткий обзор действующего законодательства Республики Казахстан по вопросам возмещения вреда, причиненного в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, и потерпевшим от преступлений....	264
Бикмашев В.А. Уголовно-правовой аспект нарушения правил безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта.....	272
Бимбинов А.А. Понятие медицинских преступлений.....	276
Буданова Е.А., Польшиков А.В. Уголовно-правовые меры борьбы с уклонением от административного надзора.....	280
Буз С.И. Особенности корыстной мотивации преступлений в сфере экономики.....	286
Воронин В.Н. Социальная обусловленность уголовно-правового запрета на незаконное осуществление медицинской или фармацевтической деятельности (ст. 245 УК РФ).....	290
Галым Ф.Г. О некоторых проблемах соблюдения сроков давности привлечения лиц к административной ответственности в деятельности местной полицейской службы.....	293
Горбач В.Н. Особенности отдельных обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании необоснованного отказа в приеме на работу или необоснованного увольнения лица, достигшего предпенсионного возраста.....	298
Грибанов Е.В. Технологии предупреждения преступлений в малых социальных группах.....	303

Густова Э.В., Хисматова А.Р. Установление уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием искусственного интеллекта.....	314
Данилов Д.Б. Особенности преодоления конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации преступлений в сфере охраны имущественных прав на недвижимое имущество...	318
Данильян А.С., Башинская И.Г. Проблемы практики применения норм уголовного законодательства в части освобождения от ответственности за незаконный оборот наркотиков.....	322
Догузова О.Р. Дифференциация уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма совершенное в отношении критически важного объекта.....	329
Евтушенко И.И. Вопросы квалификаций хищений электронных денежных средств и хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа.....	333
Жеребченко А.В., Завьялов И.А. Развратные действия (ст. 135 УК РФ): отдельные проблемы правового определения и профилактики.....	338
Зайцев А.А., Смолин А.В. Проблемы взаимодействия со средствами массовой информации при раскрытии и расследовании преступлений.....	346
Закаляпина Л.А. Экономическая преступность в городах-курортах России: криминологический анализ в новых геополитических условиях.....	352
Зинеева И.Н. Преступления, связанные с нарушением правил охраны водных биологических ресурсов: классификация и меры предупреждения.....	359

Научное издание

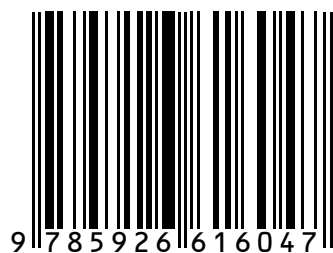
**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Материалы
Международной научно-практической конференции
(20 сентября 2019 г.)

Том I

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1604-7

Подписано в печать 03.12.2019. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 21,4. Тираж 150 экз. Заказ 864.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128